

Пирогов Николай Иванович

Севастопольские письма и воспоминания

Н.И. Пирогов

"Севастопольские письма и воспоминания"

СОДЕРЖАНИЕ:

- 1) Севастопольские письма - стр. 2
(письма к А.А. Пироговой и К.К. Зейдлицу) - стр. 82
- 2) Из отчетов о действиях сестер - стр. 100
(Сестер Крестовоздвиженской общины)
- 3) Исторический обзор действия
Крестовоздвиженской общины сестер попечения - стр. 105
- 4) Письма к Е.М. Бакуниной - стр. 119
- 5) Воспоминания о Крымской войне - стр. 128
из "Начал... военно-полевой хирургии"
- 6) Из Отчета о войне 1870 г. - стр. 164
- 7) О "Крестовоздвиженской общине" - стр. 178
- 8) Из "Военно-врачебного дела" - стр. 189
- 9) Из письма к И. В. Бертенсону - стр. 191

Севастопольские письма

Мы, русские, не должны дозволить никому переделывать историческую истину. Мы должны истребовать пальму первенства в деле столь благословенном и благотворном и ныне всеми принятом [женская помощь раненым на театре войны. Наши женщины] должны занять место в обществе, более отвечающее их человеческому достоинству и их умственным способностям. До сей поры мы совершенно игнорировали чудные дарования наших женщин".

Н. И. Пирогов (1876 г.)

Даты даны по старому стилю.

1. ПИСЬМА К А. А. ПИРОГОВОЙ 1

№ 1.

[18]54. Октября 29. Пятница [Москва]2

Милая Саша, пишу тебе от Лизы,³ которая собирается в С.-Петербург, но которой я отсоветываю; не знаю, послушается ли. Н. П. Волков, спасибо ему, распорядился прекрасно, так что тарантас уже нанят и я сегодня же часов в 7-8 вечера отправляюсь далее с Сохраничевым. ⁴ Поблагодари от меня г. Волкова. Отъезжаю от Иноземцева,⁵ отобедав у Павла Петровича. Дорогу, слава богу, сделали порядочно и чрезвычайно спокойно в семейном отделении. Один болтун только, который, несмотря на свои 50 лет, толковал только о девках и пакостях, надоедал мне по милости Витгенштейна,⁶ который его затащил к нам.

Прощай, береги себя, будь здорова, целую детей. Благословляю и целую вас всех. Твой.

1. Письма Н. И. Пирогова (в дальнейшем: П.) к жене, Александре Антоновне, за 1854-1855 гг. сверены для наст. издания с дошедшими до нас подлинниками; некоторые разночтения отмечены в примечаниях; письма печатались отдельными изданиями два раза: в 1899 г. под наблюдением А. А. Пироговой (со значительными сокращениями, искажениями текста, произвольными вставками) и в 1907 г., под редакцией Ю. Г. Малиса, в дополненном виде, с ошибками и неточно. Как трудно досталась П. возможность поехать в Крым для помощи родной армии, рассказано в его письме к баронессе Э. Ф. Раден от 27 февраля 1876 г. В Госуд. Центр. архиве Военно-Морского флота сохранилась копия заявления П. на имя военного министра (пересланная им генерал-адмиралу) об отправлении его в Крым в связи с военными действиями.

2. Порядковая нумерация писем принадлежит редакции. Первое письмо сохранилось в подлиннике (ВММ, № 15615). Написано на листке малого почтового формата (одна страница). Воспроизведено автотипически в книге: Н. И. Пирогов. Севастопольские письма (изд. 1907 г.), в сб. "Пирогов и его наследие-Пироговские съезды" (П., 1911, стр. 49). При письме-конверт с адресом: "Ее превосходительству Александре Антоновне Пироговой, В. Шестилавочной, на углу 9 роты, в доме Лонгинова. В С.-Петербурге". На конверте почтовая печать - копотью: "10 коп. за лот. 1 коп. за конв."

Александра Антоновна - вторая жена П., урожд. баронесса Бистром (1828-1901); по своим родственным связям была близка к придворному кругу мистиков и к правящим либеральным кругам. П. женился на ней 7 июня 1850 г. Детей у них не было. Первым браком П. был женат на Ек. Дм. Березиной (с 11 декабря 1842 г.; род., приблизительно, в 1822г., ум. 19 января 1846 г.). От Березиной были у П. два сына: Николай (1843-1891) и Владимир (1846-1914); первый имел двух дочерей (Мазирову и Гершельман), второй - бездетный. Личная характеристика А. А. Пироговой, рассказы крестьян с. Вишня об отрицательной роли ее в жизни мужа - в воспоминаниях современника последних лет жизни П. - Н. Мельникова.

3. Елиз. Ант. Арцыбушева-старшая сестра А. А. Пироговой. Упоминаемый ниже Павел Петрович-ее муж.

4. Вас. Степ. Сохраничев (1810-1854)-врач; погиб в Севастополе от тифа. О нем и о других лицах, упоминаемых в тексте и в комментариях, см. по Указателю имен.

5. Фед. Ив. Иноземцев (1802-1869)-известный практический врач; профессор хирургии в Московском университете; товарищ П. по Юрьевскому (Дерптскому) профессорскому институту (1828-1833) и по заграничной подготовке к профессуре (1833-1835). О нем - у В. Э. Салищева

6. Ник. Петр. Витгенштейн (1811-1867)-сын фельдмаршала П. Х. Витгенштейна (1768-1842), участника Отечественной войны 1812 г., товарищ П. по Юрьевскому университету.

№2.

Среда. 2 ноября [1854 г.]. Харьков. 11 часов вечера¹

Только что сейчас приехали и чрез два часа уезжаем. Дорога от Курска, двести верст, ужаснейшая: слякоть, грязь по колени, но вчера сделался вдруг вечером мороз при сильнейшем ветре, так что зги не было видно, и мы принуждены были остановиться на 5 или 6 часов на станции в одной прегадчайшей комнате. Я еще не брился, не мылся и не переменил белья с Петербурга. Все, слава богу, здоровы и веселы; у Обермиллера,² была нога стерта, так что чуть рожа не прикинулась; у Калашникова мальчики в глазах прыгали; но все это миновалось. Прощай, душа, целую тебя; теперь напишу уже из Севастополя [...].

Твой навсегда.

1. Подлинник письма No 2-в ВММ (No 15616), на одной странице.

2. Ал. Леонт. Обермиллер (1828-1892); по окончании в 1853 г. МХА поступил ординатором в ВСХГ, где работал под руководством П.; вместе с П. отправился в Севастополь; встречался с П. на театре войны в 1877-1878 гг. Сохранился фотографический снимок, где О. изображен с П.; на обороте снимка-надпись П.: "Ученику и другу на память 1877 г. января 22. Да будет незабвенно" (ВММ). В 1927 г. проф. И. И. Греков приобрел у наследников Обермиллера 15 писем П. к нему за 1855-1880 гг. ("Вестник хирургии...", 1927, т. X, No 28-29, стр. 335 и сл.). Местонахождение их неизвестно.

3. Лекарский помощник Калашников-давнишний сотрудник П. по МХА; сопровождал его в научной поездке на Кавказ (1847). В Приложениях печатается письмо П. от 19 февраля 1851 г., относящееся к Калашникову.

No 3.

Екатеринослав. Пятница. 6 ноября ;[1854 г.] 12 часов утра¹

Наконец дотащились до Екатеринослава. Дорога от Курска, где шоссе прекратилось, невыразимо мерзка. Грязь по колени; мы ехали не более 3 и даже 2 верст в час, шагом; в темноте не было возможности ехать, не подвергаясь опасности сломить шею, и потому мы принуждены были оставаться по 6 часов на станции, покуда темнота проходила. Нас застал на дороге около Белгорода жесточайший ураган, который был также, как я слышу, и в Севастополе.²

Не знаю, когда-то доедем; грязь и здесь ужаснейшая. Мы едем трое в тарантасе. Калашников с вещами в телеге следует позади; ось у телеги переломилась, ее подлец ямщик навел, я думаю, нарочно на сугроб и свалил в канаву. Мы до сих пор все, слава богу, здоровы. Здесь надобно купить кое-что и именно большие мужицкие или охотничьи сапоги; говорят, что в Крыму несосветимая грязь.

Что ты делаешь, моя душка, здорова ли, здоровы ли дети? Целую вас всех всякий день заочно. Прощай. Кланяйся Маше³ и всем нашим. Теперь напишу уже из Севастополя.

Погода переменчива; вчера было так тепло, что я уже хотел вынуть шинель, а сегодня опять холодно. Надобно сказать Антонскому,⁴ что почты между Харьковом и Екатеринославом в самом жалком состоянии. Вчера мы на одной станции взяли курьерских лошадей; не нашли ни смотрителя, ни помощника, ни ямщика, подорожную не вписали в книгу, прогонов не заплатили, потому что некому было платить, и уехали (эта станция называется Константиноград) [...].

Прощай еще раз. Целую тебя и детей.

1. Подлинник письма No 3 - в ВММ (No 15617), на двух страницах; конверт как все другие.

2. Ураган 2 ноября 1854 г. разразился также на Черном море, где причинил огромный ущерб вражескому флоту. См. Н. Ф. Дубровин. Материалы (вып. V, стр. 7 и сл.). Ср. "Журнал экспедиции" П. (стр. 14 и сл.).

3. Мария Ант. Быкова (по второму мужу) - младшая сестра А. А. Пироговой.

4. Антонский - почт-директор Новороссийского края, в составе которого числилась Екатеринославская губ.

No 4.

14 [ноября 1854 г.]. Севастополь. Воскресение¹

Приехал в Севастополь 12 числа и спешу тебя уведомить, милая Саша, что, слава богу, жив и невредим. Подробное письмо начал было писать вчера, но не успел окончить; завтра едет фельдгегерь, а мне некогда; с 8 часов утра до 6 часов вечера остаюсь в госпитале, где кровь течет реками, слишком 4000 раненых. Скоро поеду в Симферополь навстречу сестрам милосердия²; устал, лежу и пью чай; погода сегодня, как в августе или в конце июля у нас, но зато вчера целый день шел дождь. Через несколько дней ты получишь первый отчет, который и сообщишь Здекауеру для прочтения моим однокорытникам.³ Слышится треск бомб и ядер, к вечеру, но не слишком часто. Дела столько, что некогда и подумать о семейных письмах.

Чу, еще залп; но мы в безопасности: остановились в бастионе No 4 Северной стороны. 4

Не сердись, душка, что пишу мало, но скоро получишь целую кучу любопытных известий и о дороге и о нашем пребывании. Я выезжаю утром в 8 часов на казацкой лошади в госпиталь и возвращаюсь весь в крови, в поту и в нечистоте в 4, 5 и 6 часов вечера. Целую тебя, прижимаю к сердцу. Поцелуй детей; скажи себе и им, что муж и отец думает об вас и за 2000 верст.

Прощай, моя душка.

1. Подлинник письма No 4-в ВММ (No 15618), на одной странице; конверт-с обычным адресом; письмо помещается здесь под No 4 ввиду того, что письмо No 5, начатое 12 ноября и законченное также 14 ноября, отослано позднее.

Вот что сообщает о приезде П. в Севастополь современник-врач:

"В это критическое время явился к нам из Петербурга академик Николай Иванович Пирогов с десятком избранных им самим сведущих хирургов. Не успев познакомиться с санитарными учреждениями в самом городе, он принялся водворять порядок на Северной стороне. После сортирования раненых отправлен был огромный транспорт больных в Симферополь и прекращена была транспортировка раненых из нашего временного госпиталя, чрез что открылась возможность уложить по местам всех раненых и заняться поданием помощи страдальцам. Прибывшие хирурги вместе с военными врачами принялись деятельно за работу и вскоре все больные были перевезены и успокоены... По приведении в порядок местного госпиталя на Северной стороне профессор Пирогов принялся за организацию санитарных учреждений в самом городе. Приняв в свое ведение от медицинского инспектора Черноморского флота первый перевязочный пункт, он первым делом стал заботиться, чтоб дать большой простор раненым и сохранить по мере возможности чистый воздух в комнатах. Для этой цели кроме дома Благородного собрания в городе заняты были все казенные здания и более удобные дома частных жителей, где прежде помещались одни только второстепенные перевязочные пункты. Теперь занята часть Николаевской батареи, дом Инженерного ведомства, Екатерининский дворец и купеческие дома - Орловского, Гущина и других, где можно было поставить от 30 до 50 и более коек.

С профессором Пироговым явились в то время в Севастополь лучшие молодые хирурги, а именно: Беккерс, Обермиллер, Каде, Реберг, Пабо, Хлебников, Тарасов, Тюрин, Сохраничев и опытный фельдшер Калашников. Все они занимались в главном перевязочном пункте и заведывали ранеными во вновь открытых отделениях, навещая в то же время и больных на Северной стороне. Наш временный госпиталь посетил Николай Иванович по водворении порядка в городе. Он нашел у нас много неправильностей, как в лечении ран, так и в содержании больных, указав меры к исправлению; но никого из своих ассистентов не назначил для надзора за пользованием больных и раненых. Даже добровольные наши сестры милосердия не были заменены подготовленными сестрами Крестовоздвиженской общины, явившимися к нам в Севастополь в конце ноября. Один только десмургист (Десмургия-отдел практической медицины, изучающий наложение повязок.) Сохраничев заходил изредка к нам в госпиталь и показывал, как нужно налагать по новому способу гипсовые повязки на сложные переломы" (У л ь р и х с о н, стр. 130 и сл.).

2. Сестры милосердия - медицинские сестры Общины, присланные в Крым для оказания помощи больным и раненым воинам и самоотверженно работавшие на театре

войны под непосредственным руководством П. О сестрах и их деятельности - в дальнейших письмах и других документах наст. издания. В Приложениях приводится сводный список сестер, работавших в Крыму под руководством П. - см. отдельно ldn-knigi.narod.ru)

3. Ник. Фед. Здекауер (1815-1897); в некоторых письмах П. называет его Дздекауер) - с 1839 г. ординатор ВСХГ; после перехода в 1841 г. П. в МХА сблизился с ним. Считая себя учеником великого хирурга, Здекауер писал: "Был приглашен в нашу академию на новую кафедру госпитальной хирургической клиники и патологической анатомии известный тогда уже своими классическими сочинениями по хирургии и анатомии гениальный профессор Н. И. Пирогов. Он вскоре стал заведовать всеми вскрытиями по госпиталю. К нему поступали на секцию (вскрытие) и умершие в моем отделении больные, с весьма подробными историями болезней и вначале не редко проблематическими диагнозами, которые тотчас обратили на себя его внимание.

Так как я присутствовал при всяком вскрытии, то мне не трудно было сообщить подробный и правдивый перечень прижизненных функциональных расстройств и объективных явлений, но только мои заключения о значении последних и связи их с органическими расстройствами далеко не всегда были верными. При этих проверках мы скоро познакомились, и строгий разбор моих ошибок, с указанием причины, отчего они произошли, сделался для меня драгоценным источником хотя медленного, но основательного усовершенствования не столько в диагностической технике, которую я себе давно усвоил, сколько в умении узнавать известные органические расстройства по выдающимся при них группам объективных признаков и функциональных расстройств. В этом направлении и я имел счастье быть учеником Пирогова. При этих взаимных поверочных занятиях, продолжавшихся более двух лет, завязалось не только близкое знакомство, но и более тесная дружба между нами, я сделался домашним врачом у Пироговых и оставался таковым до отъезда его из Петербурга" (Н. Ф. Здекауер. Записки, стр. 131 и сл.). Сблизение с П. привело Здекауера к участию в кружке врачей, образовавшемся в 1843 г. при МХА и носившем имя великого хирурга (Пироговский фереин). З. был секретарем кружка и впоследствии опубликовал несколько тщательно записанных им научных сообщений П. "Однокорытники" участники кружка.

4. Бастион No 4 Северной стороны знаменит в истории обороны Севастополя героизмом своего личного состава. Севастополь расположен по обеим сторонам большой бухты, которая разделяет город на две части - Северную и Южную стороны. Последняя, в свою очередь, делится на две части глубоко врезающейся узкою Южною бухтою, расположенною недалеко от входа в севастопольский рейд, перпендикулярно к Большой бухте: на Городскую сторону, к западу от Южной бухты, и на Корабельную сторону, к востоку от Южной бухты.

No 5.

12 [-14] ноября. Пятница. 1854. Севастополь

(Подлинник письма No 5-в ВММ (No 15619), на четырех страницах; конверт-с обычным адресом. Описание поездки из Петербурга в Севастополь и состояния дорог в Крыму в этом и следующих письмах П. включено в "Хрестоматию" Ковалевского (стр. 70). Свой приезд в Севастополь П. описал также в "Началах" (см. ниже).).

Слава богу, здоровый, следовательно живой, прибыл сегодня в 12 часов утра в Севастополь. Как был, так и есть; такой же точно, как выехал из Петербурга, нисколько не переменялся, тебя люблю по-прежнему; как? - ты это сама знаешь.

Ты, я знаю, милая Саша, была бы довольна и этим одним известием, но есть люди, которые мешаются в чужие дела и хотят непременно знать, как и что и почему и тьму подробностей, для тебя вовсе незанимательных. Я думал-думал, как бы угодить этим господам, а не угодить нельзя добрым людям.

Тем предисловие кончается; я дремлю после реброкрушительной прогулки по Бахчисарайскому шоссе и засыпаю.

13 ноября. День моего рождения, о чем я вспомнил только сегодня, т. е. 14 ноября.

14 ноября. Пишу, милая Саша, не для тебя одной, а и для других добрых людей, а, главное, и для себя, может быть. ("И для себя" - следовательно, П. имел в виду использовать свои письма из Севастополя для обобщенного очерка о Крымской войне. Часть текста классических "Начал" основана на этих письмах.).

Дорога от Курска до Севастополя есть ряд мучений для того, кто находится в приятном заблуждении, что дороги назначены для уменьшения пространства и времени в житейском сообщении. Я рассматриваю их, как особенный род сотрясения, полезного для моих кишек, и потому отношу поездку в Севастополь осенью и преимущественно в военное время к превосходной гимнастике брюшных внутренностей. Толчки, перегибы перекаты и тьма других телодвижений, конечно, не вовсе безызвестных (После этого: "петербургским" (зачеркнуто).) жителям Гороховой и Вознесенской, встречаются здесь в таком мифологическом объеме, что, наконец, понятие о ровном месте начинает делаться чем-то вроде мифа.

Тарантас наш оказался образцом прочности; однако же и он, благодаря усилиям ямщиков нас опрокинуть, не устоял и, свалившись в одну прекрасную ночь на бок в канаву, треснул.

Трещина, которая могла бы наделать нам множество хлопот, к счастью, обнаружилась в Екатеринославе [...].(Старое название города Екатеринослава (ныне Днепропетровск); встречается у П. и общепринятое начертание, без буквы "л".)

Харьков в отношении образованности, несмотря на то, что университетский город, стоит, по моему мнению, гораздо ниже Екатеринослава. Харьковский аптекарь [...], немец, несмотря на мое письменное приглашение и выгодную перспективу сбыть с рук свой материал, не явился, отговариваясь тем, что он не хочет; это уже, очевидно, переход к восточной беззаботности.

Смотритель Харьковской станции сделался вежливым только после многих уверений, что я знаком и даже несколько сродни Антонскому. Тарантас, исправленный совестливо в Екатеринославе, обязан своею трещиною именно харьковскому ямщику, а телега, нагруженная нашими чемоданами и фельдшерами, едва совершенно не развалилась от быстрого переката с сугроба в ров, едва ли учиненного не с умыслом также харьковским ямщиком.

С тех пор участь этого экипажа сделалась и продолжает быть для нас предметом постоянных забот и тревог [...].

После телегокрушения за Харьковом мы должны были расстаться с Калашниковым. Этот ревностный чиновник решил принести жертву науке и человечеству и, подвергнув себя разлуке с нами и всем опасностям одиночного странствия в краю неизвестном и беспутном, принял начальство над разломанной телегой и ее содержимым с твердым намерением или умереть или доставить все в настоящем виде в Севастополь. Сказано - сделано [...].

Расставшись с телегой, мы думали долететь мигом до Севастополя, но не тут-то было. Если станции и дороги между Курском и Харьковом были плохи и мало способствовали к продолжению пути, то между Курском и Екатеринославом они сделались чисто непреодолимым препятствием к достижению этой цели.

Трудно решить, в ком более должно искать причины: в черноземе ли, расплывшемся от дождей в какую-то клейкую жижу, или в станционных смотрителях и в содержателях станций. Одно скажу только положительно, что если Антонский почитает почтовое управление в Новороссии достигшим под его надзором хотя некоторой степени не то что совершенства, а просто только одной сносности, то он жестоко ошибается [...].

Но б.

Севастополь

24 но[ября 18]54 г.

(Подлинник письма No 6-в ВММ (No 15620), на двух страницах; конверт не сохранился. Верхняя половина 1-й страницы (3 абзаца) перечеркнута карандашом; над датой

пометка А. А. Пироговой: "для меня"; часть перечеркнутого не включена в изд. 1899 г.; в других случаях не включалось все перечеркнутое.).

Еду сегодня в Симферополь, дня на четыре, посмотреть на госпиталь и узнать о сестрах милосердия, которые должны на днях явиться.

Не знаю, отчего ты еще не получила моих двух писем с дороги: из Харькова и Екатеринослава.

В Харькове я отдал с рук на руки станционному смотрителю, в Екатеринославе-отослал на почту; оба письма в казенных конвертах. (Имеются в виду письма No 2 и 3;).

Все твои письма до шестого, от 13 ноября, получил; вижу, что ты, моя душка, не совсем благоразумно переносишь разлуку.

Господь с тобой, утешься; ведь ты знаешь хорошо, что с тобой ли, без тебя ли, я все-таки тебя люблю больше всего на свете. Так о чем же грустить [...].

Вместо меня ограничься покуда детьми, а там посмотрим [...].

Когда я ворочусь, неизвестно, но разумеется, что не буду медлить ни минуты, чтобы утешить тебя. Говорят, что они скоро будут бомбардировать, другие говорят, что будут зимовать; короче, здесь так же мало знают, как и в Петербурге.

Я начал писать журнал моей экспедиции и посылаю тебе первые два листка; (Журнал экспедиции П.- здесь, вслед за наст. письмом.) кто интересуется, как, например, Здекауер, Глазенап, (Богд. Ал. Глазенап (1811-1892)-один из близких друзей П.; ученый моряк, писатель, госуд. деятель; в 1826-1829 гг. участвовал в кругосветном плавании на шлюпе "Сенявин" под командой Ф. П. Литке; жена его-Эмилия Ант. (у П.-Емилия), дочь морского министра (1827-1836) А. В. Моллера (1764-1848), и ее брат-художник Фед. Ант. Моллер (1812-1875), автор одного из лучших портретов Н. В. Гоголя- также близкие друзья П. Через них поддерживались отношения П. с либеральным правящим и придворным кругом вел. кн. Елены Павловны и вел. кн. Константина Николаевича. В 1854 г. Глазенап был директором Морского корпуса в чине контр-адмирала, числился в свите царя, участвовал в организации отпора неприятельскому флоту на Балтийском море. В неизданном дневнике Г. за 1851 г. много записей о встречах с П. и его женой (Центр. Историч. архив. Ленингр. отд. Фонд 1402, No 21. См. книгу: "Архивы СССР", Л., 1933, стр. 44 и сл.) можешь им дать прочесть. Для тебя же должно знать, что я едва управляюсь с делом и возвращаюсь вечером усталый и потому журнал мой пишу отрывками. Покуда здесь спокойно; от времени до времени слышится канонада, особенно ночью, когда мешают работам; ядра до нас еще не долетают, а много, много если падают в бухту.

Матросы и солдаты убеждены, что Севастополь не будет взят, но все покрыто мраком неизвестности; но только известно и очевидно, что раненые валяются, как собаки, и долго, долго нужно хлопотать, пока их сколько-нибудь приведут в положение, мало-мальски сносное.

Я в Симферополе оставляю мой чемодан и все тяжелое; останусь там дней пять и более.

Поцелуй и благослови детей; прощай, моя душка, не грусти, ради бога, а то ты и на меня грусть наведешь; а покуда я доволен хотя тем, что моя поездка не без пользы. Все четыре врача прибыли, и мы восемь человек живем покуда вместе в 2 комнатах.

Целую, обнимаю, прижимаю к сердцу тебя и детей.

[Журнал моей экспедиции]

(Приложено к письму No 6; подлинное на четырех страницах; вначале - ни заглавия, ни обращения.).

Жестокий ураган 2 ноября, наделавший много бед нашим неприятелям, не пощадил и нас; он нас застал на дороге в темную ночь, и мы думали, что конец приходит нашему тарантасу. Представь себе клейкую вязкую грязь по мышцелки, темную ночь и вихорь такой, что на ногах не устоишь. Мы рады, рады были, что добрались шагом, делая по четыре версты в час, наконец, до какой-то лачуги, названной почтовым департаментом станционным домом, с разбитыми окнами, с одной грязной конурой и пьяным смотрителем. Здесь (Дальше много зачеркиваний; зачеркнутое повторяется иногда в последующем изложении;

перестановка слов и т. п.; в общем рукопись имеет вид произведения, подготовляемого к опубликованию или к сообщению в заседании.) мы должны были, сидя, провести почти целую ночь.

Но все это еще было золото в сравнении с тем, что нас ожидало в самом Крыму; здесь, переехав в Перекопе через Днепр, наше путешествие началось с того, что мы засели с шестеркой лошадей в грязь и просидели бы в ней без сомнения целую ночь (выехав со станции около 4 часов), если бы один благодетельный хохол, ехавший порожнем, не взмилдовался над нами и не впряг пару волов; круторогие дернули и вытянули разом и тарантас и голодную шестерку.

В Перекоп мы приехали уже ночью и, чтобы отдохнуть от грязи [...] отправились в гостиницу. При входе в нее, едва не утонув в огромной луже, мы нашли дверь запертой на замок. Когда дверь после различных и долговременных усилий с нашей стороны наконец отворилась, мы вступили в огромный запачканный сарай, посередине которого стоял не менее запачканный биллиард; на стенах смелая кисть какого-то иностранного артиста изобразила Минина и Пожарского.

Содержатель гостиницы, грек, уверял, что он может нас угостить прекрасным ужином; это обещание так одушевило моего спутника г. Сохраничева, что он заказал бифштекс из говяжьего филе, желая, чтобы он непременно был взят из края и приготовлен по всем правилам искусства. Грек не только обещал удовлетворить этому смелому гастрономическому порыву чувств, но еще предлагал пирожки, борщ и вино-выморозки такого чудесного качества, что во всем Крыму ему не было подобного.

Мы уселись в приятном ожидании у окна, открывавшегося в буфет, и вскоре мужик из Владимира в изорванном архалуке с всклокоченной бородой и с плутоватой усмешкой, называвший себя маркером, подал нам через это окно несколько кусков говядины, принадлежавшей некогда какой-то, только уж никак не филейной, части быка, пару пирожков, весьма сходных с резиновыми калошами, и бутылку знаменитых выморозков. К нашему счастью, следствием этого ужина было только урчание в животе и изжога.

По мере того, как мы приближались к месту, обратившему на себя внимание всей Европы, исчезало всякое различие между обыкновенными и курьерскими лошадьми и, наконец, за Симферополем кончалось обидное неравенство едущего по своей надобности и фельдъегерем. Все едущее вперед и назад, наконец, остановилось на станции в Бахчисарае, и почтовая дорога сделалась непреодолимым препятствием к достижению Севастополя, так что шестьдесят верст между двумя этими городами нужно было ехать целые 2 суток.

В Бахчисарае я встретил на дороге Шеншина, (Ник. Вас. Шеншин (1827-1858) полковник, флигель-адъютант Николая I; послан в Крым для собирания сведений о ходе военных действий.) которому главнокомандующий [А. С. Меншиков] дал поручение осмотреть и организовать временные госпитали в Бахчисарае и в Симферополе, объявив ему, что он отдал приказание Херсонской комиссии заготовить все нужное для их обзаведения, и прибавив между прочим в своей инструкции, что о следствиях этого поручения Шеншин должен дать отчет не ему, а министру, (Рассказ Шеншина, по возвращении из Крыма, о действиях главнокомандующего князя А. С. Меншикова (1787-1869) произвел в придворных и правящих кругах крайне плохое впечатление. Отзывы П. о Меншикове, как о бездарном главнокомандующем, - в наст. "журнале" (стр. 19 и сл.) и в других письмах к жене (особенно No 20, стр. и по Указателю). В некоторых случаях П. пишет: "Меншиков". Морским министром, вернее главой морского министерства был в звании генерал-адмирала вел. кн. Константин Николаевич. "Слухи об Меншикове неутешительны, - записала в своем дневнике, одновременно с записью в журнале" П., сестра славянофилов В. С. Аксакова, жившая тогда под Москвой. - Из Севастополя пишут, что он совершенно потерялся и хотел бросить и город и флот на жертву неприятеля, и если б неприятель напал тогда на Севастополь, он был бы взят без бою... Наши моряки делают чудеса в Севастополе" (17 ноября 1854 г., стр. 6). "В Севастополе, говорят, ужасный беспорядок... многие обвиняют сильно Меншикова" (29 декабря 1854 г., стр. 27). А. Ф. Кони пишет, что "Меншиков был храбр в защите крепостного

права и застенчив с неприятелем".) его же просто только уведомить.

Шеншин, встретившись со мною, воротился в Бахчисарай, и мы пошли вместе осматривать временный госпиталь. Описать, что мы нашли в этом госпитале, нельзя. Горькая нужда, беззаботность, медицинское невежество и нечисть соединились вместе в баснословных размерах в двух казарменных домишках, заключавших в себе 360 больных, положенных на нарах один возле другого, без промежутков, без порядка, без разницы, с нечистыми вонючими ранами возле чистых, в пространстве по благоусмотрительному человеколюбию врача и зрителя, герметически запертых при температуре слишком 18°Р, не перевязанных более суток, вероятно, также из человеколюбия.

Врач и его помощник, один ординатор, оба безответные пешки, торчали тут и служили живым укором сословию и администрации. Шеншин, очевидно, доброжелающий и ревностный, но еще молодой и незнакомый с делом человек, убедившись нашими доказательствами, что он завел нас не в госпиталь, а в нужник, разразился над комиссаром, зашел в сарай, где нашлись спрятанными кухонные котлы, существование которых он признавал недоказанным.

Крикливые угрозы быть разжалованным в солдаты и подлеца опытный в своем деле комиссар съел, не поморщившись, приложив два пальца к козырьку и сказав про себя: "видали мы этаких".

Только в Бахчисарае я начал предвидеть, в каком состоянии найду раненых защитников Севастополя; но все-таки то, что после нашел, превзошло всю меру моих опасений. Отправившись из этого татарского вертограда часа в 4 пополудни, мы доехали кое-как шагом, купаясь в грязи, до Дуванов - последней станции перед Севастополем, нисколько не замечая, что мы приближаемся к театру войны; и если бы отдаленный грохот залпов, от времени до времени доносившийся до нас, не напоминал нам, что вскоре сами должны сделаться деятельными участниками в кровопролитии, то я бы, пожалуй, счел эту прогулку по грязи довольно забавной.

Наконец, в Дуванах оказались первые следы лагерной администрации. Нам отвели ночлег в доме волостного правления, тяготевшего над разбежавшимися теперь татарами. Хозяином этого дома был в настоящее время комиссар, занимавшийся продовольствием войск и устроившийся на своей бивуачной квартире не без комфорта. У него оказались походные кресла, в которых я очень порядочно заснул.

Комиссар был человек, очевидно, опытный и любящий порядок и этикет. Он устроил из бочки форменный стол, покрыв ее доской, а доску-красным сукном [...].

Поутру мы проснулись с мыслью, что находимся в 16 верстах от Севастополя и что наступил последний день наших ожиданий увидеть и услышать собственными глазами и ушами то, о чем мы так много говорили и слышали.

По дороге от Дуванов до Севастополя можно было уже догадаться, что подъезжаешь, или, правильнее, ползешь к месту военных действий...

В вязкой грязи, толкаясь по рытвинам, спускаясь с гор и поднимаясь на горы, тянулись ряды телег и арб, нагруженных сеном, сухарями и ранеными; по 2 и по 4 человека на телегу скучены были раненые защитники Севастополя, отправлявшиеся в Бахчисарай и оттуда в Симферополь, где их ожидала та же самая участь, т. е. быть сваленными на нары и валяться в грязи и нечистоте под наблюдением врачей.

Хотя я и положил себе правилом врученные мне деньги великою княгинею, Комитетом и другими (Великая княгиня - Елена Павловна (1806-1873), вдова младшего брата царя, Михаила Павловича; принадлежала к группе придворных, понимавших необходимость отмены крепостного права; учредительница Крестовоздвиженской общины сестер милосердия, первой в мире организации женской помощи больным и раненым воинам на полях сражения; настояла перед Николаем I на разрешении П. отправиться в Крым, чему препятствовали чиновники военно-медицинского ведомства и интендантства, опасавшиеся разоблачений воровства и неурядиц в госпиталях.

"Комитет" - так наз. "Дамский комитет для помощи семьям воинов"; председательница

комитета передала П. при его отъезде в Крым 1000 руб. для раненых воинов. "Другие" - частные лица, передавшие тогда же, и посылавшие позднее, П. крупные суммы для больных и раненых воинов. В бумагах П. документы по израсходованию таких сумм (ср. письмо к М. Топильскому от 6 марта 1855 г.)

не давать в руки больным, но бесприютное положение транспортирующихся поневоле меня вынудило раздать им по одному рублю серебром на телегу для мелочных расходов.

Около 12 часов утра мы поднялись на гору, и нам представился, наконец, Севастополь во всей красе. Местоположение великолепное. Море и горы. Особливо часть города, известная под именем Корабельной слободы, расположена живописно амфитеатром на горе. Нет сомнения, что нет в целом свете лучше Севастопольской бухты. Широкая (в 11/4 версты), глубокая, извилистая, с крутыми берегами, с изумрудной водой и окруженная со всех сторон горами.

24-28 ноября. Продолжение

(Продолжение "журнала экспедиции" на 6 страницах обычного почтового формата; из них листок в 4 страницы имеет водяные знаки бумажной фабрики "Bath" с короной (в ВММ № 15621); нижняя половина 1-й страницы (текст о главнокомандующем) перечеркнута карандашом; послано при письме от 13 декабря.).

Несмотря на грязь и тряску, я не мог достаточно налюбоваться Севастополем, подъезжая к нему 12 ноября утром. Наконец, наш тарантас остановился невдалеке от квартиры главнокомандующего и великих князей. (Великие князья Николай (1831-1891) и Михаил (1832-1909)-сыновья

Николая I; посланы были в Крым для "подъема духа" в войсках и для получения наград за пребывание на театре войны. В патриотических кругах, даже среди людей, слепо преданных монархическому строю, пребывание сыновей царя на фронте рассматривалось как помеха правильному ведению войны. В. С. Аксакова, в те самые дни, к которым относится сообщение П., писала о великих князьях: "Лучше бы, если б они оттуда уехали: конечно, их должны там оберегать и пожертвуют для спасения их тысячами людей" (16 ноября 1854 г., стр. 5).).

Мы думали сначала отыскивать начальника штаба, чтоб ему представиться, и чуть было уж не поворотили на Сухую балку, где он живет, или, лучше, гнездится с своим штабом, как, к счастью, нам вышел навстречу доктор Боссе и еще один морской врач, высокий, дородный, с важной физиономией, хотя и не без улыбки; я его принял сначала за офицера и не обратил на него достаточно внимания, которое должен бы был оказать собрату. Первою мыслью был притон.

На одной станции перед Екатеринославом встретившийся нам фельдъегерь сообщил, между многими нелепостями [...] две вещи, заставившие нас призадуматься: во-первых, что весь штаб главнокомандующего кочует на открытом воздухе, без палаток, кто как может, иной в тарантасе, другой просто в грязи, а сам главнокомандующий - на пароходе; во-вторых, что другого средства в Севастополе нет передвигать ноги, как напяливши на них охотничьи сапоги.

Основываясь на этом, мы твердо решились не расставаться, во что бы то ни стало, с нашим тарантасом, снабдить его снутри войлоком и клеенкой, а для защиты нижних конечностей купить в Екатеринославле за недостатком охотничьих простые мужицкие сапоги и длинные шерстяные чулки. Так и сделали. Можно вообразить наше удовольствие, когда Боссе вызвался с необыкновенною любезностью нам отыскать квартиру в батарее через д-ра Гейнрихса, знакомого с местностью; и действительно, через полчаса нам были отведены 2 комнаты со сводами в нижнем этаже Северной батареи № 4-й; в этих комнатах лежал раненый генерал Соймонов, умерший от раны в брюхо при деле 24 октября (Фед. Ив. Соймонов (?-1854)-талантливый и храбрый русский генерал; приказом Меншикова был подчинен бездарному генералу П. А. Данненбергу (1792-1872), который парализовал успехи войск С. и других отрядных начальников. Дело 24 октября-героическое наступление русских войск на англо-французские войска, занимавшие выгодные, сильно укрепленные позиции на

высотах Сапун-горы. О героизме С. и других начальников, а также их войск в день 24 октября 1854 г. в исследовании академика Е. В. Тарле-"Крымская война" (т. II, стр. 94 и сл.). Там же - о позорной роли Меншикова и Данненберга в тот день. Отношение общества к роли Данненберга 24 октября выразила В. С. Аксакова в своем Дневнике: "Часто наше храброе войско погибает от непростительной оплошности начальника, как этот Данненберг, который, по его собственному донесению, кругом виноват в той гибели нашего войска, которой они подверглись в последнем деле" (запись 14 ноября 1854 г., стр. 3); в этой же батарее помещались больные и раненые офицеры и - самое важное для нас - возле нашей квартиры была госпитальная кухня; следовательно, и стол наш был обеспечен.

Я тотчас же отправился к начальнику штаба, и высокий, дородный, с важной физиономией, но не без улыбки врач [Таубе] вызвался меня провожать. По дороге, берегом бухты, я увидел с десятков огромных пушек, заклепанных и лежавших на берегу. На вопрос мой, что это такое, врач отвечал, что это следствия недоразумения. Когда неприятель шел от северных фортификаций на юг, то приказание Меншикова не было понято якобы, и пушки эти заклепали и сбросили с батареи в море, думая, что неприятель непременно овладеет батареей и будет ими стрелять по городу. Теперь же, когда это предчувствие не сбылось, то наши ловят свои же пушки в море, вытаскивают и расклепывают. Из этого одного обстоятельства мне стало ясно, что хотя приказаний главнокомандующего и не поняли, но все таки хорошо поняли, что Севастополю не сдобровать, когда бы неприятель занял северные укрепления.

И действительно, все свидетельства очевидцев, и знающих и незнающих дела, в том согласны, что, остановись неприятель на северной стороне города, и он бы просто церемониальным маршем мог взойти в него без малейшего препятствия. Все было в страхе и трепете, а о защите никто не думал. Стоит только посмотреть на Севастополь с северных возвышений и видишь пред собой почти всю бухту с флотом и весь город, как на ладоне. Дурачье не поняли этого, а после хвастались в газете описанием глупого и трудного марша с севера на юг, который спас город. Глупому крику гусей был одолжен Рим спасением, глупому маршу англо-французов Севастополь. Так уж верно угодно богу, что случай и бессмыслие в великих происшествиях назначены играть более важную роль, чем человеческая прозорливость и остроумие.

Зачерпнув раза три полные калоши грязи, я прибыл, наконец, к начальнику штаба, генералу Семякину (Конст. Ром. Семякин (1802-1867) пассивно подчинялся Меншикову, хотя в частных письмах критиковал его неумение распорядиться на фронте.). Он сидел в нагольном тулупе и беседовал с своим врачом, бывшим моим учеником, Гейнрици (Доктор Ал-др Ал-дрович Генрици (1824-?) - ординатор в клинике П. при МХА. О встрече с ним в Севастополе Г. рассказывает в своих "Воспоминаниях о Восточной войне": "У Семякина 11 ноября встретил я моего славного наставника, Николая Ивановича Пирогова, прибывшего в Севастополь с Крестовоздвиженскою общиною сестер милосердия и с корпорациею дельных хирургов для оказывания раненым воинам оперативной помощи, для организации хирургической корпорации и для правильного направления и распределения деятельности хирургов. С тех пор мои поездки в Севастополь имели двойной интерес: после визита ген. Семякину я мог каждый раз провожать Пирогова по госпиталям и присматриваться к заводимым им порядкам и нововведениям, и все, проверенное у него на опыте, мог с пользою применять на передовых перевязочных пунктах. Многие из моих сослуживцев тоже с позиций ездили с тою же целью в пироговские отделения, так что с тех пор наша деятельность на перевязочных пунктах блокадных позиций была живым отголоском взгляда нашего общего наставника".

У него же встретился с Баумгартеном (Ал-др Карл. Баумгартен (1815-1883) - один из дельных и распорядительных командиров русской армии во время Крымской войны; опубликованы дневники Б. за 1853-1854 гг. П. встречался с ним также в связи со своей поездкой на театр войны 1870г.).

Оказалось, что и этого героя я знаю; он меня помнит, по крайней мере, по одной

операции, которую я сделал ему за несколько лет. Поговорив несколько о том, чему нельзя помочь, я хотел было отделаться этим одним визитом и передать мой конверт на имя главнокомандующего начальнику штаба; но он взялся за это и посоветовал мне самому отправиться.

Возвратившись к моему тарантасу, я увидел Обермиллера, объясняющегося с вел. князем Мих[аилом] Николаевичем]. Я должен был также остановиться и отвечать на некоторые вопросы о дороге, раненых, сестрах милосердия и т. п.

В 6 часов вечера нужно было отправиться к главнокомандующему. Свойства окружающих его лиц не безызвестны. Открылось, что и лейб-медик его пришелся по масти. Высокая, дородная, с важной физиономией, но не без улыбки, особа, провожавшая меня к начальнику штаба, был не кто другой, как д-р Таубе, мой старинный пациент и известный мне и целому Дерпту по оригинальному производству экзамена (Врач К.-Б. Таубе (1810-1874) окончил курс в Юрьевском университете в 1837 г., когда П. занял там кафедру хирургии.). Он был казеннокоштный студент Дерпто[кого] университета] и имел необыкновенное отвращение к экзамену на степень лекаря.

Отвращение это дошло до болезненного состояния, обнаружившегося под видом истерики. Когда декан факультета Вальтер, (П.-Ф. Вальтер (1795-1874)-профессор акушерства в Юрьевском университете (1834-1859).) несмотря на все отговорки, приказал педелям доставить Таубе живого или мертвого к себе на дом для экзамена, то его, действительно, привели под руки и, как он объявил, что, сидя, не может экзаменоваться, то его положили на диван, окружили со всех сторон и начали экзаменовать, стараясь от времени до времени освежать упавшие его силы холодной водою. Я никак не мог догадаться, что бледный, как полотно, и изможденный экзаменанд Дерптского университета есть одно и то же лицо с дородным, важным, хотя и не без улыбки, лейб-медиком главнокомандующего сухопутными и морскими силами в Крыму.

В 6 часов вечера я дотащился кое-как до маленького домишка с грязным двором, где заседал главнокомандующий. Едва обо мне доложили, как дверь отворилась, и я стал перед ним, что называется, нос к носу. В конурке, аршина в три в длину и столько же в ширину, стояла, сгорбившись, в каком-то засаленном архалуке судьба Севастополя. У одной стены стояла походная кровать с круглым кожаным валиком вместо подушки; у окна стоял стол, освещенный двумя стеариновыми огарками, а у стола в больших креслах сидел писарь, который тотчас же ушел.

Вот, как видите-с, в лачужке-с, принимаю вас,- были первые слова главнокомандующего, произнесенные тихим голосом; за этим следовало "хи, хи, хи" с каким-то спазмодически принужденным акцентом.

- Пожалуйте, присядьте-с,- продолжал он, подавая мне кресла, еще согретые седалищным мясом писаря, а сам садясь на край кровати,- были вы у меня-с, когда я ребро переломил-с; я никак не могу этого вспомнить-с.

- Был, ваша светлость, но ушел, когда вы только что начали приходить в себя.

Потом он распечатал поданный мною конверт, пробежал его, надел очки, и спросил тем же тихим, беззвучным тоном, видел ли я госпитали на моем пути.

- К сожалению, я видел один,- отвечал я,- но в таком состоянии, что желал бы лучше не видеть его.

- Да-с, было еще хуже-с, 24-го (Имеется в виду сражение 24 октября); мы не знали, что и начать-с, лежали-с на голой земле и под ливнями-с.

Есть два рода оправданий: один - просто врать, а другой- говорить правду, описывая собственную вину как нельзя хуже; выслушав такого правдолюбца, поневоле призадуматься, духа не достанет сказать: да кто же, чорт возьми, виноват, как не ты сам? Это именно я и подумал, слушая, как старик сухо и бесстрастно оправдывался, обвиняя самого себя.

Да, 24 октября дело не было нежданное: его предвидели, предназначили и не позаботились. 10 и даже 11.000 было выбытых из строя, 6.000 слишком раненых, и для этих

раненых не приготовили ровно ничего; как собак, бросили их на земле, на нарах, целые недели они не были перевязаны и даже не накормлены.

Укоряли англичан после Альмы, что они ничего не сделали в пользу раненого неприятеля; мы сами 24 октября ничего не сделали.

Приехав в Севастополь 12 ноября, следовательно, 18 дней после дела, я нашел слишком 2.000 раненых, скученных вместе, лежащих на грязных матрацах, перемешанных, и целые 10 дней почти с утра до вечера должен был оперировать таких, которым операции должно было сделать тотчас после сражения. Только после 24-го явился начальник штаба и генерал-штаб-доктор (Начальником штаба у Меншикова был ген. П. Е. Коцебу (1801-1884), с которым П. встречался в 1847 г. на Кавказе, где К. был начальником штаба у М. С. Воронцова К. - сын немецкого драматурга и политического агента русской правительственной реакции в Германии Авг. Коцебу (1761-1819), убитого студентом Зандом за преследование патриотической молодежи).

Генерал-штаб-доктором действующей армии в Крыму состоял Шрейбер, который раньше был врачом в Чугуевском военном поселении, основанном Аракчеевым и руководимом по его "заветам".); до того, как будто и войны не было; не заготовили ни белья для раненых, ни транспортных средств и, когда вдруг к прежним раненым прихлынуло 6000 новых, то не знали, что и начать.

За кого же считают солдата? Кто будет хорошо драться, когда он убежден, что раненого его бросят, как собаку. Наведавшись о здоровье Сузы, (С. А. Суза - племянница А. С. Меншикова) главнокомандующий спросил и о сестрах милосердия:

- Будет ли-с толк от них? Чтобы не сделать-с после еще 3-го сифилитического отделения в госпитале-с.

- Не знаю, ваша светлость,- отвечал я,- все будет зависеть от личности женщин, которые будут выбраны.

Мысль учреждения, очевидно, хороша и уже практически применена; остается знать, как удастся применение у нас.

- Да-с, правда, и у нас теперь какая-то Дарья (Дарья Александровна-дочь матроса, знаменитая своим самоотверженным, бескорыстным служением больным и раненым в Крымской войне. Оставшись 15-ти лет круглой сиротой, зарабатывала на жизнь стиркой белья. После высадки неприятеля в Евпатории отправилась вслед за нашими войсками к р. Альме. "Когда войска наши, потеряв сражение 8 сентября, возвращались после продолжительной и упорной битвы обратно к Севастополю изнуренными, обессиленными физически и морально, со множеством раненых и изувеченных, истекавших кровью", Дарья "обратилась в сестру милосердия и принялась безвозмездно помогать страдальцам. К счастью, нашелся в ее повозке и укус, и кое-какое тряпье, которое употребила она для перевязки ран... Проходившие мимо нее команды с ранеными являлись к ней, как на перевязочный пункт за помощью, и только тогда прекратилось пособие, когда израсходовались у нее все заготовленные запасы. Таким образом повозка Даши была первым по приходе неприятеля в Крым перевязочным пунктом, а сама она первой сестрой милосердия. Такой человеколюбивый поступок простой девушки на другой же день разнесся по всему Севастополю, стал известен в столицах... Бедная наша сиротка, без роду и племени, из простой Даши сделалась теперь Дарьей Александровной и достойно награждена... Чуткие к патриотическим подвигам наши севастопольские дамы во время бомбардирования города последовали примеру Дарьи Александровны, и многие из них до приезда из Петербурга сестер Крестовоздвиженской общины занимались перевязкою ран в госпиталях и не малую приносили пользу раненым" (Ульрихсон, стр. 114 и сл.).

После войны Дарья вышла замуж за отставного матроса и поселилась в Николаеве. При выходе замуж получила в приданое 1000 р. За деятельность на пользу армии награждена золотой медалью (А. Ф. Погосский, стр. 405 и сл.), говорят, очень много-с помогала-с и даже сама перевязывала-с раненых под Альмой... А что? вы уже приютились?

- Мне уже отвели квартиру, ваша светлость, лучше вашей.

- Хи, хи, хи, хи,- судорожно произнесенное, но с некоторым удовольствием. После этого он начал разбирать кучу писем от пленных, и я, спросив его из учтивости,- признаюсь, не из участия,- о состоянии его здоровья, счел за нужное убраться поскорее из жарко-на жарко натопленной лачужки, встал и откланялся.

- Прощайте-с, мы близко здесь живем друг возле друга-с,- и опять принужденно судорожное: хи, хи, хи...

Так окончилось свидание с провидением Севастополя. Что же это такое? Пуф или правда? Что значит это уединение, это притворное спартанство? К чему жить в лачужке и хвастаться еще этим, когда можно бы жить и в городе и в батарее, где мы теперь живем. Что значит это смирение, эта тихая, прерывистая речь?

По дороге в Севастополь я познакомился с двумя партиями, одна укоряет главнокомандующего, что он не обращает ни малейшего внимания на административную часть, имея в виду только одну стратегическую; к другой принадлежал именно Апраксин, который называл себя дураком за то, что он, оставив жену и детей, вступил опять в службу, и оконтуженный возвращался восвояси.

Апраксин, как кажется, добрый и честный парень, утверждал, что гений Меншикова в тайне prepares огромные планы, что это - величайший полководец, знающий все глубины человеческого сердца, что он один только может спасти Севастополь и что без него все потеряно. Приехав в Севастополь, я, за исключением д-ра Таубе, который nolens-volens (Волей-неволей) должен все хвалить в своем пациенте, кроме его привязанности к Радемахеру, Распайлю и атомистике (Иог.-Г. Радемахер (1772-1849)-немецкий врач-мистик, противник научной медицины, основатель так называемой "здоровомыслящей опытной терапии", которую выводил из алхимии; имел много последователей в кругах аристократии.

Фр.-В. Распайль (1794-1878)-французский химик и врач, изобретатель курьезной лечебной системы, заключающейся в применении камфоры, которая является якобы радикальным целебным средством от всех болезней. Р. был также деятельным участником июльской революции 1830 г. и всех последующих; много сидел в тюрьмах; выпустил впоследствии двухтомное сочинение о преобразовании системы наказаний. О нем: у Герцена- в "Письмах из Франции и Италии", в книге "С того берега" и в других произведениях; у Маркса-в "Классовой борьбе во Франции" и в переписке.

"Атомистика" - лженаучная система лечения, изобретенная лейб-медиком

Николая I, М. Мандтом (1800-1858). В ней было кое-что от гомеопатии; М. также применял лекарства в очень малых дозах. М. утверждал, что некоторые лекарства, как, например, цинковая мазь, от продолжительного растирания приобретают особенную силу. М. изложил свою атомистическую систему в немецкой брошюре о лечении холеры. Николай I велел издать эту брошюру в русском переводе и разослать во все военные госпитали для руководства. Военным врачам приказано было иметь всегда при себе сумки с лекарствами М.; о присылке лекарств М. в Севастополь - дальше. Рассказ П. о том, как М. попал в лейб-медики царя - дальше; и о роли М. в смерти Николая I (там же - о дальнейшей судьбе "атомистики", об участии П. в ее упразднении), узнал только одну партию: ненавистников, к которой незаметно перешел я и сам, посетив бахчисарайский и севастопольский военно-временные госпитали.

Главная квартира, тихая и безмолвная, как могила,- это уже, что ни говори, не по-русски, да и к чему? Людям, у которых жизнь на волоске, скучать вредно. Беззаботность об участии солдат (которых он, говорят, ругает напраполю) и явственное пренебрежение ко всему, что греет и живит, не может привлечь сердца. Возможно ли, чтобы главнокомандующий ни разу не пришел в госпиталь к солдатам, ни разу не сказал радушного слова тем, которые лезли на смерть?

Я видел на Кавказе, что Воронцов (Мих. Сем. Воронцов (1782-1856)-участник Отечественной войны 1812 г. П. видел его на Кавказе во время своей поездки в 1847 г. в действующую армию, где впервые в мире применял на полях сражения эфир как обезболивающее средство при лечении раненых.) приходил сам к раненым, раздавал им

деньги, награды, а Меншиков приезжал только однажды в госпиталь к генералу Вильбуа и не пришел взглянуть, как лежали на нарах скученные, замаранные, полусгнившие легионы, высланные на смерть.

Время покажет, что такое Меншиков, как полководец; но, если даже он и защитит Севастополь, то я не припишу ему никогда этой заслуги. Он не может или не хочет сочувствовать солдатам,- он плохой Цезарь. Он хочет свои недостатки прикрыть мистическим молчанием и притворным спартанством; но навряд ли многих надует. Дай бог, чтобы все это было неправда, чтобы Меншиков сделался, действительно, великим мужем в истории. Я этого ему от души желаю, потому что желаю видеть Севастополь в наших руках; но то верно, что солдаты не знают своего полководца, полководец не заботится о солдатах. ("Меншиков нелюбим, как говорят, в войске, именно потому, что неприветлив: осматривая войска, проезжая мимо их, он ни слова не обращает к ним, и они этим обижаются" (В. С. Аксакова. Запись 25 ноября 1854 г., стр. 12).

В двух комнатах, отведенных нам в батарее, нас поместилось четверо, а потом, через девять дней, когда приехало еще четверо врачей, и они все поместились тут же; от этого наша квартира сделалась похожей на Нижегородскую ярмарку. По утрам мы все выезжаем гуртом на казацких лошадях, прикомандированных к нам начальником штаба, вечером собираемся вместе. 12 дней в Севастополе прошли один, как другой; только три раза удалось побывать мне в самом городе, переехав на ялике Нахимова; (П. глубоко уважал знаменитого русского флотоводца-патриота П. С. Нахимова (1803-1855), был с ним в близких дружеских отношениях.) два раза я был в Дворянском собрании, в котором теперь устроен перевязочный пункт; в танцевальной зале лежат на полу человек двадцать раненых, в бильярдной делаются операции, на бильярде расположены перевязочные вещи; до этого дома до сих пор еще не долетали неприятельские ядра; но когда мы посещали другой перевязочный пункт, находящийся вместе с временным госпиталем в казармах около морского госпиталя, то в бухте показался наш пароход и в то же самое мгновение пролетело мимо нас в почтительном расстоянии ядро с (Продолжение у меня осталось впрямь).- Н. П.) английской батареи и упало в воду сажень в 10 от парохода (На этом заканчивается 6-я страница рукописи продолжения "Журнала экспедиции"; окончание начато на листке, который заполнен письмом от 25 декабря).

Из этих казарм видны неприятельские батареи, рассеянные по возвышениям южной стороны города. Они [казармы] выстроены на крутой горе, на которую надо подниматься пешком и не без труда по склизкой слякоти. Морской госпиталь, выстроенный на этой же самой горе, очищен от больных; в него во время бомбардировки, несмотря на выкинутый красный флаг, летали бомбы, из которых одна упала между двумя кроватями, лопнула, но не сделала вреда; рассказывают, как любопытный факт, что во время переноски больных падавшие на двор бомбы не повредили ни одного больного, ни одного служителя; зато в перевязочном пункте, который устроили было насупротив госпиталя, в доме Уптона, одна бомба влетела через крышу в комнату, где делали операции, и оторвала у оперированного больного обе руки.

№ 7.

[29 ноября. 1854 г.]

(Подлинник письма № 7-в ВММ (№ 15622), на четырех границах.

У меня готово продолжение (Имеется в виду продолжение "Журнала экспедиции", посланное при письме от 13 декабря.) но я его не посылаю тебе теперь, потому что, прочитав написанное, я сам испугался, что уже слишком много сказал правды. После, при удобном случае, ты получишь его.

Вот тебе описание двенадцатидневной жизни в Севастополе от прибытия до поездки в Симферополь.

Симферополь. 29 ноября [1854 г.]

Поутру в семь часов замечается в нашей квартире необыкновенное движение. Все суетится. Представь себе, пять молодых людей, встающих в одно время с полу, в комнате, в

которой от чемоданов и ящиков и повернуться негде. Всякий ищет там и то, где он никогда и ничего не клал. Фельдшера бегают из одной комнаты в другую, принося кому платье, кому сапоги. Я умываюсь морской водой, напяливаю сверх панталон большие мужицкие сапоги, купленные в Екатеринославле и ежедневно питаемые салом, надеваю мой дипломатический сюртук, уже порядочно пропитанный различными животными началами, и сажусь пить кофе, иногда с молоком, а иногда и без молока, закусывая хлебом, не имеющим никакого притязания называться мягким.

В девятом часу крымский казак приводит четверку верховых кляч, я надеваю солдатскую шинель, купленную здесь у одного солдата и перешитую придворным портным, мундирную фуражку, взятую напрокат у Обермиллера, и сажусь на лошадь. Эта шинель имеет неоспоримые выгоды в Севастополе уже потому, что она как-то под цвет с грязью.

Целая кавалькада отправляется в госпиталь, расположенный за полверсты от нас в так называемых бараках, бывших морских казармах. На кроватях лежат немногие раненые, большая часть - на нарах. Матрацы, пропитанные гноем и кровью, остаются дня по четыре и пять под больными по недостатку белья и соломы. Обыкновенно слышишь утешение, что после 24 октября было еще хуже.

В десятом часу начинается перевязка и продолжается до двух и трех часов. В три часа сносятся те раненые, которым необходимы операции, в одну длинную комнату, похожую на коридор, и там на трех столах разом начинаются операции по 10 и 12 в день и продолжают, пока стемнеет, следовательно почти до 6 часов.

При перевязке можно видеть ежедневно трех или четырех женщин; из них одна знаменитая Дарья, одна дочь какого-то чиновника, лет 17 девочка, и одна жена солдата. Кроме этого, я встречаю иногда еще одну даму средних лет в пуклях и с папиросой в зубах. Это - жена какого-то моряка, кажется, приходит раздавать свой или другими пожертвованный чай.

Дарья является теперь с медалью на груди, полученной от государя, который велел ее поцеловать великим князьям, подарил ей 500 рублей и еще 1000, когда выйдет замуж. Она - молодая женщина, не дурна собой [...]. Под Альмою она приносила белье, отданное ей для стирки, и здесь в первый раз обнаружилась ее благородная склонность помогать раненым. Она ассистирует и при операциях.

На днях я роздал по рукам по осьмушке чаю и по фунту сахару на каждого больного из пожертвованных сумм, купил чайников и вина. Женщины при нас во время перевязки поят больных чаем и раздают им по стакану вина.

Отделавшись в госпитале, мы тем же порядком отправляемся в наш каземат и садимся обедать. Обед приготовляет солдат, госпитальный повар. Два кушанья, борщ или суп и бифштекс, составляют специальность этого повара, за другое он не берется; но эти блюда он изготавливает не без шика. Кайэн и пикули, отпущенные тобою, оказались весьма кстати. Крымское вино по 30 коп. сер. за бутылку не худо. Иногда после обеда засыпаю, иногда играю в шахматы, привезенные д-ром Каде (Э. В. Каде (1817-1889)-один из ближайших сотрудников П. в Севастополе; с 1867 г. был главным врачом Мариинской больницы в Петербурге (о выдающейся деятельности К.-у Г. И. Попова); оставил интересные воспоминания о П.) в виде сюрприза. Около 8 часов кто-нибудь обыкновенно является для компании.

Перед сном я снимаю красную фуфайку и вытираюсь спиртом и потом засыпаю, пробуждаемый неоднократно кусаньем блох.

Так проходит регулярно один день за другим. Так прошло десять дней. В это время я был и в самом городе три раза. Не пугайся, нет тут ничего страшного. Когда я был на другой стороне бухты в госпитале, то одно ядро прожужжало по бухте и упало в сажнях тридцати от парохода, который показался на одном ее конце. Вот все, что до сих пор я видел, или, лучше, слышал из ядер. Правда, всякий день, особливо к вечеру, слышна несколько времени канонада; наши препятствуют их работам, они - нашим, но ничего не выходит очень серьезного. Делают также ночью вылазки небольшие в их траншеи.

Жизнь, которую я веду, не позволяет скучать, и потому мне не скучно, хотя я не вижу ни тебя, ни детей. Мыслей других нет и быть не может, как об раненых; засыпаешь, видя все раны во сне, пробуждаешься с тем же ("Нельзя не удивляться выносливости Пирогова в эти незабвенные и ужасные дни. Когда мы, после краткого отдыха в платях, рано утром являлись на перевязочный пункт, я помню, что неоднократно уже заставляли Н. И. оперирующим при помощи фельдшера, сторожа и сестры милосердия" (Э. В. Каде, No 5, стр. 82). "Нельзя еще не изумляться здесь профессору Пирогову. Этот гениальный хирург не оценим; подобного ему, по искусству и неутомимости, едва ли можно встретить; он весь привязан к своему делу, и, кажется, у него нет другой мысли, как о раненых и больных" (Г. Славони). "Профессор Пирогов уже был в доме Благородного Дворянского собрания на перевязочном пункте и осматривал больных... Сам делал операции... Я подумала, что и праздника нет этому великому мужу" (из письма сестры Общины), А. М. Крупская сообщала о приезде группы сестер Общины в Севастополь: "Нас встретил г. Пирогов. Он показал нам, как перевязывать раны и прочие необходимые приемы ухода за ранеными. Нельзя было не последовать его великому примеру: как родной отец о детях, так он заботился о больных, и пример его человеколюбия и самопожертвования сильно на всех действовал; все одушевлялись, видя его; больные, к которым он прикасался, как бы чувствовали облегчение. Солдаты прямо считают Пирогова способным творить чудеса. Однажды на перевязочный пункт несли на носилках солдата без головы; доктор стоял в дверях, махал руками и кричал солдатам: "Куда несете? Ведь видите, что он без головы". "Ничего, ваше благородие,- отвечали солдаты,- голову несут за нами; господин Пирогов как-нибудь привяжет, авось еще пригодится наш брат-солдат"... Утром сестры отправились на главный перевязочный пункт, где уже застали всех лекарей и г. Пирогова").

Читать и писать времени нет. Усталый, вечером думаешь только, как бы отдохнуть. Обер-миллер заведует письменной частью, он ведет заметки и составляет списки раненых, которые подверглись операциям или почему-нибудь замечательны.

Встречу с главнокомандующим я описал, но пришлю после.

Пробыв двенадцать дней в Севастополе, я успел в это время распределить больных по отделениям, отделить нечистые раны от чистых и оперировать почти всех запущенных с 24 октября. Кончив это, отправился 25 ноября в Симферополь, не предвидя покуда никакого важного события, хотя вранья было довольно, но всё основанного на одних слухах и показаниях пленных и беглецов. Эти беглецы большей частью немцы и испанцы из иностранного легиона французской армии; они уверяли, что будет штурм в день Синопской битвы; кстати, скажи Ник. Ив. Пущину (День Синопской битвы-18 ноября 1853 г.- знаменитая победа русской эскадры под водительством П. С. Нахимова над турецким флотом в Синопской бухте.

Ник. Ив. Пущин - деятель судебного ведомства, друг П., брат знаменитого декабриста И. И. Пущина - товарища А. С. Пушкина по Лицею и его "первого", "бесценного" друга.), что я в этот день был у Нахимова; это такой же оригинал; разговор с ним сообщу после, описывая мое посещение главнокомандующего; уверяли также, что будет [штурм] в день избрания Наполеона (День провозглашения Наполеона III императором Франции- 2 декабря 1852 г.; слово "штурм" у П. пропущено; слова "что будет" повторены в подлинном письме два раза.), но до сих пор ничего не подтвердилось, батареи неприятеля подвигаются, к нашим; думают, что будут обстреливать наш флот, но до сих пор с 24 октября можно все действия почти что назвать бездействием, судя по количеству и силе выстрелов.

Что будет вперед, бог знает: останутся ли зимовать, уйдут ли, будут ли штурмовать и бомбардировать,- никто ничего не знает положительно.

26 ноября я прибыл в Симферополь, употребив на проезд шестидесяти верст из Севастополя целые два дня, и останавливаясь ночевать, потому что ночью нет средств ехать в тарантасе; наш тарантас, как корабль во время сильной морской бури, должен был то подниматься на камни и буераки, раскинутые по дороге и прикрытые толстым слоем грязи, то опускаться в рытвины, то склоняться на бок почти до упаду в глубокие

колеи.

От Севастополя до первой станции - Дуванов на пространстве шестнадцати верст лежат целые десятки падших лошадей и гниют в грязи; орлы или род коршунов-ягнятников целыми стаями слетаются на падаль и гордо сидят, расправивши крылья, как имперские гербы, на полусгнивших остовах.

Остановившись на несколько часов в Бахчисарае, посетив госпиталь, вынув несколько пуль, сделав три ампутации, раздав чай и сахар раненым, мы отправились далее и поутру часов в восемь прибыли в Симферополь. Здесь раненые, числом слишком тысяча, все почти тяжелораненые, рассеяны в тридцати домах; все дома публичных заведений и некоторые обывательские заняты; нужно разъезжать с утра до вечера; поэтому, заняв один только оставшийся порожним номер в гостинице "Золотого якоря", я веду точно такую же жизнь, как и в Севастополе, с той только разницей, что не надеваю мужицких сапогов и ем по карте три кушанья вместо двух.

Сейчас получил бумагу от статс-секретаря Гофмана об отправившихся из С.-Петербурга сюда сердобольных шестидесяти вдовах, распределение которых поручается также мне. Но ни эти вдовы, ни сестры общины Елены Павловны еще не прибыли, а они здесь, действительно, будут нужны; им можно будет поручить раздачу чая и вина раненым; на другую прислугу нельзя положиться (Ст.-секр. Гофман заведывал женскими благотворительными учреждениями. Вслед за основанием Крестовоздвиженской общины сестер милосердия решено было послать в Крым обитательниц петербургского Вдовьего дома ("сердобольные вдовы"), подготовленных для ухода за больными. Об этой организации - у Г. И. Попова. О деятельности вдов П. сообщал Гофману в письме от 24 ноября 1855 г.: "Лучшим свидетельством их самоотвержения служит то, что 12 вдов кончили свое существование, впад в болезнь от госпитальных занятии и заразы" (Г. И. Попов, стр. 30).)[LDN1]

№ 8.

Симферополь. 6-го декабря [1854 г.]

(Подлинник письма № 8 - в ВММ (№ 15623), на четырех страницах; конверт с обычным адресом.)

Пишу на почте. Из Севастополя я тебе отправил два письма, из Симферополя одно; все с фельдъегерем; одно письмо лежит у меня в портфеле; его опасаясь послать, потому что в нем много правды. Сегодня уезжаю в Карасу-Базар, оттуда, может быть, проеду в Феодосию и потом обратно через Симферополь в Севастополь.

Ради бога, моя душка, не скучай и не сетуй, это отнимает у меня охоту работать. Терпи; начатое нужно кончить, нельзя же, предприняв дело, уехать, ничего не окончив; предстоит еще многое; подумай только, что мы живем на земле не для себя только; вспомни, что пред нами разыгрывается великая драма, которой следствия отзовутся, может быть, через целые столетия; грешно, сложив руки, быть одним только праздным зрителем, кому бог дал хоть какую-нибудь возможность участвовать в ней.

Я знаю, что для тех, кого он, как нас, благословил счастьем в семейном круге, тяжело, оставив тихий, приятный быт, подвергать себя всем беспокойствам и тягостям разлуки с милыми сердцу и лишениям; но тому, у кого не остыло еще сердце для высокого и святого, нельзя смотреть на все, что делается вокруг нас, смотреть односторонним эгоистическим взглядом,- и ты, которую я привык уважать за твои чувства, верно утетишься, подумав, что муж твой оставил тебя и детей не понапрасну, а с глубоким убеждением, что он не без пользы подвергается лишениям и разлуке. Больше ничего не могу сказать в утешение тебя и себя.

Бог даст, настанет день радости для нас [...]. Святое и высокое тебе не чуждо; ты во многом еще можешь сама мне служить примером.

Я пробыл в Симферополе целую неделю и осмотрел всех раненых, рассеянных в двадцати разных местах. Здесь заняты ими все публичные места: губернское правление, дворянское собрание, благородный пансион и много частных домов; и здесь так же, как в

Севастополе, от 9 часов утра до 4 часов я был всякий день занят в госпиталях осматриванием больных, перевязкой и операциями.

Жил в скверном номере "Золотого якоря", по вечерам ловил блох и вшей, ездил по грязным улицам и ел чудные груши.

Дней пять тому назад приехала сюда Крестовоздвиженская община сестер Елены Павловны, числом до тридцати, и принялась ревностно за дело; (Список сестер милосердия, работавших в Крыму под руководством П., см. отдельно - ldn-knigi) если они так будут заниматься, как теперь, то принесут, нет сомнения, много пользы. Они день и ночь попеременно бывают в госпиталях, помогают при перевязке, бывают и при операциях, раздают больным чай и вино и наблюдают за служителями и за зрителями и даже за врачами. Присутствие женщины, опрятно одетой и с участием помогающей, оживляет плачевную юдоль страданий и бедствий. Но еще должны приехать сердобольные императрицы (Императрица-Александра Федоровна, жена Николая 1.), и я недавно получил письмо от статс-секретаря Гофмана, в котором распоряжение этих вдов поручается также мне.

Чтобы избежать столкновения между женщинами, принадлежащими различным ведомствам, хотя и назначенными для одной цели, я должен разместить первую общину отдельно от второй и потому посылаю сестер Елены Павловны в Севастополь, в Бахчисарай и Карасубазар, а вдов оставляю покуда в Симферополе. Не знаю, каково-то им будет в Севастополе; здесь, в Симферополе, у них есть хорошая квартира и им дают экипаж, а в Севастополе им придется жить между самыми больными, в бараках, и ходить пешком в сапогах по грязи; некоторым из них это не покажется, но тут-то и видно будет, кто из них взялся за дело по призванию, а не из других видов.

Сама директриса (Директриса - начальница Крестовоздвиженской общины А. П. Стахович. Характеристика ее-в других письмах П.), женщина еще не старая, в очках, управляется до сих пор с ними довольно хорошо, поступает энергически и, разъезжая по госпиталям, наблюдает за ними.

Между ними есть и хорошо образованные: одна монахиня или послушница, одна вдова какого-то офицера, наша Лоде, говорящая на пяти различных наречиях и выбирающая преимущественно раненых пленных, восторженная и удивляющаяся нередко красоте мужчин.

На этих днях приехали двое врачей из Дунайской армии: один мой ученик, а другой - Джульяни, племянник Вандрамини, знакомый Шульца, (Г.-Ю. Шульц (1808-1875) учился медицине в Юрьеве с 1826 по 1833 г.; был приятелем П., состоял при нем прозектором анатомического института и ординатором госпитальной клиники МХА.) с неисчислимым запасом рассказов, заставляющих хохотать от души, и успевший уже сделаться любимцем г. Лоде, которому она открыла, что она готова переносить в ее новом призвании все, исключая "des choses indecentes (Не приличные вещи) вследствие чего учтивый Джульяни при ней прикрывает раненых простынями и одеялами.

Самая ужасная вещь - это недостаток транспортных средств отчего больные постоянно накапливаются в различных местах, должны поневоле оставаться иногда целые дни и ночи на полу без матрацов и без белья и терпеть от перевозки в тряских телегах и по сквернейшей дороге в свете; от этого самые простые раны портятся и больные еще более заболевают. Смотри на этих несчастных, благодаришь бога и миришься со всеми лишениями, видя, что есть люди, которые без ропота переносят то, что казалось бы невыносимым для человека.

Весь свой багаж, исключая мешка и погребца, тарантас и пр., я оставил в Симферополе и отправляюсь теперь налегке; это одно средство выиграть время в переездах, иначе, страшно сказать, едешь шестьдесят верст целые двое суток. Погода здесь беспрестанно переменяется: то вдруг тепло, как у нас в июле месяце, то вдруг ливень, морозов однако же до сих пор еще не было, и шуба моя уже давно лежит припрятана в чемодане; солдатская шинель и иногда бекеш заменяют ее вполне.

По крайней мере еще недели две не предвидится никакого серьезного дела в

Севастополе; наши делают ночью небольшие вылазки: в одной из них наши унесли на руках три мортиры с неприятельской батареи; один казак схватил спящего французского офицера, тот ему откусил нос, а казак, руки которого обхватили крепко француза, укусил его в щеку и так доставил его пленным.

Неприятель подвигается, однако же, все ближе; ждут еще нового десанта; но ничего верного. Великие князья проехали отсюда ночью в Петербург,- говорят, что императрица нездорова,- и хотели опять возвратиться; но навряд ли: им, я думаю, жизнь в Севастополе порядочно надоела.

Из новых знакомств, которые я должен был сделать в Симферополе, можно назвать только три замечательные: Княжевич, председатель казенной палаты, которому поручены также сердобольные; доктор Арендт, брат нашего Арендта (Наш Арендт-Ник. Фед. (1785-1859), лейб-медик Николая I; участвовал в лечении А. С. Пушкина перед его смертью; см. письмо П. к Арендту от 4 февраля 1854 г.), человек так же живой и рассеянный, как и наш, отличающийся однако ж от него двумя трубочками, которые он постоянно носит в носу, вдыхая из них креозот от одышки, и еще мой старый товарищ Московского] университета, которого я после двадцати семи лет вчера в первый раз увидел мертвецки пьяного.

Ты мне писала несколько раз о Сартори (Сартори - художник, изготовлявший рисунки для классического труда П. "Топографическая анатомия".), Шульце и проч., но я заочно ничего не могу сделать; нужно уже обождать, пока, бог даст, ворочусь. Скажи только Шульцу, чтобы он, по обыкновению своему, не ленился и исполнил бы совестливо ту работу, которую я ему поручил [...].

В Симферополе новый генерал-губернатор, Адлерберг; не знаю, как-то он справится, но положение не завидное; к весне, я думаю, если будет все так продолжаться, как теперь, что разовьется тиф или что-нибудь хуже от этого стечения раненых и беспорядка в транспорте; если подумаешь, что в Севастополе англичане хоронят их мертвых, зарывая только на аршин, что кругом на воздухе гниют внутренности убитых животных, везде вокруг лежит падаль, да если еще к этому начнутся весной жары, то весь край будет в опасности заразиться. Я это толковал Адлербергу и подал ему докладную записку; но он жалуется на недостаток транспортных средств и сам не знает, что начать.

В Севастополе теперь тысячи три слишком больных и раненых, в Симферополе четыре, в Карасубазаре - семьсот, в Бахчисарае - пятьсот, в Феодосии - одна тысяча пятьсот, вывозу нет, а других мест в целом Крыму до Перекопа также нет, Да еще если к этому пришлют новое число раненых, то тогда уже бог знает, как справиться. Но велик русский бог, надо надеяться и молиться.

Если увидишь Соф[ью] Анд[реевну] Суза, то скажи ей, что я в Симферополе всякий день виделся с молодым Меншиковым; он, контуженный в голову, проживает здесь и, кажется, скоро опять отправится в Севастополь [...].

№ 9.

13 декабря [1854]. Бахчисарай.

(Подлинник письма № 9 был в 1907 г. и позже в Музее П. в Петербурге; теперь его нет в собрании "Севастопольских писем", поступившем с другими документами в ВММ; печатается по тексту издания 1907 г.)

Вчера получил твое письмо от 30 ноября; ты все жалуешься и сетуешь. Утешься, мой милый душенька; я пишу, сколько могу, и мог бы чаще к тебе отправлять письма, но не всегда попадаю на фельдъегерей, особливо в последние две недели, когда я был в разъездах; так что последнее письмо - из Симферополя с почтой (от 6 декабря) и не знаю, когда ты его получишь [...]. Я сегодня же отправляюсь в Севастополь; мы дорогу из Симферополя в Севастополь делаем верхом, семьдесят верст, иначе нет возможности, так скверна дорога.

Письмо, которое ты при этом получишь, не показывай покуда никому; тут я говорю кое-что про Меншикова, чтобы это не разошлось (Имеется в виду продолжение "Журнала экспедиции").

Чтобы не потерять счету: я к тебе отправил три письма с дороги (из Москвы, Харькова, Екатеринослава), два из Севастополя (через Медицинский департамент), одно из Симферополя, по почте, и одно из Бахчисарая теперь, тоже с фельдьегерем. Будь уверена, что я не ленюсь и помню о тебе; а главное, повторяю, береги себя.

Сегодня здесь в первый раз морозит, а то до сих пор стояла или чудеснейшая летняя погода, или дождь лил без милосердия; вчера еще в саду Бахчисарайского дворца я видел две дикие розы в цвету; мое путешествие и самый Бахчисарай я тебе опишу после. Не видал Севастополя уже две недели почти, знаю только по слухам, что там делается.

Сюда прибыл Сакен (Д. Е. Остен-Сакен (1790-1881) - начальник севастопольского гарнизона с 28 ноября 1854 г. В апреле 1855 г. он издал по севастопольскому гарнизону приказ, в котором, между прочим, свидетельствовал о подвигах П., врачей Обермиллера, Беккерса, Хлебникова, Тарасова, Пабо, Тюрина, Реберга, Дземешкевича, Каде и лекарского помощника Калашникова (Н. Ф. Дубровин, вып. 5, стр. 507 и сл.), и теперь все надеются, что пойдет лучше; но, когда я как все кончится, еще никто и ничего не знает; и я не знаю, когда мне нужно будет уехать отсюда - с триумфом победы или улепетывать; впрочем, все надеются.

- Будет ли взят Севастополь? - я спрашивал у матросов.

- Не надемся-с,- отвечали они,- прежде могли бы взять, а теперь так нет-с.

Про сестер милосердия я тебе писал в письме из Симферополя; если великая княгиня пришлет еще к тебе узнать, то скажи, что сестры до сих пор принялись с ревностью ухаживать за больными, так что две занемогли, но, надеюсь, выздоровят; до сих пор ничего не слышно о любовных интригах с офицерами, но, как об этом начали было поговаривать, то я запретил посылать сестер к юнкерам, тем более, что между ними мало опасно раненых; пять из них будут жить в Бахчисарае, а остальные все переедут в Севастополь; сердобольные императрицы, адресованные Гофманом ко мне, еще не приехали и останутся, приехав, в Симферополе; через это надеюсь избежать различных столкновений между ними.

Больным здесь все еще худо; перевоз их из одного места в другое ужасен: в некрытых телегах, без шуб, ночлеги на открытом воздухе или в холодных избах, потом переезд в лодках через Днепр верст семнадцать; но и об этом напишу тебе подробно после.

Прощай, мой душенька, будь спокойна, по крайней мере, если не можешь быть веселой; береги детей, целуй их, благослови их. Смотри же, о Меншикове в моем письме не говори никому. Целую и обнимаю тебя.

№ 10.

18 декабря [1854]. Севастополь. Суббота.

(Подлинник письма № 10 не найден)

Получил твое письмо от 8 декабря сегодня и с флигель-адъютантом Шеншиным посылаю тебе два письма: одно, писанное из Бахчисарая, во время моего проезда, другое - сегодня за час до отъезда Шеншина и поэтому я спешу; тебе нужно только знать, каков я, жив ли, здоров ли, люблю ли тебя по-прежнему. Я жив, здоров покуда и люблю тебя, как всегда; ты сама знаешь, как. Письмо, которое я хотел отправить из Бахчисарая, не отправлено, потому что не нашли фельдьегера, и потому его взял Шеншин вместе с этим; оно по адресу конторы ее императорского высочества Елены Павловны и потому ты получишь оба письма, одно от Шеншина, другое же должна получить из конторы Елены Павловны.

Если она (Она - вел. кн. Елена Павловна. Часть этого письма, начиная отсюда, найдена в копии, в архивных "делах", относящихся к истории Крымской войны. Это одна из тех многочисленных копий севастопольских писем П., которые распространялись по России для обличения беспечности и непригодности высших руководителей правительства и армии. Характерно для самой А. А. Пироговой, что она все-таки не включала в эти копии наиболее резкие места писем ее мужа. Так, например, из комментируемого письма исключена последняя фраза 1-го абзаца: "Вот следствия беспечности..." (стр. 31). И остальной текст списан неточно (см. эту копию у академика Е. В. Тарле; 1. Нахимов, стр. 85 и сл.; 2.

Крымская война, т. II, стр. 202 и сл.). Так же расправлялась А. А. Пирогова с "севастопольскими письмами" П. при подготовке их для первого отд. издания (1899).) пришлет спросить, то скажи, что ее сестры до сих пор оказались так ревностными, как только можно требовать; день и ночь в госпитале. Двое занемогли; они поставили госпитали вверх дном, заботятся о пище, питье, просто чудо; раздают чай, вино, которое я им дал. Если этак пойдет, если их ревность не остынет, то наши госпитали будут похожи на дело.

Несмотря на все это, худое начало не исправляется легко. В Симферополе лежат еще больные в конюшне, соломы для тюфяков нет, и старая, полусгнившая солома с мочой и гноем высушивается и снова употребляется для тюфяков; соломы здесь уже совсем нет (в Севастополе), пуд сена стоит 1 руб. 75 к. серебром. В открытых телегах, без тулупов, везут больных в течение семи дней из Симферополя в Перекоп; они остаются без ночлега, на чистом поле, или в нетопленных татарских избах; остаются иногда дня по три без еды и проч. и проч., а если будет еще новое дело, то бог знает, что сделают с ранеными. Вот следствия беспечности и непредусмотрительности, когда ничего не заготавливали, шутили, не верили, не приготавливались.

Одно письмо из Симферополя, посланное по почте, ты получишь, верно, после этого письма; я два послал из Симферополя - одно отдал сыну Меншикова с курьером, а другое - по почте. Пожалуйста, не пили меня, что я пишу для других; ты ведь очень хорошо знаешь сама, что это глупость. Сартори, Мюнцлову и другим скажи, что я отсюда ничего не могу сделать; нужно ждать моего возвращения, если бог поможет возвратиться по добру и по здоровью. На Gaz. Med. ("Медицинская газета") куда подпишись.

Сестра Лоде осталась с пятью другими в Бахчисарае, там ее брат. Слава богу, что ты успокоилась. Верь мне, душенька, если ты покойна и здорова, если детки веселы и здоровы, то это мне дает силу и спокойствие переносить все труды и лишения. Целую миллион раз тебя и детей и благословляю вас.

Корпии и перевязочных средств никогда не будет довольно для раненых. Бинты едва моются и мокрые накладываются; и так, чем больше, тем лучше.

№ 11.

25 декабря [1854]. Севастополь

(Подлинник письма № 11-в ВММ (№ 15624), на четырех страницах; текст начинается на середине страницы и переходит на другие, а над его началом наверху страницы - окончание "журнала экспедиции", продолжение которого было послано при письме от 13 декабря).

Сегодня получил твое письмо от 12 декабря и спешу мое отослать с фельдъегерем, который отходит сегодня. По возвращении моем из Симферополя я нашел здесь все по-старому, за исключением потери одного товарища, которого ты видела у нас и имя которого ты не могла еще хорошо выговорить - Сохраничева. Приехав из Симферополя, я застал его в бреду, он узнал и не узнал меня и был уже шесть дней болен; еще шесть дней продолжалась болезнь, бред и молчание перемежались, агония продолжалась три дня; больной, совершенный труп, без пульса, с холодными руками, дышал и двигался судорожно.

Я должен был перейти в одну комнату вместе с Обермиллером и Каде; от этого наша квартира была похожа на что-то среднее между казармой и госпиталем; возле нас лежал умирающий, и мы должны были и обедать, и смеяться, и в шах играть, беспрестанно слушая стоны умирающего и видя его агонию; - ко всему привыкаешь; - я люблю переменять часто белье, теперь не переменяю его по шесть и по семь дней; любил окачиваться холодной водой, - теперь не умываюсь иногда по целым дням. Бедный Сохраничев [...].

О путешествии моем верхом из Симферополя через Бахчисарай я, кажется, уже писал к тебе. Другого средства нет теперь. Вот уже третий день, как погода переменялась; настала зима, 8-10° холода, снег, и у нас в комнатах, в батарее, порядочно холодно, так что мы сидим в солдатских шинелях.

В Симферополе, в Бахчисарае и в Карасубазаре мы встретили оригиналов, которых в Петербурге не встретишь, и потому нужно кое-что сказать о них. В Симферополе: Федор

Алексеевич и Фекла Кузминишна Цветковы, главный доктор госпиталя (Фед. Ал. Цветков (1806-1855) был помощником главного доктора госпиталя в Симферополе (Л. Ф. Змеев, тетр. II, стр. 145 и сл.); мы у него жили три дня, возвратившись из Карасубазара. Фекла Кузминишна живет угощением; что только она мне в эти три дня давала есть, за то бог ей судья; я от роду ничего подобного не ел: варенуха, соленый гусь, пирожки, алады с яблоками и без яблок и проч. и проч.; мало этого, она еще и со мной в Севастополь отпустила икры, колбас, ветчины, гуся соленого и проч. и проч. Сама Фекла Кузминишна - дама презентабельная: высокая, толстая и говорит малороссийским диалектом, как пишет.

У Феклы Кузминишны человек десять детей; они все гуляют по двору, бегают по комнатам и делают, что им угодно. Федор Алексеевич, человек чрезвычайно добрый и смирный, имеет обыкновение приговаривать к каждому слову: сделайте одолжение. Фекла Кузминишна называет его Федюшей. Особливо неприятен ей директор госпиталей, посаженный Меншиковым, барон фон-Кистер (Вильг. Карл. Кистер (1813-1855)-полковник, директор военных госпиталей в Крыму (1854-1855).), которого она называет клистером.

Без нее Федора Алексеевича давно бы заели; но, как только он начинает ослабевать и подаваться, Фекла Кузминишна крикнет: "Федюша", и Федор Алексеевич приосанится и сейчас же скажет (басом): "сделайте одолжение" [...],

В Бахчисарае мы оставались два дня, и город, когда в него въезжать верхом, кажется совсем другим, чем смотря на него из тарантаса. Ханский дворец действительно живописен, и я понимаю теперь, что Пушкин, бывши здесь летом, предался поэтическим мечтам. Мы видели и фонтан слез, и гробницу Марии с луной над крестом, и бывший гарем Гирея (Имеется в виду поэма А. С. Пушкина "Бахчисарайский фонтан" (1823 г.):

Фонтан любви, фонтан живой,
Принес я в дар тебе две розы.
Люблю немолчный говор твой
И поэтические слезы.
Твоя серебряная пыль
Меня кропит росой холодной:
Ах, лейся, лейся, ключ отрадный,
Журчи, журчи свою мне былль...
Где скрылись ханы? Где гарем?
Кругом все тихо, все уныло,
Все изменилось...

В середине декабря 1824 г. Пушкин писал А. А. Дельвигу: "В Бахчисарай приехал я больной... Вошел во дворец, увидел я испорченный фонтан; из заржавой железной трубки по каплям падала вода. Я обошел дворец с большой досадой на небрежение, в котором он изтлевет... NN [ген. Н.Н. Раевский, герой войны 1812 г.] почти насильно повел меня по ветхой лестнице в развалины гарема и на ханское кладбище" (стр. 106 и сл.). Ср. Соч. Пушкина, т. II, 1949, стр. 383 и сл.

"Фонтан слез и гробница Марии с луной над крестом" - "красивое круглое здание с круглым куполом-мавзолеей прекрасной грузинки, жены хана Керим-Гирея" (И. М. Муравьев-Апостол. Путешествие по Тавриде, изд. 1823 г.; извлечения из этой книги, относящиеся к Бахчисарайскому фонтану, печатались в виде приложения к поэме Пушкина). См. еще у Н. В. Берга (стр. 69).);

на дворе около фонтана зеленелись мирты и цвели дикие розы, вокруг тянется цепь гор. Поутру отсюда ездили в Успенский монастырь, вырубленный в скале, и к удивлению нам отслужил молебен немец, отец Ефрем, принявший грекороссийскую веру и родня Обермиллеру.

Здесь в Севастополе дела вперед не подвигаются, все то же и то же; всякий день раненых и убитых понемногу, ночью вылазки с нашей стороны, приходят в лагерь англичане и французы и передаются; говорят о том, что хотят сильно бомбардировать, говорят и о том, что ждут десанта, говорят и о зимовке; но всё одни слухи - так же, как и в Петербурге.

В последние два дня мало стреляли; неприятель ведет мины у одной батареи, чтобы взорвать ров, наши ведут контр-мину; недавно они выступили, чтобы взять из Байдарской долины овец, и им удалось отнять до тысячи; а впрочем, все спокойно, как будто бы и ничего не бывало, и, если бы не пушечные выстрелы от времени до времени с батареей, то и забыл бы, что находишься в Севастополе.

Не знаю, долго ли продолжится такая зима, но если долго, то это, может быть, окажет какое-нибудь влияние. Штурмовать они покуда не сунутся, десант теперь тоже труден, и так вероятнее, что они останутся зимовать; хорошо укрепившись в Балаклаве, им нечего бояться.

Когда я уеду из Севастополя, ничего не знаю, но, начав разные наблюдения, рапортировав различные отделения, не хотелось уезжать без результата. Впрочем, будущее в руках бога, и, ты знаешь, я не люблю толковать о том, что нужно будет сделать.

Ты хочешь мне присылать разные вещи; пришли сигар и кофейник, мой начинает распаиваться, более мне ничего не нужно; мой тарантас, чемодан и все тяжелое я оставил в Симферополе и здесь живу налегке.

Сестры еще сюда не приезжали и теперь не скоро будут, потому что дорогу в Бахчисарай занесло снегом и другой почты нет, как верховой; но я ожидаю их сюда с нетерпением; они здесь необходимы: больные, хотя и получают чай, который им раздают несколько женщин, но неаккуратно; сестры это делают гораздо аккуратнее; скажи, что велик[ая] княг[иня] этим действительно оказала услугу истинную человечеству и сделала переворот в госпиталях военных; жаль только, что восемь сестер, как я слышу, заболели в Симферополе.

Прощай, моя душка, кланяйся Маше и скажи ей, чтобы она перестала дурачиться. Целуй и благослови детей. Обнимаю и целую тебя.

(Декабрьские письма П. к жене закончим отрывком из очерка Л. Н. Толстого о том же периоде: "Вы входите в большую залу Собрании. Только что вы отворили дверь, вид и запах 40 или 50 ампутационных и самых тяжело раненых больных, одних на койках, большей частью на полу, вдруг поражает вас. Не верьте чувству, которое удерживает вас на пороге зала,- это дурное чувство,- идите вперед, не стыдитесь того, что вы как будто пришли смотреть на страдальцев, не стыдитесь подойти и поговорить с ними: несчастные любят видеть человеческое сочувствующее лицо, любят рассказать про свои страдания и услышать слова любви и участия" ("Севастополь в декабре месяце" [1854 г.], т. I, стр. 388 и сл.).

№ 12.

3 января 1855 г. Севастополь

(Подлинник письма № 12 не найден)

Покуда северные укрепления; я на этих днях, вероятно, перееду в город, который покуда совершенно безопасен, потому что обе стороны находятся почти в совершенном бездействии, за исключением ночных вылазок с нашей стороны, пуканье от которых нередко нас будит ночью, а днем доставляет человек по десяти свежих раненых. С новым годом, моя душка.

Хочешь ли знать, как я встретил 1855-й год? Вот тебе описание, Накануне натопили печку жарко-нажарко проклятым антрацитом; а Калашников вздумал сделать сюрприз нам и за недостатком шампанского напоил чем-то вроде донского, которое, по его предположению, должно было произвести значительный эффект при откупоривании бутылки. Сверх этого, собралось человек шесть вооруженных папиросами и сигарами врачей для провожания старого года. Следствие всего этого был жестокий угар, который не в состоянии была разогнать и жестокая ночная перепалка на батареях. Я проснулся с сильной головной болью и думал уже было остаться целый день дома; но, к счастью, не сделал этой глупости: пошел в госпиталь и немного разгулялся, не надеясь, однако же, весело встретить Новый год.

Провидение устроило иначе. Лишь только я пришел домой, как явился один полковой штаб-лекарь с позиции, бывший мой ученик, с приглашением от своего полкового командира встретить у них Новый год. Я сначала отнекивался, но потом подумал и, куда ни шло, согласился. Двое из нас поехали в коляске, я и штаб-лекарь верхами на позицию.

Что это за штука такая, позиция? А вот что. Верстах в пяти от Севастополя, между горами, недалеко от горной речки, мы нашли множество рассеянных кучек снега,- вот уже пять дней как у нас лежит здесь снег,- под этими кучками скрывались землянки, сооруженные изобретательностью солдатского ума. Спустившись ступеней на пять или аршина на два с половиной в глубину, мы очутились в довольно просторной комнате с накрытым столом для гостей полкового командира Одесского полка полковника Скюдери.

(Ал. Петр. Скюдери участвовал со своим полком в сражении 4 августа 1855 г. Получив при храбром наступлении на противника три штыковые, четыре пулевые и две картечные раны, он скончался как только его принесли на перевязочный пункт.)

Стены были обиты затрапезными халатами, одно окно, вделанное в землю, освещало комнату, топилась из камней сложенная печка, нисколько не дымясь, несмотря на вьюгу на дворе,- труба из нее выходила наружу тоже через землю.

Стол был человек на двадцать; гости были: бригадный генерал, полковой поп, дивизионный квартирмейстер, дивизионный провиантмейстер, два штаб-лекаря, мы втроем и несколько штаб- и обер-офицеров. Начался обед, да еще какой! Было и заливное, и кулебяка, и дичь с трюфелями, и желе, и паштеты, и шампанское. Знай наших, а еще жалуемся на продовольствие, говорим, что у нас сухари заплесневели. Кабы французы и англичане посмотрели на такой обед, так уже бы верно ушли, потеряв надежду овладеть Севастополем.

Поп играл за обедом совершенно пассивную роль, зато дивизионный квартирмейстер, питух и остряк, морил всех со смеху; бригадный, толстяк и добряк, двигал с задумчивостью челюстями; все прочие были совершенно в своей тарелке. Хозяин, красавец собою, герой с простреленной рукой, угощал нас на убой. Пили за здоровье государя, заиграла музыка, грянул хор певчих "Боже царя храни". К концу стола на дворе послышался шум и гам; это было офицерство, натянувшееся в другой солдатской палатке и провозглашавшее громкие тосты.

Мы вышли все наружу. Снег падал крупными хлопьями. Нас окружали побелевшие горы, вдали на горах виднелся неприятельский лагерь; образовали круг из музыкантов, певчих и офицеров, и в середине этого круга, в грязи по лодыжки, поднялась пляска. Полковой штаб-лекарь, мой ученик, виртуоз на гримасы, в солдатской шинели, в сапогах по колено, в бараньей шапке, отдувал канкан с прапорщиком, представлявшим петербургского бального dandy, не утерпели и другие гости: составила мазурка; хозяин, полковник с подвязанной рукой, и батальонный командир стали также в ряды танцующих.

Завязался пир горой; я помирал со смеху, нельзя было не быть веселым, видя, как весело и беззаботно живет русский человек; там, за горой, слышались пушечные выстрелы; в траншеях рылись и стрелялись; здесь отваливали трепака, пускались в присядку, а один солдат, выворотив наизнанку нагольный тулуп, даже ходил в грязи вверх ногами и так пятками пощелкивал, что любо-дорого смотреть было.

Кончилось, наконец, тем, что начали гостей поднимать на руки и качать на воздухе, запивая все эти движения шампанским; меня также раза три приподняли так, что я боялся, чтобы в грязь не шлёпнуться; головную боль как рукой сняло, и я был от души весел. Уже поздно ночью мы воротились домой.

Что же делалось у нас, в главной квартире? С утра Меншиков запер ворота на замок и, подобно мне, не принимал и не отдавал визитов; это, по моему мнению, не худо, но худо то, что сам никого не угостил обедом; скучной и мрачной оставалась главная квартира в Новый год, как и прежде; это - не по-русски.

И мы и союзники, у моря сидя, погоды ждем. Днем теперь почти что не стреляют, но всякую ночь ходят на вылазки; раненые солдаты, возвратившись с вылазок, рассказывают, что у неприятеля около траншей снега нанесло с горы; работы, кажется, вперед не подвигаются; с ноября месяца начали переходить к нам французские и английские дезертиры; начали, однакоже, немцы из иностранного легиона; из них двух, бывших трубочистов, я нашел в госпитале; они рассказали, что французы их надули, обещая свезти в Алжир, а привезли в Севастополь.

Но теперь являются к нам и настоящие англичане и французы, жалуясь на холод и плохую обувь; есть, однако ж, у англичан, по рассказам, человек пятьсот мастерски одетых: сапоги по пояс, на плечах макинтоши и полушубки, на голове медвежьей шапки с зашнурками. Землянок они, сколько известно, не делают, а живут в парусинных палатках. Если зима удержится, по крайней мере, как теперь, с морозом градусов в 8, с ветром и снегом по лодыжки, то, может быть, прок будет.

У нас между тем с каждым днем транспорты делаются все хуже и хуже; шестьдесят верст между Симферополем и Севастополем нужно ехать в повозке недели две, не преувеличивая; от этого все вздорожало; пуд сена стоит 1 р. 75 коп. сер., да и того нет; фунт сахару поднялся на 75 коп. сер.; вино крымское, стоившее обыкновенно много, много 1 р. сер., стоит теперь 9 р. сер.; но мясо еще довольно дешево; сухарей у солдат дней десять нет; полушубки, которые должны были прибыть к 15 декабря, и теперь еще не пришли; водки также по целым неделям не бывает.

Можно себе представить, что такое транспорт больных при этих средствах. Я видел, как отправилось семьсот больных из Симферополя в Перекоп; их положили по три и по четыре на татарские арбы, без подстилок, без покрышек, в одних солдатских шинелях, надетых у иных только на рубашки, и так повезли в путь, продолжающийся целую неделю; а ночлегов нигде нет, следовательно, ночуй под открытым небом. На этих днях, однако же, привезли провизию, но не для людей, а для войны: бомбы и ядра из Екатеринослава и порох, которого несколько сот пудов свалили в углу батареи, возле нашей квартиры; это приятное соседство не мешает нам, однако же, нисколько разводить самовары и курить преспокойно табак.

Пронеслись было слухи, что союзники хотят сделать новый десант и обойти нас со стороны северных укреплений. Разом построили новую земляную батарею на четверть версты от нашей квартиры; говорили также о высадке около Перекопа и поэтому, вероятно, остановили около Перекопа шедшую к нам дивизию. К нам прибыли, однако же, резервы для укомплектования полков, но также, кажется, чтобы только выждать. Война наша идет решительно на выдержку: кто оттерпится, тот и прав. О будущем, как всегда и везде, никто ничего не знает. Об Остен-Сакене, прибытие которого наделало было шума, теперь замолчали; он живет в городе и, кажется, притворяется больным. Ждут великих князей; до них он, может быть, нарочно прячется; большая часть неприятельского флота ушла: одни говорят - на зимовку в Константинополь, другие - за свежим войском.

Никто ничего не знает, разве только один молчаливый князь Меншиков. Не знают и того, в какой мере нуждаются союзники и даже вообще нуждаются ли они. Только один лекарь, также бывший мой ученик, Беликов, служивший в Балаклавском батальоне и попавший вместе с ним в плен к англичанам, сказывал мне, что до 12 ноября, - в этот день они его отправили обратно в Ялту, - у него вместо свежего мяса давали солонину, а что теперь дают - неизвестно. Не помню, писал ли я к тебе, что они моего достойного ученика ограбили и продержали на гауптвахте две недели вместе с преступниками за одно недоразумение:

он хотел отправиться вместе с одной греческой фамилией в Ялту.

Лорд Раглан (Ф.-Д. Раглан (1788-1855)-английский командующий в Крыму.) позволил этому семейству отправиться; имя Беликова было уже внесено в список отъезжавших и передано капитану парохода; он собрал свои пожитки, состоявшие в шинели, калошах и шапке, и шел уже на пароход, как его вдруг остановили на дороге, потребовали именное приказание от Раглана, и когда он сказал, что у него нет такого, то его посадили на гауптвахту, кормили галетами и потом отпустили только по ходатайству Уптона.

Этот молодец, вместе с Кетли, бывшим консулом в Керчи, также у них в Балаклаве; изменники ли они или принужденные - неизвестно; первое, однакож, вероятнее.

Уптон женат на дочери хана Гирея и дал Беликову, при его отъезде, письмо к своей теще, ханше, родом англичанке; разумеется, это письмо было передано губернатору. Сначала Уптон и др. утешали несчастного врача, что через несколько дней, со взятием Севастополя,

возвратят ему все расхищенные солдатами вещи; рассказывали ему также, что из Севастополя прилетают к ним бомбы с письмами о сдаче города; но потом, все реже и реже стали об этом поговаривать и, наконец, 12 ноября отпустили его с миром восвояси. От него я узнал, что англичане так же, как и мы, валяют своих солдат розгами, раздевши и привязав сначала к столбу; особливо достается туркам; он, содержащийся на гауптвахте, был не раз очевидцем экзекуций. Грабят они также мастера [...].

Ник. Ив. Пущин мне писал о каких-то злоязычных слухах про Нахимова; скажи ему, что это враки; Нахимов теперь сидит также дома, в городе, нездоров, но здесь все, и именно морские, говорят о нем, как он этого заслуживает,- С уважением (П. С. Нахимов был в это время болен, так как получил в декабре 1854 г. контузию и рану от неприятельского снаряда ("Адмирал Нахимов", стр. 139 и сл.).

Я написал к тебе, по моему расчету, из Севастополя: 1) одно, короткое, письмо вскоре по приезде, 2) одно, длинное, за которое ты меня пилила, якобы за писанное для других, 3) из Симферополя - одно с почтой, 4) тоже из Симферополя - одно с курьером, которое я послал через фельдъегеря от сына Меншикова; про это письмо ты мне в письме от 25 декабря ничего не пишешь; если не получила, то оправься через Сузу;

Меншиков-молодой посылал его вместе с своими письмами и хотел кому-то, в Петербурге дать поручение отправить его к тебе; 5) одно-через контору Елены Павловны; 6) одно через флигель-адъютанта Шеншина, 7) через Пеликана (Это и есть одно из двух писем, посланных через медицинский департамент (см. письмо No 9). Венц. Венц. Пеликан (1790 - 1873) - с 1813 г. адъюнкт хирургии в МХА; с 1846 г. - директор Медицинского департамента Военного министерства; с 1851 г. по совместительству - президент МХА.),

8) настоящее [...].

Если Поль Пети (Поль-Пти - художник, иллюстрировавший "Ледяную анатомию" П.) или Сартори нужны деньги, то пусть пришлют счета сюда, а я здесь подпишу.

Я с этой же почтой пишу великой княгине о сестрах (См. дальше-Первое извлечение из отчета П. о действиях сестер милосердия в Крыму), из которых четырнадцать захворали, а двое умерли от непривычных трудов; но бог их, верно, не оставит за добрые дела; я описываю великой княгине деятельность посланных ею сестер и врачей, которые, по правде, достойны похвалы. Живем мы теперь вчетвером или впятером вместе, в двух комнатах: я, Каде, Обермиллер, Калашников и Никитин.

Письмо Никитина жене передай, а Калашников от жены еще не получал ни одного письма, а послал уже три. Обермиллер также еще ни одного не получил, а послал пять. Справься через кого-нибудь, отчего это.

Твой навсегда, моя душка.

4 января.

No 13.

13 января 1855. Севастополь

(Подлинник письма No 13 - в ВММ (No 15625), на четырех страницах; о конверте см. примеч. 2 к стр. 9; на нем надпись А. А. Пироговой: "получено 23 января в 5 ч. пополудни" (письма из Крыма доходили в Петербург через 10 - 12 дней).

Два дня тому назад мы переехали в город; не думай, однакож, душка, что в городе опаснее, чем в батарее, где мы жили; и здесь и там одинаково покуда безопасно; что будет дальше, бог знает. Стреляют все так же, как и прежде, вообще мало; пускают от времени до времени несколько бомб от нас и от него; ты знаешь, что он,- это значит - неприятель.

Не знаю, как наши бомбы, но неприятельские вообще мало делают вреда; недавно, однакож, одна влетела в матросский домик в Корабельной слободке, убила одного мальчика и, разорвавшись, обожгла двух маленьких детей и мать. Но вообще это редко; большая часть их бомб так же, как и наших, направлены на, батареи Южной стороны города; здесь случается, что иная, лопнув, разорвет так человека, что его и по кускам не соберешь; всего чаще, однакоже, встречаются раны штуцерными пулями.

Что неприятель теперь думает делать, трудно решить; работы его медленны; недавно

он вел мину против четвертой южной батареи, мы вели контрмину, он узнал это и бросил. Прежде всё говорили, что он скоро откроет батарею против северной бухты, где стоит большая часть флота; но теперь и об этом стало не слышно; батарея эта видна, но без пушек; против нее и наши сделали две батареи на возвышениях; говорили, что он хочет устремиться на Северную сторону, что будет новая высадка; теперь и об этом ничего не слышно.

К нам подходят понемногу резервы, но транспорт все еще труден, как и прежде. После того как около 6 января были морозы градусов в 7-8 и стоял дней пять санный путь, всё опять растаяло; сделалось тепло, как в апреле; а теперь вот уже три дня тихо, градуса 2 мороза, а на солнце градусов 10 тепла.

Неприятель, верно, много терпит; вчера еще перешли к нам человек шестнадцать англичан и египтян; жалуются на холод и удручающие работы; от нас также иногда перебегают то какой-нибудь поляк, то рядовой, пропивший аммуницию. Вылазки ночные дня четыре не делаются; может быть, приготавливаются к чему-нибудь подельнее; на этих вылазках англичан застают в траншеях почти всегда спящих, и потому наши вылазки в английские траншеи почти всегда удачны; и бьют их, и вяжут, и живьем берут; во французских траншеях это не так легко удастся: французы бдительнее.

Наши покуда переносят труды и перемену погоды еще довольно порядочно, хотя больных поносами и лихорадками и у нас довольно; но резервы на пути, около Перекопа, потеряли от усталости по топкой грязи, холода и изнурения разом триста человек, которых поутру нашли в грязи замерзшими. Мясо и хлеб покуда есть, вино также есть, хотя и не всегда, сахар вздорожал: пуд-17 руб. и более, а дня два его почти совсем и достать нельзя было; но покуда все еще нельзя жаловаться на сильные недостатки; прибывают постепенно и полушубки для армии. Итак, что будет из этого всего, никто ничего не знает.

Князь Меншиков живет так же, как и прежде - как будто бы его и не существовало; Сакен, о котором прежде много говорили, также стих, его также мало слышно. Корабли на бухте стоят спокойно; одни - в половину или меньше вооружены, а другие, как, например, корабль "Двенадцать апостолов", и совсем без пушек,- стоят и зевают; пароходы, штуки четыре, иногда снуют по бухте, да вечером держат караул; мачты затопленных кораблей выглядывают из моря; один из них подмыло и приподняло из воды, по этому-то случаю, говорят, и "Двенадцать апостолов" обезоружили, приготовив для затопления. Шесть неприятельских винтовых стоят в виду, верстах в семи от входа в бухту, все другие отосланы ими в Стамбул на зимовку.

Что делается в Балаклаве, мало известно; словам пленных и перебежчиков нельзя верить, а других лазутчиков, кажется, у нас нет; в какой мере англичане и французы терпят, мы знаем только из газет и от дезертиров. Конца еще не скоро предвидится, но, кажется, наступление весны в феврале должно же что-нибудь решить, кто сильнее и настойчивее.

В городе все тихо; мы занимаем дом на Екатерининской улице, которая идет прямо от пристани (Графской) в гору и оканчивается бульваром, к которому примыкает возвышение с батареей No 3.

Квартира наша теперь огромная, комнат семь, все меблированы, только холодны, и как дров здесь нет в излишестве, то мы и заняли только три комнаты. Екатерининская улица мало пострадала от бомбардирования; только нижний ее конец, примыкающий к батарее, усыпан черепками бомб; окна домов перебиты, и есть местами пробоины в стенах, но нет ни одного совершенно разрушенного дома.

В этой улице сделаны четыре баррикады из камней, в каждой по две и по четыре пушки. К нашему жилью нужно также пробираться через, одну баррикаду.

Мы однажды в прекрасную лунную ночь, гуляли вдоль нашей улицы и, заговорившись, дошли до подошвы батареи. Мы заметили это, когда уже увидели вблизи бомбы, которые летали вблизи нас. Обермиллер начал жаловаться, что у него подошвы от страха вспотели; Калашников уверял, что, подвергаясь во время прогулки опасностям, мы не можем надеяться ни на какую награду; вследствие этих причин мы воротились по отломкам бомб домой, положив за правило вперед не подвергать жизнь опасности, гуляя.

Впрочем, все это страшно и жутко издали; вблизи опасность принимает совсем другой характер. Занятий все еще гибель; устраиваются новые госпитали, по причине трудного транспорта раненых, в самом городе; в Дворянском собрании устроен уже давно перевязочный пункт; в танцевальной зале и на хорах лежат больные; на биллиарде лежат корпия и бинты; в буфете лежат фельдшера.

Только что сейчас прибыло второе отделение сестер; начальница их, Меркурова, принесла мне твои и детей дагерротипы; Коля - не похож, серьезен; ты прекрасно удалась, и я целовал тебя и детей несколько раз; спасибо, душка, за прекрасный подарок; сегодня же получил и письмо от 30 декабря.

Сестры первого отделения от занятий, непривычных для них, от климата и от усердия к исполнению обязанностей почти все переболели; сама их начальница лежит при смерти; три уже умерли. Я рад, что наконец хоть одно отделение сюда прибыло; оно здесь необходимо, некому поручить раздавать вино и чай больным [...].

Жизнь моя здесь такова: я встаю в семь, в восемь с половиной меня ждут прикомандированные ко мне распорядительным начальником штаба Сакена (кн. Васильчиковым) (Викт. Иллар. Васильчиков (1820-1878)-один из самых распорядительных генералов - участников обороны Севастополя. Оставил интересные записки о Крымской войне.) дрожки, и еду в госпиталь, где и остаюсь до двух и более, а потом еду в лодке на другую сторону (Северную) в прежние госпитали и остаюсь там до четырех.

Обедаю два кушанья: борщ и котлеты с пикулями и кайеном, которые я вместе с сигарами и шоколадом от Маши получил 9 января 1855 г.; из трех или четырех склянок пикулей только одна уцелела, а другие разбились, но и одной совершенно достаточно [...]. Кланяйся Богд[ану] Александровичу и Емилиии Антоновне (Б. А. и Эм. А. Глазенапы).

Скажи, что Бог[дан] Александрович должен теперь переменить взгляды на войну и флот наш. Кланяйся Шульцу, скажи, чтоб он мне что-нибудь писнул, и я соберусь скоро ему написать. Кланяйся Здекауеру и Сольбригу [...].

Но 14.

Севастополь. 26 января 1855 г.

(Подлинник письма Но 14-в ВММ (Но 15626), на четырех страницах; число "26" переделано П. из "22"; конверт без адреса.)

Твое последнее письмо от 14 января лежит передо мною. Вижу, что ты опять начинаешь терять терпение. Это не должно быть, однажды говорю навсегда. Как я могу тебе определить наверное, когда возвращусь; разве оно зависит теперь от меня; и я не понимаю, как ты, зная меня, спрашиваешь о 22 марте; разве я когда определяю день или срок? Напрасно ты упрекаешь меня, что я тебя надул. Я говорил и тебе и всем, что я ехать или исправлять какую-либо должность никогда не буду напрашиваться, как я бы ни был убежден, что эта должность будет по мне; а если мне дадут ее, то считаю за низость и малодушие отказываться. Чем же я виноват и перед кем, что у меня в сердце еще не заглохли все порывы к высокому и святому, что я не потерял еще силу воли жертвовать; а то, для чего я жертвую счастьем быть с тобой и детьми, должно быть также дорого для тебя и для них.

Сюда приехал на днях старик Волков из Москвы, служивший в двенадцатом году в ополчении; он уехал от детей и внучат, чтобы помогать раненым, и говорит:

- Как же можно, батюшка, такую крепость отдать; а я сюда приехал потому, что маракою и Четь-Минеи, сумею помочь, сумею и ублажить больному.

Так же и я думаю. Впрочем, я знаю, что и ты так же думаешь, а написала это в минуту горести. Отгони грусть, - верь, люби и уповай. Я, слава богу, покуда не унываю, да и скучать здесь времени нет, хотя бы иногда и хотелось поскучать о вас, моих милых; но день, несмотря на однообразие осады, летит в заботах. Я переменял квартиру; мне отвели почти целый дом на Николаевской улице, дали дрожки с одной лошадейю в мое распоряжение, и я разъезжаю по четырем госпиталиям и перевязочным пунктам; всякий день новые раненые; у меня мой отдельный двор, состоящий из десяти врачей и двадцати сестер; все вокруг меня в деятельности.

До двух и до трех продолжается перевязка раненых и операции, потом я схожу обыкновенно на баркас и переезжаю через бухту на Северную сторону; там также госпиталь; оттуда возвращаюсь к обеду домой; наевшись борща и котлет или котлет и борща, пью чашку кофе и засыпаю; в шесть часов вечерняя визитация, вечером - проверки и корреспонденции или иногда и шахматы; так проходит день за день; грохота пушек, лопанья бомб и не замечаешь.

Недавно однако же французы вздумали пустить несколько ракет, состоящих из чугунных цилиндров с каким-то зондиком на конце, из которых две упали сажень в десяти от нашего перевязочного пункта, и одна сделала глубокую яму аршина в два с половиной на улице, но никому и ничему вреда не причинила. Ночью слышится пальба при вылазках; недавно (третьего дня) наши у четвертой батареи Южной стороны засыпали девять пудов пороха в контрмину и взорвали неприятельскую мину, как слышно, весьма удачно. За полчаса до взрыва перебежал к неприятелю один из солдат, поляк, а с 12 января перебежало поляков и подсудных солдат человек до пятнадцати; зато и от них, то и дело, к нам перебегают по три и по четыре, рассказывая разные нелепости.

На этих днях, однакоже, к чему-то приготавливаются; это секрет покуда, но когда это письмо придет к тебе, то уже не будет более секретом; от меня потребовали также сестер и двух хирургов; дело будет, как кажется, между Евпаторией и Севастополем, да может быть и у самого Севастополя, потому что мне велено готовить кровати для больных. Место-то еще можно как-нибудь найти, но матрацов и белья нехватает; больные лежат недели по три на одном и том же грязном матраце и в одной и той же одежде; все-таки, однакоже, теперь меньше грязи и нечистоты; сестры помогают нам усердно; жаль только, что между ними, точно так же, как и между военными в главной квартире, есть множество интриг.

Сегодня был в первый раз у Остен-Сакена - человека чрезвычайно вежливого и любезного. Он об одном человеке (О кн. А. С. Меншикове.) говорит напрямик правду, и - поделом.

Я рад, что перебрался сюда, в город; в Главном штабе главнокомандующего сухопутных и морских сил в Крыму, не в упрек будь ему сказано, зело скучновато; хоть бы он острил побольше, а то теперь и остроут даже от него не слышно. В городе хоть есть чего посмотреть; дома мало пострадали от бомбардировки; только что народу мало, зато солдат много; виднеются иногда и женщины, остались некоторые, даже и жены моряков; так, одна, жена капит[ана] Протопопова (парох[од] "Крым"), поит больных в бараках на Северной стороне чаем, а сама живет с мужем на пароходе, курит папироски и весьма уважает Калашникова, с которым она познакомилась при постели больных.

Ты меня пожалуйста, моя душка, не торопи; не забудь, что я уже теперь вольный казак и заслуженный профессор; отслужил мои двадцать пять лет по новой царской милости и отслуживаю уже еще пятилетие (Имеется в виду указ о зачете всем боевым участникам обороны Севастополя каждого месяца службы за год. "В виде особого изъятия" разрешено было "распространить на учебную службу" П., "по уважению к заслугам, оказанным во время пребывания его в Севастополе для подавания пособия раненым, права, дарованные севастопольскому гарнизону, т. е. считать каждый месяц нахождения в Севастополе за год выслуги и по учебной части". После 6-го пятилетия профессора МХА не имели права оставаться на службе в ней.), а служить здесь мне во сто крат приятнее, чем в академии; я здесь, по крайней мере, не вижу удручающих жизнь, ум и сердце чиновнических лиц, с которыми по воле и неволе встречаюсь ежедневно в Петербурге.

В войне много зла, но есть и поэзия: человек, смотря смерти прямо в рыло, как выражался начальник штаба Семякин, когда шел на приступ с азовцами, смотрит и на жизнь другими глазами; много грусти, много и надежды; много забот, много и разливной беззаботности.

Мелочность, весь хлам приличий, вся однообразность форм исчезает; здесь не видишь ни киверов с лошадиными хвостами, ни эполет, ни чиновнических фраков и даже ордена видишь только изредка; просто все закутано в солдатскую сермягу, в длинные грязные

сапоги, как дома, так и на дворе; я этот костюм довел до совершенства и сплю даже в солдатской шинели. Посмотришь в госпитале, и тут вся наша формальность исчезает: кто лежит на кровати, кто на наре, кто на полу, кто кричит так, что уши затыкай, кто умирает не охнув, кто махорку курит, кто сбитень пьет.

Теперь в госпитале на перевязочном пункте лежит матрос Кошка, по прозвищу; он сделался знаменитым человеком; его посещали и великие князья. Кошка этот участвовал во всех вылазках, да не только ночью, а и днем чудеса делал под выстрелами. Англичане нашли у себя в траншеях двоих наших убитых и привязали их, чтобы обмануть наших, думая, что их будут считать за часовых.

Кошка днем подкрался ползком до траншей, нашел английские носилки, положил труп на эти носилки из полотна, прорезал в них дырья и, пропустив через дырья руки по плечо, надел носилки вместе с трупом себе на спину и потом опять ползком с трупом на спине отправился назад восвояси; град пуль был в него пущен, шесть пуль попали в труп, а он приполз здоровехонек.

Теперь он лежит в госпитале; его хватили на вылазке штыком в брюхо, но, к счастью, штык прошел только под кожей и не задел кишки. Он теперь оправился, погуливает, покуривает папироску и содрал еще недавно с попа и с Калашникова по двугривенному на водку. С великими князьями приехал, говорят, сюда Тимм, и портрет Кошки будет напечатан в Листке (Кошка, Федор - матрос 30-го флотского экипажа, герой обороны Севастополя. О нем - у Н. В. Берга, гл. IV, стр. 191 и сл. Тимм, Вас. Фед. (1820-1895)-художник, издатель "Художественного листка" (1851-1862).).

Погода здесь опять изменилась. После морозов в начале января настала весенняя погода; дня три тому назад подмерзло опять, а теперь два дня опять оттепель, и дует южный ветер; мы отворяем балкон, погода как в С.-Петербурге в апреле месяце.

О делах в Европе я знаю только по слухам и по некоторым запоздалым ведомостям; не верю. чтобы мир состоялся,- слишком далеко зашли, разве какое чудо случится, и будет какая-нибудь блистательная неудача с той или с другой стороны. Во французских газетах я читал все-таки о "coup decisif" (Решительный удар); пленные и дезертиры толкуют также о бомбардировке в феврале месяце, но все это пустое; un coup decisif теперь куда ни с той ни с другой стороны невозможен; неприятелю, очевидно, нельзя взять Севастополь, не обошедши нас и с Северной стороны; на штурм они не сунутся. Чтобы обойти нас с Северной стороны, им нужно сделать еще сильный десант, а чтобы сделать сильный десант, нужно другое время года. Что будет с нашей стороны, если состоится это движение одного отряда, вероятно к Евпатории, которое теперь предполагается (и содержится в тайне), один бог знает, а уж верно не Меншиков, который недавно, встретив одного из врачей, спрашивал его:

- Много ли раненых?
- Всякий день прибывают,- отвечал тот.
- Долго ли же это будет продолжаться, скажите мне,- сказал Меншиков.
- Это вашей светлости лучше знать.
- Поговаривают что-то о мире,- ответил главнокомандующий.

Сколько можно судить по рассказам дезертиров, войско у англичан довольно деморализовано; все наши вылазки против англичан гораздо лучше удаются, чем против французов; англичан застают обыкновенно спящими в траншеях; недавно один дезертир рассказывал, что лорд Раглан исчез; вероятно, что его хотят сменить; говорят, что если бы не удерживал строгий караул, то перешли бы к нам целые роты из legion entranger (Иностранного легиона) и от англичан.

Дай бог, чтоб это была правда. Кораблей их теперь немного видно; из моих окон можно насчитать только до шести, в расстоянии шести-семи верст.

Скажи Шульцу, чтобы он во время пиления посматривал за вещами, сложенными в той комнате, где стоит пила; вообще, мне не нравится, что ты ему отдала ключ от этой комнаты: в ней сложен и спирт, и инструменты, а я знаю, каков надсмотрщик Шульц, и я боюсь, что

половина вещей растеряется. Скажи ему, чтобы он пилил вдоль (Langsschnitte des Weiblichen Beckens), как можно более женских тазов и делал бы больше, чем говорил (Шульц выполнял эту работу для "Топографической анатомии" П. В этом труде П. проявил гениальность ученого, творческую фантазию мыслителя, изобретательский талант новатора, тонкую наблюдательность художника. Исследование начато печатанием в 1851 г. и закончено в 1859 г. Выходило оно частями в виде атласа на листах большого формата, с отдельными тетрадями объяснительного текста. Четырехтомный атлас состоит из 224 таблиц, на которых представлено 970 распилов в натуральную величину, рисованных художниками под наблюдением автора. Объяснительный текст - на латинском языке - состоит из четырех тетрадей большого книжного формата в 768 страниц. Текст "Топографической анатомии" изложен автором по-русски и напечатан в распространенных "От. зап.". Редакция поместила статью П. в художественном отделе, рядом с драмой поэта Л. А. Мея "Псковитянка". В этой статье изложены основные принципы труда. П. и здесь имел главным образом в виду приложение научных открытий к практической медицине.

"Господствующая мысль моего труда проста,- писал П.- Она состоит в том, чтоб посредством значительного холода, равняющегося не менее как 15°, довести все мягкие части трупа до плотности твердого дерева. Во время моих занятий я напал на мысль сделать еще другое приложение холода к топографической анатомии. Мне представилась возможность посредством заморозения изучить положение, форму и связь органов, не распиливая их в различных направлениях, а обнажая их на замороженном трупе, подобно тому, как это делается и обыкновенным способом. Конечно, этого нельзя сделать без помощи долота, молотка, пилы и горячей воды. Подобно тому, как в Геркулане открывают произведения древнего искусства, залитые оплотневшею лавою, так точно нам нужно в замороженном трупе обнажать и вылуцать органы, скрытые в оледеневших слоях" ("Анатомия разрезов", стр. 391 и сл.).

В другом месте П. заявлял: "Возвратясь в 1856 г. в С.-Петербург, я принялся оканчивать мой анатомический атлас и напал на мысль, вместе с разрезами замороженных трупов пластинками, в трех направлениях, представить первые опыты скульптурной анатомии; для этого я придумал обнажать разные (особенно подвижные) органы в нормальном их положении на замороженных трупах, работая через оледеневшие ткани долотом и молотком; вышли превосходные препараты, чрезвычайно поучительные для врачей; положение многих органов (сердца, желудка, кишек) оказалось вовсе не таким, как оно представляется обыкновенно при вскрытиях, когда, от давления воздуха и нарушения целостности герметически закрытых полостей, это положение изменяется до крайности. И в Германии, и во Франции пробовали потом подражать мне, но я смело могу утверждать, что никто еще не представил такого полного изображения нормального положения органов, как я; атлас мой разошелся по библиотекам европейских университетов, и теперь его нет более у книгопродавцев" (Письмо к И. В. Бертенсону от 28 декабря 1880 г.). О зарождении идеи "Ледяной анатомии" еще в 1836 г. см. в тексте

Академия Наук присудила П. за его труд полную Демидовскую премию. "Что касается до обогащения наших познаний, которым наука обязана этому сочинению, то изучение его обещает много нового и поучительного для бесчисленных частных" ("Дем. нагр.", XXIX, стр. 8). Разбор сочинения представил академик К. М. Бэр (там же, стр. 35-46). "Бэр с полной компетенцией мог оценивать всю глубину гениального обоснования Пироговым топографической анатомии как основы хирургии; и эти основы, возведенные Пироговым, остаются и останутся незабываемыми при всем техническом прогрессе современной и будущей хирургии. Если для до-пироговских хирургов разрез места операции сводился к искусству произвести его в ряде случаев одним движением ножа, то Пирогов детально разбирает последовательно лежащие слои тканей и создает учение о фасциях соединительно-тканых пластах, связанных с мышцами и сосудами. Это был крупный шаг вперед для техники производства операций, при которой каждое движение ножа преследовало определенную анатомическую цель и для понимания причин

послеоперационных осложнений; ибо, например, ход нагноений может зависеть от характера расположения фасций в месте операции" (Е. Н. Павловский, стр. 152). Из предшествующей научной литературы об этом труде отмечу книги и статьи С. П. Делицына, В. И. Разумовского, В. А. Оппеля,

П. П. Лазарева, В. Н. Шевкуненко.

В заключительной части статьи в "От. зап." П. сообщает о присвоении его открытия бойким французским анатомом. "Начав мою работу,- пишет он,- еще за 20 лет, я не спешил и никогда не думал о первенстве, хотя и твердо был уверен, что до меня никто не делал такого приложения холода к изучению анатомии... Гораздо замечательнее было по следующим обстоятельствам появление в свет труда, сходного с моим, под прекрасным небом Франции". Далее - рассказ о том, как П. еще с 1853 г. представил в Парижскую академию пять выпусков своего атласа "Топографической анатомии". Об этом труде русского ученого было сделано в заседании Французской академии 19 сентября того же года сообщение, напечатанное в ее протоколах. Спустя три года французский анатом Лежандр представил в Парижскую академию несколько таблиц, выполненных по тому же методу сечения замороженных трупов, и получил монтнионовскую премию.

Об этом было напечатано в тех же протоколах той же академии, но имя П. не упоминалось. "Мой труд как будто бы не существовал для академии",- пишет Николай Иванович и добавляет иронически, намекая на Крымскую войну: "Я ничем другим не могу объяснить это забвение, как восточным вопросом, в котором вероятно и Парижская академия, по чувству патриотизма, приняла деятельное участие".

К сообщению о плагиате иностранными учеными изобретений и открытий русских ученых можно прибавить заявление П. о том, что немецкий профессор Гюнтер "изобрел" остеотом (инструмент при операции на костях), совершенно сходный с "osteotomom" П., значительно позже опубликования чертежа П.

Инструмент, которым работал Шульц,- огромная механическая пила, сооруженная на средства П. механиком Профетом; она занимала целую комнату в клинике П. при МХА (П. А. Белогорский, стр. 41). См. еще письмо No 15).).

Кланяйся нашей Маше, целуй ее; кланяйся Ем[илии1 Ант[о-новне], Богд[ану] Александровичу]. Ради бога, моя душка, вооружись терпением. Не грусти, крепись, мужайся, надейся; ты у меня молодец; за энергией тебе не в карман лезть; помни, что чем бодрее ты, тем бодрее я. Портрет у меня всегда в боковом кармане у сердца. Целуй и прощай, моя неоцененная Саша.

Прилагаемые два письма отправь по адресу.

No 15.

30 Января [1855]. Севастополь

(Подлинник письма No 15-в ВММ (No 15627), на четырех страницах; конверта нет.)

Спешу написать тебе, моя милая Саша, несколько строк; сегодня едет фельдъегерь. Много поэтому писать некогда. Впрочем, все то же, по-старому. Одна только новость о себе: я на этих днях любопытствовал посмотреть наши батареи и к этому открылся удобный случай. Адъютант Сакена ездил парламентаром к французскому лагерю; в это время стрельба с нашей и с неприятельской стороны прекращается, и можно смотреть с батарей на неприятельский лагерь так же удобно, как смотрели мы в Ораниенбауме на английский флот (Это было летом 1854 г., когда П. жил с семьей в Ораниенбауме. Огромный англо-французский флот не сумел тогда добиться положительного результата и вынужден был оставить русское побережье на Балтийском море.).

Я поехал на дрожках на шестой бастион, отстоящий от моей квартиры версты полторы. Улица, ведущая к нему, Большая Миллионная, потерпела много от бомб; все дома в ней почти разрушены; бомбы пробивали крыши и отчасти стены, а остальное докончили наши солдатики, которым позволено выбирать из разбитых домов стропилы, полы, двери, словом, все, что в них есть деревянного, для топки и для постройки себе землянок.

Когда мы подъехали к шестому бастиону, то подняли у нас белый, парламентарный

флаг. Выстрелы с батареей умолкли. Я подошел сначала к стене, находившейся уже прежде, до неприятеля, в этой части города и сооруженной более против татар, чем против европейских неприятелей. Поэтому за ней сделан огромный вал и снабжен огромными корабельными пушками. Опустили щиты, заслоняющие наших от выстрелов, чтобы лучше можно было всё видеть, вооружились подзорными трубами и начали смотреть в оба. Вдали, сажен за четыреста, виднелась на возвышении неприятельская батарея, а саженях в двухстах от нас видны были и траншея; из них выстроилось также множество голов французских, любопытствующих подобно нам.

Наш парламентар, с белым знаменем в руках, верхом, сопровождаемый тремя или четырьмя всадниками, спускался медленно вниз с нашей горы в долину, впереди ехал трубач и трубил. На углу кладбища, в расстоянии от нас сажен сто пятьдесят, он остановился; из неприятельских траншей выступило человек шесть пеших, из которых один также нес белое знамя; между ними был парламентар-полковник. Все дело состояло в том, чтобы передать от находящихся у нас пленных письма и ответить на вопрос Канробера (Ф. Канробер (1809-1895)-главнокомандующий французской армией в Крыму (с осени 1854 г. до весны 1855 г.), который справлялся, нет ли у нас в плену таких-то.

Вся конференция продолжалась с четверть часа. Парламентары возвратились потом восвояси, щиты спустили, я сел опять на дрожки и убрался; когда я ехал уже по дороге, то опять начали пускать бомбы и еще сильнее прежнего, чтобы вознаградить себя за напрасно потраченное время в переговорах.

В эти два дня были ночью сильные канонады, чтобы препятствовать работам; но раненых мало. Несмотря на то, у нас дела вдоволь; основываем новые перевязочные пункты в обывательских домах, отделяем гангренозных, которые развелись довольно от нечистоты и времени года. Надобно отдать справедливость Калашникову, который утром и вечером часов по пяти работает в гангренозном отделении; только человек такой, как он, привыкший к нечистым работам в анатомии, может выносить столько, сколько он выносит, взясь с гнилью и живым" трупами. Два дома заняты под это благоуханное отделение;

хозяевам после, если Севастополь не будет разрушен, придется всё переделать: стены, полы и всё пропиталось гнилью.

(Один из этих домов - дом купца Гущина, часто упоминаемый в истории обороны Севастополя. "Не лишним считаю сказать несколько слов о пресловутом доме Гущина, куда отправлялись с главного перевязочного пункта безнадежные, изувеченные раненые, которым и операции нельзя было произвести. Отделение с такими несчастными находилось в одном просторном купеческом доме, по близости дома Инженерного ведомства, и состояло под надзором профессора Гюббенета и других, чередовавшихся между собою, хирургов; но постоянными хозяевами этого отделения были - сестра милосердия Григорьева и привезенный из Петербурга Пироговым опытный фельдшер Калашников, прозванный у нас Хароном. Атмосфера была здесь убийственна: никакие дезинфицирующие средства не помогали, и не было возможности и пяти минут пробыть в такой палате, особенно во время перевязки ран; только один Калашников с железными легкими и притупившимся обонянием мог выдерживать это зловоние и безустанно работать по указанию врачей.

Никто почти из этих страдальцев не выздоравливал и редко кто проживал здесь сутки; большею частью через час, через два, изуродованный защитник Севастополя отдавал богу душу и уносился в особое помещение. Только при наступлении весеннего времени, когда можно было отворять окна и когда привезена была из Петербурга ждановская жидкость, воздух сделался сноснее и стали являться случаи, если не выздоровления, то по крайней мере возможности произвести операцию и перевести больного в другое отделение. Дом Гущина назывался мертвым домом, а хирурги наши дали ему название могилы. Когда привозили изувеченного на перевязочный пункт и по осмотре раздавалось приказание: в дом Гущина! - несчастный заливался горькими слезами. Каждый солдат понимал смысл и значение этого приговора" (Ульрихсон, стр. 180 и сл.).

Упоминаемое в этом отрывке дезинфекционное средство изобретено в 40-х годах XIX

в. инженером Н. И. Ждановым и долго применялось в госпитальной практике. Так, например, в 1893 г. лабораторными исследованиями было установлено, что ждановской жидкостью можно с успехом пользоваться для борьбы с холерными и брюшнотифозными бактериями. Во время Крымской войны было опубликовано мнение П. об этом средстве: "Проф. Пирогов просит прислать для госпиталей в Крыму как можно более жидкости, изобретенной инженер-технологом Ждановым, которая поглощает испарения разлагающихся органических веществ и уничтожает зловоние. Пирогов испытывал эту жидкость здесь [в Петербурге], в Анатомическом институте и палатах госпитальной хирургической клиники, и говорит, "что при малом количестве и в соединении с половинным количеством воды, она, в самое кратчайшее время, совершенно уничтожает зловоние в воздухе, развивающееся от гниения трупов, от злокачественных нарывов, от испражнения, от накопления больных, от перевязочных вещей, и вообще от всех причин, сопряженных с условием госпитального быта, и что, в самое короткое время, она превращает зловредный воздух в здоровый, распространяя притом запах древесной кислоты". Далее сообщается, что решено закупить большое количество этой жидкости и отправить в Крым ("М. сб.", No 2, отд. офиц.. стр. 375, 1855 г.).

Погода беспрестанно меняется. Сегодня чудеснейший день, почти весенний; вчера был сильнейший южный ветер, продолжался, однако, недолго, с дождем, и опять испортил дорогу. Слякоть по колено. Я очень доволен своей новой квартирой.

У меня есть камин, и мы живем втроем: я, Обермиллер и Калашников. Никитин - в отдельной комнате. За мной ухаживают эти господа, как дети за отцом. Калашников - гений хозяйства. Кто его знает, откуда он все достает, - и капусты кислой для салата, и икры, и шнапса, так что на недостаток нельзя жаловаться; нашел даже и баранков к чаю.

Доктор Каде, который также жил с нами и так часто со мною играл в шахматы, отправлен мною в отряд вместе с Беккерсом (Л. А. Беккерс (1831-1862), по окончании в 1854 г. медицинского образования, поступил ординатором в ВСХГ; П. оценил талантливость молодого врача и при отъезде в Севастополь пригласил его в свой отряд. После войны Б. написал, под руководством П., докторскую диссертацию и в 1861 г. был избран профессором хирургии МХА. Яркую характеристику талантливого Б. оставил живший с ним в 1861-1862 гг. на одной квартире И. М. Сеченов. Там же - о трагической смерти Беккерса (см. еще у А. А. Ландшевского, стр. 158).) к Евпатории; там предвидится какое-то дело.

Восьмая Дивизия пришла также туда из Перекопа, но до сих пор ничего еще не слышно, хотя прошло уже несколько дней, как он уехал. великие князья тоже часто бывают в городе; но Меншикова не видать; он сидит в своей берлоге, между тем как Сакен беспрестанно разъезжает, высматривая все своими сжатыми в булавочную головку зрачками (что придает его взгляду что-то особенное, именно, что называется по-русски мортослепством).

Я писал тебе уже, что Главнокомандующий морскими и сухопутными силами больше не острит; последняя его острота осталась, кажется, с октября на счет здешнего коменданта Кизлера, толстяка такого, что в дверь не пролезет, и седого, как лунь. Этот дородный господин, увидав телеграфический знак 50, принял зюд-ост за число 50 и прибежал к Меншикову, запыхавшись, объявить, что 50 неприятельских пароходов приближаются. Меншиков, поняв в чем дело, назвал его "ветреной блондинкой". Это была последняя острота.

Видаюсь нередко и с Нахимовым, который, как и все благомыслящие, называет Меншикова скупердяем.

Я тебе писал уже, что наши взорвали неприятельскую мину с успехом. Недавно (третьего дня) повторили еще взрыв, а на днях французы ошибочно взорвали собственную мину, думая, что мы в этом месте ведем контр-мину. Не забудь, что это все делается на шесть сажен в глубину, под землей. Говорят (пленники), что у французов сделано слишком двадцать галлерей, и все около четвертого бастиона, к которому они всего ближе (на шестьдесят сажен) подошли. Но пока что они новым десантом не отрежут нам дороги от

Перекопа, бояться нечего; говорят, что англичане наняли сардинцев и хотят сделать, кроме Евпатории, еще десант в Алуште на южном берегу и отсюда двинуться к Симферополю, чтобы окружить нас, тогда как Омер-паша (Омер-паша (1806-1871)-командующий турецкими войсками в Крыму и в Азии.), который также в Евпатории, на пароходах пойдет из Евпатории, чтобы окружить таким образом Севастополь со всех сторон. Qui vivra, verga (Поживем-увидим)

Вот тебе почти все наши новости.

Начатое нужно кончить. Покуда я чувствую, что здесь полезен и покуда меня не прогнали отсюда, я должен начатое уладить и не возвращаться домой без результата; я ехал в Севастополь не для того, чтобы только сказать, что был здесь. Успокойся же, моя душка, помни, беспрестанно помни, что твоя твердость, твое спокойствие - это моя сила. Портрет твой и детей я ношу, как талисман, всегда при себе возле самого сердца.

Целуй и благослови детей.

Шульцу дай прочесть написанное. (Все дальнейшее, до конца абзаца, написано по-немецки.)

Нельзя ли приготовить разрез глаза в различных направлениях. Попытайся-ка.- Сделайте разрезы (продольные) носового канала с пометкой, принадлежал ли череп неделимым с коротким носом (калмыкам) или же с длинным носом. Не забудьте сделать, сколько только возможно продольных разрезов женского таза.

Прощай, моя несравненная. Спешу отправить письмо, фельдъегерь едет.

№ 16.

Севастополь, 15 февраля [1855 г.]

(Подлинник письма № 16 в ВММ (№ 15628), на одной странице; конверт-с обычным адресом.)

Не писал к тебе уже полторы недели; это оттого, что, во-первых, было множество дела: ночью было нападение на редут, и французы отбиты с уроном, а во-вторых, я в это время несколько прихворнул своим обычным недугом и теперь засел дня на четыре дома [...].

Скажи Сартори, чтобы он обратился, как можно скорее, в конференцию; я писал Пеликану с этим же письмом [...].

Я не знаю, получила ли ты все мои письма; нужно бы было счесть. Не помнишь ли ты, сколько я денег пожертвованных имел при себе, 4000 ровно или с чем-то? Письма должны лежать у меня в столе, справься (О деньгах, переданных П. от учреждений и частных лиц для раздачи больным и раненым воинам, об использовании их).

Посланных вещей по почте еще не получил [...].

№ 17.

Севастополь, 19 февраля [1855 г.]

(Подлинник письма № 17 не найден)

На письмо твое, касающееся дел Березина, спешу отвечать следующее. Держись всех этих дел дальше. Я в молодом Березине не имею ни малейшего доверия; я знал его, когда мальчишкой он еще долги делал; выросши, играл, проигрывал все, что отец давал; брал у всех, никому не отдавал [...]. Н. И. Пущин добр и благороден, но суждения его о людях не всегда справедливы.

Вся эта наследственность частей для детей состоит из шести тысяч р. серебром или 64 душ; Березин (С. Д. Березин - брат первой жены П.) просит семь тысяч, которые после передаст моим детям.

Нет, этому человеку я ни на волос не верю. Итак, чтоб и помину не было об этом [...].

Я сижу все еще дома, мой желудок все не в порядке. Ослизнение такое, что все - язык, зев - как будто покрыты слоем этой поганой тягучей слизи, и я думаю просидеть еще недели три дома; мне кажется, это необходимо.

Между тем, здесь дела обстоят по-старому. Недавно, однакоже, придумали построить такой редут под носом у неприятеля, который, если окончится благополучно, то, по уверению ваших, будет обстреливать все английские редуты; этого мало; заложив его,

принялись еще и за другой выше и тот отоварили.

В первую ночь после заложения редута французы сделали нападение и ворвались в него, но с одной стороны наши пароходы, а с другой - штыки так их отжарили, что, по словам пленных раненых, *les russes se sont battus comme des lions* (русские дрались как львы) ("Под Севастополем у нас беспрестанные вылазки, которые очень тревожат утомленного неприятеля" (В. С. Аксакова, 11 февраля 1855 г., стр. 52).).

У Евпатории там наши были отбиты без результата. Эта евпаторийская экспедиция, которая в Петербурге представлена как рекогносцировка, очевидно, была самая глупая штука (Дело у Евпатории-атака 5 февраля 1855 г., предпринятая по желанию Николая I. Экспедицию эту Меншиков поручил храброму и распорядительному генералу С. А. Хрулеву (1807-1870), отличившемуся еще в 1854 г. на Дунайском фронте. Но в Евпатории неприятель имел огромный перевес в живой воинской силе и пользовался мощной поддержкой своих кораблей. И хотя меткость нашей артиллерии и стрелков нанесла ему большой урон, Хрулеву пришлось отказаться от штурма. "Несмотря на просьбу солдат вновь идти на штурм, начальник отряда приказал продолжать отступление", которое "было произведено в примерном порядке" (Е. В. Тарле, т. II, стр. 268 и сл.).).

Интриги! Какому-нибудь генералу непременно захочется что-нибудь схватить, вот он ищет и домогается, пока ему дадут чем-нибудь поковырять, а на поверку выйдет плохо.

Я во время моего затворничества буду писать к тебе чаще, но понемногу; не о чем много. Между сестрами множество больных и здесь, врачи также прихварывают. Главнокомандующий также болен. Нахимов прислал мне из библиотеки много разных книг, и я, оставаясь дома, если не сплю, склонность ко сну есть,- то читаю; главное, лишь бы господь бог мне вкус поправил, которого почти совсем нет, и я, кроме чаю, почти ничего не ем; но так ничего не могу сказать, чтобы где бы болело или что беспокоило; короче, ты знаешь мою историю,- когда ослизнение у меня разгуляется, то считай на несколько недель.

Надобно иметь терпение (Об этой своей постоянной болезни П. пишет в дневнике).

Прощай, мой милый ангел. Друг мой неоцененный, моя ненаглядная Саша. Целую тебя и прижимаю крепко, крепко к груди [...].

№ 18.

Севастополь, февраля 22 [1855 г.]

(Подлинник письма № 18-в ВММ (№ 15629), на двух страницах.)

Хожу по комнатам с сигарой и с стаканом воды. Вот уж выпил два стакана натошак прекраснейшей воды, авось, послабит. Вчера в первый раз ел суп с курицей; вкус чая еще не могу прокусить, но слизи начинает, слава богу, менее отделяться. Вчера я принял третью морскую ванну, и действие их, очевидно, благотельно: как сядешь в ванну, так как будто в раю. Сижу минут пятнадцать, потом обливаю себя ведром холодной морской воды и снова сажусь минут на пять. Кофе еще не пробовал; но сегодня или завтра попробую и думаю, что также теперь пойдет на вкус. Впрочем, сон довольно спокойный.. Мне прислали из библиотеки множество книг, и я обыкновенно читаю, но, устав читать, засыпаю.

Вот тебе, моя милая душка, бюллетень моего здоровья, из которого ты видишь, что, слава богу, идет лучше. Погода стоит здесь прекрасная, покуда сухая, солнечная и теплая. Во время моей болезни заболело еще четыре медика, и Обермиллер отличается истинно своей деятельностью: он и на перевязочном пункте, он посещает этих врачей и шесть сестер, занемогших тифом.

Вчера навестил меня Сакен, но застал меня в ванне. Меншиков отправился отсюда в Симферополь и сдал команду Сакену, на долго ли-неизвестно; у него разболелся пузырь: прежняя, давнишняя его болезнь; он мочился кровью и с жестокими болями. Все этому очень рады, и он хорошо бы сделал, если бы совсем не возвращался из Симферополя.

Вот нам бы твой желтый чай по почте поскорее приехал, не худо бы было.

Посылаю письмо Даля (Вл. Ив. Даль (1801-1872)-писатель, составитель "Толкового словаря живого великорусского языка", автор беллетристических очерков преимущественно этнографического содержания; писал бойко, с юмором. Д.- товарищ П. по учению в Юрьеве.

Их дружеские отношения поддерживались после переезда П. в Петербург, где Д. служил при министре внутренних дел Л. А. Перовском в качестве заведующего его особой канцелярией. Д. участвовал в пиროговском кружке врачей (ферейн). Разностороннее образование Д., его глубокие познания в естественных науках (до университета он окончил Морской корпус, несколько лет служил во флоте) не мешали ему быть в некоторых отношениях последователем мистика Сведенборга.), его взгляд на наше положение; к чему он приплел Сведенборга (З. Э. Сведенборг (1688-1772)-шведский ученый; начал свою деятельность в качестве натуралиста, а затем стал мистиком; в своих писаниях утверждал, что его посещают видения с божественными откровениями, что он был "в сердечной области бога, в левом желудочке", и т. п. бред.), уж бог его знает; но "наши кишки и тонкие, да долгие, хоть жилимся, да тянемся", по-моему, содержит истинную правду.

Лишь бы нас не покинули наши душевные силы и наша вера, а то, как-то предчувствуешь, отстоим [...].

№ 19.

24 февраля [1855 г.]

(Подлинник письма № 19-в ВММ (№ 15630), на двух страничках; конверт не сохранился.)

Слава богу, всякий день идет лучше. Вчера я ел с аппетитом тарелку супа куриного и жареного голубя. Продолжаю ещё брать морские ванны [...]. Хожу по комнатам, сижу пред камином; вчера в прекрасное утро выходил на балкон. Сон хорош. Вот тебе, моя душка, мой бюллетень. Если так пойдет, то скоро выйду, но спешить не буду.

Великие князья отсюда внезапно уехали ночью дня три или четыре тому назад. Говорят, будто императрица опять занемогла опасно (Вел. князья Николай и Михаил были вызваны в Петербург в связи с предсмертной болезнью Николая I (см. письмо П. от 1 марта, № 21).

Впрочем, все идет по-прежнему. Та же стрельба днем и ночью, на которую по привычке уже не обращаешь внимания. С недавнего времени неприятель пробует бросать к нам, говорят, из-за Малахова кургана, следовательно верст из-за шести, ракеты. Одна из них упала вблизи дома, где жили великие князья (в Сухой Балке); одна недалеко от Меншикова, у четвертой батареи; несколько в городе; одна в доме, где живет Сакен, который было загорелся, но его вскоре потушили; одна в доме рядом с домом, где лежат гангренозные больные, пробила потолок и , углубилась. в пол; в других местах врылись в землю на сажень, но повреждений значительных нигде не сделали.

Калашников выкопал часть этой ракеты, и она стоит теперь у нас. Целая должна быть длиною слишком в сажень. Наши на этих днях им подвели и взорвали контр-мину, так что их галерею взорвали на 16 сажень. Про англичан уже ничего не слышно, только про одних французов, которые действуют и работают. Но 14 февраля наши заложили новый редут, который должен обстреливать почти все английские редуты, а выше его еще другой; французы ночью сделали нападение, но я тебе, кажется, писал уже, как их отпотчивали [...].

№ 20.

25 февраля 1855 г.] Севастополь.

(Подлинник письма № 20-в ВММ (№ 15631), на двух страницах; конверта нет.)

Верный моему слову пишу и сегодня мой бюллетень. Верь мне, моя душка, что когда могу, когда усталость, занятия не отвлекают меня, то мне наслаждение писать к тебе и тебе рассказывать все, что у меня на уме. Ты еще, я знаю, думаешь, что я от тебя скрывать, тебя надуваю, но верь, это пустяки. Клянусь богом, у меня с тобой нет ничего скрытого и только то тебе не сообщаю, что, я знаю, ты не поймешь и потому тебе

будет совсем неинтересно знать.

Письмо о Меншикове можешь дать прочесть теперь всем. Я дождался, наконец, что этого филина сменили; может быть, и мы к этому кое-что содействовали; пора, пора; на место его едет Горчаков из Южной армии; покуда командует Сакен (М. Д. Горчаков (1793-1861)-главнокомандующий Дунайской, затем - Крымской армиями. Характеристика

Г.- в дальнейших письмах П. из Севастополя (по Указателю).).

Я себя чувствую уже довольно крепким. Хожу по комнатам. Всякий день беру морскую ванну, съедаю две тарелки куриного супу и одного жареного голубя, одну чашку кофе. Вкус во рту стал гораздо лучше, также и ослизнение, но еще не совсем исправилось.

Это письмо отправляю с флиг[ель]-адъют[антом] Шеншиным, который, кажется, в двадцатый раз уже катается из С.-Петербурга в Севастополь.

Из того письма, где я тебе описывал Меншикова, видно, что я правду говорил: он не годится в полководцы; скупердяй - верно, весь род такой; доказательство mad. Суза; сухой саркаст, отъявленный эгоист,- это ли полководец? Как он запустил всю администрацию, все сообщения, всю медицинскую часть. Это ужас! И взамен, что же сделал в стратегическом отношении? Ровно ничего. Делал планы, да не умел смотреть за исполнением их, потому что ему не доставало умения на это; он не знал ни солдат, ни военачальников; окружил себя ничтожными людьми, ни с кем не советовался,- ничего и не вышло.

Он хотел было сыграть комедию и под видом мистицизма, что он молчит, но знает и скрывает многое, хотел бросить пыль в глаза; ему и удалось надуть некоторых дураков (с одним из таких, Апраксиным, я встретился на дороге), которые кричали, что без Меншикова Севастополь погиб. Но теперь все мы знаем, что Севастополь стоит совсем не через него, а *malgre lui* (Вопреки ему). Слава богу, я рад, что этого старого скупердяя прогнали. Он только что мешал.

Раненых здесь всякий день человек по десять бывает. Двое из моих врачей вчера возвратились из экспедиции в Козлов, куда я их посылал, и они двое только и были там операторами на 600 раненых (это - Каде и Беккерс). Прощай, мой несравненный ангел [...].

№ 21.

1 марта. 1855. Севастополь.

(Подлинник письма № 21- в ВММ (№ 15632), на двух страницах; конверт-без адреса; на оборотной стороне его - рукою А. А. Пироговой: "1 марта 55. Севастополь".)

Сегодня приводили войска и чиновников присягать императору Александру II. Итак, имя Николая I принадлежит уже истории. Я слышал подробности, но не верится (Подробности о смерти Николая I - слухи о самоубийстве царя. В литературе много свидетельств современников в подтверждение этих слухов. Из них очень ценен рассказ А. А. Пеликана. Дед его, директор Военно-медицинского департамента В. В. Пеликан следил за болезнью Николая I и по своему положению получал верные и обстоятельные сведения о ней. Кроме того он дружил с врачом Николая I Мандтом, который был частым посетителем у него в доме. Пеликан рассказывал дома, что Мандт дал яд желавшему покончить с собой Николаю. Пеликану-деду из-за этого пришлось даже перенести служебные неприятности. Когда при старике Пеликане товарищи его внука-студента говорили, что Мандт как врач не должен был давать царю яда, дед говорил, что "отказать Николаю в его требовании никто не осмелился; ему не оставалось ничего другого, как или подписать унизительный мир или покончить самоубийством" (А. А. Пеликан, стр. 120). В. В. Пеликан - близкий приятель Пирогова.

Определенное сообщение Пеликана подтверждается другим вполне осведомленным совооменником смерти царя, Я. А. Чистовичем (1820-1875), профессором МХА и ее историком. Свидетельство это введено в литературный оборот лишь в 1948 г. академиком Е. Н. Павловским из неизданного дневника Чистовича (хранится в ВМА). Говоря о "шарлатанской" системе "атомистики", Чистович заявляет, что ей "от всей души сочувствовал" Николай I, "заплативший даже жизнью за это сочувствие" (Е. Н. Павловский, стр. 200).

Рассказы Пеликана и Чистовича подтверждаются кратким, но решительным заявлением биографа Николая I, историка, ген. Н. К. Шильдера, знавшего очень многое из документов, недоступных другим историкам и, возможно, даже недошедших до нашего времени. На полях принадлежавшего ему экземпляра книги М. А. Корфа о 14 декабря 1825 г., против хвалебных отзывов Корфа о Николае как о рыцаре, герое и т. п., Шильдер отмечал: "враки,

вранье, чистейший вздор, струсил, лукав, труслив", а против слов о том, что Николай "опочил смертью праведника", написал: "отравился" (Н. К. Шильдер, стр. 148 и сл.). Свод показаний о смерти Николая I и критический разбор их - у академика Е. В. Тарле (т. II, стр. 282 и сл.). Важное значение при оценке приведенных в наст. примечании фактов имеет выдвигаемое академиком Е. В. Тарле на первый план указание, что Николай I умер, когда дежурным врачом при нем был лейб-медик Мандт, остававшийся при больном императоре без третьих лиц. Лишь накануне Мандт уверял всех, что болезнь Николая не опасна, а во время своего последнего дежурства он вышел взволнованным и заявил, что император умирает. Другие известия о смерти Николая I у Н. П. Барсукова (т. XIII, стр. 384 и сл.).

Что касается судьбы самой мандтовской "атомистики" (или "мандизма", как ее называли современники), то в официальном ее разоблачении принимал деятельное участие П. "20 февраля нынешнего [1856] года состоялось высочайшее повеление: "Относительно производимых в Образцовом военном госпитале опытов над атомистическими способами лечения поручить особой комиссии из известных медиков военного и гражданского ведомств, по избранию министров военного и внутренних дел, строго исследовать, какие оказались результаты сего способа лечения и, смотря по удовлетворительности или неудовлетворительности оных по усмотрению их, или принять этот способ на совесть к руководству, или же вовсе отвергнуть оный". Членом комиссии от Медицинского совета министерства внутренних дел был П., вышедший к тому времени в отставку из МХА. Он был главным, вдохновляющим участником работ комиссии, он составил и ее доклад из пяти пунктов: "Комиссия работала целое лето. Пирогов перечитал со всем вниманием около 2000 скорбных листов Образцового госпиталя (со времени учреждения его в 1853 г. до закрытия в апреле 1856 г.), пересмотрел столько же скорбных листов в атомистическом отделении СПб. больницы чернорабочих, и на основании всего этого комиссия пришла к следующим заключениям: "... 4... атомистический способ отнюдь не может назваться выгодным ... 5. В основаниях атомистического метода нет ничего, кроме совершенного отрицания фактов, положений и законов современной науки. Правильный и точный анализ нормальных и болезненных процессов человеческого организма, необходимый для рационального врачебного действия, заменен в этом методе односторонними гипотезами о нервных явлениях организма, о прямых отношениях лекарств к отдельным органам и об усилении действия врачебных средств через продолжительное их растирание. Самое назначение одних и тех же лекарств в различных по свойству болезнях чуждо основательной критики и здравого смысла. При таковых недостатках рационального основания этот метод... оказывается крайне вредным. Убеждаясь сими выводами, комиссия по совести и крайнему разумению своему полагает, что так называемый атомистический способ лечения болезней не может служить для образованных врачей руководством. Надобно отдать справедливость Н. И. Пирогову: почти весь доклад комиссии подготовлен его трудами и написан его пером" (Е. Н. Павловский, стр. 201 и сл.).

Здесь все по-прежнему; о новом десанте еще не слышно. В марте или апреле должно что-нибудь разыграться. Апрель - мой последний термин (Срок пребывания на фронте), если бог продлит живота до веку. Здоровье мое, слава богу, с каждым днем поправляется. Я целый час прохаживаюсь по комнатам, ем полторы тарелки куриного супа, куриную котлетку и беру морские, едва тепловатые, ванны; но на воздух еще не решаюсь выходить, зная, что если выйду, то тотчас же попаду опять на старую свою колею, а это еще рано.

Сегодня едет курьер, и я не хотел оставить тебя без известий, хотя, впрочем, писать не о чем; у вас теперь, я думаю, слухов и разговоров не оберешься; здесь все тихо, все осталось без перемены; по-прежнему выстрелы, лопанье бомб и ракет, раненые,- всё то же. Посмотрим, что будет вперед. Это уже здесь совершенно решенный вопрос, что Севастополя нельзя взять, не окруживши его и с Северной стороны и не прекративши все сообщения; но ведь это не мутовку облизать; сюда, мы слышали, идут еще две дивизии, и тогда посмотрим, что сделают сардинцы и турки [...].

Замечательно также и то, что французский парламентар сказал нашему (а я слышал

лично от нашего) 16 числа, что государь скончался (Николай I умер 18 февраля 1855 г.) и что будет мир. Меня уверял сам парламентар; передаю, что слышал. Если правда, то необъяснимо.

Погода здесь стоит вообще уже недели две очень порядочная; солнце греет сильно, но ветер холоден, и мы топим еще и печки и камин [...].

Сестры, за исключением последнего отделения, которое еще в дороге, теперь все здесь и трудятся [...]. Из них шесть, однакож, больных, а две умерли от тифа, который господствует здесь и между больными и между врачами. Многие, однакоже, слава богу, поправляются.

А главное дело, ты, моя милая, несравненная душка, не тоскуй; в конце апреля - это мой последний термин [...]. Не забудь, что уже теперь я отслужил мои годы и свободен. Итак, теперь уже не долго [...].

Пожалуйста, не забудь написать, сколько пожертвованных денег я взял с собой; я теперь свожу счеты; мне кажется, что 4000; но ты справишься с письмами от Безбородко, сколько он прислал, я забыл.

Прощай, мой ангел, будь спокойна [...].

№ 22.

6 марта [1855]. Севастополь.

(Подлинник письма № 22 - в ВММ (№ 15633), на двух страницах; конверт - с адресом, как большинство других.)

Слава богу, здоровье мое поправилось. На этой неделе, завтра или послезавтра, выеду, если будет хорошая погода. Обливаюсь уже холодной морской водой. Но от тебя с 14 февраля ни слова; что это значит? Задерживают письма, что ли? Впрочем, Паскевич (Фед. Ив. Паскевич (род. 1823 г.), сын фельдмаршала) был последний курьер, привезший известие о смерти государя. После него еще никто не приезжал.

Я тебе писал уже, что в последних числах апреля, если жив и здоров буду, уеду отсюда; разве только будет предстоять, очевидно, какое-либо важное военное дело, которое, разумеется, тогда меня задержит до мая. Но весьма вероятно, что если что-либо будет решительное, то в эти два месяца, именно, в апреле, если же не будет, то история эта может протянуться, пожалуй, еще год. Человек предполагает, бог располагает; насколько человеку позволено загадывать вперед, то в последних числах апреля я выеду отсюда.

Здесь все по-прежнему - вылазки, ночные нападения на редуты, канонада; но все без толку. Кажется, пора бы убедиться, что, так действуя, неприятель ничего не достигнет; об англичанах уже даже не слышно; они удалились с выстроенных ими редутов, и место их заняли французы.

Вновь выстроенный нами редут около Малахова кургана им очень нравится, и они уже не раз пытались отнять его, но всегда их отбивали; он очень близко к их редутам, так что наши ночью украли у них 150 туров (Туры - корзины, наполненные землей, служащие для прикрытия во временных укреплениях) и перенесли на нашу сторону; это их ужасно раззадорило; короче, другого средства им не осталось взять Севастополь, как окружив его с Северной стороны; без этого им на штурм лезть невозможно, а чтобы окружить, то надобно знать, у кого будет более войск. Ожидают со дня на день сюда Горчакова с его штабом и с войском. Про Меншикова носят слухи, что он умер в Перекопе, и слава богу. (А. С. Меншиков умер в 1869 г.)

Мы теперь здесь ничего не знаем об европейских делах: нет ни писем, ни газет. Надобно думать, что дороги, транспорты, провиантировка и госпитали, наконец, существенно улучшатся после того, как Анненкову (Ник. Ник. Анненков (1799-1865)-генерал-губернатор Новороссийского края в 1854-1855 гг.) дана власть распоряжаться и в соседних губерниях: Воронежской, Екатеринославской и Курской. Давно бы так; я, как приехал, то написал докладную записку, что от здешней губернии ничего нельзя надеяться получить для транспорта больных и проч. и что нужно для этого, чтобы соседние губернии приняли участие. Я им говорил также, что если не предпримут мер, то

разовьется тиф-он и развился; врачи и сестры то и дело, что хворают, и некоторые, разумеется, умирают [...].

№ 23.

18-19 марта [1855 г.]. Отошлетя еще на этих днях. Севастополь.

(Подлинник письма № 23 не найден)

[...]. Теперь точно не писал недели две. Зато перед этим, когда был болен и сидел дома, писал каждые четыре дня; писал к тебе и о деле Березина; писал и мои бюллетени о здоровье; бог знает, куда все это девается. От тебя же - вот 12 дней ни строчки, да еще и после одного ужасного письма, где ты описываешь свою болезнь, свою грусть и свои заботы о детях [...].

Если я только буду жив, если нас не запрут со всех сторон, а оставят хоть маленькую прореху, я в мае, рано ли, поздно ли - не знаю, к какому числу, - но приеду; баста, - это решено и подписано у меня. Я бы решился и прежде приехать, но две вещи меня удерживают; во-первых, уезжая, я потяну за собой почти десять врачей, которые были здесь, можно по совести сказать, весьма полезны в течение пяти месяцев; они ни за что на свете не хотят без меня здесь оставаться, сколько я их ни уговаривал, и скорее хотят уехать до меня, но не после меня; во-вторых, в мае месяце окончится пять лет службы, и теперь уже меня ни лаской и ничем не принудят служить долее, - после же двадцати пяти можно быть выбранным еще на пятилетие, и кто знает, может быть, меня бы лукавый попутал еще остаться; а после же тридцатилетия не велено указом долее оставаться; для этого и пенсия прибавляется. Пробыв здесь уже четыре с половиной месяца, я подумал, что лучше прибавить еще полтора и уже *grundlich* (Основательно) решить. В мае же месяце может Севастополь делать, что ему угодно, но меня не удержит; пора и на Балтийское; там, может быть, также не останемся без дела. Если в эти два месяца ничего не решится, то, пожалуй, будет продолжаться, как осада Трои, и тогда посмотрим, какой бифштекс сделается Улиссом.

Все, что я в состоянии был делать, я сделал для Севастополя; принес мою лепту от души; пусть теперь другие постараются. Врачи также один за другим хворают; из моих еще, слава богу, никто не умер, но другие умирают таки частенько от тифа. Летом, если все это будет продолжаться по-прежнему, как теперь, будет здесь что-нибудь и похуже тифа.

Я написал Горчакову докладную записку об этом; предложил, что считаю необходимым для отвращения заразы; посмотрим, что он сделает. Он при первом свидании со мною в госпитале (у него я еще не успел быть, был то еще не совсем здоров, то мешали занятия) узнал меня, со мной расцеловался на обе щеки и тотчас же начал расспрашивать обо всем, а потом потребовал, чтобы я ему между оперированными указал какого-нибудь из солдат, кто, по моему мнению, заслуживает георгиевский крест. Я ему показал молодца унтер-офицера с отнятой рукой, которому накануне была сделана операция, и он тотчас же своеручно дал ему крест и поздравил кавалером. Вот за это люблю! Он где-нибудь да слышал, что я говорил о Меншикове, упрекая его, что он не посещает раненых, не дает им награды и ставил ему в пример Воронцова, который на Кавказе сам раздавал кресты в госпиталях.

Как бы то ни было, Горчаков, из этого видно, человек, а Меншиков просто мумия. На этих днях я буду у него, встречу и старого знакомого Коцебу. Здесь новое только то, что стали драться сильнее; после того, как наши построили или почти построили новый редут впереди Малахова кургана, всякую-ночь - нападения. В одну ночь, назад тому с неделю, было тысяча двести раненых, и нам работы было на целых двое суток, когда я только что в первый раз выехал после болезни. Теперь почти все батареи молчат, исключая этого нового редута. Он неприятелю, как спица в глазу. Ожидают нового войска, которое ускоренными маршами подвигается к нам из Одессы и из Бессарабии. Пороху мало, но провиант есть на два месяца.

Я на случай и для себя заготовил сухарей на шесть недель, да пять или шесть окороков; кофе вдоволь. Можно жить, хоть и осадят со всех сторон; но о новом десанте еще ничего не

слышно; а о мире я помину у нас нет.

Какой мир, когда они принялись 10 марта нас в ночь бомбардировать, чтобы отвлечь от редута; пустили к нам в город тысячи три бомб, а мы стояли да посматривали, как они, светясь, летели прямо на нас, да только мимо, в бухту, или лопались на воздухе. Никитин, однакоже, уверяет, что ему песок в глаза попал от одного лопнувшего черепка бомбы. Вблизи нас загорелся дом, и на этот пожар они прямо начали пускать в нашу сторону; я собрался разом; у меня здесь только один мешок, да погребец и шинель; а в батарее (Николаевской) для нас стоит готовым отведенный каземат; там можно быть безопасными от бомбы; я не переезжаю, однакоже, потому что у нас славная и веселая квартира, с балконом на море.

Сигары и желтый чай, наконец, получил на этих днях, 12 или 13 числа, и получил еще от кого-то ящик с сигарами, кажется, от Зубкова. Про сестер милосердия должен писать еще великой княгине Елене Павловне. Не знаю, что мне с ними делать, когда поеду; они также об этом беспокоятся.

Приложенное огромное письмо, которое я сочинял целую неделю, во время болезни, да несколько дней после болезни, все отрывками да урывками, адресовано к Зейдлицу в ответ на его два письма, но назначено мною и для нашего маленького общества врачей; покажи Шульцу, который, коли хочет, может исправить грамматические ошибки, а потом отдай Здекауеру, пусть он его читает себе и другим приятелям, а после перешлет Зейдлицу. Два письма Зейдлица

(К. К. Зейдлиц (1798-1885)-галантливый, образованный терапевт; по окончании университета в Юрьеве был врачом морского госпиталя в Петербурге, затем участвовал в войне 1828-1829 гг.; с 1836 г.- профессор МХА. Живя в столице, поддерживал связи с Юрьевом, где сблизился с проф. И. Ф. Мойером (см. по Указателю), а через него- с поэтом В. А. Жуковским. У Мойера познакомился с П., когда Николай Иванович был профессором в Юрьеве, и в 1839 г. явился инициатором приглашения П. в МХА. Уйдя в 1846 г. в отставку, занимался общественными делами; десятки лет собирал материалы к биографии Жуковского, в 1870 г. выпустил в свет книгу о поэте. Продолжая расширять свою тему, издал в 1883 г. обширное исследование "Жизнь и поэзия В. А. Жуковского 1783-1883, по неизданным источникам и личным воспоминаниям автора". Ему адресовано письмо П. от 16-19 марта 1855 г. О Зейдлице у Н. Ф. Здекауера)

также дай им прочесть, чтобы лучше поняли мой ответ.

Счет пожертвованным деньгам твой, не знаю, правилен ли; мне кажется, Екатерина Михайловна (Екатерина Михайловна (1827-1894)-дочь вел. кн. Елены Павловны, участвовала в благотворительных учреждениях матери.) пожертвовала не четыреста, а пятьсот; справься лучше с письмами в столе. Квитанции Сартори я позабыл передать. Для департамента внутренних дел закажи Полю Пети шестнадцать экземпляров картин моих всех выпусков с первого до последнего. Департамент присылал сюда ко мне бумагу. Если нужно Пети деньги, пусть пришлет счет, я подпишу; но, вернее, пусть уже подождет.

Квартиру в Ораниенбауме найми заранее, я думаю, ту же. Сюда мне ничего теперь не присылай, а то, пожалуй, не успеет и придти, судя по чаю и сигарам. Себя поздравь с рождением; кажется, уже тебе за 26 перевалило - что еще юноша в сравнении с нашим братом стариком [...].

Писем теперь не ожидай скоро; каждые две недели - раз; решившись раз отправиться в мае и имея теперь дела по уши, писать не могу скоро, но в две недели раз буду; хоть редко да метко [...].

Кланяйся Глазен[апам], Пущину, Здекауеру и всем близким.

№ 24.

25 марта [1855 г.]. Севастополь

(Подлинник письма № 24-в ВММ (№ 15634), на четырех страницах; конверт с обычным адресом.)[LDN2]

Это письмо ты получишь, верно, прежде, чем написанное от 21 марта точно так же, как

и я получил твое от 13 прежде, чем от 8.

(Письма с датой 21 марта 1855 г. нет; конечно, имеется в виду письмо от 18-19 марта (№ 23).),

Это письмо идет с курьером, а другое с одним генералом, который довольно уже докучал мне в С.-Петербурге и приехал и сюда надоедать (Генерал-Геццевич).

Я в том письме написал различные распоряжения, а в этом прибавлю только, чтобы ждала меня уже непременно на даче, в Ораниенбауме, куда, надеюсь, если будешь жива и здорова, то переедешь с детьми, как всегда, около 20 мая. В доме оставь кого-нибудь, чтобы принял вещи, а я, приехав в Петербург, тотчас же поеду на дачу; оставь расписание часов на квартире, когда пароход будет отходить в Ораниенбаум.

Из Севастополя я уеду около 15 мая, останусь в Симферополе, может быть, в Херсоне и проч., а потом уже, не останавливаясь, в С.-Петербург. В Москве я думаю остаться только несколько часов и хочу заехать к сестрам (Сестры П. Анна и Пелагея); пришли их адрес; не знаю, вместе или розно теперь они живут.

Детей поцелуй за их письма; скажи им, чтобы они теперь держали уши остро и слушались бы и вели бы себя хорошенько; я приеду, потребую отчета и буду ослушников судить уже военным судом; для этого с собой привезу и шинель с мундирным воротником.

На днях здесь узнали, что два первых условия мира приняты в Вене; остается теперь самый главный - третий: свобода плавания по Черному морю (Мирные переговоры в Вене велись зимою 1854/55 г. Слухи о них волновали все тогдашнее русское общество. Красноречиво выразила это в своем дневнике В. С. Аксакова: "Я просто обвиняю [Нессельроде К. В. 1780-1862, министр иностранных дел] в злоумышленности, каким бы то ни было способом, принудить нас хотя к постыдному миру" (14 ноября 1851 г., стр. 3). "Мы были поражены известием, что хотят заключить мир с Австрией и принять четыре постыдных условия. Мы все были поражены и взволнованы" (18 ноября 1854 г., стр. 7). "Наше правительство все живет немецкими началами, немецкой политикой; чувствует нераздельное сродство свое со всей системой Австрии, и Нессельроде действует очень сознательно" (27 ноября 1854 г., стр. 15). "Мы приняли четыре постыдных условия, и в то время, когда наши враги сами объявляют, что им приходится очень плохо под Севастополем; вероятно, мы и поспешили для того, чтобы вывести их из этого затруднительного положения; ну как же не сказать, что у нас в министерстве австрийский агент действует" (6 декабря 1854 г., стр. 18). "Покуда Нессельроде управляет делами, нельзя доверять правительству" (21 декабря 1854 г., стр. 24). См. у академика Е. В. Тарле (т. II, гл. 10, стр. 298 и сл., 574 и сл.).).

Между тем здесь всякий день, или лучше всякий вечер и всякую ночь, на новом редуте валяют напропалую, и число раненых с каждым днем прибывает; но зато на всех других батареях почти совсем утих огонь; только и слышно и видно перестрелку у Малахова кургана.

Новые войска, две с половиной дивизии Южной армии, начнут вступать в Севастополь 27 апреля, как это мне вчера сказывал Анненков, который теперь сюда приехал на несколько дней; но ничего, кажется, не в состоянии сделать, чтобы усилить транспорт больных и опорожнить от них город, в котором теперь скопилось до 7000 больных, в Симферополе 6000; и, если не будут вывозить, а осада продолжится, то в летние жары и при существующих недостатках непременно разовьется какая-нибудь зараза. Я об этом толкую всем и каждому; писал докладную записку Горчакову; сам толковал с ним и с нач[альником] шт[аба] Коцебу, с Анненковым, с Нахимовым,-- короче, со всеми; прошу их и убеждаю, чтобы они вывозили больных из города на Северную сторону, раскинули бы там палатки, которые можно лучше проветривать, чем казармы и госпитали; чтобы отсюда возили беспрестанными и постоянными транспортами далее; чтобы запасали места для вновь прибывающих. Все это принимается, но ничего не делается; средств нет, палаток нет, лошадей и фур мало; куда везти больных, также еще хорошо не знают; все ближайшие госпитали уже переполнены, и везде воруется и везде беспорядок по-прежнему.

Генерал-штаб-доктор - пешка и только умеет поддакивать да хвалить то, что худо (Генерал-штаб-доктор-Шрейбер.). В госпиталях нет ни одного лишнего матраца, нет хорошего вина и хинной корки, ни кислот даже на случай, когда тиф разовьется. Врачей почти целая половина лежит - больны, и еще что из всего этого хаоса точно хорошо, так это сестры милос[ердия...]. Если бы не они, так больные лакали бы вместо сытного супа помои и лежали бы в грязи. Они и хозяйничают в госпиталях, и кушанье даже готовят, и лекарство раздают,- зато также и болеют; опять двое заболели и одна, Бакунина (Ек. Мих. Бакунина (1812-1894)-одна из лучших помощниц П. в Крыму; письма П. к ней - дальше; ее отец был сенатором, мать-племянница М. И. Кутузова.), тифом.

Если будешь кого видеть от вел[икой] княг[ини], то скажи, что я готовлю второй подробный отчет о действиях сестер, и прочтет ли его она или нет, а я ей пошлю, потому что я горжусь сам их действиями; я защищал мысль введения сестер в воен[ных] госпит[алях] против дурацких нападений старых колпаков, и моя правда осуществилась на деле. Князь Г[орчаков] весь в руках К[оцеб]у, и если бог сам не поможет нашей матушке родной России, то не далеко на нем уедем; но он, по крайней мере, человек с душой, не такая копченая мумия, как М[еншико]в, и желает добра - это уже много, хоть и недалеко хватает. В военном деле разумеется, я не судья, и сам лукавый их не разберет, что они делают и что думают делать,- да еще и думают ли - вопрос. Один другому завидует и друг другу ногу подставляет, как бы свалить; но если можно было бы, пожертвовав тысяч двадцать, сделать с нашей стороны что-нибудь решительное, как это уверяют некоторые из военных (разумеется, больше молодые), то я бы советовал не медля это сделать.

Что значит и двадцать тысяч, выбывших из строя, в сравнении с теми жертвами, которые падут от заразы, если она успеет развиться; тогда и пятьдесят тысяч не досчитаются. Впрочем, бог им судья. Я что сумел, исполнил по совести, а на нет - суда нет. Поэтому я считаю мою миссию оконченной или почти оконченной здесь.

Уезжая отсюда, правда, я отнимаю от Севастополя около десятка дельных врачей, но кто думает, что я поехал в Севастополь только для того, чтобы резать руки и ноги, тот жестоко ошибается; этого добра я уже довольно переделал; я предоставил это другим, а сам смотрел больше и что увидел, то было то же самое, что уже прежде видел и знал. Я знал уже прежде, какова участь наших раненых (впрочем, не одних наших), думал содействовать к улучшению; теперь убедился, что при нашей распорядительности это дело несбыточное; беспорядок, беззаботность и непредусмотрительность неискоренимы,- хоть кол на голове теши.

Теперь, например, я всем уши прожужжал, что при новом деле, если будет хоть тысяча раненых, то они будут валяться, как свиньи; но никто ни с места,авось-ка вывезет как-нибудь. После все будет гладко и песочком посыпано. Вместо разных прихотей - сигарок и папирос, и даже вместо чаю и сахару, которые благотворители наши посылают сюда для раненых, лучше бы было им выслать на чем бы и где бы можно было лежать, но это, разумеется, не так легко. Анненков, вместо подвод и палаток привез также пожертвование, не знаю, свое ли или чужое,- скляночку с хлороформом. Заботы начальства о смертности как и всегда - большие; переписка о числе больных и выбывающих из строя - как и всегда - тьма,- бумага все терпит: врачам нет покою ни днем ни ночью,- а что толку? До смертности ли тут, до успеха ли в лечении, когда больных скучат, как селедок в боченке, и в начале болезни и ранений не хотят или в самом деле, может быть, не могут позаботиться об их приюте, о логовище и о чистоте тела?

Да, вот еще геройский поступок сестер, о котором я сейчас услышал и который уже, верно, известен вел[икой] княг[ине]: они в Херсоне аптекаря, говорят, застрелили. Истинные сестры милосердия,- так и нужно, одним мошенником меньше. Не худо, если бы и с здешним Федором Ивановичем сделали то же.

Правда, аптекарь сам застрелился или зарезался,- до оружия дела нет; но это все равно. Сестры подняли дело, довели до следствия, и дела херсонесского госпиталя, верно, были хороши, коли уже аптекарь решил себя на тот свет отправить. Но зато они должны теперь

ухо остро держать: с комиссариатским ведомством шутки плохи. Здесь, покуда я здесь, их на руках носят: что будет после, не знаю, но под эгидою вел[икой] княж[ини] может быть и хорошо отделаются, лишь бы она не слушала наветов, и лишь бы они, как бабы или как военнначальники, между собой не ссорились и друг другу не пакостили. Я уже об этом почти со слезами умолял и их иеромонаха, который, между нами будь сказано, очень глуп (Иеромонах при Крестовоздвиженской общине-Вениамин), и начальниц самих.

Однакож я заговорился; пора в госпиталь; ночью прибыли раненые. Прощай, моя душка. Будь, ради бога, здорова и храни детей. Я часто думаю, что-то они делают одни, когда тебе нездоровится; впрочем, когда я и в Петербурге, то они все-таки остаются одни, если ты нездорова, хотя я знаю, что ты и больная за ними смотришь [...].

Цигары и желт[ый] чай, наконец, на прошлой неделе получил; также и твою корпию; теперь пью всякий день утром Машин шоколад, который целую зиму лежал в бездействии. Пожелай Маше благополучного разрешения.

Прощай, моя душка, целую и обнимаю тебя. Писать теперь не буду так часто-некогда: должен сводить разные счета, переисправить бумаги, а сверх того новые раненые всякий день прибывают. Прощай, до свидания на даче, если богу будет угодно продлить живота и веку.

№25.

7 апреля [1855]. Севастополь.

(Подлинник письма № 25 не найден)

Пишу тебе с перевязочного пункта, куда я на время, а может быть, и до окончания моего срока пребывания в Севастополе, переехал на другой день Светлого воскресения [...].

В Светлое воскресение был у заутрени в соборе, и во время служения уже раздавались издали сильные выстрелы; бомбы летали в город; потом опять все замолкло. Но в понедельник на Святой, 29 марта, в 5 часов утра мы были разбужены сильной канонадой; окна комнаты дрожали, по стенам дома как будто сотни кузнецов стучали молотками; мы вскочили, наскоро оделись и узнали, что неприятель открыл сильную бомбардировку со всех бастионов; наши отвечали; завязалась сильная канонада из тысячи пятисот осадных орудий, полетели бомбы и ракеты, мы побежали стрелглав на перевязочный пункт вскоре вся огромная зала начала наполняться ранеными с ужасными ранами: оторванные руки, ноги по колена и по пояс приносились вместе с ранеными на носилках; слишком четыреста раненых нанесли нам в сутки, слишком тридцать ампутаций.

С этого дня бомбардирование продолжалось днем и ночью до 6 апреля и даже сегодня еще не совсем окончилось, хотя сделалось несравненно тише. В первый день неприятель выпустил слишком тридцать тысяч снарядов; считают, что по сей день выпущено до четырехсот тысяч. Бомбы падают где ни попало, но вообще вреда изломам бастионов сделали немного.

На бастионах считают до ста подбитых пушек из тысячи; разрушенные амбразуры исправляются ночью, но это стоит людей; и у нас считают в течение этого времени (от 28 марта до 7 апреля) до шести тысяч выбывших из строя. На наш перевязочный (главный) пункт, куда являются раненые с самых главных бастионов (четвертый, пятый и шестой), является до двухсот - четырехсот в день. Два наших небольших пороховых погреба и один английский взлетели на воздух.

Неприятель взорвал мину перед четвертым бастионом и образовал воронку, которую и занял; но сегодня ночью наши две роты подползли тишком, разрушили поставленные уже около воронки туры, закидали засевших там французов камнями, выгнали их вон, взяли человек пять в плен и ушли. Бомбардирование, очевидно, уже утихло. Чего хотел неприятель?

Бог знает. Кажется, однако, надеялся более причинить нам вреда и готовился на штурм. Третьего дня ночью сильные его колонны, как говорили, до двадцати тысяч, хотели во время взрыва мины пробраться между 4 и 5 бастионом, но были встречены перекрестным картечным огнем и удрали назад. Между тем, к 10 или 12 апреля придут новые войска к нам,

две с половиной дивизии, и мы подкрепимся.

С моря он [...] выставил тоже в нашем виду пятнадцать кораблей, которые, однако, только стоят и ничего не делают. Только с третьего дня одна канонерская лодка, пользуясь туманом, подъезжает близко к бухте, дает несколько выстрелов из больших ланкастерских орудий и тотчас же поворачивает назад; бомбы и ядра из них падают возле нас в бухту. Говорили, что Наполеон сюда приехал и по этому случаю открыто бомбардирование; но эти слухи не подтвердились. Полагают, что бомбардировка теперь прекращается, потому что у неприятеля уже нет зарядов, которых у нас тоже мало, так что каждый бастион должен делать в сутки только положенное число выстрелов. Бог знает, чем все это кончится. Будет ли штурм или нет, но пора бы положить один конец этой глупой осаде.

На перевязочный пункт, кроме солдат, приносят и женщин и детей с оторванными членами от бомб, которые падают в Корабельную слободку - часть города, где еще, несмотря на видимую опасность, продолжают жить матросские жены и дети. Мы заняты и ночь и день, и ночью, как нарочно, еще более, чем днем, потому что все работы, вылазки, нападения на ложементы и т. п. производятся ночью.

Странно будет, если после этой усиленной бомбардировки неприятель опять смолкнет, и дела пойдут по-прежнему; но все его усилия теперь обращены, очевидно, на четвертый бастион; через этот пункт он хочет проникнуть в Севастополь. Наши все желают штурма и говорят, что это было бы для них самое лучшее. Северная сторона остается, как и прежде, для нас совершенно открыта, и цены на съестные припасы и проч. нисколько не поднялись.

Письмо твое от 21 марта получил сейчас. Ты, моя душка, та же и в 26 лет, как была прежде. Я тебя уверяю, что ты точно родная детей, и ты без всякого угрызения совести можешь себе присвоить это титло, которое ты вполне заслужила и которое и дети заслужили своей любовью к тебе.

Погода здесь хороша, но еще не слишком. Стоят туманы; перед нашими окнами расцвела акация, но деревья распускаются несравненно медленнее, чем в С.-Петербурге; я замечаю это, смотря на их свежие листки всякий день. Вино, про которое ты пишешь, я не получил, и теперь не высылай уже ничего - не стоит. Еще пять недель, и я [...] выеду из Севастополя. Надеюсь, что к тому времени даже что-нибудь да будет сделана либо с нашей, либо с неприятельской стороны.

Теперь я живу в трех разных местах. Вещи мои лежат в сохранности в Николаевской батарее, где для меня приготовлен также и один каземат, если на перевязочном пункте будет слишком опасно долее оставаться; на прежнюю мою квартиру езжу обливаться холодной морозной водой и обедать, а сплю и провожу целый день и ночь на перевязочном пункте - в Дворянском собрании, паркет которого покрыт корой засохшей крови, в танцевальной зале лежат сотни ампутированных, а на хорах и биллиарде помещены корпия и бинты. Десять врачей при мне и восемь сестер трудятся неуспешно, попеременно, день и ночь, оперируя и перевязывая раненых. Вместо танцевальной музыки раздаются в огромном зале Собрания стоны раненых.

Н. И. Пущину скажи, что у его племянника Завалишина оторвало ядро во второй день бомбардирования всю руку, и я ее вырезал из плечевого сустава. Теперь ему идет довольно порядочно, сверх ожидания, потому что рана была чрезвычайно тяжелая, с большим разрывом кожи, и он был принесен на перевязку изнеможенный от сильной потери крови.

Здекауера попроси, чтобы он известил через Рауха (Г. А. Раух (1789-1864) - лейб-медик Николая I.) Зейдлица, что офицер Зейдлиц, о котором он меня спрашивал в своем письме, убит под Альмою [...].

№ 26.

Севастополь. 22 апреля [1855].

(Подлинник письма № 26-в ВММ (№ 15635), на трех страницах; конверт-с обычным адресом.)

После бомбардирования, о котором я тебе писал и которое продолжалось непрерывно от 28 марта до 8 апреля и во время которого выпущено было до полмиллиона снарядов,

теперь еще буря не утихла; всякую ночь почти что-нибудь да встречается; ложементы пред третьим бастионом уже в третий раз переходят из рук в руки и теперь остались в руках неприятеля [...] у нас вдруг привалило до шестисот раненых в одну ночь, и мы сделали в течение двенадцати часов слишком семьдесят ампутаций. Эти истории повторяются беспрестанно в различных размерах. Сегодня пронесся слух, что неприятель сделал опять десант или хочет делать около Одессы, а другие говорят - опять на Альме; но, слава богу, у нас войска довольно, более, чем было 24 октября.

Ты пишешь, что не можешь рано переехать на дачу; ради бога, и не переезжай рано; я тронусь после половины мая только из Севастополя, если бог велит, о чем я уже написал Пеликану и вел[икой] княг[ине]; следовательно, прежде последних чисел [мая] или начала июня не могу приехать в С.-Петербург. Вели сначала, прежде чем переедешь, вытопить дом хорошенько. Я не понимаю, как ты получаешь мои письма и я твои. В один день я получил три: от 5, 7, 9 апреля; так, вероятно, и ты мои получишь. Если скотина генерал Гецевич, свиты его императорского величества, не доставил тебе письмо, которое сам вызвался доставить и в котором я поместил еще письмо к Зейдлицу, то надобно непременно об нем справиться в С.-Петербурге и у него достать во что бы то ни стало. Его знает Карелль (Ф. Я. Карелль (1806-1886)-товарищ П. по Юрьеву (1826-1832); о письмах П. к нему, автобиографического содержания,- дальше см. текст.) и велик[ая] княг[иня]. Он выехал отсюда 26 марта я хотел на Святой быть уже в С.-Петербурге. Два письма, посланные после него, ты уже, верно, получила.

Теперь здесь уже настоящее лето; жара, все в цвету, хотя, правда, зелени здесь и немного видишь; весь Севастополь набит теперь войсками. Для чего их держат здесь, выставляя и подвергая бомбам, не знаю, но, вероятно, что-нибудь или приготавливают или сами готовятся.

Все, что при бомбардировании было разрушено, теперь опять совершенно поправили. Теперь опять бастионы, как были прежде; правда, у нас выбыло в девять дней тысяч девять из строя; одних ампутаций мы сделали с 27 марта по 21 апреля-до пятисот, но и неприятелю досталось порядочно. Бесплезная резня эта уже, я думаю, не мне одному надоела; бьют друг друга, ничего ровно не выигрывая; все остается, как было; они не решаются на штурм, мы не можем их прогнать. И так все идет без конца; трудно решить, чем все окончится; теперь мы стоим ровно.

Будь же здорова и, ради бога, не делай ничего, что тебе может повредить. Теперь у вас самое скверное время в Петербурге - лед Ладожский идет. Береги детей также. Прощай, моя несравненная душка, не грусти и не думай [...].

Письмо, может быть, сегодня еще и не отправится, но я спешу его отправить на Северную сторону.

№ 27.

Севастополь. 29 апреля [1855].

(Подлинник письма № 27-в ВММ (№ 15636), на шести страницах; число "29" в дате переделано из "27", конверт-с обычным адресом.)

Все тихо и спокойно. Вот уже третий день, как выстрелы слышатся изредка, и число раненых, вместо сотен в сутки, ограничивается десятками. Только на Северную сторону стреляют из неприятельского лагеря раскаленными ядрами из ланкастеровских пушек. Что значит эта тишина? Бог знает; верно, перед грозой. Неприятель строит одну батарею за другой и после последней бомбардировки значительно приблизился. Одна новая батарея сооружается против четвертого, одна против третьего бастиона. По Театральной площади (на конце Екатерининской улицы) уже нельзя ходить: летают ядра, и потом там проводят траншею, и войска отправляются к четвертому бастиону Уже не по прежней дороге. Говорят о предстоящей нам снова усиленной бомбардировке. Между тем город наполнен нашими войсками, полки бивакируют на улицах, и слава еще богу, что им мало вредят бомбы; куда их денут во время бомбардирования, не знаю, а если они останутся, как теперь, на открытых улицах, то без вреда не обойдется.

Худые слухи носятся в городе; говорят, что Севастополь будет взят. Но что всего хуже - это раздоры и интриги, господствующие между нашими военными начальниками; это я заключаю из разговоров с адъютантами. Сакенские ненавидят горчаковских; друг друга упрекают в пристрастии. Видна также и решительность. Когда 20 или 21 числа наши ложементы перед пятым бастионом были взяты [...], неприятель, заняв их, мигом выстроил батарею, воспользовавшись нашими же работами, перед носом четвертого бастиона. Хотели его выбить, но потом опять отдумали. Мы отстояли бомбардировку - правда, но потеряв выбывшими из строя тысяч до десяти и допустив неприятеля ближе. От раненых беспрестанно слышишь жалобы на беспорядок. Когда солдат наш это говорит, так уж, верно, плохо.

Время ли тут интриговать, спорить и рассуждать о том, за что тот или другой получил награду, восставать друг против друга, когда нужно единодушие; а его нет, я это вижу ясно. Это ли любовь к родине, это ли настоящая воинская честь? Сердце замирает, когда видишь перед глазами, в каких руках судьба войны, когда покорочеознакомишься с лицами, стоящими в челе. Они, не стыдясь, не скрывая перед подчиненными, ругают друг друга дураками [...].

Хорошо говорить самому себе: "молчи; это-не твое дело"; да нельзя, не молчитесь, особливо, когда говоришь с женою.

Так и во всем, так и с бедными ранеными; когда за месяц почти до бомбардировки я просил, кричал, писал докладные записки главнокомандующему (князю Горчакову), что нужно, вывезти раненых из города, нужно устроить палатки вне города, перевезти их туда,- так все было ни да, ни нет. То средств к транспорту нет, то палаток нет; а как приспичило, пришла бомбардировка, показался антонов огонь от скучения в казармах, так давай спешить и делать, как ни попало. Что же? Вчера перевезли разом четыреста, свалили в солдатские палатки, где едва сидеть можно; свалили людей без рук, без ног, с свежими ранами на землю, на одни скверные тюфячишки. Сегодня дождь целый день; что с ними стало? Бог знает.

Завтра поеду на ту сторону, так увижу. Когда полковой командир обед дает, так он умеет из этих же палаток залу устраивать (См. письмо от 3 января), а для раненых этого не нужно; лежи по четыре человека безногих в солдатской палатке.

А когда начнут умирать, так врачи виноваты, почему смертность большая; ну, так лги, не робей. Не хочу видеть моими глазами бесславия моей родины; не хочу видеть Севастополь взятый; не хочу слышать, что его можно взять, когда вокруг его и в нем стоит слишком 100000 войска,- уеду, хоть и досадно.

Доложи великой княгине, что я не привык делать что бы то ни было только для вида, а при таких обстоятельствах существенного ничего не сделаешь. Ее высочество обещает врачам содержание, какое они пожелают, лишь бы остались; но приехавшие со мною говорят, что они приехали не для денег, и предвидят, что без меня их скрутят по ногам и рукам; здесь недостаточно иметь только добрую волю или ревность, нужно еще плясать по одной дудке.

Бог с ними и с наградами; если бы я добивался до Станислава, то мог бы его получить и сидя дома, как другие; меня здесь представил Сакен и к Анне,- да мне собственные убеждения о достоинстве (Ср. в письме к Н. Ф. Арендту) и спокойствие духа дороже.

Я люблю Россию, люблю честь родины, а не чины; это врожденное, его из сердца не вырвешь и не переделаешь; а когда видишь перед глазами, как мало делается для отчизны и собственно из одной любви к ней и ее чести, так поневоле хочешь лучше уйти от зла, чтобы; не быть, по крайней мере, бездейственным его свидетелем. Я знаю, что все это можно назвать одной непрактической фантазией, что так более прилично рассуждать в молодости, но я не виноват, что душа еще не состарилась (Спустия шесть лет П. говорил при прощании со студентами Киевского университета, после увольнения с поста попечителя: "Я принадлежу к тем счастливым людям, которые хорошо помнят свою молодость. Я, стараясь, не утратил способности понимать и чужую молодость, любить и, главное, уважать ее. Кто не забыл своей молодости и изучал чужую, тот не мог не различить и в ее увлечениях стремлений

высоких и благородных, не мог не открыть и в ее порывах явлений той грозной борьбы, которую суждено вести человеческому духу за дорогое ему стремление к истине и совершенству" (Речь 8 апреля 1861 г. Соч. т. I, стр. 905 и сл.). Через несколько дней П. подарил студентам свою фотографию с надписью: "Люблю и уважаю молодость, потому что помню свою. 13 апреля 1861 г. Киев").

Ты знаешь, я никогда не был оптимистом и потому, может быть, и теперь вижу вещи хуже, нежели как они в самом деле; но нельзя не верить тому, что видишь и встречаешь на каждом шагу; когда видишь пред собою не русских людей, единодушно согласившихся умереть или отстоять, а какой-то хаос мнений и взглядов, из которых только одно явствует, что никто ничего не понимает, и всякий подставляет ногу другому: моряки ненавидят сухопутных, пешие - конных, эстляндцы - курляндцев, один упрекает другого в ошибках и в глупости, и всё оставляют на произвол случая.

Может быть, то же делается и у наших неприятелей,- дай-то бог! Они тоже колеблются: то сделают демонстрацию на Чургун, то высылают корабли на несколько дней куда-то, чтобы опять воротиться; но все-таки они идут вперед и приближаются; это-то и скверно. Настоящая тишина не пред добром, и если после следующего бомбардирования они еще подвинутся, то бог знает, что будет.

Впрочем, не нужно терять надежды. Право, если взглянуть на эту смесь посредственности, бесталантства, односторонности и низости, то поневоле начинаешь опасаться за участь Севастополя и, следовательно, целого Крыма. Одного только нужно молить, чтобы такая же бестолочь существовала и у неприятеля.

К подобным же экземплярам принадлежит и Геццевич, которого ты должна во что бы то ни стало преследовать письменно. Этот подлец сам вызвался отвезти мое письмо и отдать даже лично тебе; я запечатал в нем письма Зейдлица и к Зейдлицу, полагаясь, что он вернее доставит, чем фельдъегерь, а этот скот до сих пор и глаз не кажет. Узнай в Петербурге непременно, где он находится; напиши ему самое грубое письмо от моего имени; я его в дверь не пушу. Узнать же о нем можно у Карелля и при дворе великой княгини. Он свитский генерал и, как говорят, я узнал это после, взяточник немилосердный. Но письмо мое - не взятка; его нужно вытащить непременно и сделать то, что я там написал,- дать прочесть в Обществе врачей Здекауеру.

Я теперь только одного молю: если не удастся быть свидетелем нашего торжества, то дай только бог убраться, не бывши свидетелем нашего позора, и уехать из Севастополя прежде его совершенной гибели.

Вино, белье, кофейник и сигары я, наконец, получил третьего дня, т. е. 25 апреля.

Погода до сих пор, целые две недели, стояла превосходная, как у нас в самые лучшие летние дни; со вчерашнего дня пошел дождь, и мои больные, которые третьего дня отправились на Северную сторону, верно, лежат теперь, или лучше плавают в грязи на своих матрацах. Я сейчас еду посмотреть их.

Приехал и видел, что они лежат в грязи, как свиньи, с отрезанными ногами. Я, разумеется, об этом сейчас же доношу главнокомандующему, а там злись на меня, кто как хочет, я плюю на все. О, как будут рады многие начальства здесь,- которых я также бомбардирую, как бомбардируют Севастополь,- когда я уеду. Я знаю, что многие этого только и желают. Это знают и прикомандированные ко мне врачи, знают, что их заедят без меня, и поэтому, несмотря на все увещания и обещания, хотят за мною бежать без оглядки. Достанется и сестрам; уж и теперь главные доктора и комиссары распускают слухи, что прежде, без сестер, с одними фельдшерами, шло лучше.

Я думаю, действительно для них шло лучше; я учредил хозяек из сестер, у которых теперь в руках водка, вино, чай и все пожертвованные вещи,- это комиссарам не по зубам, и потому прежде шло лучше.

Когда ампутированных перевезли и свалили на землю в солдатские простые палатки, я сказал, что они при первой непогоде будут валяться в грязи. Обещали, что этого не будет; сегодня я приехал сам и таскался по колена в грязи, нашел всех промокнувшими; пишу

сейчас же об этом начальнику штаба, и вот опять это будет не по зубам. Нужно, чтобы было непременно все в отличном порядке - на бумаге, а если нет, так нужно молчать. А мне для чего молчать,- я вольный казак. Хотят на меня скалить зубы и за спиной ругаться, пусть их делают, а я все-таки худого хорошим не назову.

Но всё имеет свои пределы; если уже и один главнокомандующий не вытерпел, а сменился, если полки сменяются, то нужно и нас сменить. Врачи, приехавшие со мной, поработали довольно. Они все переболели, многие на моих глазах перемерли; нельзя от них требовать, чтобы они не желали перемены. Сохраничев умер, Джьюльяни умер. Каде умирал, но каким-то уже чудом ожил

(О болезни д-ра Каде имеется подробное сообщение П. в том же году: "У доктора Каде болезнь началась простудой, перешедшею в перемежающую лихорадку и затем в тифозное состояние, которое длилось две недели; так как Каде в бытность свою в Персии страдал интермиттентом и тогда не переносил хинин, то он и теперь от него отказывался. Пирогов назначил ему *acidum muriaticum*, холодные обливания и компрессы. В это время как раз Севастополь претерпевал самую страшную бомбардировку. У Каде появился потрясающий озноб, который Пирогов считал хорошим признаком и тотчас же дал ему 8 гран хинина, чем и купировал лихорадку, и через несколько дней пациент уже был конвалесцентом. Но так как бомбардировка все еще продолжалась почти в одинаковой степени и число раненых быстро прибывало, то доктор Каде, движимый чувством долга, слишком рано решился приступить к исполнению своих обязанностей; причем он чрезмерно утомился и снова заболел лихорадочным пароксизмом, после которого он, однакоже, погрузился в глубокий сон. В это время бомба ударила в наружную стену этого дома и с страшным треском разорвалась; профессор Гюббенет, который спал в соседней комнате, пробужденный треском бомбы, в просонках и с испугу выскочил на кровати и неосторожно вбежал в комнату Каде с криком: "мы пропали". Больной от этого потрясения лишился самосведения и впал в конвульсии. Поспешивший к больному проф. Пирогов нашел его в страшных конвульсиях, так что трое солдат едва удерживали его; при этом зрачки были расширены, пульс нитевидный и тело холодное; назначено ему наложить шапку из пластыря шпанских мух на всю сбритую голову и клистир с 30 гранами хинина. Это было в час по полудни. Безотлагательная необходимость личного участия и присутствия при операциях над многочисленными ранеными, беспрестанно прибывающими при усиленной бомбардировке, не позволила гениальному хирургу посетить столь опасно больного доктора Каде раньше следующего дня. Каково же было его удивление, когда он нашел, вместо умирающего, или покойника, доктора Каде сидящего на кровати и читающего письмо. Он тотчас узнал Пирогова, но по временам появлялся тихий бред. По предписанию Н. Ив. промывательное с 30 гранами хинина повторялось ежедневно, до полного выздоровления. Еще несколько таких трудных случаев, относительно скоро поправлялись при той же терапии" (П.-"Сообщения... 1855 г."). В публикации этого сообщения в Прот.-опечатка: вместо ноября там - май.

Приведенные здесь и дальше записи сообщений П. имеют характер подлинных произведений. В докладе о Пироговском фереине Здекауер заявил, что протоколы кружка тщательно составлялись и каждый раз исправлялись авторами сообщений ("К памяти о П.").

О болезни Э. В. Каде см. еще в "Воспоминаниях о Крымской войне". (ldn-knigi.narod.ru)

В протоколе заседания 1887 г. приведены также сообщения П. о болезни других врачей его отряда: "Во время нахождения Николая Ивановича на театре военных действий крымская горячка свирепствовала не только между солдатами. Каде, Иеше и Беккерс едва ушли от смерти. Доктор Сохраничев и граф Виельгорский были жертвами этой болезни. У некоторых болезнь начиналась головокружением, у других поносом, а также приступом перемежающейся лихорадки - или же, наконец, ясно выраженным тифозным состоянием, но без местных поражений. Иногда без всякого облегчения для больного вдруг прорывается проливной пот, причем пульс остается таким же полным и ускоренным, как и прежде, и температура нисколько не понижается. По этим явлениям Н. И. Пирогов всегда узнавал крымскую горячку. Всякий раз, когда у больного появлялась обильная испарина, ему

давались большие приемы хинина по 20 гран два раза в день. У некоторых больных после этого делался потрясающий озноб, за которым следовали кратковременный жар, с обильнейшим потом, после которого наступало большое облегчение. Когда дурные припадки миновались, тогда является показание к употреблению малых приемов хинина, которые тогда оказывают благодетельное влияние на больного. На третий день наступает обыкновенно слабый приступ болезни, и уже с правильными перемежками. У доктора Беккерса на второй неделе, после начавшегося выздоровления, был рецидив; но после больших приемов хинина и повторившегося затем потрясающего озноба, вновь появились правильные перемежки и он выздоровел. В других случаях, когда болезнь начиналась как бы приступом перемежающейся лихорадки, наш знаменитый хирург наблюдал, по устранении интермиттента хинином, внезапное отяжеление головы, которое быстро, иногда в несколько часов, переходило в сопорозное состояние, с расширением зрачков, тризмом и судорогами, оканчивающимися смертью. У графа Виельгорского, например, уже через два часа появился паралич глотки. Доктор Иеше был также трудно болен, но у него, при весьма чувствительной печени, заболеванию предшествовала рвота. Сначала ставились ему раздражающие клистиры, а потом уже с большими приемами хинина, с полным успехом. Промывательные с хинином ставились с небольшим количеством жидкости и притом весьма медленно. Во время нахождения Н. И. в Крыму, там господствовали еще следующие инфекционные болезни: малярийные лихорадки, кишечные каттары и дизентерии, брюшной и пятнистый тиф, не говоря уже о рожистых септических процессах и других осложнениях, так губительно осложняющих хирургические операции").

Петров лишился ног. Дмитриев от тифа сделался меланхоликом; у всех был тиф в большей или меньшей степени; я сам прохворал четыре недели. Да хоть шло бы все это впрок, можно бы уже было жертвовать; а то, хоть из кожи лезь, все то же [...]. Хоть охрипни крича, никто не слушает, а как придет в гузно узлом, так тогда опомнится, да уже поздно [...].

№ 28.

30 апреля, утро [1855 г.].

(Подлинник письма № 28 - в ВММ (№ 15637) на двух страницах; конверта нет.)

Дела покуда все немного еще. На дворе первый день дождь. Севастопольская глина превратилась по обыкновению в клейкую тягучую грязь, которая липнет к сапогам и делает их тяжелыми, как пудовые гири. Можно себе представить, что делается в траншеях, вырытых также на глинистой почве, и в больничном лагере, где раненые лежат в простых солдатских палатках, по-четверо в каждой, без ног, без рук, на матрацах холстинных, набитых лыком, и лекаря перевязывают, стоя по колена в грязи. Вот улучшение, на которое мы надеялись от прибытия Южной армии Горчакова. Госпитальных палаток, суконных, крытых парусиной, в которых уставляется по тридцать-сорок коек, как это сделали морские (заботящиеся более о своих) для своих, вовсе нет; есть десяток каких-то изорванных,- взяли солдатские для раненых, не обкопали их канавами, не устроили в них нары.

Я, раздосадованный, вчера, встретясь с Коцебу, жаловался. Но этот маленький человечек, напоминающий собою русскую поговорку - у всякого Ермишки есть свои интрижки,- раззадорился: как можно найти в его управлении что-либо недостаточное; но я ему сказал наотрез чистым российским наречием:

- Вы, де, Павел Астафьевич, менее моего в этом деле смыслите, и я вам говорю попросту, что в палатках чистое свинство.

Он потом притворился, что будто меня не понял, что я говорю о солдатских палатках, а не о госпитальных навесах, в которых больным всегда лучше летом лежать, нежели в лазаретах, и в которые я сам же Предлагал и настаивал перенести больных; притворяясь, он напустил[ся] на генерал-гевальдигера (Генерал-гевальдигер-заведующий полицейской частью при главном штабе армии; должность введена при Петре I, упразднена после Крымской войны.) [...]; генерал-гевальдигер всю вину опустил на генерал-штаб-доктора; короче, как всегда, сам черт не разберет, кто прав, кто виноват.

Такого рода увеселительные истории повторяются здесь частенько и, разумеется,

весьма способствуют к поддержанию ревностной службы для блага ближних. Когда же после всех этих проделок, после вопиющих недостатков и пошлости администрации, неминуемо откроется большая смертность между больными, то остаются виноватыми врачи, для чего они плохо лечили; изволь лечить людей, лежащих в грязи, в нужниках, без белья и без прислуги; но врачи, действительно, виноваты, что они, как пешки, не смеют пикнуть, гнутся, подличают и, предвидя грозу от разъяснения правды, молчат, скрывают и разыгрывают столба. Вчера же я получил и письмо от ее высочества, где она предлагает остаться мне или врачам для блага Общины и раненых.

Нет, если было трудно справляться, когда здесь была одна главная квартира, то еще труднее стало теперь с прибытием Южной армии, с ее главной квартирой, со всеми интригами, интриганами и другими необходимыми принадлежностями; врачи это видят всякий день, и всякий из них более ни о чем не думает, как дать тягу вслед за мной. Страшит не работа, не труды,- рады стараться,- а эти укоренившиеся преграды что-либо сделать полезное, преграды, которые растут, как головы гидры: одну отрубишь, другая выставится. Поблагодари ее императорское высочество за ее хорошее обо мне мнение, но быть мертвой буквой я не могу, у меня и так много недругов; наживать еще больше хотя и не страшусь, но без всякой пользы для других и себя не желаю.

Хотя и носятся различные слухи о возможности пасть или устоять Севастополю, одни твердо уверены, что он не может пасть, когда есть у него под боком стодвадцатитысячная армия; другие говорят, что он в большой опасности и не устоит; но то верно, что скоро дело не решится. Нашла коса на камень; пошlostей и подlostей, верно, поровну на обеих сторонах,- у кого больше, тот и проиграет, или, может быть, тот и выиграет; но нам не дожидаться. Да и около Петербурга не совсем спокойно; это меня тоже заставляет уехать. Поблагодари еще раз и выскажи всю правду ее высочеству так же, как и я скажу ее всякому, кому о том ведать надлежит (Об одном ярком случае такого рода сообщал П. С. Савельев в письме к М. П. Погодину: "А воровство чиновников! Говорят, в Николаеве он [Александр II] ужаснулся! Рассказывают, что в разные банки прислано по несколько миллионов денег на имя неизвестных из Севастополя, и о том идет следствие. Вот еще достоверная быль. Государь встретил у молодой императрицы Пирогова, который совершенно откровенно высказал правду о воровстве в Севастополе. Государь не верил, выходил из себя и говорил: "Неправда, не может быть!" и возвышал голос. А Пирогов, также возвысив голос, отвечал: "Правда, государь, когда я сам это видел!" "Это ужасно!" - воскликнул наконец царь [...]. Дай бог, чтоб почаще, погромче и поболее высказывали истину" (Письмо от 6 октября 1855 г. из Петербурга. Н. П. Барсуков, т. XIV, стр. 121 и сл.).

Прощай еще раз, моя несравненная душка, а у Геццевича-подлеца вытащи письма хоть зубами.

№ 29.

3 мая [1855]. Севастополь.

(Подлинник письма № 29 - в ВММ (№ 15638), на четырех страницах почтового формата, уменьшенного вдвое против обычного; конверт - с адресом.)

Все еще тихо. Погода великолепная. Наши делали вчера две вылазки, но незначительные, больше для того, чтобы узнать, что делается у неприятеля в ложементях. Опять слухи стали надежнее; опять говорят более, что Севастополь не будет взят. Северная сторона сильно укреплена. Да, если подумаешь, то, право, стыдно и сомневаться в успехе, имея здесь под руками стодвадцатитысячную армию; еще, говорят, идет сюда милиция из соседних губерний. Но я тебе уже писал, как здесь слухи неверны от господствующих интриг и партий; не узнаешь, наверное, и того, что под носом делается, а еще менее того, что делается под землей, где беспрестанно и неприятельские и наши мины.

Теперь проходят иногда целые недели без выстрела, и если стреляют, то все на Северную сторону больше и то калеными ядрами, вероятно, направляя их на корабли, куда, однакоже, они не попадают.

Дело с ранеными в палатках, о котором я тебе писал, кончилось тем, что туда приехал,

по моей жалобе, сам главнокомандующий и распек генерал-штаб-доктора и генерал-гевальдигера так, что генерал-штаб-доктор чуть не упустил в штаны и на вопрос главнокомандующего, сколько больных в Симферополе, ответил на удачу:

- Теперь очень уменьшилось, ваше сиятельство: было восемьсот, а в настоящее время четыреста.

- Как, четыреста в сутки? - спросил гневно князь.

- Нет-с, ваше сиятельство, в неделю.

- В неделю... Однакож, это порядочно много.

- Извините, ваше сиятельство, в месяц.

- А, хорошо! - сказал удовлетворенный князь, садясь на лошадь.

Я посмотрел и пожал плечами. Низкая ложь, без стыда, чтобы загладить гнев начальника, уменьшает разом на целые сотни, в глазах всех знающих и не знающих дело.

Как у нас не хотят этого понять, что, покуда врачи будут находиться в такой зависимости от военноподчиненных, что трясутся от одной мысли прогневать их, до тех пор ничего нельзя путного ждать, и если я принес пользу хоть какую-нибудь, то именно потому, что нахожусь в независимом положении; но всякий раз нахрапом, производя шум и брань, приносить эту пользу - не очень весело. Тут никто и не подумает, что это делается для общей пользы, без всяких других видов; думают сейчас, что это личности. Потому что у нас нигде других причин нет; других мотивов, кроме личных, не существует. Это я знал и прежде, но теперь знаю это еще тверже.

Я понемногу собираюсь в дорогу, с приятным убеждением, что Севастополь не будет взят, а если падет, то не от недостатка мужества, а от интриг и личностей. Посмотрим, что будет делаться на Балтийском. Я не знаю, как можно от меня ожидать, чтобы я, пробыв шесть месяцев в осажденном городе, еще бы вздумал без нужды оставаться в нем тогда, как война, может быть, такая же, будет свирепствовать около мест, где находится мое семейство и где я столько же могу быть полезным, но с большей приятностью для себя, что буду находиться с моими или вблизи моих. Как можно требовать от молодых людей, которые были ежедневно свидетелями различных козней, сплетней и прижимок, чтобы они произвольно подверглись всем следствиям такого быта без защитника, тогда как на них смотрят, как на пришлецов, и тогда, как они со мной до сих пор пользовались полной независимостью от чиновнических притеснений властей. Их можно принудить остаться, но что же из этого выйдет: ревность их будет парализована, и их забьют.

Когда я выеду, я напишу тебе, и, чтобы избавиться всех официальных и неофициальных посещений, лучше будет, если перееду прямо на дачу. Только ты не спеши, еще успеешь, и, ради бога, переезжай здоровая.

Машу поздравь с сыном. У Гецевича отыми письмо. Кланяйся всем знакомым. Целуй и благослови детей. Прощай, моя милая душка. Будь здорова.

№ 30.

Севастополь. 14 мая [1855 г.]

(Подлинник письма № 30-в ВММ (№ 15639), на четырех страницах; конверта нет.)

Я дожидаюсь только письма от великой княгини и от Пеликана, чтобы уехать, а то совсем уже собрался. Пеликан мне писал, что должен о моем отъезде [довести] до сведения министра и выше и просил дождаться ответа; ответ же от велик[ой] княг[ини] нужен, чтобы решить участь врачей, которые не хотят оставаться без меня.

En attendant (Пока) было здесь опять огромное побоище, и наша работа продолжалась два дня и две ночи. Было две тысячи раненых и до 800 убитых; французов, говорят, вдвое было ранеными и убитыми. Наши вздумали провести новую траншею от пятого к шестому бастиону и задумали построить новые батареи; французы сопротивлялись этому; было в бою до десяти тысяч с нашей и столько же с их стороны. Французская гвардия побежала, дрались штыками в траншеях л несколько раз выбивали из них друг друга, в ночь с 10 на 11.

В первую ночь наши удержали траншею за собой, а на другой день оставили опять. Что теперь из этого будет, не знаю и, вероятно, не дождусь конца. Я не спал две ночи и два дня и

только сегодня, выспавшись, принялся за письмо. Письмо Пеликана от 26 апреля я получил третьего дня и ожидаю на днях обещанного им ответа. Коль скоро получу решение, так тотчас же и поеду. Грустно смотреть на Черное море, водой которого я всякий день обливаюсь два раза; на нем только и видишь, что французские и английские корабли; наши лежат под водой и только шесть стоят еще налицо с тремя или четырьмя пароходами.

Теперь здесь несветимая жара. Показывается опять холера, и есть до ста больных; она есть и в неприятельском лагере. После третьегоднешнего жаркого дела опять все затихло, и сегодня не слышно ни одного выстрела. Французы не позволили убирать наших убитых в траншеях и своих не убирали, по-видимому, целых два дня, несмотря на то, что с нашей стороны выкидывали три раза парламентерский флаг; они свой не поднимали, и потому с убитыми лежали целые два дня некоторые из наших раненых без воды и неперевязанные. Это делали, вероятно, для того, чтобы убраться втихомолку своих убитых и тем показать, что у них меньше убили, чем у нас. Раненые, лежавшие целые два дня, рассказывают, что неприятель возился целую ночь, собирая своих.

Один солдат, наш раненый, рассказывал, что он просил у одного француза напиток, показывая ему рукою на небо, но он в ответ ему плюнул. Какой-то другой раненый, англичанин, лежавший около него, сжалился над ним, дав ему воды из манерки и галету.

Наши дрались в этот раз славно, забегали и на неприятельскую батарею. Горчаков благодарил их на другой день, сказав:

- Вот видите, ребята, у вас не могли отнять французы и г.....ю траншею, что же и говорить о городе.

Ты не поверишь, как мне здесь надоело смотреть и слушать все военные интриги; не нужно быть большим стратегом, чтобы понимать, какие делаются здесь глупости и пошлости, и видеть, из каких ничтожных людей состоят штабы; самые дельные из военных не скрывают грубые ошибки, нерешительность и бессмыслицу, господствующую здесь в военных действиях. Многие даже желают уже Меншикова назад. Если нам бог не поможет, то нам не на кого надеяться и надобно подобру да поздорову убираться. В Петербурге, верно, не имеют настоящего понятия о положении дел здесь и, как обыкновенно, не знают хорошо личностей. Куда-нибудь уехать в глушь, не слышать и не видеть ничего, кроме окружающего, теперь самое лучшее. Если прислушаться, то голова идет кругом от всех глупостей и безрассудностей, которые узнаешь. Сего же дня подаю записку Горчакову об отправлении меня и других врачей, приехавших со мной, в С.-Петербург. Итак, если ты не получишь другого письма после этого, то это будет значить, что я в дороге. Если же встретится какое-нибудь неожиданное препятствие, то я тотчас же тебя уведомя.

Прощай, моя душа, до свидания. Целуй и благослови детей наших. Прощай еще раз.

17 мая.

Я собираюсь в дорогу, но еще пробуду с неделю здесь. Керчь занят французами. Главная квартира выступает завтра из Севастополя,- куда - бог знает. Спешу окончить. Прощай.

(Этим кончаются письма П. за время его первого пребывания в Крыму.)

Тотчас по приезде в Ораниенбаум П. составил "Записку" об организации помощи раненым воинам на фронте. Она помечена 24 июня 1855 г. и является первоначальным наброском знаменитой пироговской системы сортировки раненых. В ней выражена главная мысль классических "Начал" 1865 г.- о правильной постановке медицинского дела в действующей армии. Проект составлен на основании опыта работы П. в Крыму с ноября 1854 г. до середины мая 1855 г., послан военному министру князю В. А. Долгорукову.

Имея в виду еще послужить отечеству на полях сражений, великий хирург хотел оградить себя и своих помощников от нравственных страданий, испытанных ими в Крыму при самоотверженных трудах на пользу родной армии. "Перед моей второй поездкой в Крым,- писал П. через год после составления своего проекта, я хотел еще раз попытаться быть полезным; но мне делали затруднения и вели интриги; мои условия были приняты только наполовину. Что же было последствием этого?" (письмо к Э. Ф. Раден от 18 мая 1856

г.).

Последствием такой половинчатости были новые затруднения со стороны разных генерал-гевальдигеров и подслуживающихся им генерал-штаб-докторов. Все это отражено в письмах П. к жене за август - декабрь 1855 г.)

№ 31.

31 августа [1855 г.]. Симферополь.

(Подлинник письма № 31-в ВММ (№ 15640), на одной странице; конверта нет. Это первое письмо из второй поездки П. в Крым.)

Я сюда приехал три дня тому назад и остаюсь еще, вероятно, до завтра. Один акт трагедии кончился; начинается другой, который будет, верно, не так продолжителен, а там - третий. Вероятно, еще до зимы будет окончен и второй акт.

Об себе ничего не говорю; можно ли при таких событиях говорить о себе? Где я буду, не знаю; останусь ли на Северной стороне при главной квартире, или буду сидеть в Симферополе, или на Бельбеке, - ничего не знаю; все решится по приезде в главную квартиру. Сегодня я не расположен более писать. После, бог даст, если буду жив и здоров, все напишу, что увижу, и по свидетельству очевидцев.

Прощай, мой неоцененный друг. Сегодня обедал у Сухарева. Сестра Красильникова (Красильникова не упоминается в сводном списке сестер Крестовоздвиженской общины.) не так здорова и не переносит климата хорошо. Твой.

№ 32.

8 сентября [1855 г.]. Бельбекская долина

(Подлинник письма № 32-в ВММ (№ 15641), на четырех страницах; конверт-с обычным адресом.)

Около недели я поселился в татарской сакле, около одной версты от госпитальных палаток, раскинутых в долине между Бельбекскими возвышениями, на берегу реки Бельбека, в шести верстах от Севастополя. Мы окружены со всех сторон горами, виноградниками без винограда (истребленного уже давно солдатами) и пирамидальными тополями. Сыро и, по временам, порядочно холодно; клейкая и склизкая грязь едва позволяет передвигать ноги; вода в реченке Бельбек также сущая грязь; но когда проглядывает солнце, то все поправляется.

Больные, большею частью раненые после последнего штурма, лежат в солдатских палатках и госпитальных навесах, большей частью без коек, на матрацах, посланных на земле; по вечерам и в сырую погоду в солдатских простых палатках лежащим на земле было невыносимо холодно; одеял не доставало, полушубки еще не розданы; я не знал, как поправить дело, и пошел, более по инстинкту, нежели с намерением, заглянуть в цейхауз; к моему удивлению, я нашел там еще несколько сложенных палаток и не развязанных тюков; оказалось, что было еще 400 одеял, которые добродетельное комиссариатство госпиталя не распаковало, остерегаясь излишней отчетности. Теперь почти все больные прикрыты двойными палатками и всем розданы одеяла.

Белье еще у многих грязно, и я сделал замечание г-же Стахович (А. П. Стахович, первая начальница Крестовоздвиженской общины), что она плохо смотрела и не настаивала, чтобы сестры, перевязывавшие больных, более заботились о белье; у них есть еще 2000 рубашек, да в госпитале 1600, а больных было до 2000. Оказывается, и аптека, находящаяся в руках сестер, не в порядке. Сестер теперь много относительно к числу больных, а порядку меньше.

Стахович оправдывается тем, что она несколько раз требовала от госпитального начальства, чтобы оно выдало белье и пр., но ее не слушали; я ей говорил на это, что ее долг тотчас же донести по команде и требовать до тех пор, пока удовлетворят. Какое ей дело, что на нее за это озлятся; разве она за тем здесь, чтобы снискивать популярность между комиссариатскими и штабными чиновниками?

Но не долго можно будет здесь оставаться; более месяца госпиталь не может простоять; и в саклях, где размещены раненые офицеры (генерал Хрулев, Ренненкамф) и где мы

помещаемся, печей нет, нет потолков, нет и пола, и окон настоящих нет, так что, если саклю можно назвать еще домом, то потому только, что есть стены и кровля. Вообще наступает самое плохое время. Распоряжений еще решительно, как и всегда, никаких нет. Главная квартира переезжает в Бахчисарай, а госпитальные шатры остаются еще в двух местах: в четырех и шести верстах от Северной стороны Севастополя; больных, однакоже, перевозят ежедневно, и в Симферополе, когда я был там, накопилось уже до 13000; с транспортом теперь начнутся прежние бедствия. Хорошо еще, если успеют до октября месяца всех вывезти, пользуясь [тем, что] теперь тишина и спокойствие господствуют около Севастополя.

Нужно бы было сделать воззвание, чтобы вся Россия присылала войлоки, рогожи, одеяла, белье и полушубки для транспортирующихся раненых; сена здесь и теперь уже почти нет, соломы и подавно; придется их класть так же, как прошлого года, на голые телеги, которые теперь прикрываются рогожами; Виельгорский употребил уже более 6000 руб. сер. на покупку этих рогож, которых здесь трудно найти, но это служило более к защите от солнечного зноя, нежели от осеннего холода.

Нужны войлоки; не худо бы было иметь и суконные шапки с ушами в запасе, для головы; солдатские фуражки не греют и легко сваливаются.

На этих днях я видел две знаменитые развалины: Севастополь и Горчакова. Бухта разделяет одну от другой.

Долго смотрел я с Северного укрепления и с верху батареи 4 Но, и простыми глазами и в трубу, на Малахов курган, на Корабельную, на Николаевские казармы, на Павловский мысок, на Дворянское собрание и на мое пепелище (В заключительных строках третьего очерка о Крымской войне Л. Н. Толстой описал предшествующие дни: "Севастопольское войско, как море в зыбливую мрачную ночь, сливаясь, развиваясь и тревожно трепеща всей своей массой, колыхаясь у бухты по мосту и на Северной, медленно двигалось в непроницаемой тесноте прочь от места, на котором столько оно оставило храбрых братьев,- от места, всего облитого его кровью,- от места, 11 месяцев отстаиваемого от вдвое сильнейшего врага и которое теперь велено было оставить без боя.

Непонятно тяжело было для каждого русского первое впечатление этого приказа... [о переживании раненых, матросов, топящих свои корабли, артиллеристов, сталкивающих свои орудия в воду...]. Выходя на ту сторону моста, почти каждый солдат снимал шапку и крестился. Но за этим чувством было другое, тяжелое, сосущее и более глубокое чувство: это было чувство, как будто похожее на раскаяние, стыд и злобу. Почти каждый солдат, взглянув с Северной стороны на оставленный Севастополь, с невыразимой горечью в сердце вздыхал и грозился врагам" ("Севастополь в августе 1855 г." Соч., т. I, стр. 486 и сл.).

На кургане заметил только редуты без людей и без движения, на Корабельной видел пустые улицы между обгоревшими домами. Николаевские казармы внутри обгорели, но снаружи целы и не взорваны, на Николаевской площади стоят уже неприятельские мортиры, из которых пускаются иногда на Северную сторону бомбы; около казарм и на Графской площади разъезжают и прохаживаются безбоязненно красные штаны; на Павловском мыске вместо укрепления виднеются две огромные кучи камня и песку, оставшихся после нашего взрыва.

От Дворянского собрания, где я столько времени жил и действовал, остались только стены и несколько колонн. В домик, напротив артиллерийской бухты, где я квартировал, вскоре после моего отъезда влетела бомба и отбила весь угол, где стояла моя кровать, пронизав его насквозь сверху до низу. Исключая Графскую площадь и Никол [аевские] казармы, в городе между обгоревшими домами не заметно никакого движения. И с нашей стороны и с неприятельской возводятся новые батареи; из бухты торчат мачты вновь затопленных кораблей.

Матросы еще иногда шныряют на шлюпках вдоль нашего берега около затопленных пароходов. Но почти все убеждены, что Северная сторона не будет долго держаться, и бухта будет в руках неприятеля; Северная сторона будет под перекрестным огнем батареи и флота;

почти все войска выведены, оставлены только несколько для работ и матросы в батареях.

Посмотрев на Севастополь, я отправился посмотреть и на Горчакова и нашел его, к моему удивлению, одного, без Коцебу; но вскоре это необыкновенное явление объяснилось: Коцебу в этот день уехал к своей жене, которая недавно прибыла на Бельбек. Вместе с разрушением Севастополя произошли изменения и в наружном виде генерала отступления. Шапка, которая прежде надевалась им на затылок, теперь надевается почти на самый нос, так что можно различить только одну нижнюю часть лица; очки и усы покоятся под тенью бесконечно длинного козырька. "Un quart d'heure de conversation" (Беседа в четверть часа.) продолжался около часа, состоял из отрывков и кончился дежурным генералом.

Отобедав у Горчакова, я должен был обратиться к землянке этого представителя врачебной науки при штабе, который встретил меня твердо выученным наизусть отчетом о состоянии госпитальной части. Я без обвиняков показал, что ничему не верю, и хотел уже уйти, как вдруг дверцы землянки распахнулись, и белая фуражка с огромным козырьком, надвинутая на нос, быстро влетела, бормоча с непостижимой скоростью:

- Какой дурак писал у вас эту бумагу? Где 2-й батальон десятой дивизии? А?

- Это ошибка, ваше сиятельство,- сказал дежурный генерал, вскочив со стула и вытянув руки по швам.

- То-то - ошибка; тут все ошибки. Дайте переписать.

- Извините, ваше сиятельство, кроме этой ошибки других нет.

- Да почему же вы знаете, что нет?

Трудно было отвечать на это положительно, и белая фуражка с длинным козырьком также поспешно выскочила из дверей, как и вскочила (В. С. Аксакова записала приблизительно в это время по рассказам лиц, прибывших из Севастополя: "Анекдоты про его [Горчакова] забывчивость, доходящую до крайности; человек вовсе без головы! И такому-то человеку вверена не только честь, но судьба России и жизнь сотни тысяч людей!" (Дневник, 16 октября 1855 г., стр. 159).

Фельдмаршал И. Ф. Паскевич в письме к М. Д. Горчакову дал яркую оценку его полководческой деятельности во время войны 1853-1855 гг. Письмо было широко распространено в копиях: "В марте 1855 г... Вы были сильнее неприятеля 20 или 25-ю тысячами человек... Вы тогда не начали наступательных действий, которые... могли бы иметь счастливые и славные последствия. Вы... смотрели только, как союзникам каждый день подвозили свежие войска... Отдавая полную справедливость русскому солдату, отстоявшему свою грудь в продолжении 11 месяцев земляные укрепления, и которому, говоря без лицемерия, Россия единственно обязана беспримерною обороною... Вы жили день за днем, никогда не имели собственного мнения и соглашались с тем, кто последний давал вам советы... Признаюсь... я виноват перед отечеством, что был отчасти причиной возвышения вашего на ту степень, на которой вы находитесь... Будучи обязан в действиях моих отдать отчет потомству, я откровенно сознаюсь в моей ошибке и прошу соотечественников моих простить мне, что я, в заблуждении моем, еще в 1854 году считал ваше сиятельство способным быть самостоятельным начальником".).

Не добившись толку, где будут госпитали в позднюю осень, будут ли и когда будут готовы бараки, заказанные в Николаеве, я отправился уже поздно вечером домой с обещанием, что получу список всех врачей, употребляемых в госпиталях, при транспортах и т. п. по приказанию Горчакова, но до сих пор его еще не получил. Что будет - увидим; покада ничего более не остается, как довольствоваться плохим настоящим и удивляться прошедшему.

Третьего дня приехала сюда г-жа Хитрово (Е. А. Хитрово - вторая, после Е. М. Бакуниной, ближайшая сотрудница П. в Крыму. Она заменила А. П. Стахович в должности начальницы общины; имя ее не значится в списке сестер, присланных из Петербурга.) из Одессы, и мне кажется, что она благодетельно подействует на будущую судьбу общины.

Я ей изложил мои взгляды, просил ее смотреть на общину не просто, как на одно собрание сиделок, но видеть в ней будущую нравственную контроль нашей хромой

госпитальной администрации и с этой целью вникнуть во внутренние дела общины и в характер лиц, ее составляющих. Мне понравилось, что она при мне же остановила одну сестру, которая, привыкши называть свою начальницу превосходительством (А. П. Стахович требовала, чтобы ее называли генеральшей, хотя была вдовой капитана), обратилась и к ней с этим же титулом.

- Я не превосходительство, а такая же сестра, как и вы,- отвечала Хитрово.

Ожидаю с нетерпением от нее, что она хорошо разумеет, и надеюсь, что с ней можно будет положить прочную основу общине.

Что тебе сказать про мое житье? Я решил здесь жить не раздеваясь; не снимаю платье ни днем, ни ночью,- это гораздо спокойнее.

Сегодня покупаю лошадь: по здешней грязи нет возможности ходить пешком. Прощай, моя душка [...]. Будь здорова и терпелива; не унывай, молись; целуй и благослови детей. Еще раз прощай, моя неоцененная. Твой.

№ 33.

Бахчисарай. 17 сентября [1855].

(Подлинник письма № 33 - в ВММ (№ 15642) на двух с половиной страницах; конверт - с обычным адресом.)

Я тебе опять ничего не пишу положительного, моя душка, где я буду и долго ли на одном месте. Вчера на Бельбеке, сегодня в Бахчисарае, завтра в Симферополе; куда писать и адресовать письма, сказать не могу. Пиши в Главный штаб. Живу то в сакле, то в палатке, то в комнате. Езжу верхом и для того купил себе лошаденку, именуемую Чертенком, которая мастерски виляет иноходью, так что не устанешь. От тебя получил два письма, и оба вместе. Погода здесь стоит чудная; на дворе лучше, чем в комнате. Здесь покуда все тихо. Северную сторону бомбардируют, но пока не сильно; раненых не более четырех-пяти в день; беспрестанные передвижения войск, и главная квартира теперь в Бахчисарае.

О квартире контракт должна заключить контора госпиталя. Но о комиссариатских прогонах поручи кому-нибудь подельнее и поважнее сделать справку: действительно ли прошлого 1854 года 25-26 октября отпущено из комиссариата в Военно-медицинский департамент для выдачи мне двойных прогонов до Севастополя только 600 руб. серебром. Если так, то почему же в нынешнем году 1318 рублей? Сначала нужно узнать положительно, комиссариат ли у меня оттянул или Военно-медицинский департамент?

Я посылаю к тебе два бланкета за моею подписью; один для написания рапорта генерал-кригс-комиссару, или отношения в самый комиссариат, или же в департамент о выдаче мне недоданных двойных прогонов в 1854 году; для этого попроси распорядиться или Вас[илия] Михайловича] (Вас. Мих. Быков, муж М. А. Бистром.) или же Михельсона.

Бумагу написать просто, лишь бы узнали, где сделано воровство, сделав сначала справку в комиссариате. Второй бланкет для Сартории. Напиши хоть сама: В Конференцию императорской медицинско-хирургической академии от академика Пирогова. Прошу выдать столько-то г. Сартории из суммы, означенной для издания анатомических таблиц.

Вино я получил. Обермиллер в Николаеве и писал мне недавно. Великие князья останутся там, может быть, весь октябрь и займутся укреплением. Пора бы. Государь в Николаеве.

Прощай, моя душка. Будь здорова и спокойна. Твой навеки.

№ 34.

22 сентября [1855]. Симферополь.

(Подлинник письма № 34 - в ВММ (№ 15643) на трех с половиной страницах; конверта нет.)

Я приехал сюда уже около недели и еще здесь останусь, вероятно, несколько недель, потому что теперь сюда направлены все больные и раненые; все госпитали, исключая Бахчисарая и Бельбека, уничтожены, и в Симферополе, в городке, где 12000 жителей, теперь 13000 больных, и из них - 7000 раненых. Ты, моя душка, я думаю, можешь одно письмо написать сюда в Симферополь; впрочем, бог знает; теперь с часа на час ждут все, что мы

оставим Крым (П. пишет различно: "Крим" и "Крым". В "Началах" (1865)-всюду: "Крим", "Крымская война".) и не будем в нем держаться; неприятель ведет новую дорогу из Байдарской долины к Бахчисараю.

Горчаков сидит в восьми верстах от Бахчисараея, в Ортокаралесе, а Сакен стоит на Мекензиевой горе. Северную сторону продолжают бомбардировать и довольно сильно; когда я был там, то едва прошел несколько шагов от Северного укрепления к Константиновской батарее, как упало с десятков бомб; но вреда они вообще причиняют мало; загорелся один магазин с мукой и горел целую неделю.

Убивают или ранят бомбами ежедневно человека четыре, не более, да и весь гарнизон наш на Северной стороне состоит из 2000 моряков да милиции; неприятель, не налегает крепко, да и мы там держаться в случае сильного напора не будем; беспрестанные неудачи; недавно французы, высадившись снова в Евпатории, заняли Саки, прогнали наши кавалерийские аванпосты и захватили шесть пушек; по рассказам раненых, они преследовали наших десять и более верст; теперь неприятель со стороны Евпатории в сорока верстах, а со стороны Южной так же не более, как в сорока верстах от Симферополя; а в Симферополе все наши провиантские склады, заготовленные на всю зиму; от Евпатории до Симферополя - гладкое место, степь, а с Южной стороны-гористо; потом они ведут новую дорогу и, говорят, быстро подвигаются вперед.

Горчаков, как кажется, окончательно растерялся и двигает войска беспрестанно с места на место, как шашки, то сюда, то . туда, утомляет и поселяет недоверие. Дух в армии упал, никто не верит; после стольких ошибок и неудач доверие исчезло. В течение четырех недель, верно, будет что-нибудь решительное; неприятель хочет, как кажется, ударить с двух сторон (с Евпатории и с Байдарской долины) на Бахчисарай и Симферополь и таким образом овладеть не только Северной стороной Севастополя (о которой теперь уже и мало заботятся), но и Крымом.

Я бы советовал Горчакову поскорее отступить - он на это мастер,- за Перекоп и оттуда уже вести войну. В Крыму он запутается, и его окружат или отрежут непременно (Об этом говорили по всей России. В. С. Аксакова занесла в свой дневник: "Вести из Крыма самые дурные, а ожидают еще худшие: все думают, что Горчаков даст себя отрезать и погубит армию или положит оружие... Ясно видно из его собственных слов [в опубликованном приказе Горчакова об оставлении Южной стороны], что он не допустил отбить Малахову башню, потому что во всяком случае решился сдать Севастополь... Говорят, не он виноват, а Коцебу: для меня все равно,- он неразделен с своим мошенником Коцебу" (13 сентября 1855 г., стр. 139 и сл.).

О военных событиях, упоминаемых в этой записи, о Малаховом кургане (башня-в дневнике Аксаковой), о панике в руководстве неприятельской армии, ожидавшем, что русские войска отобьют важнейший оплот Севастополя, о героизме русской армии в эти дни - в исследовании акад. Е. В. Тарле (т. II, стр. 455 и сл.).

Погода здесь стоит превосходная, на дворе жарко. Я, живши в палатке и в сакле, здесь переехал в комнату, и каждый день приходится осмотреть до 800 и до 1000 раненых, рассеянных по городу в пятидесяти различных домах.

Ее высочеству вел[икой] княгине я по последней почте послал подробное донесение об общине, дела которой разбирал с Кат[ериной] Александровной] Хитрово, приехавшей сюда по поручению вел[икой] кн[ягини] из Одессы; оказалось ясным то, о чем я прежде только догадывался; все несогласия и интриги в общине происходят не от кого более, как от начальницы (Имеется в виду А. П. Стахович. "Все мелкие неурядицы, глупые дразги, нелепые сплетни, которые доходили до великой княгини через переднюю и всеми задними лестницами, очень ее беспокоили, и она просила сестру Ек. Ал. Хитрово поехать в Крым управлять Общиной" (Е. М. Бакунина, No 4, стр. 519 и сл.). Отрицательной характеристике Стахович в письмах П. к жене не следует противопоставлять его положительные отзывы в официальных отчетах, подлежавших опубликованию от имени вел. княгини Елены Павловны; в частных письмах П. к Елене Павловне он "лил чистую воду" про вредное

влияние Стахович на общину.); она, видя теперь грозу, поднимет небо и землю и будет через своих клеветников действовать на великую княгиню, но я не все высказал, что узнал, и твердо уверен, что для блага общины нужна другая начальница.

Кроме госпиталей и общины, меня занимают теперь особенно транспорты, которые отходят отсюда почти ежедневно; если бы ты знала, что тут делается, если бы ты услышала все рассказы о злоупотреблениях и грабежах, производимых транспортными начальниками, так у тебя волосы бы встали дыбом.

Государь встретил один такой транспорт около Кременчуга и нашел, что недостаточно одного полушубка на трех больных, а если бы он знал, что в других транспортах, кроме изорванной и истертой шинели, ничего не дается для прикрытия даже трудных больных, что бы он сказал тогда?

Целые миллионы стоит эта перевозка больных и, несмотря на то, она в самом жалком первобытном состоянии; уже не говоря об удобствах, больные не снабжены даже порядочной водой на дорогу; они мучаются от жажды и потом на какой-нибудь станции бросаются с жадностью на колодцы, наполненные соленой водой,- других нет между Перекопом и Симферополем; дрожат от холода, останавливаясь ночевать в холодные ночи под открытым небом, в телегах. Я послал в первый раз четырех сестер с транспортом и поручил одной из них, к которой я более имею доверие, Бакуниной,- осмотреть все на этапах и передать мне свои замечания (См. дальше-письма П. к Е. М. Бакуниной . Отправляя Б. с транспортом, П. дал ей следующую инструкцию:

"Бахчисарай, 15 сентября 1855 г.

1. В какой мере возможна перевязка раненых на этапах и сколько примерно нужно сестер на каждую сотню раненых? 2. Каким образом утоляется жажда раненых на пути и снабжены ли они или сопровождающие транспорт средствами, необходимыми для этой цели? 3. Выдаются ли раненым, кроме их шинелей, еще каждому одеяло, или халат, или же (трудно больным) полушубок? 4. Как готовится пища на этапах, и возможно ли снабдить этап теплыми напитками в холодное время? 5. Осматривают ли транспорт, растянутый иногда на целую версту и более от одного этапа до другого, врачи или фельдшера? 6. Соблюдается ли порядок, назначенный в снабжение больных пищей, т. е. кормят ли их на тех этапах, где изготовлено должно быть для этой цели?" (Е. М. Бакунина, No 4, стр. 521).

"Живо помню,- рассказывает Е. М. Бакунина,- как Н. И. Пирогов по несколько часов сряду простаивал при отправке транспортов, и как, несмотря на дождь, грязь и темноту, он всякий день ходил в лагерь больных, что и от наших палаток было далеко, а его маленькая квартира была еще дальше".

"Шесть пунктов П. и теперь являются уже шестью обязательными условиями,-писал в дни Великой Отечественной войны начальник Главного военно-санитарного управления Красной Армии, ныне министр здравоохранения СССР, Е. И. Смирнов.- Невыполнение хотя бы одного из этих условий представляет грубое нарушение врачебного и гражданского долга в отношении больных и раненых. Основатель военной медицины исключал возможность санитарной эвакуации без медицинского персонала" ("Идеи П.", стр. 9). О транспортировке раненых воинов П. рассказал подробно своим товарищам по кружку врачей в декабре 1855 г.).

Очень кстати было сделано, что со мной отправилось несколько врачей; им хотя и не предстоят такие труды, какие были при осаде, но множество других в другом роде; здесь приходится на одного врача по 180 и по 200 больных перевязочных; если бы положить самое меньшее пять минут на перевязку каждого (когда у Маши палец болел, то перевязка продолжалась более четверти часа, а я кладу пять минут на перевязку отрезанной ноги или руки), то нет физической возможности, чтобы он осмотрел всех; между тем в Крыму теперь слишком 100 военных и гражданских врачей, а больных всего около 20000; следовательно, приходилось бы только по пятьдесят больных на каждого врача, если бы деятельность их была распределена равномерно; вот образчик нашей распорядительности; вот чего я

добивался у правительства: чтобы оно обратило внимание на такие вопиющие недостатки, а про меня разгласили, что я хочу быть главнокомандующим.

От тебя я получил последнее письмо от 29 августа и вместе с другим от 25 августа, так что я ничего не знаю, что у вас делается.

№ 35.

29 сентября [1855]. Симферополь.

(Подлинник письма № 35-в ВММ (№ 15644) на трех страницах; конверта нет).

Последнее твое письмо, моя душка, я получил от 9 сентября, иначе и быть не может: оно ходит из одного места в другое, пока дойдет до меня. Я покуда все еще в Симферополе, где число больных-12000-все еще не убавляется. Мой штаб рассеялся по всему городу; пятеро, однакоже, живут в одной квартире со мной.

Время здесь стоит превосходное: тепло и жарко, как в Петербурге в июле. Ты не поверишь, какое я всякий день съедаю количество винограда; фунтов по пяти, и, несмотря на то, не замечаю действия невской воды; обливаюсь всякий день холодной водой в татарской бане; живу в маленькой комнате окнами в сад; целое утро до четырех часов занят, а вечером постоянно в дамском обществе; всякий день ко мне является Екатерина Александровна Хитрово, посланная сюда вел[икой] княг[иней] из Одессы по делам общины; с нею я изучил в это время так все характеры общины по собранным ею сведениям, что знаю всех сестер наизусть, все сплетни, взгляды и интриги; не худо, если бы вел[икая] княг[иня] поскорее разрешила отправить сестер в транспорты с больными; тогда бы Стахович уехала вместе со своею партией, и можно бы было действовать без шума. Покуда в виде опыта я поручаю начальство в Симферополе вновь прибывшей Карцевой (Е. П. Карцева-третья помощница П. в Крыму; о ней в письме П. к Э. Ф. Раден от 26 февраля 1876 г.).

Я совершенно с тобой согласен, чтобы ты письма не разглашала, хотя нужно некоторые сообщить т-е Раден (Эд. Фед. Раден (1825-1885) - фрейлина Елены Павловны. У нее, главным образом, встречалась Елена Павловна с П., через нее же переписывалась с П. (см. письмо П. к Раден), по твоему усмотрению.

Долго ли будет продолжаться военное бездействие - бог знает; неприятель (я, кажется, уже тебе писал) ведет дорогу из Байдарской долины через ущелье, куда - еще неизвестно; кажется, и главнокомандующий сидит и караулит, что будет. Северную сторону бомбардируют еще, запасы из нее все вывезены, и потому, вероятно, ее скоро оставят. Государя ждали, было, сюда, но, говорят, Горчаков отсоветовал. В Одессе на рейде явились третьего дня 80 кораблей (Неприятельский флот подходил к Одессе в апреле 1854 г. и подверг ее сильной бомбардировке. Береговые батареи метким артиллерийским огнем успешно обстреливали неприятеля. При этом англичане потеряли один из своих лучших кораблей "Тигр", севший на мель. Попытки экипажа сняться были безуспешны опять-таки вследствие меткости наших стрелков. В конце концов экипаж корабля сдался в плен, а флот врага ушел от Одессы. Второй раз неприятельский флот в составе 90 вымпелов подошел к Одессе в сентябре 1855 г. Об этом упоминает П. в комментируемом письме. Постояв несколько дней на виду города, враг увел свои корабли, не выпустив ни одного снаряда. Подробности обоих посещений - в воспоминаниях очевидца (О. О. Чижевич, стр. 46 и сл.).

В течение месяца должно решиться, останется ли Крым за нами или нет; но, судя по видимому, наши дела плохи. Коль протянутся, так авось поправятся.

Получил от тебя два ящика из Москвы с разбитою банкой пикулей и с истертыми сигарами, но и за то спасибо. Вино уже я давно получил.

Теперь я занимаюсь транспортами больных особливо, которые отсюда идут всякий день и скоро сделаются от холода и дорог почти так же худыми, как и прошлого года. Надобно бы заблаговременно распорядиться, о чем я уже Горчакову и писал, но от него покуда, как от козла: ни шерсти, ни молока. У нас стоит четыре лошади собственных наготове; хотим купить еще пару верблюдов на случай бегства.

Что-то ты делаешь, моя душка? Я только надеюсь на бога, на почту нечего надеяться, и рассуждаю так: если хорошее, то рано или поздно узнаю, а если дурное, то чем позднее

узнаешь, тем лучше [...] теперь, кроме моей возни с госпиталями, с сестрами и с транспортом, я ни о чем более не думаю, не слышу и не вижу. В свободное время думаю о моей душе и детях, но стараюсь, подумав, скорее перейти на что-нибудь другое [...]. Кланяйся всем, целуй Машу. Прощай [...].

№ 36.

6 октября [1855 г.]. Симферополь.

(Подлинник письма № 36-в ВММ (№ 15645) на четырех страницах; конверт-с адресом; в издании 1899 г. первая фраза - так: "письмо от 17 сентября" (вероятно, исправлено А. А. Пироговой).

Письмо от 14 сент[ября] получил сегодня. Оно скиталось долго, покуда до меня дошло. Теперь пиши лучше в Симферополь; я здесь еще пробуду недели две, а если и уеду, то все-таки скорее найду письмо здесь, чем где-нибудь.

Табакерку отдай аптекарю, которого знает Шульц и Фробен (Л. Ф. Фробен (1813-1883)-ученик П. по Юрьевскому университету и ассистент в его клинике. В 1840 г. назначен батальонным врачом в Финляндский полк. Перейдя в МХА, П. долго, но безуспешно добивался перевода Ф. в госпитальную клинику при МХА. Ф. оставил интересные воспоминания о своем учителе.) (аптекарь в Горном институте, 19 лин[ия] Вас. остр.); если нужно письмо к Перовскому, то пусть он сделает, как тогда с первой табакеркой ("Первую табакерку", украшенную драгоценными камнями, П. получил 11 апреля 1854 г. в качестве награды "за отлично усердную службу"; вторую, о которой говорится в комментируемом письме, - П. награжден 1 сентября 1855 г. Л. А. Перовский (1792-1856) был в это время министром уделов (имения царской семьи) и управляющим кабинетом царя; по последней должности заведовал выдачей наград. Кроме этих двух, П. получил еще одну табакерку. В 1877 г. вел. кн. Николай Николаевич в качестве главнокомандующего на войне 1877-1878 гг. просил Александра II дать награду "почтенному старцу" П. В. официальном представлении он предлагал наградить П. высшим орденом - Александра Невского с мечами. Но, как видно из формулярного списка П., царь сильно снизил награду. "По засвидетельствованию о существенных заслугах по призрению и лечению раненых", Александр II "пожаловал" П. 27 декабря 1877 г. "золотую, алмазами украшенную табакерку с портретом" царя ("Р. ст.", 1918, № 10-12, стр. 20).).

Здесь погода все еще стоит прекрасная, какая редко и в июле в Петербурге. Виноград продолжаю есть по целым фунтам.

От вел[икой] княг[ини] еще никакого не получил ответа, и это останавливает ход дел. Я принялся с энергией за общину и очистил бы ее так, чтобы вел[икая] княг[иня] осталась довольна, если она желает, чтобы заведение имело будущее, а не настоящее. Всякий вечер до первого часа я провожу с Хитрово, Бакуниной и Карцевой - три столба общины.

Я не понимаю, как вел[икая] княг[иня] с ее умом и желанием добра могла послушать наветов на Бакунину; это удивительная женщина: она, с ее образованием, работает, как сиделка, ездит с больными в транспорты и не слушает никаких наветов; держит себя, как нужно даме ее лет и ее образования.

Хитрово - опытная женщина, по делам общины мне много помогает и сообщает многое, чего я не знал, не занимаясь общиной, т. е. внутренним бытом, так, как теперь. Карцева принялась совестливо за дело, и мы в семь дней так поставили запущенный госпиталь на ногу, что теперь не узнаешь. Отдали вместе с нею смотрителя под следствие, завели контрольные дежурства из сестер, и обо всем каждый день она приходит мне сообщать отчет.

Стахович с ее отделением сестер, состоящим из малообразованных бабок, желающих возвратиться в Петербург, я устранил, или лучше, она сама устранилась от дела; она умела только интриговать и кричать про себя; une poissarde (Грубая женщина) в полном смысле, без взгляда, без чувства, держалась только своей кажущейся распорядительностью и все, что было выше и лучше ее, старалась подавить. Недаром я всегда не имел к ней доверия, но устранялся от неприятностей с нею, думая, что она хоть со временем поймет настоящее

высокое назначение общины; не тут-то было; она смотрела на все с одной стороны и хотела только блистать и важничать. Ее удаление вместе с первым отделением необходимо, и я жду с часу на час разрешения от великой княгини.

Если вел[икая] княг[иня], несмотря на все доказательства, с моей стороны и со стороны Хитрово, не захочет расстаться со Стахович, то я оставлю общину; я дорожу слишком будущим общины и моим именем. Вникнув теперь во все подробности, я вижу, что только там исполнялось совестливо все, что вело к достижению настоящей цели общины, где дела сестер производились при мне, или где были дельные старшие сестры, а не там, где действовала сама Стахович, которая смотрела на сестер, как на сиделок, требовала только от них, чтоб лизали ее ручки, и тех и отличала, которые обращались к ней с подобострастием; к этой же категории принадлежала и старая дева Лоде, которая с своими ахами и сладкой сентиментальностью оставляла больных только что не на один произвол божий; я ее порядочно отделал, когда был в Бахчисарае, сказав, что мне не разговоры ее нужны, а дело.

Крымские дела идут по-прежнему; ничего нового, почти все больные свезены теперь в Симферополь и отсюда постепенно транспортируются, покуда кое-как прикрытые рогожами, купленными комитетом уже на 12000 руб. сер., а потом, к осени, и еще хуже.

Главная квартира в Ортокаралесе; я ее бомбардирую докладными записками, а дела остаются все по-прежнему. Только еще община, в которой я вижу возможность сделаться лучше, идет, а то все стоит или лежит. Раненых свежих мало, потому что бомбардировка на Северной не слишком сильная; войска еще передвигаются с места на место, как шашки. Будущее, как и всегда, неизвестно. День я занят в госпиталях и читаю лекции собравшимся здесь врачам, а вечером занимаюсь делами общины.- О политике ничего не слышу и не читаю,- чорт с ней.

Зачем ты так худо думаешь о Коле? Ты знаешь, что это моя слабая сторона, будто бы он от тебя с возрастом удаляется; к чему это? К чему, действовав так совестливо и так горячо, как ты, пугаться и сомневаться? Вырастая, он, напротив, должен все более и более к тебе привязываться, убеждаясь не одним сердцем, но и рассудком, что ты для него была и что сделала для него. Разве у него худое сердце, разве он мне не сын, разве он не чувствует, если и не видит ясно, как ты думаешь, сколько я дорожу его привязанностью и любовью к тебе и твоей к нему? Это злая мысль в тебе, зависящая от истерики, а не от сердца.

Прощай, моя милая душка.

Письмо к т-е Раден запечатай и сейчас же отошли (Эта фраза написана на 1-й странице, над датой. О письме к Раден см. в след. письме.).

№ 37.

Симферополь. 14 октября [1855 г.].

(Подлинник письма № 37-в ВММ (№ 15646); листок был в четыре страницы, но от одного полулистка срезана большая часть; начато письмо на 2-й странице, текст переходит на 3-ю, кончается на 1-й, 4-я - пустая.)

Последнее письмо от 14 сентября, кажется, милая Саша. Я пишу регулярно каждую неделю; писал бы и чаще, но община берет у меня много времени. Скажи фр[ейлен] Раден, что Стахович с ума сходит, и если ее отсюда не возьмут, то я оставлю общину на произвол божий; это такая roissarde, какую только свет производил. С ней хотят сделать все мирно и ладно, а она способна только кричать на рынках. Если бы не Карцева, не Бакунина, не Хитрово, то я бы счел низким для себя иметь с ней дело.

Здесь все по-прежнему; но в октябре, верно, решится, удержим ли Крым на зиму за собой или нет; неприятель делает беспрестанные диверсии, показывается то там, то здесь, так что, я думаю, у Горчакова беспрестанный понос.

Мы живем здесь, слава богу, не худо, занимаемся дельно; в госпиталях, где теперь сестры, идет прекрасно. Бакунина, очерненная у вел[икой] княг[ини] Стахович, ездит с транспортами до Перекопа; труды дороги, ночи в аулах, постоянное наблюдение за больными ей нипочем-редкий характер; нельзя не уважать. Тоже и Карцева, которая, не помню, при тебе или без тебя, была у нас в Ораниенбауме; несмотря на то, что мала ростом,

так славно работает в госпиталях, что любо смотреть. Теперь только я узнал все интриги и сплетни общины, - нечего сказать, уживчивы женщины! Но утешительно то, что есть еще нравственная власть, которая выше интриг и сплетен; надобно только ею уметь распорядиться.

Не завидуй: я написал об общине к Раден три листа, а тебе один; не расчел времени и теперь спешу (Упомянутое здесь письмо к Э. Ф. Раден не обнаружено.).

№ 38.

17 октября [1855 г.]. Симферополь.

(Подлинник письма № 38-в ВММ (№ 15647) на четырех страницах; конверт без адреса; весь первый абзац текста перечеркнут наискось А. А. Пироговой)

Погода здесь стоит еще чудесная. Ночи холодны и морозит, но днем жарко и сухо. Ничего еще нового здесь; войска беспрестанно меняют позиции. Продолжаю заниматься попрежнему, обливаться водою в татарской бане и есть виноград. Стол у нас роскошный по милости д-ра Тарасова (Вас. Ив. Тарасов (1822-1868) - врач Крестовоздвиженской общины; о деятельности его в общине в дальнейшее время - в Историческом обзоре и в письмах П. к Е. М. Бакуниной), который живет с нами и имеет своего повара. Вино, сигары и проч., посланное от тебя, получил все сполна. Коле посылаю письмо, которое оттянуло у меня время и от твоего письма; да ты за это не рассердишься.

Обермиллер пишет из Николаева - тоже ничего нового. Корабли стоят около, но еще покуда, после взятия Кинбурнской косы

(Сильная неприятельская эскадра подошла 3 октября 1855 г. к Кинбурну укрепленному селу на узкой, низменной, песчаной полосе между Днепровско-Бугским лиманом на севере и Черным морем на юге. Гарнизон состоял из 1400 еще не обученных новобранцев. После одновременной атаки с суши и моря укрепление вынуждено было сдаться 4000-му отряду нападавших.), ничего не предпринимают.

Северную сторону бомбардируют слегка, так что мало раненых, но мы еще здесь и со старыми ранеными не умеем справляться, все еще 2000 слишком.

Наконец, Стахович уезжает, и Хитрово делается старейшею; это - не Стахович; каждый вечер она и Карцева приходят ко мне, и мы вводим всевозможные крючки, чтобы ловить госпитальных воров; Карцева просто неумоима, день и ночь в госпитале; и варит для больных, и перевязывает, и сама делает все, и всякий день от меня выходит с новыми распоряжениями. Несмотря на то, еще мы не успели поймать, отчего куриный суп, в который на 360 человек кладется 90 кур, таким выходит, что на вкус не куриный, а крупой одной действует, тогда как сестры варят меньшее количество и меньше кур кладут, а вкус лучше; уже мы и котлы запечатывали, все не помогает, а надобно подкараулить; право, жалко смотреть; дают такое количество, что можно бы было чудесно кормить, а больные почти не едят суп.

Прощай, моя душка. Твой. Отошлю 21 октября.

20 октября.

Наконец, Стахович с первым отделением сестер уезжает сегодня. Теперь я еще более, чем прежде, убежден, что женщины между собой ужиться не могут; нельзя себе представить эту сеть интриг и смут, которые господствовали до сих пор в общине; когда я теперь разобрал всё в подробности, то я ужаснулся. Не знаю, что вперед будет; но я вижу теперь, по крайней мере, что есть сестры, которые действительно одушевлены желанием исполнять свои обязанности и достаточно просвещенны, чтобы понять их святое назначение.

Не знаю, довольна ли велик[ая] княг[иня] или нет, но я ей чрез Раден высказал всю правду и написал, как я смотрю на общину. Шутить такими вещами я не намерен; для виду делать только так же не гожусь; итак, если выбор вел[икой] кн[ягини] пал на меня, то она должна была знать, с кем имеет дело. Теперь покуда так идет в общине, что любо смотреть. Карцева день и ночь в госпитале. Хитрово - не Стахович; сама ходит на дежурство; не стыдится скатывать бинты и перевязывать больных и не величает себя превосходительством, как Стахович; за то и не будет называться, и не хочет быть главной начальницей общины, а

просто старшей сестрой. Поговори об этом с Раден и узнай, как она думает.

Мне бы не хотелось, чтобы мои заботы об общине, в которой я вижу прекрасное будущее, остались втуне. Если хотят не быть, а только казаться, то пусть ищут другого, а я не перерожусь [...].

Получил сейчас твое письмо (20 окт[ября]) от 11 окт[ября]. На дворе такая жара, как в июле месяце

(В те самые дни, когда П. писал эти строки, к нему явился за врачебным советом назначенный учителем в симферопольскую гимназию Д. И. Менделеев. Из Петербурга М. уехал для лечения болезни. Перед отъездом он был у проф. Н. Ф. Здекауера, который предложил ему показаться в Симферополе. П. В письме Здекауера к Николаю Ивановичу описывалось состояние здоровья М. и высказывалось опасение, что молодой учитель проживет не больше 8-9 месяцев. П. осмотрел М., "надал" ему советов, как себя вести и, возвращая письмо своего ученика и друга, сказал: "Сохраните это письмо и когда-нибудь верните Здекауеру. Вы переживете нас обоих". Советы П. и благотворный южный климат быстро восстановили здоровье М. Вспоминая П. впоследствии, гениальный химик говорил: "Вот это был врач! Насквозь человека видел. Он сразу мою натуру понял" (В. Е. Тищенко, стр. 12 и сл.; М. Н. Младенцев и В. Е. Тищенко, стр. 110).

№ 39.

Симферополь. 28 октября [1855 г.].

(Подлинник письма № 39 - в ВММ (№ 15648) на трех с половиной страницах; на конверте только: "Александре Антоновне Пироговой".)

Сегодня сюда ожидают государя, и все в ужасном движении; по улицам скачут и бегают; фонари зажигаются, караульные расставляются; неизвестно, сколько времени он здесь пробудет, куда отсюда поедет. Горчаков уже здесь. Все мои представления о госпиталях и т. п., которые до сих пор не были исполнены и лежали в главной квартире, вдруг явились сюда на сцену, по крайней мере, на бумаге. Чуток русский человек; посмотрим, что дальше будет.

Община, слава богу, пошла на лад, как нельзя лучше, после отъезда этой, которая так долго величалась главной начальницей. После молебна прошлое воскресенье я представил сестрам их старшую сестру (я предложил вел[икой] княг[ине] уничтожить чиновническое имя - главной начальницы, а называть просто старшей сестрой) Хитрову и просил их жить в мире и согласии, уверяя, что отныне дела общины будут решаться без лицепрятия и по полной справедливости старшей вместе с духовным пастырем, и с другими старшими сестрами и мною, разумеется, куда я здесь,- коллегиально.

Погода здесь до сегодня стояла превосходная. Вчера начался ветер и ночью легкий мороз, но днем на солнце все еще тепло и жарко. Виноград начинает исчезать. Окачиваться продолжаю по-прежнему, но не в татарской, а в русской бане. О неприятеле ничего не слышать, как будто бы здесь его и не было; и он и мы в полном бездействии; раненых, исключая старых, почти нет, но больных много: всё поносы и лихорадки (Д. И. Менделеев писал 19 октября друзьям о состоянии Симферополя в это время: "Невеселая жизнь выпала мне на долю, да, правда, веселья я не искал - хотелось спокойствия, маленьких удобств. Ни того, ни другого не имеют почти все жители Симферополя; главная причина всего страшнейшая дороговизна и теснота... Библиотека гимназии очень бедна, да и ту вывозят для всякой безопасности... Погода чудная, какой нет в Петербурге и в июне. Есть близ самого города прекраснейшие местности... между домами мелькают чудные виды, которые красит синева южного неба... Впрочем, вся местность, начиная от Перекопа, опустошена, нигде не видно травы - всю съели волы, верблюды, везущие страшно бесконечные обозы раненых, припасов и новых войск... Везде [в городе] лазареты... Пыль страшная, так что и выходить не хочется... Часто приходится слышать запах лазаретов и дым оттого, что жгут за городом падаль и везут нечистоты" (М. Н. Младенцев и В. Е. Тищенко, стр. 113 и сл.).

О киевском имении напиши поскорей в подробности всё, что знаешь, и особенно адрес, куда я должен прибыть, в самый ли Киев, или в другое место, и где могу встретиться с

Витгенштейном (О покупке имения сильно хлопотала А. А. Пирогова.).

Если бог даст, буду жив и здоров, то через месяц выеду отсюда; а покуда, после отъезда государя, поеду в Перекоп, возвращусь назад, отправлюсь в Бахчисарай, заеду на Северную сторону Севастополя и потом приеду опять в Симферополь, а отсюда уже отправлюсь далее в Россию осматривать по дороге госпитали. Ты же письма твои все адресуй до того, т. е. до конца ноября, все в Симферополь.

О политических делах, о том, что делается вне Симферополя, мы ничего не слышим и ничего не читаем, да и нечего читать, потому что, верно, ничего хорошего не начитаешь. Только то слышно, что Николаев порядочно укрепили, а неприятельские суда после занятия Кинбурна удалились, оставив Херсон в покое; в Николаев канонерские лодки пробовали было ворваться, но им не удалось. По бумагам, у Горчакова в Крыму 260 000 да вне Крыма слишком 400 000, так что на бумаге и на жалованье до 700 000, а много ли на деле, одному богу известно. 700 000 счесть - не безделица, и 200 человек начнешь считать, так как раз ошибешься. Зимой здесь, вероятно, ничего особенного не будет, разве где-нибудь на Азовском море, которое замерзает. Сегодня за мной прислал Горчаков и советовался со мной о своих глазах, уверяя, что он уже стар и плохо видит; не хочет ли махнуть отсюда в отставку; не худо бы было; будет с него, погостил довольно.

Брат Шульца на позиции и вчера писал ко мне о каком-то вшивом порошке.

Здесь все еще до 11 000 больных и тысячи две раненых, которые со дня на день уменьшаются, так что скоро мне здесь мало останется дела. По вечерам у меня ежедневно конгресс старших сестер, которые приходят ко мне с различными донесениями о госпиталях.

Бумаг моих и книг без меня не выдавай никому.

№ 40.

Симферополь. 4 ноября [1855 г.]

(Подлинник письма № 40 - в ВММ (№ 15649) на трех страницах; конверта нет.)

Недели через две я начну уже объезжать крымские госпитали прежде, чем выеду отсюда.

Поеду ли через Киев, будет зависеть от того, какое уведомление получу от тебя об имении, т. е. введен ли Витгенштейн уже во владение и пришлешь ли мне верный адрес, иначе делать крюк для нерешенного дела невесело, тем более, что недавно еще в Киевской или Подольской губернии, как мне сказывали, был бунт крестьян против помещиков

(В отчете о действиях III отделения и корпуса жандармов за 1855 г. сообщается: "В Киевской губернии.. крестьяне... по нерасположенности к владельцам просили дозволения всем ополчиться [по манифесту 29 января 1855 г. для борьбы с вражеским нашествием]... с освобождением от работ в пользу помещиков... Хотя... цель крестьян была не возмущение, но тем не менее беспорядки в Киевской губернии увеличивались, так что в некоторые селения должно было ввести воинские команды, а в двух необходимость заставила действовать вооруженною рукою. При этом в одном селении пятеро крестьян убито и четверо ранено, в другом 20 убито и 40 ранено... Превратные толки о свободе и слухи о волнении жителей Киевской губернии возбудили неповиновение помещичьих крестьян и в других уездах..." (Е. А. Мороховец, стр. 104 и сл.).

"...народ, сотни лет бывший в рабстве у помещиков,- писал В. И. Ленин в статье "Пятидесятилетие падения крепостного права",- не в состоянии был подняться на широкую, открытую, сознательную борьбу за свободу... Крестьянские восстания того времени остались одинокими, раздробленными, стихийными "бунтами", и их легко подавляли" (Соч., изд. 4-е, т. 17, стр. 65).).

Государь был здесь несколько часов, осмотрел некоторые госпитали, но я его не видал, потому что оставался в той части госпиталей (их здесь 52), где обходил Мих[аил] Николаевич, а мне в моем пальто казалось неприличным тесниться между мундирными, да и сестры Общины помещены только в том отделении, где я встретил великого князя. Государь хотел остаться всем довольным и остался, хотя многое не так хорошо, как кажется.

Погода стоит уже с неделю сухая, ясная, но ветреная и очень холодная, и больные

зьябнут жестоко в бараках и госпитальных шатрах; раненых новых совсем нет, потому что почти совсем не дерутся; но больных очень много; сюда прибывает по 500 в сутки. Перекоп весь запружен больными из Гренадерского корпуса, и вывоз делается с каждым днем труднее; я беспрестанно отписываюсь с главнокомандующим; и на бумаге все идет, как нельзя лучше, но не на деле.

Из последнего твоего письма я вижу, что ты совершенно неисправимая особа: спокойствие духа и полная уверенность к себе и ко мне у тебя еще не существует [...].

Здесь все тихо, новостей никаких нет; после отъезда государя осталось все, как было. Жители Симферополя успокоились и надеются провести зиму здесь, а то, было, они уже были наготове дать тягу.

Бог даст, к рождеству Христову, а может быть и прежде, мы увидимся; все зависеть будет оттого, каковы будут дороги и по какому направлению я поеду; больные теперь раскиданы по разным направлениям, и я еще не решил, куда ехать и по какому маршруту.

Кланяйся всем нашим. Поцелуй Машу и Колю. Благослови и расцелуй детей [...]. Напиши мне адрес Анны Ивановны (Анна Ивановна (1799-1869)-сестра П.; дети - его сыновья.). Прощай, моя милая душка, Господь с вами всеми. Твой.

№ 41.

11 ноября [1855 г.]. Симферополь.

(Подлинник письма № 41 - в ВММ (№ 15650) на четырех страницах, но исписаны только две; часть текста перечеркнута А.А. Пироговой (об имени Витгенштейна).

Сегодня возвратился из Перекопа, где оставался два дня и смотрел госпитали, заваленные больными из Гренадерского корпуса. С этой же почтой посылаю письмо министру о том, что выезжаю отсюда 1 декабря и поеду на Херсон, Николаев, а может быть, и Киев, если до того получу от тебя что-нибудь более положительного об имени Витгенштейна, как то: адрес, к кому и где отнестись по приезде в Киев и т. п.

Об уплате Сартори писал тоже к Пеликану.

Здесь начались холода, сегодня вода на один вершок подмерзла (В цитированном выше письме Д. И. Менделеева от 19 октября читаем: "А говорят, что будет зимой, когда грязь непроходимая, по колена, не позволит подвозить ничего к городу и выказать нос из комнаты почти всегда холодной... Придется, говорят, попробовать зимой и холод, и голод"); по дороге в Перекоп было порядочно холодно, так что я заказал себе крымский тулуп из смушек; хорошо, что, по крайней мере, хотя грязи нет.

Мне случайно в эту минуту попалось твое письмо от 25 сентября, где ты пишешь про киевское имение и говоришь, что "напиши твое решение, и тогда будет дело в шляпе". Не знаю, тех ли ты мыслей 11 ноября, как 25 сентября. Витгенштейн уже не раз надувался и тебя надувал.

Сейчас получил твое письмо от 30 октября. Вижу, что об имени князя и думать не должно; с ним, известно, каши не сваришь; подумай, поговори и справься получше о рязанском; авось из этого что-нибудь выйдет.

Скажи Сартори, чтобы он сам пошел к Пеликану и сказал ему, что я и камни и оттиски его видел и потому в выдаче денег затрудняться не следует.

О приезде государя сюда я уже, кажется, писал; я не успел его видеть; он не был в том отделении госпиталя, где находились сестры, а я хотел именно там оставаться на случай.

Кланяйся всем нашим [...].

Здесь нового ничего нет. Все, как было, по-прежнему. Слухи разнеслись в Перекопе, что неприятель из Евпатории сел на суда; а на Северной стороне четыре недели, как не слышно ни одного выстрела.

№ 42.

18 ноября [1855 г.]. Симферополь.

(Подлинник письма № 42 - в ВММ (№ 15651) на одной странице (оборот листа-чистый); конверта нет.)

Кажется, уже предпоследнее письмо, моя несравненная Саша; но ответа на него уже не

получу; кончаю здесь свои дела; делал, что мог; много ли сделал, пусть бог судит. Поеду на Херсон, Николаев и Кременчуг; на Киев поеду ли, не знаю, потому что ничего верного от тебя не получил. Тулуп из смушек готов; дела общины приведены, сколько можно, в порядок; транспортное отделение устроено кое-как; раненых осталось уже очень немного; донесения, требования, отчеты в штаб и главнокомандующему почти все переписаны; грязь уже по колена; пора в дорогу.

Сегодня сильный мороз; мы и неприятель в полном бездействии; на будущей неделе, написав к тебе последнее письмо, отправляюсь в Бахчисарай для последнего свидания и последних переговоров. Дай только бог, чтобы ты и дети были у меня живы, здоровы и веселы, тогда и я и жив и весел.

Нового решительно ничего нет, и я пишу только потому, что дал тебе слово писать; напиши Анне Ивановне, чтобы она оставила в Москве в гостинице Торлецкого на железной дороге ее адрес, чтобы я мог ее найти [...].

Прощай, мой ангел. Будь здорова и покойна. Твой, как всегда.

№ 43.

Симферополь. 25 ноября [1855 г.].

(Подлинник письма № 43 - в ВММ (№ 15652); из четырех страниц исписаны полторы. Весь первый абзац перечеркнут А. А. Пироговой.)

Меня устрасило твое последнее письмо; ты что-то захирела, моя душка; ради бога, если Шмидт (Як. Як. Шмидт (1809-1891)-товарищ П. по учению в Юрьевском университете; был специалистом по женским болезням и придворным акушером; один из участников Пироговского кружка врачей (ферейна) в Петербурге) предлагал, дай себя исследовать; в этих вещах, чем скорее, тем лучше.

Шмидт понапрасну не предложил бы; что ты называешь боком, что за опухоль, про которую ты прежде совсем не писала, и почему ты не попросила Шмидта мне написать две строчки о твоей болезни; все это меня тревожит; напиши, по крайней мере, в Москву, в гостиницу Торлецкого у Красных ворот, чтобы я хоть там узнал еще.

Я выеду отсюда 1 декабря и потащусь через Херсон и Николаев в Екатеринослав.

Нового здесь ничего нет. На этих днях опять несколько дней бомбардировали Северную сторону; полки уходят из Крыма в Россию формироваться; французы выстроили себе бараки деревянные на зиму; драки нигде нет; но что-то будет весною, где-то опять загорится война, уже не вблизи ли Петербурга: Canrobert, пишут, в Швеции. Я поеду пред моим отъездом на несколько дней в Бахчисарай и заеду на Северную сторону Севастополя; больше писать не буду, а разве уже напишу из Москвы.

Будь здорова, моя душка, заботься о своем здоровье. Ты - моя жизнь, ведь ты это знаешь. Детей обними, поцелуй и благослови. Кланяйся всем. Твой.

№ 44.

Симферополь. 2 декабря [1855 г.].

(Подлинник письма № 44 - в ВММ (№ 15653) на одной странице; конверта нет.)

Завтра я выезжаю. Был на прощанье на этих днях в Бахчисарае, на Бельбеке и на Северной стороне Севастополя. Смотрел на грустный, полуразрушенный и закопченный город. Вся Северная изрыта бомбами, которые неприятель бросал сюда, без всякого, впрочем, вреда, целый месяц. Нет аршина земли, где не было бы огромных ям и не лежало огромных отломков бомб; теперь почти совсем не стреляют; движение в городе мало заметно; мы постреливаем, но, кажется, также без толку (После этого 3-4 слова густо зачеркнуты А. А. Пироговой; разобрать их невозможно.).

Фураж здесь опять жестоко вздорожал; еще более сахар; фунт стоит уже 50 коп. сер. и то не продают более трех фунтов; пуд сена стоит один рубль сер., да и то трудно достать; больных солдат множество, а полушубков еще мало; дороги опять испортились, и лошади начинают падать; тоже и тоже.

Я ожидаю от тебя письма в Москву по адресу, который я уже написал, в гостиницу Торлецкого; напиши в нем, как ты себя чувствуешь, здорова ли ты, мой душенька. Ради бога,

береги себя и детей. Я пробуду дня по два или по одному в Херсоне, Николаеве, Харькове, Екатеринославе и Москве. Из Москвы, бог даст, еще напишу, чтобы тебя приготовить к приезду [...].

(Это-последнее из дошедших до нас писем П. к жене с театра войны. Деятельность П. в Симферополе, по воспоминаниям одного из его тогдашних помощников, врача В. С. Кудрина,- "была полна, можно сказать, самой юношеской энергии, и он работал без устали, не имея никогда определенного времени для обеда; нам, ближайшим сотрудникам и ученикам, оставалось только всеми силами подражать своему любимому наставнику, относившемуся к нам строго и требовательно по службе, но всегда очень радушно в частных беседах по вечерам за чаем в его скромной городской квартире". Врачебно-административная деятельность П. в Крыму и деятельность сестер милосердия отражены в письме П. к проф. Зейдлицу и в других документах настоящего раздела.)

II. ПИСЬМО К К. К. ЗЕЙДЛИЦУ

Севастополь, 16-го, 17-го и 19-го марта 1855 г.

(Письмо к проф. К. К. Зейдлицу, подобно севастиопольским письмам П. к жене, является документом, отражающим мысли и взгляды гениального хирурга непосредственно в момент их возникновения, освещающим события при самом их зарождении. Но в отличие от писем к жене оно заключает в себе сообщения и мысли, выясняющие развитие военно-медицинской доктрины великого русского ученого, принятой затем в армиях всего мира.

Подлинное письмо, на немецком языке, не найдено; опубликовано Н. Ф. Здекауером в русском переводе. Печатается по тексту этой публикации; включено в книгу: "Севастопольские письма Н. И. Пирогова" (стр. 175 и сл., 1907); небольшой отрывок перепечатан в журн. "Медицинское обозрение" (1885, No 21, стр. 849 и сл.). Является ответом на два письма З-ца к П., который отослал их, вместе с настоящим, Н. Ф. Здекауеру для прочтения друзьям. Одно письмо, З. (от 19 октября 1854 г.) также опубликовано Здекауером в русском переводе ("Р. ст.", 1885, т. 47, No 9, стр. 461 и сл.; полностью воспроизведено в "Севастопольских письмах", 1907). Это письмо З-ца вызвано опубликованной тогда третьей частью Клинических монографий П. "Статистический отчет" (1854 г.). См. еще в разделе "Воспоминания о Крымской войне").

Aequinoctium ruscum. (Русское равноденствие [по календарю]).

Христос воскрес!

Любезный друг!

Благодарю, что вы меня не забыли. Не даром нам здесь, по высочайшему повелению, засчитывают месяц за год службы. Если уже в обыкновенной жизни, в течение суток, человек может преспокойно умереть каждую минуту, т. е. 1440 раз, то возможность умереть возрастает здесь, по крайней мере, до 36400 раз в сутки (число неприятельских выстрелов) [...].

Я более трех недель был болен совершенно так, как в Петербурге в 1842 г.; но так как я теперь опытнее стал и лучше узнал свою натуру, то я уже до того дошел, что теперь могу выходить. Гретье морские ванны и постепенный переход от них к холодным обливаниям удивительно хорошо подействовали на меня. Я теперь опять обливаюсь, как я это в Петербурге делал в течение нескольких лет, из ушата холодной морской водою и чувствую себя опять здоровым. Прежнее беспокойство, боязнь смерти, я не испытывал и был спокоен и резигнирован (Покорен [судьбе]) во время моей болезни [...]. Но довольно о моем ничтожном я.

Общее несчастье и горе важнее этого. Кровь, грязь и сукровица, в- которых я ежедневно вращаюсь, давно уже перестали действовать на меня; но вот что печалит меня,- что я, несмотря на все мои старания и самоотвержение, не вижу утешительных результатов, хотя я моим младшим товарищам по науке, которые еще более меня упали духом, беспрестанно твержу, чтобы они бодрились и надеялись на лучшие времена и результаты. Один из них, дельный, честный и откровенный юноша, уже хотел закрыть свой ампутационный ящик и бросить его в бухту.

- Потерпите, любезный друг,- оказал я ему,- будет лучше.

Между тем уже наступило весеннее равноденствие! Я ваши два письма читал во время моей болезни, а то, не прогневайтесь, они остались бы нечитанными, и я приберег бы их до своего возвращения. Читал я и вашу критику моих взглядов, не без улыбки, а также и ваше мнение о происхождении чумы. Мое убеждение об определенном, неизбежном отношении смертности в каждой болезни и в каждой значительной хирургической операции так глубоко коренится во мне, что никакая, хотя бы и от друга происходящая критика не в состоянии поколебать его.

Я утверждаю, что ни в одной болезни, за исключением перемежающейся лихорадки, если она достигла повальных размеров и господствует эпидемически, какое бы то ни было лечение, даже придворно-атомистическое, (Имеется в виду шарлатанская система Мандта) не могло бы значительно изменить процент смертельных исходов. Cholera, тиф, воспаление легких, эпидемический скорбут, кровавый понос - до очевидности подтверждают это. Совершенно то же самое наблюдал я и при каждой значительной, опасной операции, если она в массах или эпидемически, как это бывает в военное время, повторяется.

(Зейдлиц жил тогда в своем имении близ Юрьева и писал Пирогову: "Моему дорогому другу и соратнику на зеленом поле Конференции СПб. Медико-хирургической академии профессору Пирогову. Вас менее удивит, что я при настоящих своих занятиях сельским хозяйством прочитал вашу хирургию, нежели то, что берусь за перо, чтобы с вами кое о чем поспорить. Само собою разумеется, что мне и в голову не могла прийти мысль осуждать или критиковать вашу хирургическую богатую опытность и сделанные из нее выводы. Я желаю с вами обсудить только некоторые общенаучные положения, которые вы, как мне кажется, в ущерб себе самому и нашей благородной науке и особенно практической медицине с какою-то математическою уверенностью отстаиваете. Вы сами сознавались, что и теперь способны колебаться в своих убеждениях - и не перестанете их подвергать строгой проверке, дабы там, где это окажется необходимым, заменить их более верными данными... В 3-м выпуске вашей "Хирургической клиники", на 2-й странице, вы высказываете убеждение, "что во всякой болезни и во всякой операции существуют постоянные незыблемые отношения в неудаче и смертельном исходе их". Это справедливо, если при этом имеется в виду известная отдельная болезнь или операция, но две различные между собой болезни или хирургические операции, при одинаковой внешней обстановке, непременно покажут, что они, именно потому, что они не одни и те же, могут иметь неодинаковые исход и окончание. Наблюдая целый ряд болезней и хирургических операций, мы усмотрим известный процент неудач и смертельных исходов, который выразится арифметическим числом, по вашему мнению и этим выразится их особенность, так сказать их натура.

Но вы сами опровергаете это положение следующими затем словами: "Эти отношения находятся в зависимости от постоянных влияний внешних условий на различные болезненные процессы, от индивидуальности больного и от вида травматического поранения, неизбежного при каждой операции". Эти три внешние фактора (в патологии приводится их более) между собой различны во времени и пространстве и поэтому являются главными причинами того, что известные болезни и хирургические операции в разное время и в разных местностях относительно неудачи или смертельного исхода не одинаково протекают, а следовательно, и не дают постоянных статистических результатов. Я с намерением употребил выражение "статистических", потому что введение ваше, очевидно, стремится к тому, чтобы доказать, что полученные в массе статистические результаты дают самое верное понятие о натуре болезни и об оценке способа лечения..."

О применении статистики в медицине П., кроме названной выше монографии, писал в своих обширных классических исследованиях, в том числе, в "Началах". В 1849 г. П. сделал в кружке врачей (ферейне) сообщение "О применении статистики..." (1883 г.).

Пребывание мое в Севастополе еще более утвердило во мне это убеждение. То, что я в течение пятнадцати лет наблюдал в петербургских госпиталях, то же, но в более грандиозных размерах, повторяется и здесь. Можно подметить отдельные колебания,

которые легко объясняются; но в общем то, что в Петербурге давало смертность трех из пяти, и здесь дает три с половиной и три четверти из пяти. Приводимое вами против меня популярное мнение, что хорошее лечение дает лучшие результаты плохого, только для отдельных случаев справедливо, и те должны подлежать беспристрастному разбору и оценке. По слухам, А. Мейер счастливый литотомист. Б. Мейер удачно оперирует бельмо, В. Мейер отлично срезывает и спиливает ноги. (Фамилии "Мейер" приведены в общем смысле, вроде: "А. Иванов", "Б. Иванов" и т. п.).

Но мы знаем, что существуют и лживые трубачи прославления.

Убедитесь сами, а главное, считайте на бумаге, не надейтесь на свою память, сравнивайте успехи счастливых и несчастных врачей, если возможно при равной обстановке, и потом уже оценивайте результаты. Отбросьте бабьи толки, департаментские отчеты, хвастливые рассказы энтузиастов, шарлатанов и слепорожденных,- спокойно следите за судьбою раненых, с пером в руках из операционной комнаты в больничную палату, из палаты в гангренозное отделение, а оттуда в покойницкую - это единственный путь к истине; но путь не легкий, особенно если наблюдатель пристрастился к известной операции или если другой оперирующий коллега непременно хочет быть счастливым, а еще хуже, если он обязан официально донести департаменту об успехах своих действий; тогда боже упаси от правдивых статистических расчетов, они тогда не безопасны для существования хирурга.

Об этом можно еще много толковать. Я, может быть, если останусь жив, да отслужу свои тридцать лет, - не забудьте, что нам считается месяц за год службы,- соберу результаты моих статистических наблюдений об ампутациях и обнародую их. (Все это опубликовано в "Началах" (т. I, 1941, т. II, 1945).

Ампутация, как одна из грубейших больших операций, доказывающая несовершенство искусства, именно ясно доказывает, что потеря каждого члена нашего тела имеет свой постоянный фатальный процент смертности. О некоторых других значительных хирургических операциях еще можно утверждать, что известными приемами, которыми обладают только знаменитые хирурги, оперированные ими ограждаются от большей смертности (В письме 3-ца, между, прочим, говорится: "Одна ласточка еще не указывает на лето, и один Пирогов еще не составляет золотой век хирургии"). Можно, например, допустить при камнесечении, что лучший успех этой операции зависит от ловкости, с которой оператор захватывает, и легкости, с которой извлекает мочевого камень; а о вашем эстонском Буяльском можно тоже сказать, что он вылушивал шулята с особенною ловкостью и возможно меньшим растяжением семенных канатиков и т. п. (Ил. Вас. Буяльский (1789 - 1864) - талантливый хирург первой трети XIX в. О нем: Е. М. Маргорин (1948). В комментируемом тексте П. иронически применяет имя Буяльского по поводу следующего сообщения Зейдлица: "Я желал бы, чтобы вы хоть раз увидели, как эстляндский мужик в моем имении скоро и ловко выхолощивает моих козлов и бычков своим хлебным ножом, который он оттачивает на подошве своего сапога, и при этом из целой сотни не терял ни одного оперированного, между тем, как ветеринары далеко не так счастливы" (ср. у академика Е. Н. Павловского, 1948, стр. 89).

Но при ампутациях, если не допускать со старыми бабами легкую и тяжелую руку, нельзя допустить прямого влияния на успех операции ни ловкости оператора, ни даже особых искусных приемов, которыми он владеет. Скорость, с которою совершается ампутация, как известно, тоже не влияет на успех этой операции. Оперативные приемы при ампутациях так просты, что их можно бы с закрытыми глазами исполнить. Если нож остер, пила хорошо зазубрена, мягкие части отрезаны чисто и при том так, что покрывают кость, если, наконец, все кровотокающие сосуды, хорошо перевязаны, то ампутация *lege artis* (По всем правилам искусства.) совершилась. Так делается это ежедневно; мы видим, все идет, как по маслу.

На моих глазах здесь тринадцать или четырнадцать врачей оперируют, не считая самого себя (Т. е. самого П. (неудачный оборот фразы здесь и в других местах этого письма

зависит, конечно, от переводчика); все они оперируют хорошо; ампутированные пользовались в пяти различных госпиталях, и я предоставлял каждому врачу вести последовательное лечение по своему усмотрению, если оно только сколько-нибудь казалось целесообразным; да я многих и сам пользовал, и все-таки результаты до сих пор остаются одни и те же; то же самое было в Симферополе, Карасубаваре и в других госпиталях. Кто по своей натуре предназначен к дурному результату, дает его с ужасающим фатализмом, и дает его, "хотя из кожи вон полезай"

(По поводу такого рода, отдающих фатализмом, заявлений П. в его "Статистическом отчете 1852-1853 гг." 3-й писал: "На стр. 6-8 вы подробно разбираете внешние влияния и все-таки на стр. 10 приходите к заключению, что всякая болезнь и всякий хирургический оперативный метод имеют определенный процент смертности, только несколько видоизменяемый страной, особенностями класса народа и внешними влияниями. На это изречение, противоречащее вашей собственной, столь ценной опытности, вероятно, повлиял недавно введенный, без всякой критики, в разнообразнейшие отрасли медицины статистический метод... Влияние неверных выводов, вероятно, породило несколько грустное настроение, проглядывающее в 3-м выпуске вашей "Клиники". Под влиянием этого безотрадного настроения духа вы выразили научную ересь, "что процент смертности независим от врачебного влияния").

Администрация (Под словом "администрация" П. имеет в виду устройство, распорядительность, постановку дела.) госпиталя еще имеет известное влияние на успех ампутации, но и то только в некоторой степени. Хороший воздух, опрятность, питательная пища влияют, конечно, на успех операции; но и чистый воздух не везде одинаковый. Есть госпитальная злобная конституция, о которой я давно уже проповедую, которую не исправляют ни доступ чистого воздуха, ни целесообразное распределение больных, ни хорошая пища; причина ее кроется, вероятно, в почве, на которой выстроен госпиталь, или в стенах его, наконец, не знаю, где. Есть больные и довольно многочисленные, на которых более чистый воздух, повидимому, вредно влияет.

Сотни раз случалось здесь, что когда оперированного или раненого из гангренозного отделения, где воздух до головокружения испорчен и заражен дурными испарениями, после того, как у него рана совершенно очистилась и приняла хороший вид, переводили в чистую палату, то уже через несколько дней очистившаяся поверхность раны опять получала дурной вид, и что больные сами убедительно просят, чтобы их опять вернули в гангренозное отделение. Позволительно ли природе так подшучивать над нами, бедными художниками? (Имеются в виду представители хирургического искусства.).

Тем не менее, это факт. Если все это сопоставить, хорошее и дурное, и где же можно тут ожидать много хорошего,- я говорю о том, что есть, а не о том, что могло бы быть,- то выйдет старая песня: что по своей натуре предназначено к дурным результатам, дает их, конечно, при нынешнем несовершенстве нашего искусства.

Со временем, может быть, все будет лучше. Сила изобретательного случая велика; может быть, со временем изобретут паровую машину, посредством которой раны ампутированных будут заживаться первым натяжением в 24 часа; может быть, со временем заменят ампутацию чем-нибудь более разумным; может быть, в будущем вовсе не будут нуждаться во врачах; тогда, вероятно, и процент смертности изменится; возможно, наконец,- что совсем не будут умирать, чем, естественно, отношение смертности сведется к нулю. Мы, вероятно, не доживем до этой прекрасной будущности.

В настоящее время раны в Севастополе так же мало заживают *per primam*, (Первым [натяжением].) как в Петербурге; я можем здесь повторить наивный ответ ординатора Обуховской больницы, доктора Шклярского, данный им на мой вопрос, как вы исцеляете в Обуховской больнице раны ампутированных, *per primam, vel secundum intentionem*, (Первым или вторым натяжением.) ответил: "мы лечим их *per tertiam!*, т. е. *per gangraenam*" (Третьим.).

Если смотреть на это дело не близорукими глазами клинициста маленького

университетского городка или без поползновения на хвастовство, особенно же если не составляется ответ "по казенной надобности" и по указаниям славолюбивого начальника, то выходят совсем другие вещи. Но довольно об этом. Вы знаете, почтенный друг, что заслуженные профессора СПб. Медико-хирургической академии крепко держатся своих убеждений, если у них вообще существуют таковые (П. имеет в виду группу отсталых профессоров, застывших на том, чему они учились в молодые годы, не признававших ни новых научных методов, ни самокритики.).

Теперь обращаюсь к вашим собственным взглядам. Я, право, не знаю, ожидает ли нас весною карбункулёзная чума или нечто столь же безотрадное; я только знаю, что существует достаточно условий для развития страшной эпидемии. Тиф уже свирепствует, как здесь, так и в Симферополе.

- Не настоящий,- сказал мне один врач из штаба князя Горчакова.

- Но хотя и не от настоящего, а умирают,- ответил я ему,- да кроме госпитальных больных, большею частью врачи и сестры милосердия.

Из двадцати сестер в Симферополе шесть умерло. Врачи беспрестанно заболевают и умирают; из шестнадцати, которые здесь в Севастополе под моим руководством работали, семь заболели тифом, а из восемнадцати сестер здесь семь заболели и уже две умерли.

Если вспомнить, что зимою, по всей дороге из Севастополя до Бахчисарая, на протяжении шестидесяти верст валялись сотнями гниющие трупы павших лошадей и волов, которых, конечно, никто не зарывал, а также множество человеческих трупов, весьма поверхностно похороненных по недостатку медико-полицейского контроля и по каменистой твердости грунта; прибавьте к этому изнурение людей от беспрестанных крепостных работ, проводивших зиму в грязи, в убогих землянках, а также, что скорбят здесь почти всякую весну появляется и что уже теперь показываются больные с цынготным диатезом; что наши госпитали все переполнены и помещаются в старых, полуразрушенных или казематированных казармах, где весьма трудно очищать воздух; что недостает белья и тюфяков, и что нет ни сена, ни соломы для набивки тюфяков - то имеется достаточно поводов опасаться развития злокачественной эпидемии под влиянием предстоящих жаров.

К этому надо прибавить еще господствующую эпидемическую болезненную конституцию, порождающую знаменитые крымские лихорадки и смрадные испарения, поднимающиеся из неприятельского лагеря.

При всем этом в наших госпиталях теперь гораздо лучше, чем было в ноябре прошлого года. О той грязи, о том несчастном положении, в котором с октября по декабрь валялись наши больные и раненые, невозможно себе составить понятия тому, кто не видал этого собственными глазами. Но постойте, сейчас начали сильно бомбардировать и кричать, что один из домов, в котором лежат наши больные, от бомбы загорелся!

Наступила ночь. Теперь девять часов. Сегодня назначены три вылазки, и нам опять принесут несколько сот раненых. Прощайте, до свидания. До завтрашнего утра.

Много шуму из пустяков! Во время ночной бомбардировки неприятель бросил несколько тысяч снарядов в город. Несколько сот из них лопнули перед нашими глазами в бухте. Зажгли дом в нашем соседстве, так что я уже уложил свои пожитки и перебрался в Николаевскую батарею, где для нас приготовлен был небольшой блиндированный каземат. Между тем, за исключением единственного пожара, бомбы нам не причинили никакого вреда. Многие из них лопались в бухте или в воздухе; вообще, бомбы мне кажутся весьма неверным разрушительным средством.

Несколько дней тому назад союзная армия бросила около двух тысяч бомб в четвертый или пятый редут, и эти две тысячи снарядов ранили только шестьдесят человек и убили около двадцати. Хотя по нашим мирным понятиям человеческая жизнь неоценима, но здесь все-таки думают, что ничтожное действие не стоило труда и затраты. Весь этот ночной шум должен был служить отвлечением.

Мы выстроили редут у Малахова кургана, который угрожает близкой неприятельской батарее. Союзники хотят во что бы то ни стало уничтожить этот редут и хотели его

штурмовать эту ночь. Наши же в ту же ночь хотели проникнуть в шанцы и траншеи неприятельские, которые лежат непосредственно впереди нашего редута, чтобы их уничтожить. Союзники для отвлечения устроили усиленную бомбардировку, наши же - вылазку. Последствием этого было разрушение трех неприятельских шанцев, а редут остался в наших руках. Вся окрестность редута была наполнена телами убитых. У нас было 400 убитых и 1800 раненых. Вся эта масса раненых еще в ту же ночь и на другой день была размещена в различных амбулансах в городе.

И мы работали два дня, пока удалось почти всем доставить необходимую помощь; но даже теперь, шесть дней после сражения, мы находим раненых, которым еще не успели подать существенную хирургическую помощь.

На мою долю досталось шестьсот раненых. Посредством особенного способа, который я уже неоднократно испытал в подобных случаях, мне удалось в полтора дня справиться с главнейшими хирургическими пособиями. Способ этот состоит в следующем. В моем распоряжении находятся десять врачей; я ими управляю деспотически, но, смею думать, справедливо. Я распределяю обязанности этих врачей таким образом, что двое или трое из них, по очереди меняясь с другими, должны сортировать вновь прибывших раненых. (Здесь говорится о знаменитой, введенной П. впервые в русской армии, а затем перенятой на Западе системе распределения раненых в бою по степени полученных ими повреждений).

Складочное место (конюшня, палатка, а иногда и улица) для этого необходимо. Тут сначала выделяются отчаянные и безнадежные случаи (раны головные с выпадением мозга, брюшные с поранением кишек или других брюшных внутренностей), которые легко диагностируются; их отделяют от прочих, им дают наркотические средства, чтобы уменьшить их страдания, и тотчас переходят к раненым, подающим надежду на излечение - и на них сосредоточивают все внимание.

Их диагностируют, не трогая первоначальной перевязки, состоящей большею частью из наложенных на рану корпии и повязки, чтобы не терять времени; сложные переломы сортируются опять от простых ран. Потом транспортируют раненых со сложными переломами костей в операционное отделение или в приемный покой, поочередно, как они лежали, по три или по четыре зараз, по числу врачей, и им сперва дают первую помощь. Прочих слегка перевязывают фельдшера, под руководством одного или двух врачей.[LDN3]

Извлечение пуль, расширение ран сначала не предпринимаются. Это напрасный труд, над которым многие неопытные хирурги много теряют времени. В самом деле, раненый ничего от того не выигрывает, что ему вырежут пулю, которая торчит под кожей; напротив того, ему можно повредить, если второпях пальцем или зондом доискиваться в ране пули, которая засела под толстыми или напряженными мышечными слоями, а может быть и в кости, для того только, чтобы удовлетворить своему тщеславию и похвастать, "что я, мол, вытаскивал столько-то пуль". Этим ослепляется только непросвещенная публика, которая самодовольно улыбается, если хирург из раны вытаскивает пулю или пыж. Этот вид помощи неспешный; со временем и при большем досуге все это совершается гораздо легче и с меньшим ущербом для больного. Напротив того, раненые с сложными переломами тотчас и весьма тщательно исследуются.

Первый диагноз для каждого сколько-нибудь опытного врача не труден. Крепитация (Хруст.) и ненормальная подвижность составляют два вернейших признака. Таких раненых тотчас приносят в операционную комнату, кладут их на стол или на скамью, сперва хлороформируют, потом снимают повязку и решают, может ли раненый член быть сохранен или же нужны ампутация или резекция. Если принесли много раненых, то мы оперируем одновременно, на трех или четырех столах. Тут так же необходим известный порядок, чтобы выиграть время. У меня врачи так распределены, что около каждого раненого, которого оперируют, четыре или пять врачей заняты. С тем комплектом врачей, которым я располагаю и к которому нередко присоединяются несколько посторонних врачей, я могу оперировать не более двух, много трех раненых одновременно.

Три врача и пара солдат при операциях - действующие лица. Один следит за пульсом

во время хлороформирования, другой прижимает артерию, третий оперирует; два или три солдата держат больного. Когда ампутация окончена и главные артерии перевязаны, уже другие ассистенты занимаются остановкой последовательного кровотечения, после того как оперированного со стола перенесли на кровать. А три первые врача продолжают оперировать другого раненого. Для переноски оперированных и раненых назначены четыре служителя. Они стоят наготове, руки по швам, чтобы тотчас по команде унести оперированного со стола на кровать и принести нового раненого на операционный стол.

Таким образом все идет, как по маслу, и я с часами в руках убедился, что можно окончить десять больших ампутаций, даже с помощью не очень опытных рук, в один час и 45 минут. Если же одновременно оперировать на трех столах и с пятнадцатью врачами, то в шесть часов 15 минут можно сделать девяносто ампутаций, и поэтому - сто ампутаций - с небольшим в семь часов времени. Этот расчет для меня очень важен.

Когда я в ноябре 1854 года, около двадцати дней спустя после сражения при Инкермане, прибыл в Севастополь, то нашел еще более ста раненых в этом сражении, с сложными переломами, которым еще не было сделано никакой операции, в ужаснейшем положении. Многие из них со слезами умоляли, чтобы им отняли раздробленные конечности, но не были оперированы по недостатку порядка. Врачи извинялись недостатком времени. Между ними было двенадцать хирургов. Но им достало бы времени при большем рвении и большем порядке.

Первую повязку я накладываю через пять или семь часов, после того, как первая помощь оказана всем раненым; до того раны слегка покрываются корпией и компрессами и выжидают последовательное кровотечение. При последнем деле мы по этому способу, как было описано, с восемью или десятью врачами сделали пятьдесят пять ампутаций, оперируя сначала на одном, а потом на двух столах одновременно, в течение шести часов; часть этих врачей перевязывали, кроме того, еще прежних раненых, а два врача после ночных трудов отдыхали полдня.

С двадцатью хорошо приученными и приловченными врачами таким образом можно очень много сделать. Если же запустить первые два дня после сражения, то делается чертовский беспорядок, от которого у каждого голова закружится.

Теперь я приступлю к обсуждению важнейшей главы вашего письма, т. е. об угрожающей нам злокачественной повальной болезни. Когда я в декабре был в Симферополе, я подал докладную записку графу Адлербергу, в которой я пророчил развитие сыпного тифа в городе. Мое предсказание, к сожалению, исполнилось. Мои врачи, сестры и сердобольные вдовы уже умерли от тифа; это и не могло быть иначе. В то время было около шести тысяч заразных больных, скученных в сорока пяти домах города, не считая военных госпиталей.

Я целые дни проводил в сортировке больных, выделяя гангренозные раны, тифы, холеринные поносы и отделяя таких больных от чистых ран и свежераненых. Все было напрасно. Только что я надеялся устроить совершенный порядок, после того как я отделил всех больных заразных и одержимых нечистыми и гангренозными язвами, поместив их в особые дома, причем по странной случайности, гангренозные больные поместились в главной кондитерской Симферополя, как вдруг ночью привезли новый транспорт из Севастополя и Бахчисарая и опять все *pele-mele* (В беспорядке.) были сложены в разных отделениях; это оттого происходило, что не устроили складочного места для вновь прибывающих больных; о так называемых приемных покоях, при переполнении наших больниц, не могло быть и речи. В городе были большие конюшни, в которых больные, как свиньи, в грязи валялись вместе с умершими. Я настаивал на том, чтобы этот склеп превратили в приличное складочное место, на что он оказался пригоден.

После каждого нового транспорта больные складывались сперва туда, где их сортировал дежурный врач и распределял по разным отделениям. Но не нашли подходящего места, куда можно бы перевезти больных (числом до четырехсот) из этой ужасной труппы. Стеснялись об этом известить губернатора, который занимал слишком большое помещение,

в половине которого могли бы устроить хороший госпиталь. Так проходило время в переговорах и обещаниях.

Я не мог долее оставаться в Симферополе; устроив необходимейшую хирургическую помощь для раненых и взяв с врачей честное слово, чтобы они по крайней мере этих оперированных оградили от смешения с гангренозными и заразными больными, я уехал. Но, увы, все осталось по-старому, и тиф свирепствовал беспрепятственно; вскоре потом заболели восемнадцать сестер милосердия, главный начальник (госпиталей) барон Кистер, смотритель, комендант, два главных врача, несколько фельдшеров, ординаторов и госпитальных служителей; словом, всё, что сколько-нибудь касалось госпиталей, переболело тифом. К счастью еще, что наступила необыкновенно холодная погода и что вскоре после того через транспортировку некоторых больных в Перекоп и Херсон город несколько эвакуировался.

Теперь опять наступил застой. В Симферополе опять накопилось до пяти тысяч больных, сложенных в сорока пяти инфекционных гнездах, и все еще не организована правильная эвакуация их. Госпитали в Николаеве, Херсоне и Перекопе уже переполнились, и необходимо устроить транспорты в новом направлении в Екатеринослав или Мелитополь, но не достает транспортировочных средств.

В декабре 1854 года, при сильном морозе и самой дурной погоде, перевозили больных и раненых в татарских арбах в Симферополь и Перекоп, непокрытых, без шуб, ночуя под открытым небом. Такая транспортировка продолжалась от десяти до двенадцати дней.

Теперь, при перемене начальства в армии, замечается застой во всей администрации; между тем число больных и раненых после вылазок и отдельных стычек в Севастополе постоянно возрастает. Скучивание больных достигло такой степени, что они в Севастополе занимают семь помещений, из которых только одна Николаевская батарея безопасна и блиндирована; все прочие могут подвергаться опасности при бомбардировке. Эта батарея, как вы легко можете себе представить, из помещений худшее в санитарном отношении. В ней теперь уже приютилось до четырехсот больных и раненых, и есть еще место для стольких же. Раненые лежат между пушками на нарах; раны здесь легко поражаются антоновым огнем, а больные - тифом. В этих семи помещениях скучены теперь до трех тысяч больных.

На Северной стороне Севастополя, отделенной бухтой от самого города, еще три тысячи больных и раненых уложены в старых, сырых казармах; кроме того, еще некоторые помещения заняты примерно 1500 больными матросами. Число раненых с каждым днем прибавляется. Если случится большое дело, то мы уже не знаем, куда девать раненых. Число врачей тоже недостаточно. Приходится на каждого по четыреста раненых; перевязать сто тяжело раненых с помощью одного фельдшера дело не легкое; сверх того ежедневно еще заболевают врачи и фельдшера.

Впрочем, теперь можно ожидать лучшего. Горчаков прибыл; князя и интенданта его Затлера административные таланты уже испытаны: он скуп, как старая мумия Меншиков, но не такой резкий и мрачный эгоист, как тот, который ни во что на свете более не верил, за исключением катетеров Дворжака (К. Л. Дворжак (ум. 1860)-русский военный врач, придворный хирург; между прочим, писал о мочеполовых болезнях.).

Бывало, он сидел скрытный, молчаливый, таинственный, как могила, наблюдал только погоду и в течение полугода искал спасения для русской армии только в стихиях; холодный и немилосердный к страждущим, он только насмешливо улыбался, если ему жаловались на их нужды и лишения, и отвечал, что "прежде еще хуже бывало". То, что с начала войны было дурно устроено, то теперь поправить очень трудно.

Надо надеяться, что эта проклятая, старая языческая метода воевать, при которой смотрели на людей, как на слепые стратегические орудия, нисколько не заботясь о последствиях войны и об общем благосостоянии,- после этой войны у нас и у союзных получит смертельный удар, особенно если с наступлением летних жаров смертность от развития эпидемических болезней значительно увеличится; хотя надежда и действительность

две вещи разные! (Много лет спустя П. писал по поводу предложенного им проекта учреждения санитарных команд при действующей армии: "Наше дело, если мы взаправду взяли на себя попечение о судьбе раненых,- настаивать и толковать без умолку,- пока рот не зажали,- что нравственная обязанность всех правительств и всех военных ведомств не останавливаться пред препятствиями, придумывать и обсуждать средства против беспомощности и гибели раненых во время битв и на полях сражений. Что я и сделал" (письмо к И. В. Бертенсону от 27 марта 1871 г.).

Здесь особенно потворствуют развитию заразных болезней зловердные испарения падалей и трупов. Осенью и зимою на дорогах и улицах сотнями валялись павшие лошади и волю; только недавно стали их, и то только весьма поверхностно, зарывать в землю. То же надо сказать и о человеческих трупах.

Французы теперь работают вблизи старого чумного кладбища. Прибавьте к этому дурно устроенные отхожие места в многочисленных гарнизонах; несносные жары в городе, которые и теперь иногда уже невыносимы, так как солнечные лучи отражаются от скал и от моря; самое положение города на холмах, разделенных балками или рвами; бухты с почти стоячею водою; эндемический (Свойственный данной местности.) характер здесь господствующих болезней (лихорадки, тиф и цынга весною), - то, конечно, весьма надо опасаться последствий, которые может причинить эта война, если она еще долго продлится. Уже в конце января раны здесь показывали наклонность делаться нечистыми.

Я поэтому велел очистить так называемый первый перевязочный пункт в здании Дворянского собрания, перевел больных в другие дома и устроил два новых помещения для нечистых ран (гангренозное отделение); велел проветривать прекрасное здание Дворянского собрания, и уже после того, как оно более пяти недель при открытых окнах стояло пустым, я назначил это помещение, при увеличивающемся количестве раненых, для перевязочного пункта; но, несмотря на то, что в нем с тех пор располагались только вновь оперированные, раны здесь, как и в менее чистых помещениях, показывали наклонность к гангреносценции и делались нечистыми, особенно после тяжелых ранений или больших операций. В то же время и между легко ранеными проявлялись тиф и гнойный диатез.

Между внутренними болезнями преобладают тифы, иногда сопряженные с перемежающимися лихорадками (вероятно, возвратные горячки), и скорбут, но до сих пор не в острой форме. Врачи и сестры милосердия заболевают и здесь тифом, а некоторые уже умерли от него. Все это предвещает нам страшную гнилостную тифозную эпидемию во время летних жаров; будет ли она сопровождаться, как вы предполагаете, карбункулами и бубонами или нет, но всячески она будет очень смертоносна.

Поэтому, когда князь Горчаков сюда прибыл, я считал своим долгом подать ему докладную записку, в которой я изложил ему угрожающую нам опасность, доказал, что мы теперь так же мало приготовлены принять и устроить большее количество раненых, как и при его предшественнике, 24 октября 1854 года, после Инкерманского сражения, и предложил две главные и, по моему убеждению, единственные меры для предупреждения подобного неустройства: 1) Совершенную эвакуацию городских госпиталей через беспрерывную транспортировку.

2) Устройство госпитальных палаток на безопасном месте, на Северной стороне Николаевскую батарею, как единственное в городе безопасное место, казематированное и блиндированное,- могущую поместить восемьсот больных, я советовал предоставить исключительно для подания первой помощи раненым, и затем следует тотчас же отправлять их в кроватях и на пароходах на Северную сторону и там размещать в госпитальных палатках. Госпитальные палатки, числом около четырехсот, с двадцатью койками каждая, тоже не должны бы приютить более двух тысяч больных, а прочие должны оставаться пустыми на случай нужды.

(Заявление П. в докладе 1855 г. кн. М. Д. Горчакову о необходимости держать в районе боя в запасе 70% госпитальных коек на случай нужды в них после сражения, требует теперь, как заявил во время Великой Отечественной войны начальник Главного военно-санитарного

управления Советской Армии генерал-полковник Е. И. Смирнов, - только одного добавления: чтобы это классическое заключение было известно работникам военно-санитарного дела. "Вывод, который сделал Пирогов о емкости госпитальной базы армии, об ее устройстве, есть закон. И вот, кто по неграмотности и неопытности его нарушает, тот обрекает многих раненых на смерть и инвалидность, а дело своевременного пополнения войск резервами ставит в тяжелые условия" (Е. И. Смирнов. Идеи П.). .

Спустя 15 лет, перед выездом на театр войны 1870-1871 гг., П. предложил Обществу "заняться устройством возможно большего числа амбулаторных, подвижных госпиталей, которые служили бы готовыми приютами для призрения раненых и больных в военное и, вместе с тем, лечебницами в мирное время. Эти амбулаторные госпитали могли бы быть устроены в виде складных барачков, удобопереносимых с места на место со всем своим инвентарем. Что устройство таких госпитальных барачков приметя у нас в России успешно, в том нет никакого сомнения. На железных дорогах, в особенности на перекрестных пунктах, и вообще в местах, где совершаются большие сооружения и где случаи увечий и заболеваний часты, устройство таких госпиталей составляет весьма ощутительную потребность. При бедности вообще врачебной помощи у нас в провинции, учреждения эти были бы приняты с всеобщим сочувствием и потому желательно, чтобы они были устроены в возможно большем числе".

При обсуждении этого проекта один участник заседания предложил не разрешать вопроса до возвращения П. с театра войны, где могут быть собраны необходимые данные. На это П. заметил, что Общество могло бы приступить "к самостоятельной разработке предмета, на основании нашего собственного опыта", независимо от тех данных, которые будут собраны за границей. "До Крымской кампании устройство госпитальных барачков не было известно ни во французской, ни в английской армиях, которые построили их у себя по примеру бывших под Севастополем русских барачков, и что система барачков введена была впоследствии в обширном размере в американской междоусобной войне и получила, затем, дальнейшее развитие в Европе в прусско-австрийской и в нынешней войнах" ("Вестник", 1870, No 10). По тому же вопросу П. высказывался и в другом заседании Общества ("Вестник", 1870, No 11). Упомянутая здесь американская междоусобная война происходила в 1861-1865 гг. между Севером и рабовладельческим Югом-за освобождение негров. Пруско-австрийская война 1866 г. привела к преобладанию Пруссии в германском союзе; в результате этой войны Австрия лишилась Шлезвиг-Голштинии, отошедшей к Пруссии, и Венецианской области, воссоединившейся с Италией).

Как только число больных превысит две тысячи, излишек тотчас должен быть удален постоянной транспортировкой. Вино, хина и хинин должны быть в достаточном количестве и т. п.

Но, увы, все это находится пока еще только на бумаге. Семь тысяч больных скучены в Севастополе, пять тысяч пятьсот в Симферополе, несколько тысяч размещены в некоторых второстепенных госпиталях (в Бахчисарае, Карасубазаре). При этом нет правильной транспортировки и образовался совершенный застой, который теперь продолжается уже около четырех недель и с каждым днем увеличивается, особенно с тех пор, как возвели эту проклятую батарею противу Малахова кургана, которая может быть и очень важна в стратегическом отношении.

У нас нет хинной корки, очень мало хинина и вина и при том только то вино, которого куплено мною на пожертвованные на этот предмет деньги.

Генерал-штаб-доктор Шрейбер, хотя уже седой и рябоватый, все видит в розовом свете; новый начальник армии обременен занятиями и поэтому не в состоянии обо всем думать; транспортировочные средства еще не прибыли; госпитальные палатки, если бы даже мое предложение было принято, еще не изготовлены и не поставлены. Требование на хину и хинин по дефектному каталогу еще в декабре отправлено в Херсон и до сих пор ответа нет! Медикаменты и деньги, которые я, по милости великодушной великой княгини Елены Павловны, получил, с каждым днем уменьшаются все более и более. Значительное сражение

предстоит, вероятно, в скором времени; нечистые гангренозные раны, тифозные больные с каждым днем прибавляются; вот в данное время наше врачебное положение в Севастополе. Остается только надеяться, как уверяет доктор Шрейбер, что современем все будет лучше.

В январе здесь по высочайшему повелению образовалась комиссия для изыскания врачебно-полицейских мер против распространения заразных болезней в армии и в стране. Я тоже был приглашен быть членом этой комиссии и выслушал с подобострастием ученые предложения и рассуждения о химических процессах и причинах заразных болезней, выработанные на бумаге в медицинском департаменте.

Генерал-штаб-доктор пришел в восторг от этого ученого послания и хотел так основательно поступать, чтобы употреблять при похоронах каждого трупа хлористую известь, и поэтому предписал старому госпитальному аптекарю готовить ее en masse. Этот старый плут, конечно, очень этому обрадовался, тотчас составил длинный список химических препаратов и аппаратов, в которых он для этого нуждался, и самодовольно улыбался, рассчитывая на верный барыш; между тем он отпускал для перевязок нечистых ран вместо раствора хлориновой извести, простую известковую воду.

Другой здесь присутствующий главный доктор кавказской армии Попов, (Корн. Андр. Попов-штаб-доктор отд. Кавказского корпуса; в 1854 г.- штаб-доктор войск в Крыму.), который теперь в Керчи, предложил свой подвижной или амбулаторный карантин, который он ввел на Кавказе, и требовал, чтобы при появлении эпидемии всякого пленного из союзной армии подвергнуть такому карантину.

По обсуждении всего этого комиссия послала составленный ею протокол своих заседаний в медицинский департамент, где его еще и теперь можно найти. Затем все осталось по-старому, как было и прежде; единственная перемена, которую я заметил, состояла в том, что карантинный врач, который прежде очень прилежно посещал наш приемный покой, вдруг исчез и, вероятно, где-нибудь занят устройством передвижного карантина. Фабричное приготовление хлористой извести еще не состоялось, и старый аптекарь теперь выражает свое неудовольствие тем, что он все врачебные предписания заменяет aqua fontana (Водопроводной водой.) или настоем ромашки. Молодому, ретивому ординатору, жаловавшемуся на эти злоупотребления, главный врач госпиталя на Северной стороне ответил:

- Если вы желаете на ваше предписание получить хорошее лекарство, то потрудитесь на рецепте выставить крестик (X), и аптекарь тогда все как следует отпустит!

Моя миссия скоро оканчивается. Я в середине или в конце мая вернусь в Петербург, исключая тех случаев, когда я не останусь в живых или когда новым десантом закроют путь в Симферополь. Летом и в Петербурге может разыгаться война, и я уже для успокоения моей семьи должен вернуться туда, тем более, что я не в силах сделать больше того, что я до сих пор сделал. С другой стороны, если союзники до мая ничего решительного не предпримут, то осада Севастополя, подобно Троянской, может еще год и более продлиться, и так как надо надеяться, что между союзными не найдется Улисса, то я вовсе не любопытствую дожидаться конца этой осады.

Мне жаль только, что с моим отъездом армия наша лишится семи или восьми дельных и деятельных врачей, которые без меня ни за что здесь не останутся. Другие ко мне прикомандированные врачи зависят от военно-медицинского департамента и nolentes-volentes (Нежелающие и желающие.) должны здесь оставаться. Весьма сожалею также, что не буду более руководить тогда столь благодетельною деятельностью сестер милосердия великой княгини Елены Павловны.

Скажу несколько слов об этом новом у нас учреждении. Великой княгине принадлежит честь введения этого учреждения в наших военных госпиталях. Первым крестовоздвиженским ее сестрам пришлось прямо идти в огонь страшной Крымской кампании. Это не нравилось людям старого закала; они предвидели, что этим может быть подорвано ненасытное хищничество госпитальной администрации.

- У нас это ввести нельзя,- ответило мне высокопоставленное лицо по этой

администрации, когда я его спросил, какого он мнения о проекте великой княгини.

- Почему же так?

- Да потому, что один генерал, который не хотел их у себя вводить, сказал по этому поводу государю: "у нас нельзя, ваше величество, как раз у....т".

Это был их единственный и самый сильный довод. Старик Меншиков мне тоже сказал, когда я ему донес о прибытии сестер в Симферополь:

- Я опасаясь, чтобы этот институт не умножил бы число наших сифилитиков.

Эти старые грешники изучили женщину только *usque ad portionem vaginalem*.

О самоотверженной деятельности сестер милосердия в крымских госпиталях надо спрашивать не меня, потому что я при этом не беспристрастен, ибо горжусь тем, что руководил их благословенною деятельностью, но самих больных, которые пользовались их уходом.

Если только дальновидный комиссариат не произнесет своего "veto", то я надеюсь, что это молодое учреждение введется и в других наших военных госпиталях на вечные времена. Всякий благомыслящий врач, желающий, чтобы его предписания не исполнялись грубою рукою фельдшера, должен искренно желать процветания сердобольного ухода за больными.

Если здешняя женщина [...], движимая мягкосердием своей женской натуры, подобно Магдалине, здесь на полях битвы и в госпитале, с таким самоотвержением помогала раненым, что обратила на себя внимание высшего начальства и удостоилась особой награды, то уже, несомненно, самопожертвование и христианская добродетель женщин высших слоев общества заслуживает полного удивления.

При этом не могу не вспомнить наивного ответа одной прославленной Дарьи. Община сестер милосердия, по своей инструкции, имеет право выбирать и других женщин из разных слоев общества; но сестры эти, до вступления своего в общину, должны принести присягу и обещать исполнить известные условия. Кто-то сказал Дарье, что и она, если пожелает, может вступить в число сестер милосердия.

Она явилась ко мне узнать об условиях приема:

- Надобно,- ответил я,- по инструкции, по крайней мере целый год оставаться целомудренною.

- Отчего же, можно и это,- ответила она.

Наконец, скажу еще несколько слов о нашем стратегическом и политическом положении в Севастополе. Я здесь не читаю газет, поэтому не знаю, как отдалены еще переговоры о мире. Насколько, с одной стороны, атомистика, а с другой лорд Джон Россель (Дж. Россель (1792-1878) - английский госуд. деятель; из министерства вышел еще в январе 1855 г. О нем - у К. Маркса (Соч., т. XI, по Указателям); у А. И. Герцена ("Былое и думы").) этому способствуют - нам тоже неизвестно. Даже живя здесь, мы ничего определенного не знаем о судьбе Севастополя.

В военных сферах котерии и интриги играют почти такую же роль, как и в нашем врачебном сословии. Военное искусство еще более основано на предположениях и случайных совпадениях, нежели наше врачебное искусство; поэтому, разговаривая с военными личностями, вы услышите двадцать различных взглядов, смотря по тому, исходят ли они от приверженцев Меншикова, Сакена, Горчакова и т. д.

При некотором навыке к таким разговорам можно уже наперед знать, какое мнение выскажет собеседник, если только знать, к какой школе он принадлежит. Если, например, слышится дурное предсказание о судьбе Севастополя, то вы можете быть уверены, что оно высказывается или поляком, или, что довольно странно, моряком.

Поляки пророчествуют, натурально, дурной исход, потому что они поляки; но что заставляет собственно моряков опасаться дурного исхода - неудобопонятно; мне кажется, что этому способствует то обстоятельство, что многие из них, как собственники и домовладельцы в Севастополе, боятся за свое имущество и желают быть утешенными. Это утешение им вдоволь доставляется теми, которые им с жаром противоречат, и так как они сами, вероятно, разделяют эти надежды, то они скоро соглашаются и вполне утешенные

возвращаются на свои батареи и пароходы.

Всё это относится только до офицеров; матросы твердо убеждены, что Севастополь неприступен.

- Возьмут ли Севастополь? - спросил я однажды одного матроса.

- Прежде он (неприятель) его мог бы взять, теперь не возьмет,- возразил он. *Vox populi - vox Dei.* (Глас народа - глас божий.).

Высказать ли и мне свое мнение? Как же мне не высказать его, так как и моя шкура при этом в опасности. Если ночью видишь полет бесчисленных светящихся бомб, если знаешь, что от почтовой дороги нас отделяет бухта, то невольно придет на ум этот критический вопрос; особенно, если вы не герой, а простой врач. По моему мнению, действия союзников теперь не логичны и даже детские. Чего они домогаются упорною осадю Севастополя?

Есть только три способа взять Севастополь: повторение бомбардировки, соединенное со штурмом; во-вторых, пресечение сообщения города с материком через продолжительное обстреливание северной бухты, которая есть продолжение севастопольского рейда, и 3) обложение города и почтовой дороги сухим путем и осада северных его укреплений.

Кто знает наши во время осады воздвигнутые батареи и редуты, число наших пушек, храбрость и стойкость нашего могучего гарнизона, состоящего почти из пятидесяти тысяч человек, которые большею частью под блиндажами охранены от действия неприятельских бомб, кто сообразит, что союзники в последние два месяца почти никаких успехов не сделали и как мало вреда они до сих пор нанесли нашим батареям,- тот легко присоединится к господствующему мнению, что неприятель теперь едва ли решится на штурм, к которому могли бы его подвинуть только отчаяние или легкомыслие.

От одного бомбардирования союзники менее могут ожидать пользы, потому что и нам и им хорошо известно, как мало вреда до сих пор нам причинили их бомбы. Чтобы прервать сообщение с Севастополем посредством обстреливания бухты, неприятель должен соорудить могучую батарею на таком пункте, которым до сих пор не удалось ему завладеть, несмотря на все усилия, потому что пункт этот защищается многими нашими батареями: No 1, Малаховым и новым Камчатским, редутами. Наконец, для обложения Севастополя сухим путем им понадобится еще армия в восемьдесят или сто тысяч, и уж никак не турецко-сардинская или неаполитанская, а по мнению Жирардена (Эм. Жирарден (1806-1881)-французский мелкобуржуазный, бульварный журналист и политический деятель; о нем - у К. Маркса, у А. И. Герцена ("Былое и думы"), даже армия в триста тысяч человек; нам же тогда следовало бы остаться без подкреплений и без резервов, между тем как они из дунайской армии с каждым днем к нам приближаются.

На два месяца наш гарнизон имеет вполне достаточный провиант. Я и сам на два месяца закупил сухарей, так что в случае нужды не умру с голода. Этот последний способ принудить Севастополь сдаться кажется мне самым вероятным, и неприятель, очевидно, имеет его в виду; только одного я не понимаю, зачем они тогда так неустанно работают и стреляют, как будто готовятся к скорому штурму; это им стоит много людей. Англичане столько потеряли людей, что уже оставили свои редуты и образуют теперь род резерва между Севастополем и Балаклавой. Французы - веселый народ, работают одни. Жизнь в сырых траншеях не понравилась любящим комфорт англичанам.

Если союзники действительно в состоянии создать значительную армию, которая нас на той стороне победит или запрет, то им не нужны громадные усилия и приготовления к штурму, ибо тогда Севастополем легко будет завладеть. Но с маленькою армиею они ничего не поделают, хотя бы она и не состояла из одних сардинцев и неаполитанцев, хотя бы его святейшество сам папа выслал бы ее из Рима; одною бомбардировкою без штурма, хотя бы она продолжалась семь дней и семь ночей, они не овладеют Севастополем; они этим могут разрушить город и наш флот, но не повредят ни нашим укреплениям, ни нашему гарнизону.

О самом городе и толковать не стоит; эти каменные груды в два года и скорее могут быть вновь выстроены. Что же касается до нашего флота, то он состоит из шести линейных кораблей и нескольких пароходов, которые все после кампании или переделаются в

винтовые суда или, по негодности, выключатся из списков. Двенадцать кораблей уже погружены в воду.

Между тем французы,- ибо красные колеты со стыдом провалились,- чуть что не каждую ночь атакуют наши Малахов и новый Камчатский редуты, что дает много занятий нашему третьему перевязочному пункту в Александровских казармах. Они сосредоточились на этих редутах, как на главнейших препятствиях их планов, и оставили прочие батареи, даже знаменитую четвертую, в покое. Тут они подводили мины, но так неискусно, что мы, ученики их в этом деле, постоянно взрывали их контрминами.

Теперь туда не направляется ни один выстрел. Сегодня, когда я писал эти строки, Сакен прислал ко мне адъютанта предупредить меня, что у Камчатского редута ночью будет дело. Надо готовиться и ординаторам, как адмирал Непир (Ч. Непир (1786-1860)-командовавший во время войны 1854-1855 гг. английской эскадрой в Балтийском море, признавал, что его неудачи на этом фронте обусловлены умелыми действиями русских вооруженных сил - сухопутных и морских (см. у академика Е. В. Тарле, т. I) своим матросам приказывал: "ребята, точите свои ножи". Прощайте, иду спать.

Ваш искренний друг Николай Пирогов.

1855 г. 18 марта, 11ч. вечера.

(В цитированном выше протоколе сообщения П. в декабре 1855 г. по возвращении его из Крыма имеется раздел "Хирургическая деятельность Пирогов". Он приводится здесь в извлечениях как дополнение к неофициальным письмам П. о своей деятельности во время Крымской войны.

"Чтобы составить себе хотя приблизительное понятие об исполинских трудах, подъятых нашим гениальным хирургом во время своего двукратного, девятимесячного, пребывания в Крыму и в особенности в Севастополе, следует только обратить внимание на число сделанных им самим или под его личным руководством ампутаций,- пишет составитель декабрьского протокола 1855 г. Н. Ф. Здекауер - Число это простирается до 5000, между тем как число ампутаций, произведенных в Крымскую кампанию другими врачами, без участия Пирогова, доходит только с небольшим до 400. Основать точные статистические выводы на этом громадном количестве ампутаций оказалось задачей далеко не легкой. Все эти раненые были оперированы или в самом Севастополе или же на Северной стороне его. От 2000 из них записаны были имена, а именно всех тех, которые от октября 1854 года до марта 1855 года оставались в Севастополе.

В марте, апреле и мае месяцах, пришлось удалять ампутированных на второй или третий день после операции; некоторых пришлось даже перевозить тотчас после ампутации. Поэтому приходилось отыскивать ампутированных; при таком громадном числе раненых нередко случалось перемешивать их имена, а иногда даже списки оперированных были потеряны; но так как за исключением моряков, которые большей частью отправлялись в Николаев, все прочие раненые или провозились через Симферополь или же там оставались, причем имена их еще раз вносились в списки, то этим до известной степени пополнялись пробелы для составления статистических выводов.

Можно было с достоверностью узнать, сколько из ампутированных умерло по дороге между Севастополем и Симферополем; но при огромном скучивании больных и раненых в последнем городе приходилось ампутированных транспортировать далее в Перекоп, Екатеринослав и до Херсона. Следить за ними при таких транспортировках, ввиду пополнения статистических выводов, оказалось задачей почти невыполнимой; при этом Ник. Иванович считал выздоровевшими тех из них, которых имена по истечении шести месяцев не появлялись в списках умерших.

Процент смертности, при вторичном пребывании Н. И., от болезней был ужасающий. В Симферополе, например, находились в сентябре средним числом около 11 000 больных, из них умерли в первый день-109, на второй-79, на третий-91, на четвертый-80, потом 75-90-70 и т. д., средним числом до 2355 умерших в месяц, так в сентябре поступило 9713 больных, умерло 3103. От апреля до отъезда Пирогова осенью до 30 000 больных были

транспортированы в Харьков. Из них 6000 вернулись в Екатеринослав, а сколько вернулось в Крым, неизвестно. От 6 июня по 27 августа, включая отбитый штурм и занятие неприятелем Южной стороны, по официальным сведениям выбыли из строя Севастопольского гарнизона до 30 000 человек убитыми и ранеными; а с октября 1854 года-до отступления гарнизона на Северную сторону выбыло из строя 102 000 нижних чинов и до 3000 штаб и обер-офицеров... Число же больных за все время осады Севастополя еще превышало эту ужасающую цифру".

В том же заседании П. сделал также интересное сообщение о влиянии огнестрельных снарядов на степень ранения воинов. При этом он, согласно протоколу, "предъявил от 60 до 70 разных ружейных пуль: обыкновенные свинцовые, круглые, заостренные и пули Минье, большую часть которых он вырезал или удалял из пораненых частей тела и из которых некоторые вышли наружу путем нагноения. Эти пули являлись в самых разнообразных формах: сплюснутыми, тарелко- или раковинообразными, спирально завитыми, остроконечными, как бы с рожками и т. п. Эти изменения формы пуль зависели частью от прямого удара их о костную поверхность, но еще чаще от рикошетов пуль о различные твердые предметы, так что они уже в измененном виде производили ранения. Показывался также четырехугольный, в обоих направлениях имеющий 4 дюйма длины, осколок 6-пудовой бомбы, который был найден плотно засевшим в плечевой кости раненого; также оторванный пролетевшим ядром кусок ружейного ствола, длиной в 10 дюймов, который ложечкообразно сплюснутым концом своим проник в берцовую кость солдата.

Наконец, как unicum в истории ранения, 18-фунтовое ядро, которое от пушечного выстрела на излете попало сзади в верхнюю треть бедра, рассекло кожу и засело между расколотыми бедренной и тазовыми костями. Значительная опухоль едва зарделась, так что, по-видимому, нельзя было предположить присутствие такого огромного и тяжелого инородного тела. Это ядро было удалено разрезом кожи, после чего однако же раненый вскоре умер").

III. ПИСЬМО К М. ТОПИЛЬСКОМУ

(Подлинник письма хранится в архиве г. Горького. Опубликовано в журн. "Огонек" (1945, No 50). Адресат, по-видимому, М. И. Топильский-главный деятель ведомства юстиции при реакционном министре В. Н. Панине (до и после Крымской войны). Почему-то он прислал П. деньги для помощи защитникам Севастополя от имени неизвестного благотворителя; назначение денег вполне соответствует характеру Т.-реакционера, ханжи и фарисея. Эта сторона характера Т. ярко обрисована у Герцена (Соч., т. IX и сл., по Указателю, изд. 1918 г. и сл.).

Севастополь. 1855. 6 марта

Сим честь имею уведомить ваше превосходительство, что присланные неизвестным благотворителем двести полуимпериалов золотом я получил (200 полуимпериалов-1500 р. в старом золотом исчислении.).

Но условия для раздачи их, определенные в вашем письме, исполнить трудно. Весьма немного находится здесь таких офицеров, которые назначаются в отпуск, которые же и назначаются, имеют обыкновенно свой капитал и поместье и вообще достаточные люди; бедному офицеру и в голову не придет проситься в отпуск на казенном иждивении; такие остаются обыкновенно в госпиталях - покуда или выздоровеют или умрут.

Несмотря, однакоже, на это, я дал знать о получении мною суммы от неизвестного благотворителя, для означенной цели, г. г. начальникам штаба, и до сих пор, хотя уже прошло около месяца, никто не оказался подходящим под условия, определенные благотворителем.

Я в конце апреля или в начале мая намереваюсь возвратиться в Петербург. Спрашивается, что должен я буду предпринять с означенной суммой, когда она останется без употребления. Должен ли я буду поручить для раздачи офицерам, на определенных условиях, г.г. начальникам штаба или возвратить вам, или же не переменит ли неизвестный благотворитель своих условий и не позволит ли поступить с этою суммой так, как это делали другие особы, снабдившие меня деньгами для покупки раненым офицерам и низшим

чинам различных вещей, в которых больные чувствуют недостаток и между тем не входят в обыкновенное госпитальное содержание, как-то: вино, чай, белый хлеб, сбитень и т. п.

Покорнейше прошу Вас предложить все это на благоусмотрение благотворителя и о последующем решении не замедлить уведомить меня через курьера и фельдъегеря (по обыкновенной почте ответ придет не прежде четырех недель) (В архиве вместе с подлинным письмом П. сохранился ответ Топильского. Он сообщал П., что неизвестный благотворитель настаивает на раздаче денег только офицерам.)

Н. Пирогов

IV. ИЗ ОТЧЕТОВ О ДЕЙСТВИЯХ СЕСТЕР

(Помещаемые здесь два отрывка непосредственно связаны с "Севастопольскими письмами". Посылались они основательнице Крестовоздвиженской общины, вел. кн. Елене Павловне, которая передавала их вел. кн. Константину Николаевичу для напечатания в "М. сб.". В журнале они публиковались частично. Подлинники не найдены.)

I

(Об этом отчете П. сообщал жене в письме от 3 января 1856 г. (№ 12, стр. 38). Наст. отрывок напечатан в "М. сб." (1855, № 2), под загл. "Продолжение известий о сестрах Крестовоздвиженской общины попечения о раненых в Крыму", с подзаголовком "Извлечение из донесения ее императ. высочеству вел. кн. Елене Павловне". Тексту предпослано заявление редакции журнала: "В дополнение сведений о сестрах Крестовоздвиженской общины, помещенных в январской книжке "Морского сборника", нам дозволено украсить журнал наш извлечением из донесений профессора Пирогова, от 4 января, из Севастополя".)

[Севастополь, 4 января 1855 г.]

Я назначил для симферопольских госпиталей первое отделение общины, состоявшее из 35-ти сестер, и старался в продолжение двухнедельного пребывания моего в Симферополе распределять их преимущественно по тем госпиталям, где была помещена большая часть раненых.

Уже на другой день по приезде своем, сестры, под руководством достойной начальницы [А. П. Стахович], начали, по указаниям моим, уход за больными. Они были распределены по две и по три на госпиталь, смотря по величине оногo.

Несмотря на всякого рода помощь, которую оказывали им жители и начальство, они должны были бороться с многочисленными затруднениями; для проезда по грязным улицам города, при продолжительной дождливой погоде, они часто имели в распоряжении своем только телеги. В комнатах больных они подвергались днем и ночью опасности от заразы и от простуды. Нельзя было не дивиться их усердию, деятельности при уходе за больными и их истинно стоическому самоотвержению. Малейшие желания страждущих, даже капризы их, исполнялись самым совестливым образом. В самом деле, трогательно было видеть, как многие из сестер, еще молодые и неопытные (опытные лучше умеют рассчитывать меру деятельности и сил своих), наперерыв старались помогать медику и больному с полным самопожертвованием. В течение короткого времени уже были заметны плоды их [...] деятельности. Они не пропускали ни одного обстоятельства в трудном и запутанном госпитальном лечении:

их бдительный глаз был направлен на раздачу лекарств, на облегчение страданий, на пищу больных. Днем и ночью они старались доставлять больным теплое питье и пр. Все мои предписания о раздаче чаю, вина, бульона, кофе и других припасов, которыми я снабдил госпитали от щедрот ее императорского высочества и из пожертвований частных лиц, исполнялись ими в точности. Сестры мужественно переносили вид текущей крови, многообразных мучений и тяжких язв в этих жилищах страдания и смерти.

Уже один вид женщин, помогающих страждущим, был утешителен. В доказательство, что попечение сестер о раненых истинно облегчает солдат наших, может служить следующий случай: тяжело раненый, весьма беспокойный после операции солдат настоятельно просил, чтобы одна из сестер оставалась при его постели. На вопрос, почему он

этого желает, он отвечал: "хоть потолкайся, матушка, около меня, так мне уж легче будет".

Неутомимое это рвение и это самоотвержение, к сожалению, не могли остаться без вредного влияния на здоровье сестер. Четырнадцать из них теперь еще лежат больными, а две умерли. Сама начальница, которая тоже приняла на себя попечение о больных, также лежит в тифусе. Но именно это печальное обстоятельство служит лучшим доказательством их самоотвержения. Я надеюсь, что оно предостережет, но не устрасит их.

(После этого в журнале-еще; "В заключение г. Пирогов упоминает с большой похвалой о полезной деятельности врачей, отправившихся в Крым почти в одно время с первым отделением общины. Четверо из них прибыли в Севастополь еще 14 ноября (гг. Каде, Пабо, Тюрин и Беккерс) и с отличною точностью ведут порученные им хирургические отделения, ежедневно производят самые трудные операции и до восьми и более часов в день заняты в госпиталях, где за недостатком сестер сами подают больным лекарства и подкрепляющие питья").

Весь отрывок из I отчета перепечатан у Н. Путилова (№ 3), в отделе "Патриотизм России", под загл. "Крестовоздвиженская община... сестер... в Крыму... О действиях их по 23 декабря 1854 г." В тексте, заявление редакции сборника: "Свидетельство проф. Пирогова о первых действиях в Крыму сестер Крестовоздвиженской общины... Извлечение из донесения... от 4 января из Севастополя").

II

(Об этом отчете П. сообщал жене в письме от 25 марта 1855 г. (№ 24, стр. 59). Напечатано в "М. сб." (1855, № 5), под загл. "Извлечение из отчета, представленного вел. кн. Елене Павловне профессором Пироговым о деятельности сестер Крестовоздвиженской общины и врачей, прикомандированных к сей общине").

[Севастополь, март-апрель 1855 г.]

Деятельность сестер в Севастополе началась собственно с 12 января, когда сюда прибыло сначала 2-е отделение, состоявшее из 13 сестер; между тем как 1-е, болезнью начальницы и многих сестер, было задержано в Симферополе. Шесть дней спустя, 18 января, прибыло 3-е отделение, состоявшее из 8 сестер; 21 февраля- 1-е из 26, и наконец 4-е отделение из 20 сестер.

В то же время произошли в самом городе некоторые изменения в распределении больных и перевязочных пунктов (ambulances). Большая часть раненых переведена на Николаевскую батарею, и многие дома частных лиц заняты под новый перевязочный пункт и под два или три различные госпитальные отделения. Вследствие этого сделалось также необходимым распределить сестер по этим различным отделениям.

Распределение сделано таким образом, что некоторым из сестер, хозяйкам, вверено все хозяйство, приготовление кушаньев, питей, раздача чаю, кофе, вина и т. д.; другим, аптекаршам, отданы на руки малые аптеки, устроенные при госпитальных отделениях; прочие сестры предназначены для дежурства и для помощи врачам при перевязке и операциях. По прибытии 1-го и 4-го отделений, таким же точно образом были наделены сестрами два госпиталя, расположенные вне самого города, в Александровских казармах, на так называемом 3-м перевязочном пункте, и на Северной стороне. Это распределение занятий между сестрами оказалось совершенно удовлетворительным и благотельным для хождения за больными, ибо, во-первых, соответствовало личным способностям сестер и, во-вторых, вещи, собранные посредством благотворительных приношений, и деньги, раздаваемые раненым от правительства, всего надежнее могли быть вверены сестрам Креста.

Уже давно известно по опыту, как вредно оставлять деньги в произвольное пользование больных в госпиталях. Злоупотребления разного рода суть неизбежные того последствия. С другой стороны, в высшей степени важно для нравственного успокоения страждущих и умирающих, чтобы они могли передавать свою последнюю волю о распоряжениях касательно их собственности таким лицам, которые были бы в состоянии заслужить их доверие. Сделанное мною распоряжение, что сестры должны хранить деньги солдат, вполне соответствует обоим этим целям. Теперь уже находятся значительные суммы

таких денег в руках сестер, которые все внесены в шнуровую книгу, с означением имени и полка тех, кому принадлежат. После смерти больных, если ими не оставлено завещания, деньги отсылаются обратно к начальнику штаба, с означением имени умершего. Таким образом, теперь, как хозяйство, так и нравственная сторона севастопольских госпиталей, по крайней мере тех, где я всегда сам находился, вверены сестрам и их надзору.

Особливо в случаях перевода раненых, как часто бывает, из городских госпиталей на Северную сторону и оттуда далее, поручаемый сестрам-хозяйкам надзор за распределением кушаньев и питей между больными оказывается весьма полезным, ибо иначе, второпях перевозки, или вследствие злоупотреблений со стороны слуг, иной больной легко мог бы остаться без обеда. Распределение между больными чаю, кофе, вина стало делаться правильно также лишь по прибытии сестер, к большому удовольствию больных, тогда как прежде, когда дело это было поручено сторонним лицам или слугам, оно или производилось слишком произвольно, или не внушало доверия.

Что касается до аптекаршей из числа сестер, то для хранения и распределения необходимейших, большей частью сильно действующих, средств, как напр. опиума, хлороформа, рвотного винного камня и т. п., избраны из сестер более образованные, которых легко можно было ознакомить как с названием, так и с главными действиями этих средств. Таким образом, теперь каждое госпитальное отделение в Севастополе, независимо от казенной аптеки, имеет под надзором сестер свой собственный запас употребительнейших врачебных веществ [...].

Наконец, дежурные сестры обязаны непрестанно присутствовать и помогать (assistieren) у приема раненых, при перевязке, при операциях и, кроме того, постоянно днем и ночью, зорко наблюдать за освежением больничных помещений воздухом (Ventilation) и за чистотою.

В наших госпиталях оба эти предмета, вследствие предрассудков больных и невнимательности больничной прислуги, требуют строгого надзора. Теперь 65 сестер находятся в Севастополе и распределены в 6 различных госпитальных отделениях и перевязочных пунктах; 6 - в Бахчисарае, 15 - в Херсоне, 15 - в Николаеве и 7 по болезни не служат. Две сестры, из всех четырех отделений, со времени прибытия их в Севастополь, умерли от тифа; одна, по болезни, получила отпуск.

Из 7 врачей, присланных сюда на иждивение государыни великой княгини Елены Павловны, 6 занимаются под моим руководством на главном перевязочном пункте и в принадлежащем к нему госпитальном отделении на Николаевской батарее. Не считая больших операций, которые они делают ежедневно по нескольку раз, на перевязочном пункте, где дежурят днем и ночью, каждый из них перевязывает и пользует от 50 до 70 наиболее тяжело раненых. Двое из них, Каде и Беккерс, по требованию генерал-штаб-доктора, были мною командированы, в конце января, в Евпаторию, где они, во время дела 5 февраля, производили операции, потом сопровождали транспорт раненых в Симферополь и, без малого через 4 недели, возвратились в Севастополь. Двое врачей, Каде и Дмитров (В "М. сб." опечатка. Это - врач Дмитриев), опасно занемогли: первый - злокачественной лихорадкой, второй - тифом, и последний, по оставшейся у него от болезни слабости, с соизволения ее императорского высочества, уволен в отпуск.

Кроме неутомимой деятельности в попечении о больных, выказанной как врачами, так и сестрами в течение 5-ти месяцев, об услугах, оказанных ими нашим раненым, в особенности свидетельствуют четыре события, составляющие эпохи в осаде Севастополя с ноября месяца: 12 февраля, 4 и 10 марта и последнее 9-дневное бомбардирование Севастополя.

12-го февраля и 10-го марта, дни, в которые наши храбрые войска покрыли себя лаврами при защите Камчатского редута, раненые относились на три перевязочных пункта. Но 4 марта и во время бомбардировки наибольшее их число отнесено на бывший под моим личным управлением главный перевязочный пункт в Благородном собрании, потому что оно всего ближе к 4, 5 и 6-му бастионам, на которые особенно были направлены нападения

неприятеля. Во время бомбардирования, в течение 9 трудных дней, все 6 врачей, с 3 другими, ко мне прикомандированными, день и ночь, без смены, занимались приемом и перевязкой раненых.

В летописях науки раны такого рода, с какими мы в продолжении этого времени постоянно имели дело, едва ли не беспримерны.

Тысячи 65-фунтовых пушечных ядер и 200-фунтовых бомб являли свою разрушительную силу над человеческим телом. Надлежало действовать без малейшего промедления, чтобы сохранить жизнь, которую уносило быстрое истечение крови. Страшное потрясение всей нервной системы, в весьма многих случаях, делало бесполезным, даже вредным, употребление хлороформа. На трех хирургических столах почти непрерывно подавалась хирургическая помощь, при содействии сестер. Большая танцевальная зала Благородного собрания четыре раза наполнялась сотнями людей, подвергшихся операциям, и четыре раза опять очищалась, чтобы дать место новым страдальцам.

Триста ампутаций, не считая других значительных операций, сделано нами в течение первых дней бомбардирования. Особенно утомительно для подающих помощь было то обстоятельство, что после непрерывного, усиленного занятия днем, нельзя было ночь посвятить покою, потому что ночные вылазки и взрывы мин даже по ночам имели последствием новый прилив раненых. Для того, чтобы при таком беспрестанном притоке раненых всегда быть, как можно скорее, налицо - сестры и мы переселились в главный перевязочный пункт и в соседство оною.

Хотя героизм не принадлежит к числу главных добродетелей при совершении благочестивых дел милосердия, однако я не могу пройти молчанием, что независимо от добросовестного и неутомимого выполнения лежащих на них обязанностей, сестры были чужды страха перед опасностью жизни и не обнаруживали отвращения при виде крайне ужасающего зрелища самых страшных разрушений человеческого тела. Бомбы неоднократно падали на 3-й перевязочный пункт, так что один врач, барон Шенгубер (Schonhuber), баварский подданный, был убит, другой ранен, 65-ти фунтовое пушечное ядро упало в одну из комнат Дворянского собрания. Бомбы и ракеты часто попадали вблизи этого здания, равно как и в жилища врачей и сестер; несмотря на то, все готовы, без страха и боязни, так же хладнокровно и рассудительно, как доселе, подавать помощь страждущим.

Так как, после тщетных усилий неприятеля при последнем бомбардировании, осада Севастополя опять возвратилась почти на прежнюю точку и конца ее кажется нельзя предвидеть, то я должен был решиться, после 6-ти месячного отсутствия, возвратиться в Петербург, тем более, что мои ученые работы и предстоящая вблизи столицы война содействуют моему присутствию там крайне необходимым. Медицинско-административная часть в нашей Трое, теперь по крайней мере сравнительно с тем, что было за 6 месяцев, порядочно устроена.

(В таком же виде наст. отчет перепечатан в газ. "Северная пчела" (№ 7 от 10 января 1856 г., стр. 56) под загл. "О подвигах сердобольных вдов в Крыму, письмо из Севастополя к вел. кн. Елене Павловне", и Н. Путилова (№ 31).

В письме к жене от 22 сентября 1855 г. П. упоминает посланное Елене Павловне "подробное донесение" о действиях сестер и состоянии дел в общине; оно не найдено.

V. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР ДЕЙСТВИИ КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОЙ ОБЩИНЫ СЕСТЕР ПОПЕЧЕНИЯ О РАНЕННЫХ И БОЛЬНЫХ В ВОЕННЫХ ГОСПИТАЛЯХ В КРЫМУ И В ХЕРСОНСКОЙ ГУБЕРНИИ с 1 декабря 1854 г. по 1 декабря 1855г.

(Обзор непосредственно связан с "Севастопольскими письмами"; напечатан в "М. сб." (1856, № 4; отд. оттиск, СПб., 1857). Автор: Академик Н. И. Пирогов. Рукопись не найдена.).

[...]. Сестры прибывали в Крым в разное время отдельными партиями или отрядами. Святое служение сестер [...] началось 1 декабря 1854 г. в г. Симферополе; сюда прибыло в конце ноября первое отделение, состоявшее из 28 сестер под управлением главной начальницы г-жи Стахович. Они с полным усердием и самоотвержением принялись за

трудную обязанность служить ближнему.

Под непосредственным распоряжением и руководством академика И. И. Пирогова в короткое время привыкли к госпитальному порядку и сделались ревностными помощницами врачующих и утешительницами страждущих. К несчастью, эта высокая деятельность на время была прервана. Большая часть сестер, еще молодых и не привыкших к госпитальным занятиям, жертвуя чрезмерно собою на новом поприще, изнемогли от трудов и от разрушительного влияния господствовавших эпидемических болезней. С 20 декабря сестры уже не могли продолжать своих занятий в госпиталях; сама начальница и значительная часть первого отряда поражены были жестокой тифозной горячкой; другая половина ухаживала за больными сестрами. Некоторые пали жертвой этой болезни. Место их заступили в симферопольских госпиталях прибывшие к тому времени сердобольные вдовы [...].

Прекращенная деятельность сестер первого отделения в Симферополе проявилась снова в Бахчисарае, куда отправлено было 23 декабря несколько сестер, под управлением помощницы главной начальницы Лоде. Они занимались уходом за больными и ранеными в Бахчисарайском военном госпитале; сестры эти также все почти переболели тифозной горячкой. Одна из них сделалась впоследствии также жертвой этой болезни. 13 января 1855 г. явились сестры в центре военных действий на Южной стороне Севастополя; сюда прибыл второй отряд сестер под управлением старшей сестры Меркуровой, и они занялись исполнением самых трудных обязанностей, состоящих в дневных и ночных дежурствах на главном перевязочном пункте и в военно-временном госпитале, находившемся в Николаевской батарее и частных домах города.

По распоряжению академика Пирогова, сестры этого отделения были разделены в первый раз: на перевязывающих, аптекаршей и хозяйек. Польза такого распределения обязанностей сестер подтвердилась с тех пор на опыте. Перевязывающие доставляют существенную пользу врачам, сокращая своим вспомоществованием время перевязок и помогая фельдшерам в изготовлении перевязочных средств. На руках аптекаршей находятся все необходимые лекарства, приготовление которых не терпит отлагательств. Они обязаны надзирать за тем, чтобы лекарства были раздаваемы аккуратно больным; во время и после визитов, контролируя действия фельдшеров, иногда слишком занятых перевязкой, иногда не совсем надежных; а хозяйки надзирают за чистотой белья, за действиями служителей и вообще за содержанием больных. Все эти сестры отвечают врачам за тщательное исполнение их предписаний, проводя день и ночь в госпитальных палатках. Теперь с каждым днем это распределение обязанностей сестер доказывает очевиднее приносимую ими пользу и с каждым днем соединяет неразлучнее существование общины с внутренним бытом военных госпиталей.

17 января прибыло в Севастополь и третье отделение, состоявшее из 6 сестер под управлением сестры Бакуниной; они 6 дней занимались уходом за ранеными на Северной стороне Севастополя, с 24 января переехали на Южную сторону и разделяли труды сестер второго отделения, составив с ними одну семью, связанную одним общим призванием - помогать страждущим, перенося безропотно все труды и опасности и бескорыстно жертвуя собою для достижения предпринятой цели.

Оба эти отделения сестер были размещены в тех местах, в которых была преимущественно сосредоточена деятельность врачей, присланных на иждивение ее императорского высочества государыни великой княгини Елены Павловны и составлявших вместе с некоторыми другими врачами, прикомандированными из полков, особенный отряд под руководством академика Пирогова, а именно: а) в доме Инженерном, куда был перенесен главный перевязочный пункт на время очищения Дворянского собрания; б) в Николаевской батарее; в) в доме Гущина, в котором постоянно содержались смертельно раненые и гангренозные;

г) в доме Орловского.

Тяжелые труды сестер на главном перевязочном пункте и госпиталях Севастополя оказали и здесь вредное влияние на их здоровье. С 10 февраля занемогли почти все сестры

второго отделения тифозной горячкой и две из них заплатили жизнью за начало бескорыстного труда.

21 февраля прибыли наконец из Симферополя в Севастополь сестры первого отделения с их начальницей Стахович. Еще слабые и едва оправившиеся после перенесенной ими тяжелой болезни, они распределились в Севастопольском военно-сухопутном госпитале, находившемся в бараках на Северной стороне, в которых больные до сих пор еще не были под надзором сестер.

При таком распределении сестер только перевязочный пункт на стороне Корабельной и морской госпиталь в Михайловской батарее еще оставались без женского присмотра. Число сестер все еще не соответствовало постоянно увеличивающемуся количеству раненых. Этот ощутительный недостаток пополнили вновь прибывшие 28 марта сестры четвертого отделения под надзором сестры Будберг; на них была возложена обязанность ходить за ранеными на стороне Корабельной и в Михайловской батарее.

С марта месяца распределение сестер было уже следующее: 4 марта при усилившемся числе раненых после сильной вылазки с шестого бастиона главный перевязочный пункт был снова перенесен из Инженерного дома в очищенное и проветренное Дворянское собрание. Здесь находилась с этого времени постоянно неутомимая сестра Бакунина; под ее надзором сестры третьего и второго отделений провели в трудах ознаменовавший русское оружие день 10 марта. Тысячи раненых в этот день свезены были первоначально с Селенгинского и Волынского редутов в Александровские казармы; но там уже не доставало ни рук, ни врачей для производства операций и потому значительная часть храбрых страдальцев была перевезена в баркасах на главный перевязочный пункт вечером с 10-го на 11-е число. Бакунина и подведомственные ей сестры день и ночь неотходно присутствовали и помогали при операциях и перевязках, укладывали оперированных, раздавали питье и лекарство и тщательно наблюдали за всеми переменами.

Между тем в Инженерном доме оставались и туда переносимы были из других отделений трудные ампутированные. Здесь начальствовала постоянно сестра Травина; имея под руками меньшее число раненых, она могла познакомиться еще лучше с каждым из них, наблюдая тщательно за ходом ран и за перевязкой. Николаевская батарея, превращенная в это время в огромный госпиталь, заключала в себе до 600 раненых, которые переносились туда с главного перевязочного пункта; сестры, дежурившие в ней, оставались под руководством Бакуниной.

Наконец, в домах Гущина и Орловского, где действовал с самого начала их учреждения с большим самоотвержением и знанием дела находившийся при академике Пирогове лекарский помощник Калашников, сестры Григорьева, Богданова и Голубцова несли с усердием самую трудную и, так сказать, самую неблагодарную службу, требующую большого самоотвержения и крепкого здоровья: это уход за страдальцами, раны которых испортились от антонова огня, или состояние которых сделалось не только безнадежным, но и вредным для других.

Кто знает только по слухам, что значит это "memento mori" (Напоминание о смерти.), отделение гангренозных и безнадежных больных в военное время, тот не может себе представить всех ужасов бедственного положения страдальцев. Огромные вонючие раны, заражающие воздух вредными для здоровья испарениями; вопли и страдания при продолжительных перевязках; стоны умирающих; смерть на каждом шагу в разнообразных ее видах - отвратительном, страшном и умирительном; все это тревожит душу даже самых опытных врачей, посевших в исполнении своих обязанностей. Что же сказать о женщинах (как Григорьева и Голубцова), посвятивших себя из одного участия и чувства бескорыстного милосердия на это служение? [...].

Настало 28 марта, страшный день бомбардировки, хотя не первый по счету, но первый по близости осаждающих к бастионам и городу. Она продолжалась более десяти дней. Это время останется памятным в истории Крестовоздвиженской общины.

С 28 марта по 15 мая деятельность общины сосредоточивалась преимущественно на

главном перевязочном пункте (в Дворянском собрании), в домах города, в Александровских казармах и на Павловском мыску. Во все это время самые главные усилия неприятеля были, как известно, устремлены на четвертый, пятый и шестой бастионы и отчасти на Малахов курган. Все раненые с первых трех бастионов приносились в Дворянское собрание. Более месяца врачи и сестры неусыпно день и ночь действовали на главном перевязочном пункте.

Старшая сестра второго и третьего отделений Екатерина Михайловна Бакунина отличалась своим усердием. Ежедневно днем и ночью можно было ее застать в операционной комнате ассистирующею при операциях; в это время, когда бомбы и ракеты то перелетали, то не долетали и ложились кругом всего Собрания, она обнаруживала со своими сообщницами присутствие духа, едва совместное, с женскою натурою и отличавшее сестер до самого конца осады.

Трудно решить, чему должно более удивляться, хладнокровию ли этих сестер или их самоотвержению в исполнении обязанностей.

Военное время налагает на врачей обязанности, иногда жестокие, но необходимые для общей пользы. Так, при огромном скоплении раненых необходимо сосредоточивать всю врачебную деятельность на вспомоществовании тем, для которых помощь необходима и полезна; ибо, излишне занимаясь безнадежными, можно легко упустить из виду тех, которым своевременная помощь могла бы возвратить жизнь и здоровье; поэтому сортирование больных на перевязочных пунктах составляет главное условие врачебной распорядительности.

Так было и на главном перевязочном пункте в Дворянском собрании: раненые, беспрестанно приносимые по несколько вдруг, свидетельствовались в большой зале и тут же делался приговор врачей: можно ли им еще спасти жизнь, нужно ли пожертвовать членом для спасения, или отнести раненого к числу безнадежных. Первые переносились в операционную залу или в Николаевскую батарею и поступали после оказанного пособия на руки сестер, находившихся под руководством Бакуниной, вторые отсылались в дома Гущина, Орловского и Инженерный, где сестры Травина, Григорьева, Голубцова и Богданова делали что могли для облегчения участи страдальцев, действуя то по предписанию врачей, то по собственному благоусмотрению, ознакомившись из опыта с этим родом страданий. Велика и высока была обязанность этих сестер: им поручались и последние желания и последний вздох умирающих за отечество!

Кровавые траншейные битвы 10 и 11 мая требовали со стороны врачей и сестер усилий, доходивших до изнурения сил тем более, что раненые прибывали на главный перевязочный пункт ночью. Утомленные ночными дежурствами, производством операций, перевязкою раненых врачи и сестры в течение этих достопамятных дней не знали другого спокойствия, кроме короткого сна на лавках и койках в дежурных комнатах, пробуждаемые лопанием бомб и воплем вновь приносимых раненых. (Дальнейший текст до пометки на стр. 121 приведен в рассказе К. М. Станюковича "Севастопольский мальчик" (Соч., т. VI, гл. 8, 1, стр. 233-235, изд. 1943 г.) с ссылкой на источник.).

Для всех очевидцев памятно будет время, проведенное с 28 марта по июнь месяц в Дворянском собрании. Во все это время около входа в Собрание на улице, где так нередко падали ракеты, взрывая землю, и лопались бомбы, стояла всегда транспортная рота солдат под командою деятельного и распорядительного подпоручика Яни; койки и окровавленные носилки были в готовности принять раненых; в течение 9 дней мартовской бомбардировки тянулись к этому входу ряды носильщиков; вопли носимых смешивались с треском бомб; кровавый след указывал дорогу к парадному входу Собрания.

Эти девять дней огромная танцевальная зала беспрестанно наполнялась и опорожнялась; приносимые раненые складывались вместе с носилками целыми рядами на паркетном полу, пропитанном на целые полвершка запекшеюся кровью; стоны и крики страдальцев, последние вздохи умирающих, приказания распоряжающихся громко раздавались в зале. Врачи, фельдшера и служители составляли группы, беспрестанно двигавшиеся между рядами раненых, лежавших с оторванными, раздробленными членами,

бледных, как полотно, от потери крови и от сотрясений, производимых громадными снарядами; между солдатскими шинелями мелькали везде белые капюшоны сестер, разносивших вино и чай, помогавших при перевязке и отбиравших на сохранение деньги и вещи страдальцев.

Двери залы ежеминутно отворялись и затворялись; вносили и выносили по команде: "На стол", "На койку", "В дом Гущина", "В Инженерный", "В Николаевскую". В боковой довольно обширной комнате (операционной) на трех столах кровь лилась при производстве операций; отнятые члены лежали грудями, сваленные в ушат; матрос Пашкевич - живой турникет Дворянского собрания (отличавшийся искусством прижимать артерии при ампутациях) едва успевал следовать призыву врачей, переходя от одного стола к другому; с неподвижным лицом, молча, он исполнял в точности данные ему приказания, зная, что неутомимой руке его поручалась жизнь собрата.

Бакунина постоянно присутствовала в этой комнате с пучком лигатур в руке, готовая следовать на призыв врачей. За столами стоял ряд коек с новыми ранеными, и служители готовились переносить их на столы для операций; возле порожних коек стояли сестры, готовые принять ампутированных. Воздух комнаты, несмотря на беспрестанное проветривание, был наполнен испарениями крови, хлороформа, часто примешивался и запах серы; это значило, что есть раненые, которым врачи присудили сохранить поврежденные члены, и фельдшер Никитин накладывал им гипсовые повязки.

Ночью, при свете стеарина, те же самые кровавые сцены, и нередко еще в больших размерах, представлялись в зале Дворянского собрания.

В это тяжкое время без неутомимости врачей, без ревностного содействия сестер, без распорядительности начальников транспортных команд: Яни (определенного к перевязочному пункту начальником штаба гарнизона князем Васильчиковым) и Коперницкого (определенного сюда незабвенным Нахимовым), не было бы никакой возможности подать безотлагательную помощь пострадавшим за отечество.

Чтобы иметь понятие о всех трудностях этого положения, нужно себе живо представить темную южную ночь, ряды носильщиков при тусклом свете фонарей, направленных к входу Собрания, и едва прокладывавших себе путь сквозь толпы раненых пешеходов, сомкнувшихся в дверях его. Все стремятся за помощью и на помощь, каждый хочет скорого пособия, раненый громко требует перевязки или операции, умирающий - последнего отдыха, все - облегчения страданий. (Здесь кончается у Станюковича выдержка из Обзора.)

Где можно было бы без деятельных и строгих мер, без неусыпной деятельности найти достаточно места и рук для оказания безотлагательной помощи!

Не менее деятельно, не менее неусыпно и ревностно в исполнении дел милосердия было и четвертое отделение, пребывавшее в начале мартовской бомбардировки в Александровских казармах, но скоро это пребывание оказалось опасным для раненых. Их нужно было переносить во время самой сильной бомбардировки, в первых числах апреля, из этих казарм на Павловский мысок.

Сестры - начальница Стахович, Чупати и Будберг - преимущественно отличались своим самоотвержением при этой переноске, продолжавшейся несколько дней; они разделили опасность вместе с вверенными их надзору больными. На Павловский мысок приносились преимущественно раненые с Малахова кургана и с третьего бастиона.

Бухта разделяла сестер различных отделений, но стремление к общей цели творить дела милосердия - соединяло их неразрывно.

В удел первого отделения (под непосредственным начальством г-жи Стахович, которая должна была по обязанностям службы постоянно объезжать все отделения общины), остававшегося в это время на Северной стороне, доставлялись преимущественно раненые с Селенгинского, Волынского и Камчатского редутов.

Вскоре число сестер на Южной стороне города оказалось недостаточным; нужно было его увеличить и освежить новыми людьми; для этой цели 5 сестер первого и четвертого

отделений были переведены с Северной стороны и с Павловского мыска на главный перевязочный пункт.

Из них уже две не существуют. Краузе от душевных волнений и изнурения впала в жестокий нервный бред и скончалась через 18 дней после болезни. Блюмер, кроткая и почтенная сестра, крепкая духом и телом, сделавшаяся впоследствии старшею, умерла недавно в Симферополе, заболев на ревностной службе общины.

Военные действия и беспрестанное приближение осадных батарей неприятеля к нашим бастионам требовали часто перемены местопребывания и больных и сестер. Увеличившееся число раненых офицеров требовало также устройства особенного офицерского отделения. В середине марта месяца уже занят был для этой цели Екатерининский дворец, находящийся на берегу бухты у Графской пристани.

В мартовскую бомбардировку, а особенно в апреле и мае месяцах, число раненых офицеров сделалось весьма значительным, и сестре Травиной, находившейся до тех пор в Инженерном доме, был поручен надзор за этим отделением (впоследствии она уехала в Бахчисарай, а место ее заступила покойная Блюмер).

Обязанности сестер на перевязочных пунктах были многосложны и важны по их последствиям для больных и в физическом и в нравственном отношениях; не только перевязка, аптекарская часть (сохранение и раздача сильно действующих лекарств), хозяйство и надзор за содержанием больных поручались им от главных врачей, заведывавших этими пунктами, но им же предписано было академиком Пироговым получать от раненых под сохранение наградные и собственные деньги и вещи.

Надобно быть очевидцем, чтоб судить, как трудны, хлопотливы и утомительны, при большом скоплении раненых, по-видимому, самые простые и маловажные занятия. Таковы, например: раздача теплого чая и сбор денег для сохранения; надобно у каждого принять счетом, записать его имя, полк и т. п.; особенно важна эта обязанность в отделении безнадежных: сестры, отбирая от них деньги, вместе с тем обязываются и исполнить последнюю их волю (как, например, отослать деньги их родственникам и т. п.).

Последствием нападения неприятеля на Камчатский редут 26 мая было то, что много раненых прибыло на Павловский мысок и в бараки на Северной стороне; по неимению там достаточного помещения, раненые были сначала сложены на землю, и сестры первого отделения под надзором самой начальницы должны были заняться оказанием им первого пособия. Погода была тогда ветреная и сырая; нужно было предварительно согреть теплым питьем охолодевших и распорядиться по возможности о их лучшем помещении.

Сестры этого отделения во всем принимали самое деятельное участие. Но уже и прежде сего, по причине значительного накопления раненых в Николаевской батарее и на главном перевязочном пункте после мартовской бомбардировки и траншейных дел, нужно было вывести отсюда более четырехсот ампутированных на Северную сторону. Там раскинуты были вблизи барачных солдатские палатки, и ампутированные, перевезенные через бухту в баркасах, сложены на землю на матрацах. Другого, лучшего, помещения покуда не имелось в виду, а между тем свежий воздух был необходим для залежавшихся в казематированных казармах Николаевской батареи.

Вдруг сухая и ясная погода переменилась. Три дня шел проливной дождь, и в лагере сделалась глубокая грязь. Трудны были в это время занятия сестер первого отделения. В толстых солдатских сапогах, утопая в вязкой грязи, они должны были расхаживать между промоченными палатками и, стоя на коленях, раздавать чай и вино, чтобы согреть раненых, лежавших на земле один возле другого. При этих занятиях, необходимых для поддержания сил и согревания больных, сестрам едва доставало времени успевать на перевязку.

В конце мая ядра и бомбы начали сильно угрожать и Северной стороне. Вблизи барачных, около Северного укрепления и на берегу бухты падали и раскаленные ядра; еще сильнее в это время угрожаемы были разрушением перевязочные пункты в Дворянском собрании и на Павловском мыску; на дворе Инженерного и Гущина дома падали уже прежде ядра и ракеты; нужно было думать о другом помещении. Было сделано распоряжение

перевести перевязочный пункт из Дворянского собрания в Николаевскую батарею, как казематированную и наиболее удаленную от выстрелов, а с Павловского мыска - в Михайловскую батарею; весь госпитальный лагерь с Северной стороны должен был удалиться далее, к Инкерманским высотам. После отбития штурма 6 июня один из перевязочных пунктов перенесен был снова на Павловский мысок.

Сестрам предоставлено было при этих перемещениях, вызванных угрожающею опасностью, право оставаться в городе под выстрелами или же переместиться на Северную сторону, в места более безопасные.

Сестра Бакунина изъявила твердое желание оставаться при главном перевязочном пункте и даже не прежде перешла из Дворянского собрания в Николаевскую батарею, как после перемещения отсюда всех раненых. Она присутствовала в здании, угрожаемом беспрестанно разрушением от падающих бомб, до тех пор, пока все больные были вывезены в Николаевскую батарею, и продолжала свое служение здесь до отступления войск наших на Северную сторону, 27 августа. Передав еще в мае месяце старшинство свое сестре Лоде (оставшейся на Южной стороне с мая до конца июля и потом отправившейся в Бахчисарай), сестра Бакунина, наравне с другими девятью сестрами, продолжала свое бескорыстное служение на пользу раненых с таким же одушевлением и с тем же самоотвержением, какие отличали ее с самого ее вступления в общину.

После отбытия академика Пирогова из Крыма, в начале июня месяца, община была подчинена начальнику севастопольского гарнизона графу Остен-Сакену. Знаменитый военный начальник, несмотря на многочисленность своих занятий, в самое критическое время осады принимал постоянное и искреннее участие во всех делах общины и тем много содействовал к достижению благой цели.

С перемещением перевязочных пунктов в начале июня третье отделение разделилось и поступило с Павловского мыска на другие перевязочные пункты (Будберг - в Николаевскую батарею, как старшая, а другие сестры - в бараки Северной стороны).

С этого времени раненые, поступающие на Павловский мысок, до конца осады находились уже не на руках сестер; невозможно было найти для них достаточного помещения в этих казармах (находившихся постоянно под выстрелами неприятельских батарей, около Малахова кургана), даже и для операций, производившихся под руководством ревностного врача Неводовского, а потом неутомимого и искусного хирурга доктора Дземешкевича (Мел. Сем. Неводоский (род. в 1821 г.) - ученик П. по МХА, работал под его руководством в клинике ВСХГ; имел несколько ученых трудов (Л. Ф. Змеев, тетр. 2, стр. 29). М. П. Дземешкевич (1824-1863) - ученик П. по МХА, работал под его руководством в клинике ВСХГ; в Севастополе был контужен в лоб. Напечатал, между прочим, две статьи об операциях П. (см. "Литерат. справки") (оставшегося безвыходно на этом перевязочном пункте до взрыва батареи); едва можно было найти безопасное место в сыром и темном погребе, под сводами.

После отбитого штурма большая часть раненых была перевезена через бухту на перевязочный пункт в Михайловской батарее, где находился вновь устроенный перевязочный пункт, с одним отделением сестер под начальством Ушаковой (Ушакова не значится в сводном списке сестер милосердия,

работавших в Крыму.) и ее помощницы, молодой, но весьма ревностной сестры Башмаковой; они оставались здесь постоянно до 26 августа. Но вскоре оказалось место это неудобным для перевязочного пункта тем более, что оно было и небезопасно (доказательством служит сестра Васильева, которая на Михайловской батарее была контужена, на службе, осколком бомбы в предплечье, с переломом двух костей, и ранена в висок также осколком).

Снова начали приносить раненых с бастионов на Николаевскую батарею. Снова устроился здесь главный перевязочный пункт; раненые оставались здесь по несколько дней и даже недель и, потом уже, перевозились на Северную сторону. Врачи, прикомандированные из флота и из полков гарнизона, производили здесь операции и другие хирургические

пособия под руководством ревностного и деятельного профессора Киевского университета Гюббенета. (Х. Я. Гюббенет (1822-1873)-профессор теоретической хирургии а Киевском университете с 1851 г.; работал в госпиталях Севастополя (о нем - у В. С. Иконникова, стр. 142 и сл.). О взаимоотношениях П. и Гюббенета в связи с работой в Севастополе см. дальше).

Сестры под начальством почтенной сестры Будберг (в том числе и Бакунина) продолжали неусыпно действовать. Сестра Будберг, желая дать хотя небольшой отдых уставшим и изнуренным сестрам, хотела прекратить ночные дежурства; но неутомимая Бакунина не захотела отдыхать и продолжала дежурить ночью, с некоторыми другими сестрами, до самого окончания осады.

В июле месяце бомба разрушила, наконец, танцевальную залу Дворянского собрания, которая так долго служила вместилищем раненых и главным местом хирургических пособий.

В это время в Николаевской батарее сосредоточивалась почти вся административная, врачебная и коммерческая часть Севастополя. Штаб графа Сакена, местопребывание многих других военачальников, дежурства, церковь, казармы, лавка, перевязочный пункт, госпиталь, аптека (заведываемая Н. П. Корвовским, который с самого начала и до конца осады снабжал лекарствами и перевязочный пункт и госпитали, работая под бомбами в своей лаборатории),- всё помещалось в одной Николаевской батарее. Зато и теперь еще, как будто в благодарность за приют, стены ее пощажены разрушением и, закоптелые, грустно смотрят на Северную сторону Севастополя!..

А зданий на Павловском мыску уже не существует: они разрушены взрывом до основания; почти не существует и Дворянского собрания,- не своды, а providение долго хранило его стены, пронизанные теперь бомбами и ядрами.

С июня месяца, после перемещения перевязочных пунктов, возникли также и другие перемещения раненых и сестер.

Так, с 6 июня организовалось новое офицерское отделение на батарее No 4, на Северном берегу бухты; в нем главным врачом был доктор Тарасов, отправившийся по собственному желанию в Севастополь с третьим отделением общины (вместе с врачами Ребергом и Дмитриевым) на иждивении ее императорского высочества. Этот деятельный врач, находившийся сначала при главном перевязочном пункте в Дворянском собрании, вместе с академиком Пироговым усердно заботился о надлежащем размещении общины; почти до самого окончания осады (26 августа) он имел под своим наблюдением постоянно до сорока человек раненых офицеров и успел снискать их доверие и любовь.

При нем находилась сначала сестра Григорьева, переведенная из дома Гущина, а потом сестра Линская; надзор за хозяйственной частью госпиталя поручен был этим двум ревностным сестрам, уже и прежде заведовавшим хозяйственной частью (в доме Гущина - сестра Григорьева, а на Николаевской батарее - Линская).

Далее, в начале июля месяца, устроился лагерный госпиталь, состоящий из больших госпитальных палаток, в шести верстах от Севастополя, на Бельбекской долине. Главная начальница общины г-жа Стахович, ее помощница сестра Гординская (сестра Гординская постоянно имела на сохранении деньги и вещи больных и отличалась ревностью и распорядительностью в исполнении своих обязанностей), со многими сестрами первого, четвертого, с некоторыми сестрами второго отделения и с несколькими вновь прибывшими, поместились при этом госпитале в палатках и татарских саклях.

Сюда привозились из Северной и Южной сторон города раненые после того, как им уже была оказана помощь, для дальнейшего лечения. Отсюда сестры ездили на перевязку в лагерный госпиталь, расположенный на Инкерманских высотах (в трех верстах от Севастополя), куда в конце июля было послано одиннадцать сестер, под начальством Чупати, на постоянное жительство; отсюда же главная начальница общины объезжала различные ее отделения. Отсюда, наконец, были посланы, во время дела 4 августа, четырнадцать сестер на Мекензиеву гору, где они пробыли несколько дней, перевязывая

раненых, ассистируя врачам при хирургических операциях, раздавая белье, теплое питье, вино и проч. После перевозки раненых с Мекензиевой горы в госпиталь Дуванский и в Симферополь сестры возвратились снова на Бельбек.

Итак, в это время до самого окончания осады, община была размещена в следующих местах: 1-е) восемь сестер под руководством Будберг и Бакуниной (которая, хотя сложила с себя старшинство, но не переставала иметь нравственное влияние на сестер) на Николаевской батарее, на Южной стороне города; 2-е) одна сестра - в Екатерининском дворце также в самом городе (бывшее офицерское отделение), куда было перенесено тогда гангренозное отделение; 3-е) пять сестер под начальством инокини Ушаковой - на Михайловской батарее на Северной стороне города; 4-е) одна сестра на батарее No 4-го, также на Северной стороне, при офицерах, под руководством доктора Тарасова;

5-е) в Северном укреплении, при раненых морских офицерах, - Селиванова (Селиванова не упоминается в Списке сестер милосердия.) (весьма ревностная сестра, заслужившая одобрение и признательность почти всех лежавших там моряков) и Сапрановская; 6-е) одиннадцать сестер в лагерном госпитале, на Инкерманских высотах под начальством Чупати, и, наконец, 7-е) все остальные сестры, находившиеся вместе с главной начальницей общины в шести верстах от города, на Бельбеке.

Сверх того, еще пять отрядов общины находились в это время в Бахчисарае: под начальством сестры Лоде семь сестер в госпитале, расположенном в ханском дворце; в Симферополе пять сестер, в морском лагерном госпитале, под начальством Травиной, уехавшей из Севастополя в начале мая месяца; в Перекопе три сестры под руководством старшей сестры Щедриной. Эти два отделения общины имели постоянно (с января месяца 1855 г.) на своем попечении раненых, транспортированных из Севастополя, и были размещены в различных госпиталях обоих городов.

Сестра Щедрина с неусыпной деятельностью, с необыкновенною распорядительностью, с редким самопожертвованием оставалась с самого поступления ее в общину верно своему призванию. Община в Херсоне преимущественно успела освоиться с внутренним бытом госпиталей, благодаря неусыпным трудам Щедриной и попечениям главного доктора Гебгардта (недавно скончавшегося на руках этой добродетельной сестры к общему сожалению всех его знавших). Таково было размещение общины до самого оставления Южной стороны Севастополя - 27 августа.

Бакунина была последняя из сестер, вышедших через мост из Севастополя на Северную сторону. В день 27 августа старшая сестра Будберг получила контузию в левое плечо осколком бомбы, провожая одного тяжелораненого на перевязочный пункт в Николаевскую батарею. Она же и сестра Смирнова 2-я получили 26 августа значительные контузии осколками стекол на батарее, разбившихся от взрыва шаланды, нагруженной порохом и стоявшей у Графской пристани; сестра Смирнова при этом едва не лишилась зрения, а сестра Будберг была завалена обломками выпавших от сотрясения окон; один из ампутированных, за которым она ухаживала, поспешил к ней тотчас же на помощь.

Во время самого отступления сестра Будберг, обремененная ношею (она спасала пожитки общины и деньги, принадлежавшие раненым), едва не упала на мосту от усталости и утомления.

После отступления изменилось снова размещение сестер. Главная их деятельность сосредоточилась в лагерных госпиталях, расположенных на Инкерманских высотах и на Бельбеке. В первом они действовали под руководством неутомимой и распорядительной сестры Чупати; во втором - под руководством самой начальницы Стахович. Перевязочный пункт на Павловском мыску под начальством доктора Дземешкевича был переведен после всех на Северную сторону, почти непосредственно пред взрывом батареи.

Перевязочный пункт на Михайловской батарее и офицерское отделение в батарее No 4 закрылись; вся врачебная деятельность сосредоточилась в двух лагерных госпиталях на Инкермане под начальством опытного хирурга доктора Рудинского (О. И. Рудинский (род. 1816 г.) окончил Московский университет в 1840 г.; работал в различных военных

госпиталях; во время Крымской войны был главным корпусным хирургом (Л. Ф. Змеев, тетр. 2, стр. 87); имел ученые труды.) и на Бельбеке, куда переехал с Павловского мыска и доктор Дземешкевич. Больные не имели другого приюта, как в госпитальных (суконных) и солдатских (парусинных) палатках и были расположены на матрацах и войлоках, постланных на землю. Только некоторые раненые штаб-офицеры находили приют в полуразрушенных татарских саклях.

Время стояло ветреное, холодное и дождливое. Сестрам было много дела; их занимала преимущественно раздача сухого белья из цейхгауза общины, теплого чая, вина - все из пожертвованных средств общины и Комитета [...].

Перевязка раненых производилась нередко на открытом воздухе под дождем, стоя на коленях в грязи или на мокрой земле. Преимущественно отличалось в это время отделение сестры Чупати на Инкермане, куда свезена была большая часть раненых после последнего штурма, и где производилось до восьмидесяти и ста операций в день, при пособии сестер под руководством начальствовавшего перевязочным пунктом доктора Рудинского.

В это время прибыл на Бельбек и академик Пирогов; объезжая оба отделения, он был очевидцем и свидетелем ревностного служения сестер. В это же время, заметив все трудности и лишения больных, тысячами транспортировавшихся из Инкермана, с Северной стороны и из Бельбека в Дуванку, Бахчисарай и Симферополь, он предложил общине преимущественно заботиться об участии транспортируемых,- и это предложение служило началом к образованию существующего теперь транспортного отделения сестер Крестовоздвиженской общины.

Наконец, управившись с тысячами раненых, лагерный госпиталь на Инкермане снялся: почти все раненые из Бельбека свезены были в Бахчисарай и Симферополь. Это было уже в половине сентября. Тогда почти все сестры переехали также в Бахчисарай; только три из них под руководством сестры Линской остались на Бельбеке.

С конца сентября распределение сестер опять изменилось. Вследствие сосредоточения врачебной деятельности в Симферополе по случаю скопления там самого большого количества больных и раненых (до 13.000), деятельность сестер также сосредоточилась в этом городе, где до сих пор действовали неумоимо одни сердобольные (Сердобольные-вдовы из отряда императрицы, находившиеся также под руководством П.).

В это же время произошло значительное изменение в самом составе общины. Главная начальница г-жа Стахович, по случаю расстроенного здоровья, от перенесенной ею болезни и от трудов, с разрешения ее императорского высочества высокой покровительницы общины, вместе с сестрами первого и второго отделений, уставшими от продолжительных занятий, выехали в С.-Петербург. Управление общины государынею великою княгиней вверено начальнице сердобольных одесских сестер Екатерине Александровне Хитрово, с званием (имеющим высокое значение) сестры-настоятельницы. Взамен выбывших сестер в состав общины вошли новые лица, вновь прибывшие из С.-Петербурга под надзором старшей сестры Карцевой. Кроме того, некоторые из усерднейших сестер первого, второго и третьего отделений, несмотря на понесенные ими труды, увлеченные своим высоким призванием, остались в среде общины на второй год.

Академик Пирогов, которому ее императорское высочество изволила снова поручить общину в полное распоряжение, при помощи неумоимо деятельной сестры-настоятельницы Е. А. Хитрово и при пособии сестер Е.М. Бакуниной и Е.П. Карцевой, сделал следующие усовершенствования в занятиях общины:

а) Принял под надзор, исключительно, раненых и ампутированных, помещенных в госпитальных бараках Симферополя. Сестры под управлением старшей сестры Карцевой во время дежурств разделились, как и прежде, на три разряда - на хозяйек, аптекаршей и перевязывающих, так что на каждый барак приходилось по три сестры; из них одной сестрою-настоятельницею поручается наблюдение за порядком на полную ее ответственность. Согласно с таким разделением сестры действуют в госпиталях по особенной им сообщенной инструкции, в которой кратко изложены все их обязанности.

Являсь на дежурство, все сестры поступают под надзор одной старшей сестры Карцевой, на которой лежит ответственность за всех пред сестрою-настоятельницею. Дежурные сестры обязаны вести журнал всем замеченным ими недостаткам или упущениям по службе. Прodeжури в течение суток, они сменяются новыми сестрами и отправляются снова в дом общины, где опять поступают под надзор сестры-настоятельницы.

б) Все действия общины, все суждения о действиях, способностях и нравственности сестер, все изменения в служебной их деятельности решаются теперь сестрой-настоятельницею в комитете, состоящем, под ее председательством, из духовного пастыря, врача общины и старших сестер; решение комитета вносится в протокол, посылаемый на рассмотрение высокой покровительницы общины. Этою мерою все действия общины, устремленные на пользу ближних, делаются более отчетливыми и приобретают более значения через беспристрастное и многостороннее обсуждение их главными членами общины.

в) При постоянных транспортах раненых и больных из Симферополя в более или менее отдаленные города России явилась потребность в новых услугах сестер наблюдать за больными и ранеными во время пути. Высокая покровительница общины, вследствие донесения академика Пирогова, изволила учредить особое отделение сестер под названием транспортного, которое вверено распоряжению старшей сестры Бакуниной; две или три сестры под надзором старшей, с достаточным запасом перевязочных вещей, медикаментов, чая, сахара и белья, в настоящее время сопровождают транспорты до Перекопа, Берислава и Екатеринослава, зорко следя за тем, чтобы транспортируемые не терпели на пути никаких недостатков. (См. Инструкцию П. о транспортировании раненых).

Необходимость и несомненная польза этого учреждения уже оправдываются теперь на деле. Хотя число сестер не позволяет им сопутствовать почти ежедневным транспортам больных из Симферополя в Перекоп, однако уже шесть раз сестры провожали более значительные из транспортов и преимущественно раненых и ампутированных; четыре раза под надзором старшей сестры Бакуниной до Перекопа, Берислава и Екатеринослава; один раз под наблюдением сестры Медведевой и один раз под наблюдением сестры Травиной, до Перекопа.

Каждый раз отправлялось по три сестры (на лошадях, купленных на иждивение благотворительного комитета, находящегося под покровительством ее императорского величества государыни императрицы Марии Александровны); каждый раз они оставались на пути не менее десяти дней, сопровождая транспорт, идущий на волах или крестьянских подводах, от одного этапа на другой; размещались на этапах так же, как и самые больные, в татарских саклях, раздавая больным теплое питье и лекарства, по назначению врача, перевязывая раненых и проч.

Обязанности сестер транспортного отделения весьма трудны, хлопотливы и однообразны. Проводить целые дни и даже недели в холоде и сырости; вязнуть в грязи на проселочных этапных дорогах; наблюдать за больными, рассеянными в этапных аулах, иногда на протяжении одной и более верст, не всегда имея достаточно средств помочь больным при внезапных переменах болезни; едва возвратившись назад, снова пускаться в знакомый путь, - вот в чем состоит транспортная служба сестер Крестовоздвиженской общины. Нужно иметь крепкое здоровье, самоотвержение и постоянство нрава, чтобы совершать это дело милосердия, не громкое, не лестное для суеты, но существенно полезное для бедствующих больных. Сестры транспортного отделения обязаны замечать все недостатки и нужды больных, ведя журнал, который по возвращении они доставляют сестре-настоятельнице или предлагают на рассмотрение в комитет. Несмотря на краткость времени, сестры во время транспортов уже успели оказать многие услуги к улучшению быта транспортируемых больных. Проводя целые часы и ночи вместе с больными на этапах, они легче могли заметить некоторые упущения и способствовать их устранению.

Итак, в настоящее время Крестовоздвиженская община сестер попечения о раненых, находящаяся в Крыму и Херсонской губернии, состоит из следующих отрядов, управляемых

сестрой-настоятельницею и созываемым ею временным комитетом:

1) Главный отряд в Симферополе, состоящий из двадцати восьми дежурных сестер в двух госпиталях Симферополя (в которые перевезены теперь труднейшие раненые и ампутированные из барачков), под надзором старшей сестры Е. П. Карцевой.

2) Отряд транспортного отделения, состоящий из девяти сестер под надзором старшей сестры Е. М. Бакуниной.

Сестры обоих отрядов помещаются в особенном доме, занимаемом общиною в Симферополе, вместе с сестрой-настоятельницею Е. А. Хитрово. В этом же доме находится и главный цейхгауз общины, в котором сохраняются под надзором одной из сестер все пожертвованные ее императорским высочеством и другими частными благотворителями в пользу раненых и больных предметы, как-то: белье, обувь, посуда, чай, сахар, вино, медикаменты и перевязочные вещи, отпускаемые в различные госпитали по письменным требованиям сестер и ординаторов.

3) Отряд в Бахчисарае, состоящий из девяти дежурных сестер под надзором старших сестер Будберг и Чупати; им поручено хождение за больными в госпиталях Дворца, в лагере и на Оазме.

4) Отряд из трех сестер под надзором сестры Линской на Бельбеке.

5) Отряд из шести сестер в Перекопе, под управлением старшей сестры А. И. Травиной.

6) Отряд из двадцати шести сестер в Николаеве и

7) Отряд из двадцати сестер в Херсоне, оба под управлением сестры В. И. Щедриной.

При всех этих отрядах находятся также небольшие цейхгаузы в распоряжении сестер.

Умерли при исполнении своих обязанностей, верные своему призванию, с декабря 1854 г. по 1 января 1856 г. семнадцать сестер: Аленева, Ждановская [Здановская? - см. сводный список], Шперлинг, Эрберг [Эльберг? - см. список], Кузнецова, Протопопова, Голубцова, Краузе, Лашкова, Белоускова, Якушева, Алферова (Алферова не значится в Списке сестер.), Блюмер, Булгарова, Фуфаева, Данилевская и Зарубаева.

Настоящие и прошедшие события предвещают будущее. Будущее Крестовоздвиженской общины предзнаменуют действия ее сестер, изложенные здесь без всякого пристрастия правдолюбивыми очевидцами и заслуживающие остаться в памяти современников. Пусть грядущее поколение судит, в какой мере община при самом ее начале осуществила благую мысль высокой покровительницы ее и сделалась достойною цели ее учреждения.

(Еще о деятельности сестер общины-в письме П.. от 26 февраля 1876 г. к Э. Ф. Раден. "Исторический обзор" перепечатан у Н. Путилова в отделе "Патриотизм России" (№ 30); в "Севастопольских письмах" (1907 г.); краткое извлечение из Обзора- в ВМЖ (1857. ч. 69, № 1, стр. 32 и сл.).

VI. ПИСЬМА К Е. М. БАКУНИНОЙ

(Письма П. к Е. М. Бакуниной (№ 1-7) опубликованы в ее "Воспоминаниях" ("В. Е." № 5 и 6). Подлинники не найдены. Все эти письма тесно связаны с деятельностью П. в Крыму. В них выражены взгляды гениального хирурга на роль медицинских сестер в военных госпиталях, изложено мнение П. о дальнейшем развитии института медицинских сестер, высказанное в его письмах к жене. О Бакуниной см. примеч. в письме к Э. Ф. Раден).

№ 1.

(Письмо № 1 опубликовано в № 5 "В. Е.").

18 января 1856. С.-Петербург

Почтеннейшая сестра Екатерина Михайловна!

Военное начальство желает иметь сестер в различные госпитали Южной армии. Великая княгиня решила послать 22 сестры только в следующие четыре госпиталя: в Вознесенск (пять сестер), в Тульчин (пять), Новоодесск (пять), в Одессу (семь). Вы же писали, от 2-го января, что есть много желающих вступить в общину. Этим нужно воспользоваться, и ее императорское высочество поручила мне написать вам, чтобы вы принимали сестер на следующих условиях.

Первый месяц они должны оставаться в своем платье и белье. Через месяц получают платье и белье общины. По крайней мере один год они должны оставаться на испытании без креста, занимаясь под руководством старших сестер в госпиталях и живя общиною.

Через год получают крест, а некоторые отличившиеся или же известные досконально своей ревностью, хорошим поведением, образованием и пр.,- и прежде того. Желаящие поступить из высшего сословия по влечению или по внутреннему призванию составляют, разумеется, исключение из этого правила. Так как трудно найти разом 22 надежных сестры для госпиталей, отдаленных от центра общины, то, очевидно, лучше снабдить их по крайней мере такими женщинами, которые - в случае неудачного выбора - не могли бы запятнать общину, не нося еще на себе ее высокого символа и не будучи еще, следовательно, настоящими сестрами.

Наберите таких десять или двенадцать остальные будут присланы в Москву из петербургской общины; набрав, оставьте их в екатеринославских госпиталях под надзором тамошней старшей сестры (которую хочет выслать Е. А. Хитрово; это, кажется, будет Башмакова), а сама отправьтесь, по вашему желанию, в Москву, где найдете и остальных десять или пятнадцать (которые будут посланы из Петербурга туда); повидавшись с вашими почтенными родственниками, отвезите этих десять или пятнадцать сестер опять в Екатеринослав, возьмите здесь и остальных десять, которые покуда приучатся к госпитальным занятиям, и развезите их в сказанные четыре госпиталя: Тульчин, Новоодесск, Одессу и Вознесенск, и поместите в них, следуя известным вам взглядам о цели и направлении общины.

Это, кажется, будет сообразно вашему желанию; вы желали (в письме, от 2 января ко мне) отдохнуть немного и повидаться с родственниками вашими в Москве и вместе с тем побывать с сестрами и в других госпиталях. Ваша опытность, ваш справедливый и высокий взгляд на цель и направление общины служат залогом, что вы поставите и новые отделения на хорошую ногу и будете тем полезны ей; вы же можете определить и выбор старших сестер для этих отделений.

Займитесь этим делом с свойственной вам ревностью; вы видите, что обстоятельства требуют разделения общины на множество отделений, контроль которых делается все труднее и труднее; без содействия опытных и ревностных сестер, как вы, община легко может уклониться от предназначенной цели; итак, примитесь с богом за дело вам уже известное; результат будет тогда несомненный, только не оставайтесь долго в Москве.

В Екатеринославе вы верно еще дождетесь кн. Долгорукова, назначенного на место гр. Велигорского, и с ним можете также переговорить о делах общины; он человек благомыслящий и доброжелающий. Прощайте, храни вас бог.

Вам преданный от души Н. Пирогов.

№ 2.

(Письмо № 2-в "В. Е." № 5). Было еще "очень коротенькое" письмо П. от 5 февраля 1855 г. (о какой-то сироте, которую П. просил устроить); из него приведена след. выдержка: "Перестали ли вы грустить о том, что вы настоятельница?").

1856, февр[аля] 9. С.-Петербург

Почтеннейшая сестра Екатерина Михайловна. Община, которая столь многим обязана вашему усердию, находится теперь, по смерти нашей незабвенной настоятельницы (Е. А. Хитрово умерла 2 февраля 1856 г.), опять без руководителя. Сестра Карцева, которая подавала столько надежд, также лежит больная в тифе.

Все, что нашими общими усилиями удалось ввести в общину для направления ее к высокой цели, может легко и невозвратно исчезнуть. Вы остались еще одна в настоящее время из всех, которая может поддержать истинное значение общины и руководить ею предположенным и известным вам путем.

От имени ее высочества, высокой покровительницы благого дела, я предлагаю и даже требую от вас, как святого долга: возьмите на себя управление общиною. Не отговаривайтесь и не возражайте; здесь скромность и недоверие неуместны; забудьте на время все ваши

частные отношения для общего дела. Я вам ручаюсь, вы теперь необходимы для общины как настоятельница. Вы знаете ее назначение, вы знаете сестер; вы знаете ход дел; у вас есть и благонамерение, и энергия. Ваши недостатки вы знаете лучше меня, а кто хорошо себя знает, для того это знание лучше совершенства. Вы знаете также, как я вас уважаю и люблю, знаете также мою привязанность к общине, и потому я уверен, что мое предложение будет вами принято беспрекословно. Не время много толковать - действуйте. Ее императорское высочество желает, чтобы вы, приняв на себя звание настоятельницы и управление общиной, как можно скорее приехали сначала к нам в С.-Петербург на короткое время, а потом бы уже отправились также для короткого, так вами желанного, отдыха в Москву. Но ради бога не медля и решительнее! Решительности, впрочем, вас учить не мне. Итак, с богом, почтенная Екатерина Михайловна, приезжайте скорее сюда. Спешите.

Вас искренно уважающий Н. Пирогов.

№ 3.

(Письмо № 3-в "В. Е." (№ 5, стр. 96 и сл.); вопросительный знак в дате -Бакуниной, месяц - не назван; по контексту "Воспоминаний" - это весна.).

Одесса [1857 г.?]. 14-го дня

Почтеннейший Василий Иванович (Вас. Ив. Тарасов-врач общины) и почтеннейшая сестра-настоятельница Екатерина Михайловна! - Я нарочно пишу к вам обоим вместе одно послание, как к двум самым главным столпам Крестовоздвиженской общины, и увы! вместе с вами же должен горевать о предстоящей ей будущности. Слишком быстро принимает она громадные размеры; громадное в России быстро деморализуется. Но чем труднее обстоятельство, тем тверже надо противостоять.

Я вижу из письма Екатерины Михайловны, что ей подчас невесело бывает, но как же быть? Не бросать же из-за этого все хорошее, не бросать же все будущее вон из окна, потому только, что настоящее не слишком утешительно! Я знаю, вы ответите,- и в будущем нет ничего привлекательного! Но будем осторожнее в суждениях о том, что не всегда совершается по неизбежным законам ума и опыта. Как бы, с одной стороны, ни было грустно, что такое великое дело, как введение женского надзора в наши госпитали, при самом его начале начинает уже хромать и портиться,- все-таки сделан шаг вперед. И как бы ни было сильно противодействие, как бы плохо благая цель ни исполнялась,- твердый характер, благородство души и прямотуше настоятельницы еще много успеют сделать и, по крайней мере, не допустят заплесневшее перейти в гнилость.

Я, впрочем, боюсь теперь не столько противодействия для общины со стороны госпитального начальства, сколько другого - деморализации от лести и интереса. Не все будут так трусливы, как главный доктор московского госпиталя, который уже теперь общину величает тайным обществом и хочет ее передать в руки тайной полиции; найдутся люди поумнее; петербургские госпитальные дипломаты будут иначе действовать; они лучше знакомы со слабостями человеческой природы.

Если община будет наконец введена в военные петербургские госпитали, то я бы советовал поручить их непременно Елизавете Петровне [Карцевой],- никому другому. Напишите мне, ради бога, что придумает комитет министров и как он определит отношения общины к военным госпиталям; это, конечно, еще не главное (главное - каковы будут сестры), но из этого можно уже будет видеть, разнюхали ли они, в чем состоит дело. Вам надобно было вступить в переговоры с русскими пиэтистками; из этого класса надобно было бы привлечь кандидаток для общины; между ними есть, правда, много гипокритства (Ипокритство - лицемерие.); но это из всех пороков сестер есть еще самый простительный; - слишком строгими в выборе вам теперь уже нельзя быть поневоле! Постарайтесь теперь по крайней мере при предстоящих средствах улучшить материальную сторону сестер и хотя через это сделать их менее доступными к деморализации; а то, вы увидите, будут брать взятки!

Ко мне приходят нередко сестры, бывшие в общине у сестры Щедриной, плачутся на горькое их положение. Одна из них,- знаемая Е. Ал. Хитровой, фамилии не припомню,-

особливо жаловалась на Щедрина и говорила, что община ее руинировала совершенно; одну, с лишаем на носу, мы кое-как выпроводили в Киев; одна, которая просила великую княгиню об определении ее сына в школу, была у меня. Я уже два раза писал градоначальнику Алопеусу (Ф. Д. Алопеус-одесский градоначальник.), чтобы он поместил ее сына в приют; у нас в училище нет вакантных и казенных мест, но ответа еще не получал.

Что касается до Одессы, то в настоящее время ее характеризуют три превосходные качества: грязь, воровство и дороговизна. Первое оттого, что для мощения улиц употребляют вместо камня муку; второе - благодаря усилиям Воронцова и Федорова (П. С. Федоров-генерал-губернатор Новороссийского края, в состав которого входила Одесса.) - населить край беспаспортными; а третье уж бог знает почему, говорят - будто бы война [...].

Сделайте одолжение, похлопочите переслать фрейлине Раден мое письмо (Такое письмо неизвестно.); но, пожалуйста через верные руки, через Курьера, и поскорей из придворной конторы.

Надеюсь, что ни Екатерина Михайловна, ни вы меня не забудете и будете оба меня извещать, а я, если не делом, то словом, или чем могу, остаюсь вам верным и готовым для вас вам навсегда преданный.

Н. Пирогов.

№ 4.

(Письмо № 4-в "В. Е." (№ 6.); является ответом на письмо Б., приведенное там же).

Одесса. 5 августа 1857 г.

Почтеннейшая Екатерина Михайловна.

На первый ваш вопрос я уже, кажется, несколько раз вам отвечал: если от общины и ее настоятельницы будут требовать того, что, по вашим глубоким убеждениям, невозможно исполнить, или того, что противно идее, составленной вами об устройстве и обязанностях учреждения, - то откажитесь.

Мне, как я думаю, хорошо известны и ваши хорошие качества, и ваши недостатки (у кого их нет); но я никого другого не знаю, кому бы можно поручить нравственное и служебное заведывание общиной. Если же бы нашлось другое лицо, которое по вашему убеждению, или по убеждению высшего начальства общины, может лучше вашего устроить ее на будущее время и дать ей более прочное жизненное начало, то передайте с радостью этому лицу ваши права.

У вас будет довольно для этого и самоотвержения, и благородства души, и беспристрастия, и истинной любви к начатому делу. Я знаю очень хорошо, что вы не можете сообщить общине характер формально-религиозного учреждения; но вашим примером действий и вашей любовью к делу вы можете, конечно при благоприятных условиях, сообщить ей известный нравственный характер.

Итак, если великой княгине угодно будет сделать из общины религиозный орден, то вы навряд ли успеете способствовать к достижению этой цели; но ваша честность, прямодушие, усердие к делу и опытность более чем достаточны придать истинно-нравственный характер учреждению, если захотят ограничиться только таким направлением именно.

На второй вопрос отвечаю: да. Настоятельницей в настоящее время может быть избрано и лицо, не находившееся до сих пор в общине, а постороннее. На будущее же время, если бы удалось общине укрепиться и духом и телом, выбор, по моему мнению, должен бы быть непременно ограничен, и кандидатуры должны бы быть избираемы из среды общины.

Теперь же очевидно, что terrain (Почва, основа.) общины еще недостаточно разработан для того, чтобы доставлять материал, необходимый для образования настоятельницы (вы употребили слово начальница, которое, как вы знаете, я и Екат. Алекс. Хитрово вычеркнули из прежнего статута общины).

Третий вопрос - о протестантизме и католицизме - тогда только может быть решен положительно, когда окончательно решат, какое направление, или какой характер, должен быть дан общине. Если религиозно-орденский, то, конечно, должны быть принимаемы одни православные; если же чисто нравственно-филантропический, то странно бы было

ограничивать выбор одними православными.

Я что-то сомневаюсь, чтобы у нас и в наше время можно было с успехом сделать из общины религиозный орден. Во-первых, наше православие как-то худо клеится с орденовыми учреждениями; оно не довольно самостоятельно для этого; во-вторых, вообще в наше время нельзя учредить хорошо того, что так хорошо учреждалось в средние века или за три-четыре столетия до нас. Впрочем, если бы уже пошло на то, чтобы дать общине орденский характер, то, мне кажется, удобнее бы было определить для этой цели один из женских монастырей. Иначе, как вы хотите временно посвятивших себя служению больным сделать истинными и ревностными членами религиозно-орденского учреждения?

Во всяком случае, при этом направлении непременно нужно будет требовать, чтобы сестры оставались, навсегда сестрами, будут ли они монахини или нет.

Наконец, то же самое должно сказать и о четвертом вопросе (l'ordre de la journée) (Порядок, распределение дня.).

При орденском направлении общины необходимо самое точное распределение времени как служебного, так и внеслужебного; вся жизнь вступивших в орден должна идти по ниточке. Другое дело, если община останется только чисто нравственным филантропическим учреждением; в этом случае я не вижу необходимости слишком вмешиваться во внеслужебное время сестер; это было бы ни к чему не ведущее насилие личности; достаточно, если настоятельница будет вполне убеждена, через точное наблюдение, что внеслужебное время употребляется сестрами с хорошою целью и прилично их званию.

Итак, вы видите, что по моему мнению все зависит от того, как решится коренной вопрос о характере общины. Я сам клонюсь более на сторону нравственно-филантропического направления, и думаю, что оно более соответствует духу и потребности нашего времени [...].

Вам навсегда и всегда преданный, вас искренно уважающий

Н. Пирогов.

Прочтите это письмо и В. И. [Тарасову]. Поклонитесь ему от меня от души; я ему скоро также надеюсь написать. Жена вас от души обнимает.

№ 5.

(Письмо № 5-в "В. Е."; вопросительный знак-Бакуниной, год проставлен ею верно).

9-го октября [1857 г. ?]. Одесса

Почтеннейшая сестра-настоятельница Екатерина Михайловна. Из писем ваших ясно видно, что вы в разладе с вами же самими. Избегайте видеть одну только худую сторону. И не хочу этим сказать, что от худого должно закрывать глаза. Нет, смотрите худому прямо в глаза, знайте всю его подноготную, но не выбрасывайте из окна и хорошего. Очевидно, что община, которой вы служите настоятельницей, не могла по ее происхождению, развитию и всей обстановке быть тем, чем она должна бы была быть. Но разве она уже действительно так худа и безобразна, и ненормальна, что должна непременно разрушиться. Разве вы сами (вы знаете, я льстить не люблю), разве Елизавета Петровна [Карцева] и еще две-три сестры обязаны не общине обнаружением своих достоинств?

Не будь общины, и все эти личности скрывались бы в хаосе общества. Община еще далеко не исполнила всех ее высоких обязанностей, далеко еще не достигает цели, но все-таки она сделала многое нежданное, до ее основания невиданное, и эту хорошую сторону общины надо постоянно иметь в виду и, имея в виду, идти, идти и идти вперед, не скрывая худого, поставляя его всем на вид, с искренним желанием его исправить. Поверьте, при этом прямом и испытанном уже способе смотреть на общественные учреждения, рано или поздно все пойдет на лад.

О! если бы все худое можно было разом с корнем вон выкинуть! Когда нельзя, то уцепимся обеими руками, ногами и зубами за хорошее, если бы даже оно так было мало и ломко, как соломинка; будем мучиться, сдерем кожу с рук и ног, искрошим зубы, но не выпустим того, за что раз ухватились. Больше ничего вам не умею сказать в утешение. Мне

кажется, что при настоящем развитии общины вам. бы можно было учредить, хоть для 3-х, для 4-х сестер, искус, да порядочный, чтобы испытать, не удастся ли образовать еще две, три замечательные и дельные личности.

Неужели в целом русском царстве не найдется двух или трех, которые бы со славой выдержали трудное испытание, в которых бы не запала мысль о высоте дела и цели, в которых бы не пробудилось сознание, что можно жить и другой жизнью, не похожей на ежедневную? Я все еще не потерял эту веру и равно верю в зло и в добро, врожденное человеку. А если вам удастся, несмотря на все препятствия, образовать через нравственный искус вашими стараниями и наблюдениями таких двух, трех избранных, то вы уже исполнили ваше призвание и должны будете благодарить только бога, что он послал вас туда, где вы были нужны.

Не предавайтесь отчаянию и безверию в хорошее, это - модная болезнь нашего общества, очень понятная, неизбежная, чисто нервная, и, как все нервные болезни, требующая воли со стороны больных, чтоб ей не совсем поддаться. Пусть же покуда большая часть сестер занимается себе, худо ли, хорошо ли, в госпиталях, но выберите двух, трех, возьмите их под свое крыло, растолкайте, разбудите, испытайте в тиши, но глубоко; может быть, бог и поможет вам; это будет самая прекрасная сторона вашей деятельности в пользу общины и всего человечества, а вам в утешение на трудном пути.

Еду в Екатеринослав и Таганрог завтра (10 октября 1857 г. П. выехал из Одессы для осмотра (в третий раз) учебных заведений округа; находился в поездке три недели. Вернувшись в Одессу 1 ноября, П. разослал 11 ноября "Циркулярное предложение г.г. директорам училищ Одесского округа". Попечитель предлагал, "чтобы циркуляр этот был прочтен в полном заседании педагогических советов, как гимназий, так и уездных училищ, и чтобы затем сделано было соображение, об устранении замеченных недостатков". Педагогическая деятельность П. освещена в книге проф. А. А. Красновского.).

Надеюсь вернуться через три недели. Не забывайте меня. Жена вам кланяется, и скоро соберется сама вам написать; она благодарит вас за Алексею.

Вам преданный Пирогов.

№ 6.

(Письмо № 6-в "В. Е."; вопросительный знак в дате - Бакуниной.).

Одесса. 18 апр[еля] (1858?)

Почтеннейшая сестра-настоятельница, Екатерина Михайловна. Я вам давно не писал, потому что был по горло занят и делом, и бездельем. Для чего вы это все грустите? Вы знаете:

Кто всё плачет, всё вздыхает,
Вечно смотрит сентябрем,
Тот науки жить не знает...

(Точная цитата из стихотворения Н. М. Карамзина "Веселый час")

Полноте! Если б я вздумал вздыхать обо всем, что у меня делается, я весь превратился бы в один вздох.

Идеал мы никогда не должны выпускать из мысли и из сердца; он должен быть нам постоянным путеводителем; но требовать, чтобы он исполнялся по мере наших горячих желаний, а если не исполняется, то сетовать и грустить - недостойно такого характера, как ваш.

Мы света не переменим, а потому должны его брать как он есть, только не поддаваться ему и ясно видеть, что в нем наше, что чужое. Ясно же видеть можно только тогда, когда сохраним все присутствие духа, не омраченного скорбью и сетованием о несовершенствах света. Вы сами пишете, что у вас есть несколько хороших сестер,- ну и слава богу! Будьте пока довольны и этим, и того уже довольно. Хорошее с трудом рождается на свет. Будь это хорошее хоть с соломинку величиной,- раздосадовавши на худое, не упустите и эту соломинку из рук. Посмотрите вокруг себя - ведь новое потоком льется к нашему старому.

Старые мехи должны лопнуть наконец от нового вина. Другое дело,- если вы убедитесь

совершенно, что вас хотят заставить действовать по началам, диаметрально противоположным с вашими. Тогда и я вас не буду удерживать; бросьте все и сохраните душу! Но куда это еще не решено, подождите и убедитесь хладнокровно, не возмущаясь. Нет сомнения, что при известных условиях вы, с вашими твердыми убеждениями и с вашим искренним желанием делать добро, можете и должны быть полезны на том месте, которое занимаете.

Это я знаю, как дважды два - четыре. Главное дело состоит в том, узнать соблюдены ли и существуют ли эти условия; если их вовсе уже нет, если вы убедились единожды и убедились совершенно хладнокровно в невозможности их осуществления, тогда не оставайтесь ни на минуту, но - только тогда.

Могли ли вы в самом деле думать, что в общине будет хорошо, когда ее основания еще очевидно так шатко поставлены; поколение, которое перед вами, не годится никуда; оно и в подметки не годится быть настоящим сестрам. Это ясно и не могло быть иначе. Думайте только о будущем и старайтесь во что бы то ни стало приобрести эти условия, хоть с боя - для лучшего будущего. Не приобретете этих условий - уходите, ваша роль тогда кончена, и провидению не угодно было предоставить вам жить в будущем.

Подождите, что скажет великая княгиня [Елена Павловна]. Ее фонд (Основа, сущность.) содержит в себе много превосходного; она принадлежит не к дюжинным личностям, и если что можно сделать хорошего, то именно через нее. Все зависит теперь от того, как бы из нее извлечь это хорошее. Действуйте осторожнее, не для себя, а для будущего всего дела, следствия которого неисчислимы.

Скажите Василью Ивановичу [Тарасову], чтобы он мне писал и меня не забывал; я всегда с большим удовольствием читаю его письма и всегда, всегда помню его; всегда буду знать и уважать как благородного и честного человека. Прочтите ему и мое письмо. Спешу послать на почту. В другое время напишу вам и больше.

Вас искренно уважающий Пирогов.

№ 7.

(Письмо № 7-в "В. Е." (№ 6).

Киев, 1 сентября 1859 г.

Я очень благодарен жене, что она написала Вам, почтеннейшая Екатерина Михайловна, вместо меня, пользуясь моим отсутствием.

В письме ее, Вы, верно, это и сами заметили, много чувства, а следовательно и правды, хотя бы и нелогической, но это все равно, лишь бы правда. Я с моей стороны прибавлю к ее посланию немножко и логики. Надобно брать вещи, как они есть, это - первое, что, впрочем, нисколько не противоречит и необходимости всякого мыслящего и чувствующего человека - иметь свои идеалы или брать во внимание и идеальную сторону дела.

Главное,- не пересолить. Я понимаю очень хорошо, как Вы теперь смотрите на нашу общину, побывав в Берлине и в Париже [...] для усовершенствования нашей общины, не выписывать же нам католицизм, протестантизм и пиэтизм из-за границы

(От своего пребывания за рубежом и осмотра тамошних учреждений женской помощи в госпиталях Бакунина вовсе не была в восторге, как можно было бы заключить из первого впечатления от цитируемой фразы. "Это не те сестры, о которых мы мечтали, о сестрах-утешительницах больных, ходатайницах за них, сестрах, вносящих в чужие госпитали горячие чувства любви и участия, правду и добросовестность. Для этого высокого занятия не сформируешь сестер чисткой полов и замков... Они очень холодно относятся к больным... [Их общины] произведение рассудка и желания жить по-христиански с кой-какими удобствами. Крестовоздвиженская община - произведение патриотического чувства, стремящегося участвовать в общем деле, испытывающего сильное сочувствие к стольким страданиям и готовность разделить общую опасность и труды" ("В. Е.", № 6).

Из этого отрывка и всего рассказа видно, что в письме, вызвавшем комментируемый документ, Б. отзывалась положительно только об устройстве помещений зарубежных общин. Сравнивая нравственную сторону учреждений зарубежных и русских, Б. подчеркивала

преимущество отечественной общины. Точно так же П. в своих писаниях хвалил, главным образом, внешнюю сторону положения зарубежной высшей школы и ее представителей.

Великого хирурга и патриота возмущало преследование русской науки со стороны реакционного царского правительства. Но с точки зрения идейной, нравственной П. всегда говорил о превосходстве отечественной науки сравнительно с зарубежной (см. его рассказ о состоянии науки за рубежом в 30-40-х гг. XIX в.). Из приведенных в наст. издании высказываний П. о русских сестрах видно, как высоко он ставил русскую медицинскую сестру сравнительно с зарубежными в нравственном и во всех других отношениях.).

Будем, по крайней мере, довольны тем, что тогда как католицизм есть уже дело поконченное, и кроме того, что он произвел уже, ничего подобного более на свет не произведет,- наше православие еще содержит в себе начало незаконченное и способное к развитию. Будем утешать себя этой мыслью, она пригодится не для нас, но, может быть, для наших внуков. Не все же жить в настоящем, надо уметь жить и в будущем; а без этого умения - беда; не имея его, да имея слишком живое чувство, можно попасть бог знает куда. Не теряйте терпения,- одна попытка не удалась, попробуйте на другой манер, но за сделанное однажды держитесь крепко обеими руками, не упускайте его из отчаяния, что нейдет так, как бы хотелось.

Мысль учреждения общины в критическое время, ее действия - это все факты "Errungenschaft", по-русски - достигнутого, как выражался король прусский, когда ему было жутко; это все-таки прогресс; оставить все это, бросить, кинуть - значило бы сделать шаг назад.

А Вы, как истая русская прогрессистка, какую я Вас привык всегда видеть, не должны об этом я думать. И, я Вас уверяю, если Вы покинете общину, то будете сами потом грустить и упрекать себя. Великая княгиня не потеряла участия к общине, это доказывает и ваше путешествие, и приобретенный дом. Зачем же натягивать тетиву слишком туго?

Мужайся, стой и дай ответ! Казенщину трудно вытащить из сердца и головы русского человека; она проникла и в сердце женщины со времен Петра, а с ними и в Крестовоздвиженскую общину. Как же быть; не Вы одни с этим добром возитесь; с ним и церковь божия не скоро сладит. Прощайте покуда, уже поздно, и я иду спать, а Вы бодрствуйте - за себя и за общину.

Ваш Пирогов.

(Другие письма П. к Бакуниной не приведены в ее воспоминаниях. Но вслед за этим письмом она сообщает о посещении великим хирургом общины: "13 декабря [1859 г.] был у нас Ник. Ив. Пирогов. Он быстро обегал весь дом. Накануне он был у великой княгини. Она ему говорила, что хочет устроить нечто религиозное. Он ей прямо сказал:

"Тогда Бакунина не может быть настоятельницей, да и все это кончится ипокритством - что всего хуже". Он оставался в Петербурге не долго. ("В. Е.", No 6).

П. был тогда в Петербурге на совещании попечителей учебных округов (как попечитель Киевского округа) для выработки правил о взаимоотношениях общей полиции и университетского начальства в вопросе о надзоре за студентами. Тогда же ему предлагали, через вел. кн. Елену Павловну, пост товарища министра просвещения. В связи с этим П. был приглашен к царю, которому он "лил чистую воду" по вопросу о студенческом движении, защищая студентов от других участников совещания, которые благодарили Александра II за то, что он объявил студентам выговор. Что касается поста товарища министра, то П. "решительно отказал" великой княгине в занятии его (письма к жене от 16 и 24 декабря 1859г.). См. письмо П. к Е. М. Бакуниной за 1881 г.).

ВОСПОМИНАНИЯ О КРЫМСКОЙ ВОЙНЕ

(Объединенные под наст. заглавием документы-выдержки из классических трудов П. об устройстве военно-медицинского дела, из писем его к друзьям; дополняют содержание "Севастопольских писем" по существу; имеют большое значение для истории периода, к которому относятся, для характеристики деятельности П. в Крыму. Расположены в хронологическом порядке.).

Не без чувства гордости вспоминаешь прожитое.
Мы, взаправду, имеем право гордиться, что стойко
выдержали Крымскую войну, - ее нельзя сравнивать
ни с какою другою.

Н. И. Пирогов (1865 г.)

II. ИЗ "НАЧАЛ... ВОЕННО-ПОЛЕВОЙ ХИРУРГИИ"

(Предлагаемые воспоминания П. о Крымской войне печатаются по тексту "Начал" т. I. Весь текст - вступительная глава к "Началам",- знаменитому классическому труду П., имеющему огромное значение для истории развития военной медицины и во многом сохраняющему до наших дней значение руководства к действию для работников медицинской службы в обстановке войны.

Главный хирург Советской Армии во время Великой Отечественной войны, организатор военно-медицинского дела, академик Н. Н. Бурденко писал во время войны 1941-1945 гг. о трудах П.: "Эти книги ярки и интересны и в настоящее время! Они, действительно, являются ценным вкладом в мировую сокровищницу медицинских трудов и вместе с тем гордостью нашей общественности. Сейчас, когда наша медицинская общественность, выполняя свой долг перед Родиной, прониклась необходимостью повышать обороноспособность страны, эти работы Пирогова приобретают особое значение... Классические труды Пирогова до сих пор привлекают внимание современных военно-полевых хирургов своим богатством идей, светлыми мыслями, точными описаниями болезненных форм и исключительным организационным опытом").

В 1864 году я издал в Германии "Начала общей военной хирургии" на немецком языке. Моя книга нашла себе читателей. В 1865 году я решился издать "Начала военно-полевой общей хирургии" и для русских врачей. Это не есть перевод с немецкого. (П. писал это вступление за рубежом, в разных городах, где он проживал в качестве руководителя молодых русских ученых, готовившихся к занятию кафедр в отечественных университетах. История создания "Начал" в виде литературного произведения изложена автором в письмах к министру просвещения А. В. Головнину, найденных мною в архиве министерства. Приведу их здесь в соответственных извлечениях:

"Лейпцигский книгопродавец Ламиль, приезжая сюда, предложил мне написать курс военной хирургии и испрашивал позволения у меня напечатать ее на свой счет. Сначала я было не решался. Но, попробовав однажды, так втянулся в работу, что уже большую половину книги написал и хочу ее кончить [...]. Трактата общей хирургии до сих пор еще нет и на немецком языке. Между тем я полагаю, что для военных врачей именно Общая хирургия, примененная к военно-полевой практике, дело очень нужное.- Если бы у нас, в России, разделяли мое мнение, то я готов бы был дать ее перевести под моим руководством, разумеется, в том случае, когда бы были желающие ее издать на свой счет, как это делает Ламиль" (10 января 1864 г.)

"Я занимаюсь теперь прилежно составлением моей хирургической работы и надеюсь ее через месяц или недель через 6 непременно окончить, если не помешают непредвиденные обстоятельства" (29 февраля 1864 г.).

Сообщая министру о ходе занятий русских профессорских кандидатов, П. писал: "Занятия мои почти в течение целых 8 месяцев состояли преимущественно в составлении моей военной хирургии. Хотя этот труд и не может быть отнесен к исполнению моих прямых обязанностей, но я считал окончание его нравственною особенностью в отношении той науки, которой я занимался с успехом более 35 лет моей жизни" (11 декабря 1864 г.).

С моей стороны было бы непрослительно предлагать соотечественникам перевод, сделанный мною, и моей же книги. Напротив "Grundzuge der allgemeinen Kriegschirurgie" есть перевод с русского. Материалы и все данные были составлены по-русски. И материал, и данные для обеих книг остались, разумеется, те же. И по-немецки, и по-русски я сообщаю моим читателям результаты того, что видел во время моей кавказской экспедиции в 1847, в Крымскую войну в 1854 и 1855 годах и в госпитальной практике, продолжавшейся слишком

25 лет.

Но для русских врачей я счел необходимым дать моей книге вид руководства и для этого изложил гораздо подробнее результаты, добытые современною хирургиею других стран в последние три войны. (О русском издании "Начал" П. сообщал А. В. Головнину: "Печатание моей военной хирургии окончится в течение двух недель" (19 марта 1866 г.).

К сожалению, я не мог подтвердить результаты моих собственных наблюдений так, как бы я желал это сделать,- непреложными статистическими данными.

(Высказывания П. о статистике-в письме к Зейдлицу. Здесь приведу небольшой отрывок на ту же тему из Отчета П. о путешествии на Кавказ в 1847 г. Сообщив цифровые данные об исходе совершенных им тогда операций, П. пишет: "Если мы возьмем в соображение все исчисленные нами неблагоприятные обстоятельства, затруднявшие ход лечения повреждений, то этот итог покажется не только весьма благоприятным, но даже почти несбыточным. Что бы ни утверждали составляющие отчеты более из суетности и тщеславия прослыть искусными и счастливыми операторами, [нежели] из любви к чистой истине, нужно сознаться, что если в большой госпитальной практике взять целую массу значительных операций, произведенных хирургом, не гоняющимся за титулом счастливого, то нужно действительно почитать себя счастливым, когда умирает одна только четверть оперированных больных; потому должно казаться несбыточным, что из операций, произведенных нами, при менее благоприятных обстоятельствах на поле сражения, умерло менее нежели четверть этих больных. Я скажу более: нам не трудно было бы сделать итог смертности еще благоприятнее, прибавив слишком 10 случаев, пропущенных нами в наших заметках по недостатку времени. Но цель нашего отчета показать истину, даже если бы она и противоречила нашим приятнейшим убеждениям; а потому пусть вникнут преимущественно в то, какие операции были нами произведены с помощью эфирных паров, и после каких именно итог смертности был менее благоприятен...

И самая статистика, одно из надежнейших средств, определяющих достоинство операции, только тогда сообщает нам верные результаты, когда она будет основана на многочисленных, строго анализированных и с точностью группированных фактах. Поэтому-то собранные мною статистические таблицы операций я рассматриваю только как одно начало; продолженное в этом же самом смысле при содействии хирургов всех стран, оно, без сомнения, покажет нам истинное достоинство анестезирования..." ("Отчет... по Кавказу").

Но это не моя вина. Из моей госпитальной практики у меня набралось бы довольно цифр и чисел, только они далеко не соответствуют тому, чего я требую от рациональной статистики. И в Крымскую войну я пытался собирать статистические данные; но тут представились такие препятствия в ведении верных списков, что я не в силах был продолжать.

Беспреданный прилив и отлив раненых, частая перемена врачей, транспорты в отдаленные местности, недостаток времени - все это делало невозможным следить за ходом ран и за исходом операций. Чтобы навести точные справки, нужно было бы хотя раз в течение месяца или двух объехать все лазареты в районе, достигшем к концу войны до 700 и более верст.

Еще хорошо, что в конце 1855 года я имел возможность осмотреть почти все постоянные и временные госпитали в Николаеве, Херсоне, Екатеринославе, Харькове и др., в которых я нашел много мне знакомых раненых и оперированных и мог многое узнать об окончательных результатах.

Я принадлежу к ревностным сторонникам рациональной статистики и верю, что приложение ее к военной хирургии есть несомненный прогресс. Я убежден, что цифра смертности всех травматических повреждений, операций и патологических процессов, несмотря на различные условия, в общей сложности должна быть постоянною и определенной. Я даже убежден и в том что наши врачебные средства и пособия едва колеблют общую цифру смертности. Каждое из наших средств,будет ли оно сильно- или

слабодействующее, -заключает в себе и известный процент вреда (активного или пассивного).

Польза их очевидна только при наблюдении известного числа случаев. Если мы, например, возьмем результаты какой-нибудь большой операции в огромной массе случаев, то увидим, что индивидуальность каждого случая и множество непредвиденных и неизвестных обстоятельств до чрезвычайности колеблют шанс пользы, который мы вправе ожидать от такого энергического и рационального пособия.

Напротив, индивидуальность же и стечение обстоятельств в меньшем числе случаев могут, по-видимому, поколебать цифру смертности, значительно уменьшив ее. Словом, я уверен, что без учения об индивидуальности (еще вовсе не существующего) невозможен и истинный прогресс врачебной статистики, хотя к ней и обратились именно для того, чтобы избежать трудностей индивидуализирования при постели больного.

По моим понятиям, эта наука делается тогда только рациональною и приложимою, когда разъяснится, какую роль играет личность больного в каждом данном случае. Если из сказанного читатель и может меня заподозрить в фатализме, то, с другой стороны, он из моей книги не может не убедиться, что я верю в гигиену.

(Проф. Н. А. Семашко писал об этом в связи с одной из пироговских годовщин, когда он руководил советским здравоохранением: "Николай Иванович Пирогов исповедывал те социально-гигиенические идеи, которые теперь в значительной части проведены в жизнь. Пирогов доказывал, что "будущее принадлежит предупредительной медицине". Эти справедливые слова его теперь проводятся в жизнь. Они могут быть вполне проведены потому, что только власть трудящихся может осуществить полную защиту трудящихся. Только власть советов не знает социальных препятствий на пути оздоровления населения. Пирогов всегда ратовал за врача-общественника, а настоящая, не ущемленная общественность может быть лишь при власти трудящихся. Наконец, Пирогов был глубоким поборником науки, которая должна указать пути к оздоровлению населения. Именно так ставится сейчас научная работа, именно в этих целях наша страна покрылась густой сетью научно-медицинских учреждений. В этом смысле Пирогов был провозвестником идей советской медицины".).

Вот, где заключается истинный прогресс нашей науки.

Будущее принадлежит медицине предохранительной. Эта наука, идя рука об руку с государственной, принесет несомненную пользу человечеству.

Но как бы ни были приняты мои взгляды, в двух вещах верно согласятся многие со мною. Во-первых, что мы еще далеко не отучились отвлекать болезни от больных и операции от оперированных. Статистика же поддерживает в нас эту иллюзию. Во-вторых, что с приложением статистических выводов к практике случается то же, что и с приложением истории к жизни народов. Если бы мы, полагаясь на кажущуюся точность цифры, вздумали из нее делать постоянное применение, то, правда, мы стали бы гораздо самонадеяннее, но не основательнее.

Статистические данные в медицине можно сравнить с кушаньями из языков, которыми угощал Эзоп философа Ксанфа. Они говорят и хорошее, и худое, смотря по тому, как и что заставляют их говорить.

(Греческий философ Ксанф (V ст. до н. э.) говорил, что люди, неспособные мыслить самостоятельно, воспринимают истину только тогда, когда она преподносится в форме сверхъестественного, мифического. Поэтому баснописец Эзоп угощал его языками, которые можно заставить говорить то, что угодно в каждом данном случае.).

При малейшем недосмотре, неточности и произволе на эти цифры можно гораздо менее положиться, чем на те данные, которые основаны на одном общем впечатлении, остающемся в нас после простого, но трезвого наблюдения случаев. Вот это-то впечатление я и передаю в моей книге за неимением неоспоримо рациональных статистических данных. Я ему верю более, чем той статистике, которую я пробовал несколько раз вести, но бросал, боясь заблудиться и других ввести в заблуждение.

Во время моей кавказской экспедиции я наблюдал статистически и, сколько можно, точно; я сообщил результаты этих наблюдений в моем *Rapport d'un voyage medical au Caucase, 1849* (Классическое произведение П. напечатано по-русски: "Отчет... по Кавказу". На французском языке издано также в СПб.

Вводная глава этого сочинения-"Очерк путешествия" - представляет собою художественное описание Кавказа, перепечатанное в тогдашних периодических изданиях. Один из самых распространенных журналов перепечатал "Очерк путешествия" почти полностью с таким заявлением: "В русской литературе, богатой прекрасными поэтическими произведениями, вдохновленными кавказской природой, немного ученых книг о Кавказе, которые по обилию фактов, разнообразию сведений, общедоступности изложения могли бы сравниться с этим важным, вполне замечательным трудом нашего известного хирурга.

Сочинение г. Пирогова, при всей своей специальности, отличается таким разнообразием содержания, что его смело можно рекомендовать всякому образованному читателю, который требует от книги не одного удовольствия, но и положительной пользы. В нем столько разнородных фактов, взглядов, наблюдений и картин, представленных в высшей степени просто, что, по прочтении книги, вам кажется, будто вы познакомились с несколькими отдельными сочинениями, в которых и ученый врач найдет важные сведения по разным отраслям медицины, и человек военный встретит меткие замечания об особенностях азиатской войны и светский читатель полюбуется верными, живописными очерками кавказской природы и нравов...

Все это очень разнообразно и одинаково любопытно. Читая автора, вы невольно переноситесь на Кавказ, без утомления слушаете рассказы о сражениях и с участием посещаете госпитали и больницы. Тайна этого - в умении г. Пирогова выбирать крупные, характеристические черты, а самые мелочные подробности рисовать живыми, яркими красками. Г. Пирогов... умеет привлечь вас, представляя везде воображению не туманные очерки, а живописные ландшафты. Читая описание его поездки, вы ни на одну минуту не забываете, что путешествуете с ученым врачом; но в то же время на всяком шагу видите, что этот врач не сухой, скучный специалист, способный развезжать только на коньке своей любимой науки, а светский, образованный путешественник, которому доступно все, что только может обратить внимание просвещенного туриста в таком любопытном и поэтическом крае, как наш Кавказ.

Показывая читателям свои многочисленные подвиги по части разнообразных операций, ученый автор очень часто оставляет свои хирургические инструменты для того, чтоб приняться за перо беллетриста... Это описания местностей, нравов и обычаев Кавказского и Закавказского края, где автор живо характеризует природу и жителей. В этом отделе вы находите страницы, которые лучше многих книг знакомят вас с Кавказом. Автор описывает природу живо и увлекательно; местности и виды являются у него в картинах ярких, иногда даже поэтических, которые нередко заставляют забывать, что перед вами медицинская книга, посвященная специальному отчету об эфирвании и ампутациях.

И немногие из ученых владеют искусством выражаться так, чтоб сочинения их, при специальности содержания, были доступны всем образованным читателям, увлекали ум и заставляли любить науку. Излагать ученые истины легко и занимательно, поражать невольно читателя рельефностью образов, красотой рассказа, живостью языка и таким образом приучать читать самые серьезные ученые трактаты - задача важная... Новая книга г. Пирогова, написанная с уважением и любовью к науке, нисколько не похожа ни на мертвые произведения сухого специализма, от которых веет холодом педантической исключительности, ни на пустые, трескучие изделия подслащенной учености, которые в состоянии только забавлять, как блестящий фейерверк. Это сочинение, вполне ученое по своему содержанию и в то же время отличающееся благородством тона, живостью рассказа и ясностью языка. Труды г. Пирогова пользуются европейской известностью" ("Отч. зап.", 1850, No 10). Такие же отзывы в "Журнале м-ва просв.", "Современнике", "Финском вестнике" и др. изданиях. Далее приведены извлечения из "Очерка путешествия по

Кавказу").

Но я тогда не знал еще всех ложных путей, на которые иногда ведет цифра, и основывался на ней слишком много.

В Крымскую войну я узнал их поближе. Там не до верных статистических выводов о цифре смертности каждого повреждения или каждой операции, где раненый и больной подвергается лишениям, невыносимым и для здорового. Тут цифра не то будет выражать, что мы ищем. Она определит степень опасности не ран и операций, а лишений всякого рода. В Крымскую войну было именно так. Мы не были к ней готовы,- это теперь уже не государственная тайна. Вначале мы получали все необходимое из местностей, самых ближайших к театру войны; но когда тут все припасы были истощены, когда все ближайшие лазареты, присутственные места, дома дворянских собраний, училища и даже частные дома переполнились ранеными и больными, то сделалось необходимым распространять круг действий все далее и далее от полуострова.

В декабре 1855 дошло до того, что наших раненых и больных (число которых сильно увеличилось от эпидемий) нужно было отправлять при 20° Р за 400, 500 и даже 700 верст. Я нашел многих из них, при моем осмотре военных лазаретов этой зимой, с отмороженными в транспорте ногами. Еще труднее была доставка фуража, провианта и перевязочных средств. Нужно вспомнить, что Крымский полуостров не мог бы и в мирное время прокормить такого числа войск, которое собрано было в нем для защиты Севастополя; во время же войны существование их зависело уже совершенно от отдаленных провинций и, следовательно, от путей сообщения. А каковы были тогда дороги, можно заключить из того, что я, проезжая в ноябре 1854 из Симферополя в Севастополь на курьерских, должен был употребить более полутора дней. Итак, не мудрено, что при таких путях сообщения сено, например, съедалось волами по дороге, прежде чем оно могло быть доставлено армии, тяжести оставались в топкой новороссийской грязи вместе с фурами, скот падал, цены за доставку были невероятные. Я помню, что в декабре 1854 платили в Севастополе за пуд сена 4 рубля серебром, а за доставку одного пуда тяжести от Симферополя до Севастополя (60 верст) 2 1/2 рубля серебром.

Я никогда не забуду моего первого въезда в Севастополь. Это было в позднюю осень в ноябре 1854 года. Вся дорога от Бахчисарая на протяжении 30 верст была загромождена транспортом раненых, орудий и фуража. Дождь лил, как из ведра, больные, и между ними ампутированные, лежали подвое и по трое на подводе, стонали и дрожали от сырости; и люди и животные едва двигались в грязи по колени; падала валялась на каждом шагу; из глубоких луж торчали раздувшиеся животы падших волов и лопались с треском; слышались в то же время и вопли раненых, и карканье хищных птиц, целыми стаями слетевшихся на добычу, и крики измученных погонщиков, и отдаленный гул севастопольских пушек. Поневоле приходилось задуматься о предстоящей судьбе наших больных; предчувствие было неутешительно. Оно и сбылось.

Хорошо, что прошлое зарывается. Теперь не без чувства гордости вспоминаешь прожитое. Мы, вправду, имеем право гордиться, что стойко выдержали Крымскую войну,- ее нельзя сравнивать ни с какою другою. Не говоря о том, что она для нас, давно уже отвыкших от оборонительных войн, была чем-то неожиданным, ее и администрация, и медицина представляли много особенностей. Это заставляло меня отчасти и молчать о результатах моей врачебной деятельности. Можно ли, думал я, сделать из них какое-нибудь приложение в будущем? Могут ли они быть полезны и другим собратам по науке, когда условия, при которых мы действовали, были совершенно другие и едва ли в другой раз возможные.

В Голштинии, в Италии велись последние войны уже при всех современных пособиях европейской цивилизации, при железных дорогах, в населенных местах. Чему же могли бы научиться европейские врачи из испытанных нами бед и неудач? Ведь такая продолжительная и с такими лишениями соединенная осада вряд ли мыслима в наше время в Западной Европе? Так я полагал.

Но справившись на месте, узнав кой что из разговоров с очевидцами, прочитав отчеты, я убедился, что и наши неприятели в Крымской кампании, и врачи австрийские, итальянские, французские, действовавшие в последнюю войну в Ломбардии, несмотря на все пособия цивилизации, также не пришли ни к блестящим, ни к более надежным результатам; непреложных или, по крайней мере, более рациональных статистических выводов также никаких еще ими не сделано. Итак, я решился возобновить в памяти прошлые впечатления, разобрать скопленный и уже было заброшенный материал, напомнить и Европе, и русским врачам, что мы в Крымскую войну не были так отставшими по науке, как это можно было бы заключить из нашего молчания,

Я назвал мою книгу военно-полевой хирургией, потому что в ней говорится только о предметах, занимающих военного врача в военное время. Сверх того, я назвал ее еще и общею хирургией; это требует более подробного объяснения. Все знают, какой бывает недостаток врачей во время войны; иногда и неокончившие курсы делаются хирургами и при известных условиях приносят существенную пользу. Условия эти и для кончивших, и для неокончивших курс новичков одни и те же. Можно еще быть полезным и в военно-полевом лазарете, и на перевязочном пункте, не зная, в частности, ни свойств, ни природы каждого повреждения; но скорее повредишь, чем поможешь, если не будешь иметь ясного понятия о натуре тех знаменательных явлений, которые общи всем травматическим повреждениям, будут ли они случайные или искусственные, нанесенные действием оружия или хирургическим ножом.

Предметом общей хирургии и должно быть изучение сущности и явлений процессов, свойственных всем этим повреждениям. Так, начинающий может еще лечить раненых, не зная хорошо ни головных, ни грудных, ни брюшных ран; но практическая его деятельность будет более чем ненадежна, если он себе не осмыслил значения травматических сотрясений, напряжения, давления, общей окоченелости, местной асфиксии и нарушения органической целостности. На эти-то органофизические процессы я и обращаю внимание читателей моей военно-полевой общей хирургии, и я уверен, что, изучив их хорошенько, они найдутся помочь больному в случае нужды и не зная из опыта всех повреждений, в частности.

С той же, более общей точки зрения, я рассматриваю и раны различных тканей, органов и полостей тела. Я заметил, что не одни наши, но я чужестранные врачи, поступавшие к нам на службу в Крымскую войну (немцы и американцы), также не твердо знали эту азбуку хирургии; поэтому я и на немецком языке написал мою книгу в том же духе и - надеюсь - не без пользы. Не желая взять на себя ответственность за точность собственных статистических данных, как я уже сказал, меня вовсе не удовлетворивших, я привел для полноты при каждом роде повреждений и ран цифры, полученные другими наблюдателями в голштинскую, восточную и итальянскую войны. Пусть каждый из них отвечает за себя; а я в одной главе изложу только мои требования от хирургической статистики; прочитав ее, каждый может судить, в какой мере я прав, считая современную статистику далеко еще не рациональной и не научной.

Наконец, по чувству весьма натурального самолюбия я напомним моим читателям, что я первый испытал анестезирование на поле сражения при осаде Салтов на Кавказе, куда я был послан по высочайшему повелению в 1847 году; я первый также приспособил мою гипсовую повязку к перевязке раненых на перевязочных пунктах и к дальним транспортам и первый доказал, что моя остеопластическая операция над стопой ноги может быть включена и в число полевых хирургических операций; (О своей работе при осаде аула Салты, вообще о применении эфира для обезболивания при операциях П. рассказал в статьях, напечатанных в разных изданиях, и отд. очерк. В "Отчете... при Салтах" П., между прочим, писал: "Россия, опередив Европу... показывает всему просвещенному миру не только возможность в приложении, но неоспоримо благотворное действие эфирования над ранеными на поле самой битвы. Мы надеемся, что отныне эфирный прибор будет составлять, точно так же как хирургической нож, необходимую принадлежность каждого врача во время его действия на бранном поле" (см. в "Литерат. справках" - "Эфир").

(О гипсовой повязке - в работе П. "Налепная... повязка". См. ниже рассказ П. о том, как "он пришел к мысли о применении гипса при лечении раненых.

Остеопластическая операция П. применяется во всем мире. Открытие ее явилось великим вкладом в науку ("Костно-пластическое..."). В "Началах" П. писал об этом: "Моей операции нечего бояться соперничества. Ее достоинство не в способе ампутации, а в остеопластике. Важен принцип, доказанный ею несомненно, что кусок одной кости, находясь в соединении с мягкими частями, прирастает к другой и служит к удлинению и к отправлению члена... Моя остеопластика ноги... заняла почетное место в хирургии. Не говоря уже об успешных ее исходах, которые я сам наблюдал, она дала отличные результаты Хелиусу (в Гейдельберге), Лингарту (в Вюрцбурге), Бушу (в Бонне), Бильроту (в Цюрихе), Нейдерферу (в итальянскую войну) и Дземешкевичу (моему ученику, в Крымскую войну)... Гьюсон в Филадельфии описал еще недавно 5 новых счастливых случаев. Ему удалось достигнуть сращения пяточной кости с большеберцовой в 28 дней. У одного солдата он сделал мою операцию через 4 недели после повреждения, при начавшемся уже омертвлении раны, и все-таки с успехом".

Об этой операции П. проф. В. И. Разумовский писал в 1910 г.:

"С какой осторожностью взвешивает он все "за и против" прежде, чем применить свою операцию на живом!.. Гениальная мысль, строго научно обставленная, дала блестящие практические результаты: вместо тяжелого увечья, больной с пироговской культей, благодаря остеопластическому удлинению, благодаря хорошей точке опоры, получает возможность ходить на собственной ноге, без палки, "не шатаясь и не хромя", как говорил Пирогов. Вместо калеки - трудоспособный человек... Операция признана всем образованным медицинским миром; она вошла во все руководства и курсы во всех странах... Операция Пирогова бессмертна; она будет существовать и не заменится ничем, пока будет существовать человеческий род и хирургическое искусство... Великая идея, воспринятая ученым хирургическим миром, дала толчок к дальнейшему развитию остеопластики как на стопе, так и в других местах человеческого организма..." ("Р. вр.", No 19). См. еще у П. А. Белогорского, у Г. Рихтера, у В. П. Вознесенского, у И. О. Фрумина, у С. И. Спасокукоцкого-в его докторской диссертации.)

замечу еще, что резекции суставов хотя и введены в военно-полевую практику за 5-6 лет до осады Севастополя (в первую голштинскую кампанию), но только при этой осаде в первый раз испытаны были мною в огромном размере. Итак, надеюсь, что и об этих предметах, еще полных современного интереса, в моей книге найдется немало практических замечаний и указаний.

Развиваются (Из гл. 1-й-о временных госпиталях, помещенных в тесных помещениях, о перевязочных пунктах и т. п.) госпитальные рожи, гнойные затеки, пиэмии, госпитальная нечистота и омертвление ран. Доказательством этому могут служить: севастопольское Дворянское собрание, дома дворянских собраний в Симферополе, Екатеринославе, Бахчисарайский дворец и несколько двухэтажных домов также в Симферополе. Прекрасный по архитектуре и по местоположению (на берегу залива) севастопольский дом собрания, с просторными изящно отделанными танцзалом, буфетом и биллиардной комнатой, с начала осады до половины января 1855 давал отличные результаты, судя по числу выздоровевших после таких операций, как ампутация бедра, вылушение плеча и т. п. Но именно до января он был преимущественно перевязочным пунктом; только значительные оперативные случаи удерживались в нем, а большая часть раненых отсылалась на Северную сторону и в другие места. Когда же начали оперированных и тяжело раненых оставлять в нем и залы его понемногу переполнились больными, то сцена переменялась довольно скоро. Приняв его в мое ведение в январе, я нашел раны почти у всех больных (до 120) пораженными то острогнойным отеком, то рожею, то госпитальною нечистотою. Я принужден был совершенно опорожнить это великолепное здание и перевел больных отчасти в Николаевскую казематированную батарею, отчасти в частные дома

Я наблюдал (Из той же главы.) почти целый год за ходом ран в сырых и вообще

плохих бараках на Северной стороне Севастополя и в Симферополе (за городом); в них и заражение, и смертность были не меньше, чем в госпиталях. Правда, и в госпитальных палатках на Северной стороне Севастополя и в Симферополе не было многим лучше; но, во-первых, большая их часть (исключая новых, заготовленных морским ведомством) была слишком плоха и стара, а во-вторых, в них переводились обыкновенно больные не со свежими ранами, а залежавшиеся, из разных госпитальных отделений (из барачков, батарей и т. п.). Зато в палатках, расположенных на Бельбеке и других местах, куда свозились свежие раненые, шло как нельзя лучше. Если же бы было возможно в Севастополе в начале весны вывести всех раненых из батарей, барачков и домов в госпитальные палатки, если бы, другими словами, было довольно их наготовлено и новых, и удобных, то, верно, и результат был бы другой.

В Петербурге я всегда с нетерпением ожидал того дня, когда хирургические больные выносились из палат 2-го военно-сухопутного госпиталя в палатки, раскинутые в саду; едва проходило несколько недель, вид и ран, и больных видимо поправлялся.

Но несправедливо думать, что все равно - положить ли больных в госпитальные или простые солдатские палатки. Солдатская палатка хороша только для выздоравливающего и для раненого нетяжело. Вот что однажды случилось при перемещении наших раненых в солдатские палатки. В одну ночь в апреле 1855 я получил приказание из штаба перевести всех раненых и ампутированных после второй большой бомбардировки города из Николаевской батареи на Северную сторону. Меня уверили, что там все уже изготовлено для их принятия; я сам не имел времени отлучиться от перевязочного пункта, куда беспрестанно подносили свежих раненых. Целые два дня я занимался транспортировкой на пароходы. Вскоре после того как транспорт был кончен, полил сильный дождь, продолжавшийся целых 3 дня. Я нарочно в это ненастное время поехал на Северную сторону, чтобы осмотреть там моих ампутированных. Я их и нашел в солдатских палатках.

Можно себе представить, каково было с отрезанными ногами лежать на земле, по трое и по четверо вместе; матрацы почти плавали в грязи, все и под ними, и около них было насквозь промочено; оставалось сухим только то место, на котором они лежали, не трогаясь, но при малейшем движении им приходилось попадать в лужи. Больные дрожали, стуча зуб о зуб от холода и сотрясательных ознобов; у некоторых показались последовательные кровотечения из ран; врачи и сестры могли помогать не иначе, как стоя на коленях в грязи.

По 20 и более ампутированных умирало каждый день, а их было всех до 500, и немногие из них пережили две недели после этой катастрофы. Было сделано строгое исследование, больных положили на койки, положили и двойные матрацы, но прошедшего не воротить, и страшная смертность продолжалась еще недели две после.- Напротив того, когда после занятия Малахова Кургана почти всех ампутированных перевезли на Северную сторону в госпитальные палатки, да и самые операции были деланы в них же, несмотря на суровое и дождливое время (в сентябре 1855), результат был вообще довольно порядочный.

Для всякого хорошо устроенного госпиталя необходимо летнее помещение, будет ли оно состоять в бараках, отдельных домиках или палатках.

Мы в этом отношении опередили Западную Европу. Только теперь мы начинаем находить себе подражателей; в берлинском Charite (Больница в столице Пруссии, которая, по заявлению немцев, была якобы самым благоустроенным лечебным учреждением мира.) завели также летнее отделение; а до сих пор, в больших резиденциях только одни здоровые переселялись на лето за город, на вольный воздух; больных же оставляли в городе, полагая, что для них полезнее остаться у себя дома.

Когда я вступил главным врачом хирургического отделения во 2-й военно-сухопутный госпиталь в 1841 году, то я не нашел там особого отделения для нечистых и омертвелых ран и пиэрий. Меня уверяли, что для этого не предстояло никакой надобности; я поверил этому и, не успев еще осмотреть всех больных, сделал несколько больших операций, где они были безотлагательно нужны. К моему удивлению, все свежие раны приняли вскоре худой вид. Это заставило меня тотчас же осмотреть раны и всех других, и я нашел у многих

острогнойные отеки, скорбутное омертвление и глубокие инфильтраты. В сифилитическом отделении нашел я несколько молодых и крепких гвардейцев с огромными омертвелыми бубонами; у иных омертвление занимало почти всю переднюю стенку живота.

Я тогда же учредил особое отделение и взял один дом из отдельных деревянных флигелей (4-5 комнат), куда я поместил пиэмиков и зараженных. С тех пор в течение 15 лет оно никогда не закрывалось, так как главное здание 2-го сухопутного госпиталя по своему устройству не могло не снабжать это отделение больными, но зато в течение 15 лет я и не видал ни одного гангренозного бубона такого размера, как в 1841 году. Впоследствии я начал отделять больных с рожистым воспалением и, думаю, не без успеха.

20 лет спустя после этого я осматривал в Бахчисарае раненых после сражения при Альме и Инкермане. Молодой врач, который управлял лазаретом, уверял меня также, что он не видит надобности в особенном отделении; но не то оказалось при осмотре каждого раненого. Из 200 немногие были пощажены острогнойным отеком, рожею и омертвлением. К извинению могло, правда, служить, что они лежали в тесной, худой казарме, на нарах, в подряд один возле другого. Так, везде, где бы я только ни осматривал военно-полевые лазареты без особых отделений, я всегда был уверен, что найду хирургические палаты переполненными пиэмиками, и никогда не ошибался. Поэтому я всегда считал первую мою обязанностью советовать всем начинающим практикам, чтобы они непременно учреждали с самого начала отделения для зараженных госпитальными миазмами.

Война - это травматическая эпидемия.

(Эта фраза - знаменитое изречение Н. И. Пирогова, вошедшее в учебники хирургии всего мира.).

Как при больших эпидемиях всегда недостает врачей, так и во время больших войн всегда в них недостаток.

Врачебнополевая администрация. (Весь цитируемый абзац в оригинале подчеркнут.).
Перевязочные пункты. Транспорты. Я убежден из опыта, что к достижению благих результатов в военно-полевых госпиталях необходима не столько научная хирургия и врачебное искусство, сколько дельная и хорошо учрежденная администрация.

(В другой классической книге об устройстве медицинского дела в армии П. сжато и ярко сформулировал свое учение в 20 пунктах, объединенных названием "Основные начала моей полевой хирургии" (ВВД, т. II, стр. 1-6). Третий пункт гласит: "Не медицина, а администрация играет главную роль в деле помощи раненым и больным на театре войны". Это, по словам современных специалистов, является аксиомой, которая всегда должна быть в памяти военно-полевого врача. "Трудно переоценить значение этого утверждения для санитарного обеспечения современных войн",- пишет по этому поводу Е. И. Смирнов, подчеркивая вместе с тем, что "это положение Н. И. Пирогова совершенно не означает, что администратор может не быть врачом или быть врачом, но профаном в медицине. Нет, оно имеет в виду медицински грамотного врача-организатора" ("Вопросы организации...", стр. 26). Академик Н. Н. Бурденко также разъясняет, что эти слова Пирогова надо понять "не как отрицание медицинской работы, а как требование к администрации, чтобы были созданы условия для правильного использования врачебной работы в смысле сортировки... Пирогов не смотрел на военно-полевую хирургию, как на хирургию, которая может довольствоваться более примитивными приемами, чем хирургия клиническая. Наоборот, именно на войне требуется сугубо напряженная работа хирурга в смысле гибкости, импровизации, находчивости и изобретательности, чтобы... помощь была оказана наиболее эффективно и наиболее совершенно").

К чему служат все искусные операции, все способы лечения, если раненые и больные будут поставлены администрацией в такие условия, которые вредны и для здоровых? А это случается зачастую в военное время. От администрации, а не от медицины зависит и то, чтобы всем раненым без изъятия и как можно скорее была подана первая помощь, не терпящая отлагательства. И эта главная цель обыкновенно не достигается. Представьте себе тысячи раненых, которые по целым дням переносятся на перевязочные пункты в

сопровождении множества здоровых; бездельники и трусы под предлогом сострадания и братской любви всегда готовы на такую помощь, и как не помочь и не утешить раненого товарища!

И вот перевязочный пункт быстро переполняется сносимыми ранеными; весь пол, если этот пункт находится в закрытом пространстве (как, например, это было в Николаевских казармах и в Дворянском собрании в Севастополе), заваливается ими; их складывают с носилок как ни попало; скоро наполняется ими и вся округность, так что и доступ к перевязочному пункту делается труден; в толкотне и хаотическом беспорядке слышатся только вопли, стоны и последний хрип умирающих; а тут между ранеными блуждают из стороны в сторону здоровые товарищи, друзья и просто любопытные. Между тем стемнело; плачевная сцена осветилась факелами, фонарями и свечами, врачи и фельдшера перебегают от одного раненого к другому, не зная, кому прежде помочь; всякий с воплем и криком кличет к себе. Так бывало часто в Севастополе на перевязочных пунктах после ночных вылазок и различных бомбардировок.

Если врач в этих случаях не предположит себе главной целью прежде всего действовать административно, а потом уже лечебно, то он совсем растеряется, и ни голова его, ни руки не окажут помощи. Часто я видел, как врачи бросались помочь тем, которые более других вопили и кричали, видел, как они исследовали долее чем нужно больного, который их интересовал в научном отношении, видел также, как многие из них спешили делать операции, а между тем как они оперировали нескольких, все остальные оставались без помощи, и беспорядок увеличивался все более и более.

Вред от недостатка распорядительности на перевязочных пунктах очевиден: 1) Лечебная помощь разделена бывает неравномерно. Между тем как раненым, которые больше других воют, подается безотлагательная помощь; другие, не менее страдающие, но переносящие боль с терпением, остаются долго без всякого призрения.

2) Безнадежным раненым, которым гораздо нужнее духовная, чем лечебная помощь, расточаются нередко медицинские пособия без всякой для них пользы, отнимая у врачей время и силы, которые могли бы быть употреблены с большей пользой для других, еще подающих надежду к выздоровлению. 3) В беспорядке, тесноте и попытках нередко случаются значительные ошибки в диагнозе, а от этого многие операции делаются там, где они не нужны. 4) Врачи от беспорядков на перевязочных пунктах истощают уже в самом начале свои силы, так что им невозможно делается помочь последним раненым, а эти-то раненые, позже других принесенные с поля битвы, и нуждаются всех более в пособиях.

Без распорядительности и правильной администрации нет пользы и от большого числа врачей, а если их к тому еще мало, то большая часть раненых остается вовсе без помощи. Когда в Севастополе на перевязочном пункте я мог иметь до 20 врачей на 1000 раненых, то при введенном мною порядке я мог уже довольно хорошо распорядиться с помощью; а вначале, когда этот порядок не был введен, многие раненые оставались по целым суткам без пособия.

Прежде, когда врачи тотчас брались делать ампутации, вырезывать глубоко засевшие пули и осколки костей, большая часть раненых оставалась долго без всякого призрения, особливо, когда врачей было налицо менее 20 или когда ампутации делались менее искусными и каждая из них длилась не 15 минут, а вдвое больше. Случалось, что раненых свозили с перевязочных пунктов без перевязки и скучивали в госпиталях, батареях и казармах.

Так было, например, после ночного нападения французов на Селингинский редут в марте 1855 года; 2 дня спустя после этой атаки я получил на перевязочный пункт в Дворянском собрании до 300 тяжело раненых, и почти все были с осложненными переломами; 2 дня они лежали в другом госпитале и привезены были к нам почти без перевязок; на пулевые отверстия, правда, были наложены кое-как бинты, но они скорее вредили, чем помогали; раны оказались распухшими, а некоторые уже и омертвевшими. Это произошло от того, что врачи ближайшего к редуту лазарета, куда были свезены в первую же

ночь раненые, занялись прежде всего операциями, устали, проработав целую ночь и утро, а между тем раненых к ним продолжали подносить, и они, утомившись при делании операций, не могли остальных перевязать.

Другой раз при нападении французов на Камчатский редут было еще хуже: раненых переносили на Северную сторону в бараки и клали по недостатку места на берег на Южной стороне, где большая часть из них и провела целую ночь без пособия. Убедившись вскоре после моего прибытия в Севастополь, что простая распорядительность и порядок на перевязочном пункте гораздо важнее чисто врачебной деятельности, я сделал себе правилом: (Отсюда до конца фразы у автора все подчеркнуто.) не приступать к операциям тотчас при переноске раненых на эти пункты, не терять времени на продолжительные пособия, а главное - не допускать беспорядка в транспорте, не позволять толпиться здоровым, не допускать хаотического сгущивания раненых и заняться неотлагательно их сортировкой.

Я предложил всем врачам и фельдшерам, находившимся у меня на перевязочном пункте, с первого же появления транспортов начинать раскладывать раненых так, чтобы трудные и требующие безотлагательной помощи отделены были тотчас от легко и смертельно раненых. Первые клались в ряд на пол или на койки в главном отделении перевязочного пункта; это была большая танцевальная зала собрания; вторые (легко раненые) отсылались тотчас же с билетиками или номерами в ближайшую казарму или в их команды (когда они стояли в самом Севастополе); третьи, безнадежные, отсылались в особенные дома и поручались попечениям сестер милосердия, священников и фельдшеров. Здоровым товарищам раненых, навязавшимся в помощники при транспортировке, было строго запрещено приходить на перевязочный пункт и увеличивать собою тесноту.

Порядок через это был восстановлен; все врачи, сестры и фельдшера были одинаково заняты; каждый знал свое дело; все тяжело раненые получали первое и, главное, неоперативное пособие. Разбор и сортировка продолжались иногда с вечера, целую ночь, до самого утра, пока главные транспорты прекращались; врачи и помощники при этом не так уставали и выбивались из сил, как прежде, когда им приходилось делать операции в сумятице и беспорядке, господствовавших вокруг них; только немногие, самые нужнейшие операции, имевшие целью остановить кровотечение или уничтожить сильную боль, предпринимались тотчас, не дожидаясь окончания транспортов.

Тщательный и верный диагноз повреждения, требующий много времени" отлагался также до окончания транспорта; достаточно было легкое исследование раны пальцем или ненормальной подвижности кости руками; пули и осколки оставлялись покуда на месте, извлекались же тотчас только самые поверхностные или причинявшие нестерпимые страдания. От этого вообще грубых промахов в диагнозе было гораздо менее.

Вначале я еще слишком спешил с первичными операциями, веря в их жизненную необходимость и значительную выгоду; впоследствии я более и более разубеждался в этом и выжидал решительнее.

(Здесь изложен 4-й пункт сжатых "Основных начал". Но с этим пунктам, как писал руководитель военно-полевой медицины во время Великой Отечественной войны, "нельзя безоговорочно согласиться. Консервативное поведение хирурга и администратора по отношению к раненому в полевых санитарных учреждениях стоит в противоречии с современными достижениями хирургии. В настоящее время абсолютное большинство хирургов совершенно справедливо являются сторонниками первичной хирургической обработки огнестрельных ран как единственно надежного средства борьбы с инфекцией. Эта точка зрения научна и оправдана жизнью. Чем раньше после ранения осуществлено хирургическое вмешательство, тем лучше". Комментируя высказывания П. в защиту консервативного, выжидательного образа действий хирурга на войне, Е. И. Смирнов приводит из "Начал" след. заявление: "Чтобы решиться на деятельное и энергичное предохранение, не нужно ли быть сначала уверенным, что наше предохранительное средство само не вредно или, по крайней мере, менее вредно, чем болезнь. Этой-то именно уверенности у нас, к сожалению, нет".

"Н. И. Пирогов прав,- пишет по этому поводу Е. И. Смирнов,- тогда действительно не было уверенности в хорошем исходе хирургических вмешательств. Сейчас эта уверенность существует... Однако всегда нужно твердо помнить: объем хирургической работы в полевых и ближайших к фронту стационарных госпиталях зависит не столько от медицинских показаний, сколько от положения дел на фронте... В этом суть военно-полевой хирургии, этим она отличается от неотложной хирургии" ("Вопросы организации...", стр. 29).

В заключительных строках своего "Отчета путешествия по Кавказу" П. пишет: "Наконец, относительно вопроса о лечении огнестрельных ран, бывшего также предметом спора в Парижской медицинской академии, я после того, что я видел на Кавказе, не могу никак разделить мнение тех гг. членов академии, которые предпочитают выжидательный способ лечения разрезам и расширению входа и выхода пули. Как бы ни была привлекательна простота этого способа и как бы ни были очевидны его выгоды в чех случаях, когда он удавался, я видел столько раз его невыгоды и именно, при неудобных перевозках раненых и при недостатке тщательного присмотра за ними (обстоятельств неизбежных в военное время), что никогда не решусь его считать общим и заслуживающим полное преимущество".).

Введение описанного порядка на перевязочных пунктах в Севастополе было тем необходимее, что почти все наши пункты находились под выстрелами неприятельских орудий: неприятель не щадил притонов раненых. Из 5-6 главных перевязочных пунктов не оставалось, наконец, ни одного, который бы был вне выстрелов; на Южной стороне города остались только два (Павловская и Николаевская батареи); прочие (Морской госпиталь, Дворянское собрание и частные дома) были разрушены бомбами. При каждом из них находился и лазарет; бомбы, падая на улицы, ранили и убивали ходивших людей; к нам нередко приносили раненых осколками бомб женщин и детей.

Поэтому раненые (особливо во время бомбардировок) и во время перевозов, и в госпиталях подвергались опасности; при скучивании людей около перевязочных пунктов эта опасность еще более увеличивалась. Введением же порядка, которым уменьшалось скопление на улицах и около госпиталей, уменьшалась и опасность.

Я уже говорил, что в Севастополе было несколько главных перевязочных пунктов, в которых давалось раненым окончательное пособие. Из них два были на Южной стороне: в доме Дворянского собрания и в Павловской батарее, а прежде в морском госпитале, пока он не был под сильными выстрелами.

Впоследствии, когда дом Дворянского собрания был пробит бомбами, перевязочный пункт был перенесен в Николаевскую батарею, где и оставался до отступления наших войск на Северную сторону. На Северной находился сначала один перевязочный пункт (в бараках), а потом еще и в Михайловской казарме. Сверх этого, было еще несколько перевязочных станций, устроенных вблизи наших батарей; в эти станции заносились по дороге - впрочем, не всегда,- раненые; но пособия ограничивались тут только наложением поверхностных перевязок. При каждом главном пункте были и постоянные лазареты на 300-500 кроватей. Здесь оставались раненые иногда несколько недель и даже (в начале осады) до выздоровления.

Семь лет спустя, после моей кавказской экспедиции, при моем прибытии в Крым (1854), я нашел в Симферополе и в бараках на Северной стороне Севастополя несколько сотен раненых под Альмою и Инкерманом, с сложными переломами, оставшихся еще не оперированными. У всех раны сильно гноились, у многих они были поражены госпитальной нечистотой; больные лежали уже несколько недель скученными в госпиталях; был недостаток в перевязочных средствах, белье и лекарствах. Несмотря, однакоже, на это, результаты вторичных ампутаций и резекций, сделанных мною и моими помощниками, были скорее лучше, чем хуже, тех, которые я получил после первичных операций. В этом я убедился по спискам, которые я мог еще тогда вести аккуратно.

Оставаясь 7 месяцев при осаде, я пришел, наконец, к тому убеждению, что: 1) раненые немного выигрывают от нашей гоньбы за оперативными пособиями на перевязочных

пунктах;

2) правильная сортировка раненых и равномерное распределение врачебной деятельности на всех раненых на перевязочном пункте гораздо важнее, чем все впопыхах и в суматохе произведенные операции, от которых выигрывают только немногие;

3) главная деятельность врача на перевязочном пункте должна состоять не а предупредительных пособиях, к которым относится и большая часть первичных ампутаций, а в тех, которые имеют целью тотчас устранить уже существующую опасность для жизни.

Но в Крымскую войну поучительно было наблюдать, как и молодые врачи понемногу приходили к другим убеждениям. В начале войны в лазаретах, при перевязочных местах только и виделись, что ампутированные и резецированные; но впоследствии везде можно было найти и отделения для раненых со сложными переломами. Только в конце осады, когда число повреждений большими огнестрельными снарядами значительно увеличилось, опять вся деятельность врачей обратилась на ампутацию. То же было и с извлечением пуль. Прежде, увидев раненого с засеавшею в глубине пулею, врачи на перевязочном пункте спешили извлечь ее. Но я не раз настаивал, чтобы не слишком бросались на эти иногда мешкотные и хлопотливые операции, и думаю, что успел в этом убедить некоторых.

Как наши перевязочные пункты в Севастополе были соединены с лазаретами, и раненых не нужно было отправлять тотчас же в транспорты (в начале и в середине осады можно было их держать по целым неделям и даже месяцами), то наша деятельность тут состояла:

1) в производстве операций, имевших жизненное показание; сюда относились почти исключительно останавливание кровотечений и весьма немногие ампутации членов, пораженных мекитическим омертвением;

2) в операциях предупредительных; сюда принадлежали: ампутации после ран большими огнестрельными снарядами, извлечение пуль и резекции. Но самая большая часть этих операций производилась не тотчас после повреждений, а после сортировки раненых, в первые 24 - 48 часов.

Всякий раз по окончании транспорта случаи сомнительные подвергались новому исследованию, прежде чем решался вопрос об ампутации; 3) в производстве вторичных ампутаций и резекций; 4) в наложении гипсовых повязок, которые служили или как транспортное средство при перевозке раненых с сложными переломами, или же эти раненые после наложения повязки оставались для дальнейшего пользования в лазаретах [...].

Наши средства для дальних транспортов во время Крымской войны были далеки еще от всех этих европейских усовершенствований.

Дальним я называю всякий транспорт, в котором приходится раненым провести хотя одну ночь в дороге, на ночлегах. В нашем распоряжении тогда были: 1) известные всем врачам полковые, фургоны - тяжелые, но крепкие телеги, к которым для защиты от дождя и зноя приделываются верхи (кибитки); в них могут лежать не совсем спокойно по большей мере только двое тяжело раненых. 2) Крестьянские телеги, у которых также на случай устраивался верх из обручей и рогож или парусины. Они были, как всегда, разной величины и вмещали в себя, также с трудом, не более 2 тяжело раненых, но раненные в верхние конечности или в лицо садились по трое и по четыре в каждую телегу. Это были, большей частью, подводки из внутри России, производившие в Крым провиант, амуницию и пр. и возвращавшиеся назад.

Не всегда охотно брались подводчики за транспорт: кормы были дорогие, а им приходилось ждать по целым неделям, пока транспорт должен был состояться. Случалось также во время распутицы, что они бросали свои подводки в грязи, с измученными лошадьми, оставляли паспорта в руках офицеров и сами бежали. Впоследствии, кроме этих, более случайных подводчиков, циркулировало постоянно несколько подвод по подряду между Симферополем и Перекопом. Из Севастополя же до Симферополя (60 верст) раненые доставлялись обыкновенно на полковых фургонах.

3) Фуры немецких новороссийских колосистов. Они принадлежали к самым лучшим

экипажам. Это были длинные, прочные, крытые телеги, в которых умещалось по 8 и более человек. Особливое же преимущество их состояло в том, что больные могли в них лежать протянувшись, тогда как в наших крестьянских телегах им приходилось и лежать, и сидеть скорчась. В сухую погоду по степной гладкой дороге можно перевозить раненых в этих фургонах почти так же удобно, как и в прусских полевых омнибусах. Подложив соломенные матрацы под больных и устроив изголовье и упор для ног, можно сделать транспорт очень спокойным.

Сверх этого, и в Крыму (иногда-и то в начале войны), и на Кавказе употреблялись для транспортов и

4) татарские двухколесные скрипучие (на немазанных осях) арбы. В горах иногда нет другой возможности перевозить, как в этих допотопных экипажах [...].

Наконец, употреблялись в Севастополе и пароходы, но на самом ограниченном пространстве; перевозили на них раненых только через бухту, с Южной стороны на Северную. У неприятеля же были положены рельсы от Севастополя до Балаклавы и Камыша.

Самая худая сторона всех наших дальних транспортов - это ночлеги. Можно себе представить, в каком состоянии бывают раненые, когда им приходится запоздать (а это случалось нередко) по причине худых дорог. Телеги, по ступицу колес в грязи, тащутся усталыми лошадьми или волами ночью по степям. Ночлеги бывают в нежилых, холодных притонах. Проходят часы, пока снимут всех раненых, промерзших и промокших, с телег и разложат по местам; пройдет еще более времени, пока разведут огонь, согреют больных и сварят им ужин. Поутру, с рассветом, начинается опять вынос на телеги, который снова длится целые часы. Впоследствии между Симферополем и Перекопом были устроены особенные этапы, в которые уже заблаговременно давалось знать о транспорте и заготавливалось или, по крайней мере, должно было по инструкции все заготавливаться.

Неоцененную услугу в лазаретах, на перевязочных пунктах и в транспортах доставляли под Севастополем сестры Крестовоздвиженской общины, учрежденной ее императорским высочеством великою княгиней Еленой Павловною.

Нужно было удивляться, с каким самоотвержением слабые женщины ухаживали днем и ночью за ранеными. В позднюю осень, одетые в нагольные тулупы, в больших сапогах, по колению в топкой перекопской грязи следовали они за транспортами, ходя от одной телеги к другой и согревая иззябших вином; на ночлегах они поили их теплым чаем и кофеем, которыми снабжались всякий раз, пускаясь в транспорты.

Зимой, относительно, транспорты были сноснее для больных, когда они снабжались достаточно теплой одеждой и обувью. Смертность между транспортированными зимою была вообще незначительная; правда, в это время и не перевозились далеко тяжело раненые; правда также, что зимою случалось и отморожение ног, но нужно заметить, что в то время в Перекопе, откуда транспорты направлялись далее, господствовал тиф, причинявший и на месте омертвление нижних конечностей. Следя за нашими дальними транспортами, я пришел к убеждению, что у нас необходимо учредить в военное время врачебно-транспортную команду, состоящую из врачей, фельдшеров и сестер. Обязанности в транспортах имеют много особенностей, и не все врачи способны их исполнить.

Для этого требуется и специальная опытность, и самостоятельность в действиях. Если главные врачи назначают, - как это обыкновенно случалось в Крыму, - без разбора или по очереди каждого ординатора из госпиталя в транспорт, то являются два главных неудобства: 1) врач не знает больных, с которыми он идет в транспорт; он их мало узнает и во время транспорта, а между тем 2) отрывается от своих госпитальных пациентов и лишается возможности изучить хорошо конституцию госпиталя, в котором действует. Нередко во время транспортов случаются значительные перемены в состоянии больного; если транспортный врач его прежде не знал, да к тому же еще и не привык вовсе к самостоятельной деятельности (когда он, например, попал в госпиталь, не кончив курс в университете), то он поневоле должен будет положиться на фельдшера, а при кровотечениях,

судорогах, сотрясательных ознобах, которые случаются у транспортируемых,- это плохое дело. Сверх того, присмотр за порядком и дисциплиной во время больших и дальних транспортов - дело также важное, требующее и опытности, и распорядительности, которою обладает не всякий.

Если бы и смертность, и число ампутаций уменьшилось, государство было бы вдвое вознаграждено за расходы. Ампутированные, когда они остаются в живых, также стоят государству немало; оно их содержит на свой счет или дает им пожизненные пенсии. Я слышал и у нас жалобы на это. Бильгер отвергал ампутации в войне, как некоторые уверяют, из расчета. Он имел об этом секретное предписание Фридриха II (Отсюда заимствовали фашисты во время войны 1941-1945гг. систему сознательного умерщвления тяжело раненых, своих и чужих, для уменьшения расходов на помощь инвалидам.).

В Крымскую войну было также сделано несколько попыток с распределением раненых по деревням, хотя и не в большом размере. Немецкие колонисты выжили взять до 2000 раненых на свое попечение, и их отправляли в новороссийские степные колонии из госпиталей в немецких больших фурах. Между ними было довольно и ампутированных, и резецированных, и с гноящимися худыми ранами, и гектиков. (Гектик - больной, страдающий лихорадкой при длительных нагноительных процессах.).

Транспорты сопровождалась врачами; судя по известиям, не было ни одного несчастного случая между ранеными, и зараза не распространялась между колонистами. В конце же войны, напротив, тиф заносился не однажды в села и городки при ночлегах транспортом из госпиталей, где он уже господствовал во всей силе. Итак, не распределение свежих раненых по домам жителей, а, напротив, скопление их в госпиталях служит источником распространения зараз между обывателями.

Солдаты из всех классов народа еще лучше других переносят госпитальную жизнь. Казарменная жизнь делает их менее чувствительными к вредному влиянию госпитального воздуха. Солдат в госпитале не выходит из своего элемента; он там в обществе своих товарищей; а в своем полковом лазарете он, как в семействе, и потому идет неохотно в общий, большой госпиталь. Крестьянин, попавший в больницу, гораздо несчастнее его; он не привык жить в больших пространственных зданиях и, лежа с чужими, чувствует себя, как рыба, попавшая прямо из воды на кухню, в совершенно другом элементе. Но и на солдата долгое пребывание в лазарете действует убийственно, особенно если он принес уже с собою из казарм, траншей и подземных мин зачатки худосочии. Переселение в деревню и на него действует благотворительно.

При моем осмотре госпитальных палаток, в которые были свезены раненые после сражения при Черной речке, меня поразила свежесть людей и хороший вид всех ран. Я осматривал их спустя несколько недель после битвы. Палатки были расположены на Бельбеке (верстах в 10 от Севастополя). Я нашел многие пулевые сложные переломы верхних конечностей уже сращенными, хотя, кроме самых простых повязок, ничего другого не употреблялось при лечении; некоторые из этих переломов вовсе не были диагностированы при приеме; шин, лубков и неподвижных повязок почти вовсе не накладывали. Из нескольких сотен раненых я у немногих нашел поверхностные и ограниченные гнойные затеки. Если я сравню участь этих больных с той, которая досталась в удел их товарищей, перевезенных с поля сражения в городские полевые лазареты, то нельзя не пожалеть о последних, которые страдали и пиэмиями, и рожами, и затеками.

Что же касается до наших новых барачных выстроженных в Симферополе (за городом) во время войны, то и в них, несмотря на недостаток хорошей вентиляции и значительное скопление больных (в каждом лежало не менее 200), госпитальное заражение встречалось все-таки реже, чем в городских лазаретах. Я приписываю это тому, что самые стены (глиняные) пропускали постоянно свежий воздух. И без петтенкоферской пробы (Известный гигиенист М. Петтенкофер выработал способ исследования проницаемости различных строительных материалов для воздуха. Его работа по этому вопросу - "Отношение воздуха к одежде, жилищу и почве", перевод с нем. под ред. М. Антоновича, (СПб., 1873, 144 стр.)

стоило только приставить зажженную свечу изнутри к стене, чтобы убедиться, как сильна была тяга внешнего воздуха, стремившегося уравновеситься с нагретым внутренним.

На перевязочных пунктах (Из 2-й гл. - о первичных и вторичных явлениях, о патологических процессах и т. п.), где скопляется столько страждущих разного рода, врач должен уметь различать истинное страдание от кажущегося. Он должен знать, что те раненые, которые сильнее других кричат и вопят, не всегда самые трудные и не всегда им первым должно оказывать неотлагательное пособие. С другой стороны, должно помнить, что боль и независимо от травматизма, сама по себе, причиняет сильное нервное и психическое сотрясение. Жестокая непрерывная боль у раздражительных людей и одна, и в соединении с другими душевными эффектами может причинить нервное истощение, тетанические судороги и смерть [...].

Во время войны скоро приучаешься различать малодушных и эгоистических крикунов от истинных страдальцев. С первыми не нужно терять много времени; их крики можно прекратить не болеутолятельными лекарствами, а строгим выговором и повелительным тоном; им нужно дать почувствовать, что намерение их понято; им нужно указать на товарищей, которые спокойно и безропотно переносят свои страдания, хотя и не легче их ранены. Но если сильный вопль и стоны слышатся от раненого, у которого черты изменились, лицо сделалось длинным и судорожно искривленным, бледным или посиневшим и распухшим от крика, если у него пульс напряжен и скор, дыхание коротко и часто, то, каково бы ни было его повреждение, нужно спешить с помощью.

В осадных войнах, где повреждения большими огнестрельными снарядами встречаются беспрестанно, можно наблюдать общее окоченение во всех возможных видах и степенях. С оторванной рукою или ногою лежит такой окоченелый на перевязочном пункте неподвижно; он не кричит, не вопит, не жалуется, не принимает ни в чем участия и ничего не требует; тело его холодно, лицо бледно, как у трупа; взгляд неподвижен и обращен вдаль; пульс - как нитка, едва заметен под пальцем и с частыми перемерками. На вопросы окоченелый или вовсе не отвечает, или только про себя, чуть слышным шопотом; дыхание также едва приметно. Рана и кожа почти вовсе не чувствительны; но если большой нерв, висящий из раны, будет чем-нибудь раздражен, то больной одним легким сокращением личных мускулов обнаруживает признак чувства. Иногда это состояние проходит через несколько часов от употребления возбуждающих средств; иногда же оно продолжается без перемены до самой смерти (Классическое, вошедшее во все современные учебники и статьи, описание шока помещено полностью во 2-й главе.).

В Севастополе мне сказали (Из гл. 3-й - о следствиях сотрясения.), что на одном перевязочном пункте употребляются в лечении огнестрельных ран ирригации холодной водою. Это было в январе 1855. Мне хотелось видеть результаты этого лечения; из 100 больных я не нашел почти ни одной раны без гнойных затеков, травматических рож и госпитальной нечистоты. Видев это, да и не имея под руками ни пивок, ни льда, я остался и в Крымскую войну при моем способе лечения без антифлогоза, (Антифлогоз - применение и действие противовоспалительных средств.) назначая кровопускание, пивки и лед только в ранах головы и груди. Результаты были, конечно, не блестящие. Но меня никто не уверит, чтобы большая смертность в Крыму зависела от недостаточного антифлогоза, а счастливые успехи в первую голштинскую войну (1848-49) - от одних кровопусканий, пивок и пузырей со льдом [...].

Осадная война не то, что полевая. Я помню, как в Севастополе наши армейские солдаты, которым никто не откажет ни в выдержке, ни в терпении, ни в бодрости духа, жаловались на то, что они ранены под крепостью не с оружием в руке, а с заступом и с лопатою; они решались на операции неохотно и не переносили их так хорошо, как матросы, которые были главными действующими лицами при пушках (как канониры). Я не так надменен и односторонен, чтобы безусловно отвергать пользу антифлогоза в лечении травматических повреждений в военное время, как другие его безусловно превозносят, основываясь только на собственном опыте и убеждении. Но я настаиваю на то особенно,

чтобы военный хирург соображал все обстоятельства, прежде нежели он решится употребить этот способ с должной настойчивостью и энергиею.

В первые 4 месяца (Из 4-й гл. - о травматическом давлении и прижатии тканей.) осады Севастополя мне часто случалось извлекать из старых, полузаживших ран и новых нарывов разные посторонние тела и особливо эти капсулы. Не раз также случалось вытаскивать неожиданно куски кости, зубы и разные предметы, вовсе не принадлежавшие самому раненому.

Мне случалось (Из гл. 5-й - о нарушении целости тканей, о ранах.) также видеть в начале осады Севастополя, когда неприятельские траншеи были еще вдалеке от наших батарей, что пули Минье залетали в самый город на наши корабли (в бухту) и наносили значительные раны, ударившись сначала об доску или пробив ее. Я уже говорил, что видал на Кавказе раздробление костей вдребезги черкесскими пулями; но до осады Севастополя я не видывал раздроблений пулями на таких значительных расстояниях: раненые уверяли, что находились за полверсты от неприятеля; они могли ошибаться, но во всяком случае расстояние, на котором они были ранены, удивляло их и, значит, было для них необыкновенное [...].

Наши неприятели при осаде Севастополя стреляли, впрочем, не одними пулями Минье; нам попадались в ранах у наших солдат и круглые (может быть, турецкие), и массивные конические пули, но не устроенные по системе Лоренца, а иногда и пули с небольшим углублением на основании, заключавшем в себе род хвостика из свинца, с 3 круговыми бороздками снаружи (вероятно, сардинских берсаглиери). В первые месяцы осады я нередко извлекал и пули Минье с чашечками; некоторые полагали, что в чашечках находились частицы бертолетовой соли (хлорокислого кали); часто эти чашечки выпадали из пуль И оставались одни в ранах (доказательство, что они не всегда вбиваются газом в полость пули). Но потом они попадались все реже и реже, и в конце осады я уже их никогда не находил.

Наши простые пули действовали также, кажется, не совсем плохо. Бодан и Меклод, говоря о страшных повреждениях костей, которые они наблюдали в Крымскую войну, верно, разумеют не одни раны, виденные ими у наших раненых, попавшихся к ним в плен; а если они наблюдали эти "страшные повреждения" у своих соотечественников, то, значит, от наших простых пуль. У нас тогда других не было. Только гораздо позже, во время осады, у нас начали отливать конические массивные пули и стрелять ими из простых солдатских ружей (без нарезок); уверяли, правда, что эти пули били дальше и вернее, но в какой мере это была правда - не знаю. Потом еще у нас было несколько рот, вооруженных штуцерами (в которых для уничтожения пространства пуля забивается шомполом и молотком), да было несколько отличных черноморских стрелков (так называемых пластунов) с винтовками.

Вся же прочая наша инфантерия, мало упражнявшаяся в стрельбе, стреляла, по общему мнению, плохо и из простых ружей круглыми пулями. Суворовская поговорка "Пуля - дура, штык - молодец" была тогда в полном ходу, и еще перед самою Крымскою войною уверял меня один опытный генерал, что судьбу сражения решает все-таки штык и холодное оружие. Поэтому я удивился, читая у одного английского писателя (Scrive), что будто бы наши стреляли под Севастополем какими-то цилиндро-коническими медными пулями со взрывом! Это, однакоже, доказывает, что и раны от наших простых пуль могли быть и бывали не безвреднее других; если же мы в отношении ружейной стрельбы и отставали много от неприятеля, то зато наши бомбические пушки, наши флотские и полевые артиллеристы, инженеры, саперы действовали как нельзя лучше; это известно целому свету [...].

Грохот, треск, дребезжание окон, шипение и свист в воздухе нам, жившим в Севастополе, слышались беспрестанно. Каждую ночь можно было видеть чудный фейерверк из гранат и бомб, летавших по всем направлениям. Но привычка для человека - вторая натура. И ухо, и глаз, наконец, ко всему так приучились, что и ночью, несмотря на постоянное дребезжание окон, спалось спокойно.

Когда я заболел тифоидом и лежал в полузабытьи, то я чувствовал, как софа подо мною и стена, к которой я прислонялся, постоянно дрожали, стекла беспрестанно звенели и

дребезжали; но все здоровые спали крепко, и я сам, больной, также, наконец, засыпал. Даже женщин и детей не беспокоили и не пугали треск и лопанье бомб. Иногда можно было видеть на улице, как дети играли с валявшимися ядрами и бомбами; не раз случалось несчастье, и у нас на перевязочных пунктах постоянно было несколько коек, занятых ранеными и ампутированными женщинами (женами матросов) и детьми; это их также не пугало. Я представлял себе прежде разрушительную силу больших снарядов на здания более значительно; правда, в Севастополе не осталось, наконец, ни одного дома нетронутым, и нередко случалось видеть, что бомба отрывала целый угол (угол комнаты, в которой стояла моя софа, также оторвало на 2-й или 3-й день после моего отъезда); но нужно заметить, что частные дома в Севастополе вообще строились несолидно. Напротив того, казематированные батареи (как, например. Николаевская) и блиндажи противостояли хорошо и 10-пудовым бомбам, а земляные батареи Тотлебена (Э. И. Тотлебен (1818-1884) - талантливый инженер, участник войны 1848-1849 гг. на Кавказе; один из главных деятелей при обороне Севастополя; проявил свои дарования при возведении оборонительных сооружений, несмотря на недоброжелательное отношение к нему кн. Меншикова. Главный научный труд Т.- "Описание обороны Севастополя" (т. I и II, 1872)-один из основных источников для истории Крымской войны. В мировой литературе Т. признан самым замечательным инженером XIX в.) противостояли им и еще лучше. Мне казалось, что большие цилиндрико-конические ракеты сильнее разрушают земляные работы, чем другие снаряды я видел, как некоторые из них, упав глубоко врывались в землю и делали в ней большую яму; я помню, как одна такая ракета упала невдалеке от дома Дворянского собрания (перевязочного пункта) и сделала огромную воронку на улице, так закопавшись, что ее нужно было с силою вытаскивать.

Не знаю, откуда Демме взял, что будто бы "русские врачи в крымскую кампанию научали солдат и служителей вводить палец в раны с тем, чтобы в отчаянных случаях они могли сохранить жизнь раненых до окончательного пособия". На главном перевязочном пункте (в доме Дворянского собрания в Севастополе) у нас был, действительно, матрос Пашкевич, наловчившийся очень хорошо придавливать подключичную артерию к 1-му ребру и подвздошную-к тазу; он зачастую ассистировал нам при ампутациях и, имея большую силу в руке, был самым надежным ассистентом; но я никогда не слыхал, чтобы наш солдат когда-нибудь в госпитале или на поле сражения посмел ввести палец в рану своего товарища. Я не думаю даже, что наш раненый солдат решится у себя самого это сделать, как тот австрийский инфантерист, который, по словам Демме, держал 4 часа большой палец в своей ране и этим остановил кровотечение (Весь дальнейший текст - из т. II "Начал".).

При осаде Севастополя (Из гл. 5-й - о нарушении целостности тканей, о ранах..) невозможно было почти никогда справиться со всеми ранеными прежде 36 часов, а до введения моего порядка на перевязочных пунктах и гораздо долее. При больших бомбардировках продолжались ранние операции и в течение 48 часов. Сначала, разумеется, были на очереди раненные большими огнестрельными снарядами. Другие же, со сложными пулевыми переломами, должны были ждать. Но я едва помню два-три случая, в которых бы пульс значительно возвышался в первые 48 часов.

Почти за 1 1/2 года (Рассказ II. о том, как он изобрел гипсовую повязку, помещен в разделе о ранах конечностей) до осады Севастополя я в первый раз увидел у одного скульптора действие гипсового раствора на полотно. Я догадался, что его можно применить в хирургии, и тотчас же наложил бинты и полоски холста, намоченные этим раствором, на сложный перелом голени. Успех был замечательный. Повязка, высохла в несколько минут: кривой перелом с сильным кровавым подтеком и прободением кожи (острым концом верхнего отломка большеберцовой кости) зажил без нагноения и без всяких припадков. Я убедился, что эта повязка может найти огромное применение в военно-полевой практике [...].

Между тем я не упускал ни одного случая в госпиталях для дальнейшего испытания. В этих занятиях и застала меня Крымская война. Мое требование при отъезде в Севастополь о

заготовке алебаstra, дерюги и прочих материалов для гипсовой повязки не пошло в ход. Военно-медицинский департамент в то время не имел средств привести этого в исполнение, к тому же у него было много и других забот; он снабдил, впрочем, все полевые лазареты и перевязочные пункты вновь изобретенными сумками и шинами другого рода, которых почти никто не употреблял. Недостаток в алебастре, и именно хорошо выжженном, препятствовал употреблению моей повязки в том размере, которого она действительно заслуживала; я едва мог доставать по временам несколько пудов худо пережженного гипса. Несмотря на это, в бараках на Северной стороне Севастополя, заключавших в себе иногда до 200 раненых с сложными переломами, я у многих накладывал гипсовую повязку; многие из них пошли в транспорт, и я убедился на деле, что она выдерживает сырость и мокроту. (О значении этого гениального изобретения писали проф. Г.И.Турнер, Б. А.Петров, А. М. Заблудовский).

Сколько я могу судить (Из "Исторического обзора общих результатов резекций, полученных у нас в Крымскую войну") по различным отчетам о хирургических результатах в трех войнах (первой голштинской, Крымской и италийской), мы одни в Крыму сделали более резекций (Первая Голштинская война-1848-1850 гг. - между Пруссией и Данией из-за Шлезвиг-Голштинии, которая в 1867 г. была присоединена к Пруссии.

Италийская война-1859 г.- между Австрией и Францией; последняя помогала италийским войскам бороться за освобождение Италии от австрийской зависимости.

Резекция - оперативное удаление части органа.),

чем все другие хирурги вместе. Из отчетов видно, что в три эти войны было сделано немецкими, английскими, французскими и италийскими хирургами всего 140 резекций плечевого и локтевого суставов, а в моих списках, доведенных во время осады Севастополя только до июня 1855 г., значатся почти 200 этих же самых операций, да после того снова насчитано до 100, и большая часть из них принадлежит поздним резекциям. О выпиливаниях суставов нижних конечностей я не говорю потому, что число их во всех армиях было слишком незначительно, а мы их и вовсе не делали.

Я бы имел право до 100 резекций причислить к окончившимся благополучно, потому что почти все сто оперированных были отправлены в разные транспорты; но я не хочу увеличивать неверность статистических результатов, и без того уже шатких, а представлю один исторический обзор с общим результатом. 1) Тотчас после моего прибытия в Севастополь в ноябре 1854 я и приехавшие со мною врачи делали в симферопольских лазаретах и в Севастополе (в бараках) на раненых, оставшихся после альмского и инкерманского сражений, почти исключительно одни поздние резекции плечевого и локтевого суставов и заменяли их только там поздним вылушением и ампутацией хирургической шейки плеча, где раздробление пулею простиралось далеко на диафиз. Поэтому из 250 поздних ампутаций значатся у меня в списках этого времени не более 20 ампутаций на середине плеча. Смертность резецированных в локтевом суставе относилась одно время, - пока я мог наблюдать оперированных со дня на день, - к смертности ампутированных как 1 к 2. Но это никого не убеждало в меньшей опасности резекции. Врачи вообще не любившие резекцию, указывали мне иногда на оперированного с вылушенным плечом, если ему шло хорошо, говоря, что; "он умер бы, если бы его резецировали".

В течение целого месяца, однакоже, смертность после резекций и плечевого, и локтевого суставов не превышала 18%. Между тем встретилось 5 ранних резекций.

Я помню, как я радовался, когда в бараки на Северную сторону прислали в первый раз свежий случай с батарее: одного матроса, раненного в плечо; пуля раздробила ему вдребезги головку плечевой кости. Я думал, что тут непременно будет блестящий результат и докажет преимущество ранней резекции пред ампутацией. Но вскоре после резекции раненый умер от острейшего гнойного отека, распространившегося на всю конечность. И из этих 5 ранних операций ни одна не удалась. 2) Когда в январе 1855 я перешел на Южную сторону Севастополя, то нашел там несколько больных тоже с раннею резекциею, но все были уже так плохи, что вскоре померли.

И впоследствии ранняя резекция плечевого сустава делалась не так редко, но с малым

успехом. Различие в смертности после этой операции и раннего вылушения плеча было так заметно, что потом раннюю резекцию почти совсем перестали делать. В защиту ее можно, впрочем, привести, что вылушение численностью несоразмерно превышало резекцию, да и повреждения большими огнестрельными снарядами, умножившиеся впоследствии с каждым днем, не допускали резекции. Напротив, ранняя резекция локтевого сустава не выходила из употребления во всю Крымскую войну.

В марте и апреле 1855 поступило ко мне в госпитали (на Южной и Северной стороне Севастополя) до 60 случаев ранней и поздней резекций этого сустава. Некоторые из оперированных были отправлены с транспортами в эти 2 месяца. Одни из них были близки к выздоровлению, а другие (до 10) отправились в истощенном состоянии к немецким колонистам, и, сколько мне известно, поправились. 3) Самое благоприятное время для ранних резекций локтевого сустава было при последнем бомбардировании Малахова кургана, в сентябре 1855 года ст. ст.

Я насчитал в это время до 40 случаев, из которых половина принадлежала к повреждениям большими огнестрельными снарядами. Конечно, я не могу полагать, что у всех 40 операция была сделана с успехом; но из 18 резецированных д-ром Рудинским я видел после 16 в Симферополе в весьма удовлетворительном состоянии, а потом встретил почти столько же при осмотре госпиталей; у некоторых, однакоже если не ошибаюсь у 5, после сделана была ампутация плеча. 4) На нижних конечностях, как я уже упомянул, мы ни разу не делали резекции суставов в Крымскую войну.

Нужно бы было, чтобы каждый военный хирург сообщал, по крайней мере, исторический обзор событий, произведших на него общее впечатление. Я изложу мой собственный, который я составил, пробыв 7 месяцев в Севастополе и наблюдав в это время более 2000 ампутаций.

1. Самый лучший результат от ранних ампутаций получен в начале осады, после первого бомбардирования в октябре ст. ст. 1854. Эти операции были сделаны по большей части на черноморских матросах, главных в то время защитниках города. Заключение мое о счастливом результате я вывожу из того, что, приехав в ноябре, я застал в живых несколько ампутированных у верхней и на границах верхней трети бедра с среднюю. Почти все операции сделаны были молодыми хирургами худыми инструментами, и почти все оперированные оставались в самом городе. Большая часть повреждений нанесена была большими огнестрельными снарядами. Эти два обстоятельства: род и место повреждения, т. е. раны бедра, нанесенные бомбами, для меня самый верный критерий успеха.

2. Совершенно другой результат дали операции у раненых под Альмою и Инкерманом. Из раненых под Альмою я нашел в ноябре 1854 уже немногих в Симферополе и Севастополе: большая часть их умерла, некоторые были транспортированы в Одессу. Но всех раненых под Инкерманом, оставшихся в течение первых 2-3 недель живыми, я застал еще в лазаретах Симферополя, Бахчисарая и Севастополя. Между ними смертность после ранних ампутаций была по малой мере такая же, как и после поздних. Это и не могло быть иначе.

Транспорт, сделавший на меня такое грустное впечатление при моем первом въезде в Севастополь, состоял почти весь из этих ампутированных, отправлявшихся в Симферополь. Раненые под Инкерманом лежали скученными в бараках и батареях на Северной стороне Севастополя в худых казармах Бахчисарая, в лазаретах, присутственных местах и частных домах Симферополя, большая часть без коек, на нарах и на полу. Был недостаток и в белье, и в перевязочных средствах. Пиэмия, острогнойный и острогангренозный отеки поражали одиноко и после ранних, и после поздних ампутаций. Немногие,- и рано, и поздно ампутированные,- выздоравливали, однакоже, несмотря на все эти бедствия.

3. Большая часть ранних ампутаций бедра, сделанных в ноябре и декабре 1854, кончилась смертью. Бараки в Севастополе были в это время еще переполнены ранеными, оставшимися после инкерманского сражения; транспорты в отдаленные места были невозможны, да и сообщение между Севастополем и Симферополем трудно. Показывался

недостаток не только в белье и перевязочных средствах, но и в жизненных припасах.

Между тем постоянно были ночные вылазки, производились земляные работы, подкопы и т. п. Свеже-раненные отсылались с батареи по большей части на перевязочные пункты Южной стороны, и только часть их поступала в бараки на Северную.

В это время я и имел случай видеть, как плохо шло с ранними ампутациями и резекциями. Напротив, многие поздние ампутации, сделанные на изнуренных больных, оканчивались неожиданно хорошо. В эти же месяцы я ездил в Симферополь; там было сделано несколько сотен поздних операций, из которых некоторые ампутации верхней трети бедра окончились также благополучно, несмотря на высокую степень изнурения оперированных. На Южной стороне Севастополя шло еще относительно лучше с ранними операциями.

4. Но в конце декабря 1854 и там (на Южной стороне) результаты ранних ампутаций и резекций стали делаться хуже и хуже; начали появляться после каждой ранней операции острогнойные отеки и пиэмии, хотя большая часть повреждений была наносима не большими огнестрельными снарядами, а пулями и иногда (в ночных вылазках) штыками.

Около этого-то времени (в январе 1855) я и нашел на главном перевязочном пункте Южной стороны большую часть свежих ран пораженными от холодных ирригаций, гнойными затеками, рожами и омертвением, так что я принужден был опростать все здание.

5. Когда оперированные и раненые были перевезены в январе 1855 из главного перевязочного пункта (дома Дворянского собрания) в Николаевскую батарею и частные дома, то несколько времени результаты и ранних и поздних операций были лучше. Я сужу опять по тому же критериуму: по ампутациям на середине и верхней трети бедра; несколько ранних ампутаций этой части окончились успешно.

В списках, сохранившихся у меня от этого времени, отмечены из 11 этих операций 6 успешных. Всех больных, с худыми, гноящимися ранами я тщательно и немедленно отделял от свежераненых и учредил в частном доме особое отделение для гангренозных, пиэмиком и безнадежных. В это же время одна палата в Николаевской батарее была назначена для сложных переломов, а холодные ирригации были отменены. Поздние операции, за исключением нескольких резекций, начали теперь реже встречаться.

6. Так шло до марта 1855. В этом месяце было сделано значительное ночное нападение французами на один из наших редутов, а потом, на другой день Светлого воскресенья, началось второе большее бомбардирование Севастополя.

Я должен был снова открыть очищавшийся (в течение 6 недель) главный перевязочный пункт в доме Дворянского собрания; он с этих пор оставался открытым, пока не были последние месяцы осады разрушены бомбами. Ранние операции, произведенные в нем в первые 2-3 недели после вентилиации, шли довольно хорошо; острогнойные отеки не показывались. Из этого периода значатся в моих списках и несколько счастливых случаев ранних двойных ампутаций, а именно: обоих бедер (в середине и на границе верхней трети с среднею), обеих голени, бедра и голени, бедра и моей остеопластической операции ножного сустава. Но этот счастливый период продолжался не более 3 недель. Начали появляться и случаи местного окоченения после ранних ампутаций бедра [...]. Большая часть ранних операций, сделанных во время бомбардирования, назначалась в повреждениях большими огнестрельными снарядами (осколками бомб). К концу апреля 1855 начинается самое несчастное время для ранних операций.

7. В начале мая почти ни один случай ранней ампутации бедра не прошел благополучно. Умирали почти все и ампутированные в нижней трети бедра. У меня отмечены 10 ампутаций, сделанных почти в один и тот же день, и из них 5 я сделал сам по способу, от которого еще надеялся тогда видеть успех (с большим передним лоскутом). Все 10 умерли один за другим от острогнойного и острогангренозного отеков. Около этого же времени (в апреле) случилась и катастрофа с нашими ампутированными, - их перевезли на пароходе из Николаевской батареи на Северную сторону и положили в солдатские палатки. Можно себе представить, как поднялась после этого цифра смертности. Из 500

ампутированных (ранних) осталась едва треть живыми в первые 3 недели, а из ампутированных на бедре остались в живых не более 24, тогда как их было до 200!

В мае обнаружилась и холера; она, однакоже, редко поражала раненых. Я упоминаю об ней потому, что в эпидемию 1848 - 1849 годов заметил влияние холерной эпидемии на развитие острых травматических пиэмии.

(Об эпидемии холеры в 1848-1849 гг. - классическое исследование П. "Патологическая анатомия..." (1850 г.). Еще раньше П. заявил Конференции МХА, что он произвел 500 вскрытий умерших от холеры. "Полученные при этом результаты вскрытий,- писал П.,- отличались от описанных другими наблюдателями и могли послужить к дальнейшему развитию сведений о сущности самой болезни. Изменения органов преимущественно кишечника, найденные при вскрытиях, изображены в натуральном виде на 35 рисунках, сделанных художником Теребеневым" (П. А. Бе-логорский, стр. 76 и сл.).

Во вступительной главе к исследованию и в предисловии к Атласу П. пишет, что материалом для этой работы послужили, кроме вскрытий, двухлетние наблюдения на Кавказе, в Москве, Дерпте, в разных госпиталях Петербурга. По поводу Атласа, рисунки для которого выполнены художниками Теребеневым и Мейером под его руководством, П. заявляет: "Если художник имеет более целью передать изменения наружного вида и цвета, нежели показать изменения устройства ткани, то он не должен, по моему мнению, теряться в мелочных подробностях, а иметь в виду целое... Не будучи сам живописцем (хотя и имея уже несколько навыка в этом деле: под моим присмотром снято до 1000 анатомо-патологических рисунков, хранящихся в Музее нашей академии) ...я могу сказать совершенно беспристрастно, что из всех виденных мною анатомо-патологических рисунков изображения этих художников несравненно живее напоминают характеристическое в изменениях тканей, замеченных мною при вскрытии холерных".

Оригиналы рисунков к Атласу азиатской холеры сохранились у вдовы проф. С. С. Боткина (сына знаменитого русского клинициста), которая передала их в начале 30-х гг. наст. ст. проф. ВМА Ф. И. Валькеру. "Эти рисунки,- сообщает Ф. И. Валькер,- имеют почти столетнюю давность и несмотря на это поражают живостью своих красок. Кажется, как будто они только что исполнены! Поражают они также необычайной художественностью исполнения". Автор сообщения передал рисунки Атласа в ВММ.

Исследование П. о холере - "не только монография о патологической анатомии холеры, но клинико-анатомо-физиологические параллели в лучшем современном смысле слова, с данными химического анализа... с предложением своего метода лечения". Блестящий по художественной форме изложения, этот труд классический. Он "остается ценным и глубоко интересным и поныне, ибо он отмечен печатью подлинной талантливости и героической преданности науке" (Б. П. Кучеренко, стр. 61 и сл.).

За этот труд П. была присуждена Академией Наук в 1851 г. полная Демидовская премия. Отзыв о сочинении дал академик К. М. Бэр, который писал: "В особенности по причине этой-то строго научовой методы и прямой любви к истине должно назвать это сочинение образцовым, потому что оно принадлежит такой именно области, в которой довольно редко наблюдается ход науки... Сочинение, которое, по удивительному тщанию и многосторонности познаний на него употребленному, так и по строго ученой своей методе и приложению всех пособий микроскопии, заняло бы во всякой литературе весьма почетное место... вероятно еще долго останется недосягаемым образцом, не может не быть удостоено полной премии" ("Дем. нагр"., XX, 17 апреля 1851 г.).

Тиф и тифоид встречался в этом месяце реже; он чаще показывался в марте, и я сам был им тогда болен.

Погода стояла превосходная; перепали дожди, но теплые и иногда с грозой; окна в лазаретах держались почти и день, и ночь открытыми; раненых одолевали только мухи, привлекавшиеся в несметном множестве гнойными испарениями и клавшие беспрестанно яйца в перевязках. Впрочем, в главных вещах теперь не было уже большого недостатка; запас белья и перевязочных средств значительно увеличился.

Сестры Крестовоздвиженской общины действовали на всех перевязочных пунктах и во всех лазаретах Севастополя, ухаживали за больными, перевязывали и снабжали их чаем, кофеем и вином. Транспорты также улучшились. За городом разбито было несколько госпитальных палаток.

Несмотря на это улучшение внешних обстоятельств, оперированные после ранних ампутаций,- поздние в это время мало делались,- не переставали умирать. Из 500 ампутаций бедра, значащихся в моих списках от апреля до конца мая, уже более половины не было в живых; остальные находились в более или менее сомнительном положении. На Северной стороне было сделано несколько поздних ампутаций бедра, и из них 3 с неожиданным успехом (у больных, истощенных донельзя, но неотступно требовавших операции).

Сберегательное лечение (гипсовая повязка) дало в это время также плохие результаты, тогда как в начале марта и апреля многие из раненых с сложными пулевыми переломами были отправлены после наложения неподвижной повязки в транспорт в весьма удовлетворительном состоянии. Теперь и к свежим огнестрельным ранам с переломами начали присоединяться острогнойные инфильтраты и пиэмии; но я не помню ни одного острогангренного инфильтрата, так часто поражавшего оперированных.

8. Тот же самый результат с некоторыми колебаниями продолжался до июня и после. Смертность не изменялась. В конце мая я перестал совсем ампутировать в верхней трети бедра,- так я был уверен в неудаче. И если ампутированные не умирали в Севастополе, то они погибали после в лазаретах Бахчисарая и Симферополя. Далее их не транспортировали до заживления ран, и потому из малого числа транспортированных после ампутации бедра в Перекоп, Херсон и Николаев видно, как редко они выздоравливали.

После вторичного моего прибытия в Севастополь в сентябрь-1855 я нашел в госпитальных списках имена только 50 высланных после ампутаций бедра с далекими транспортами, тогда как я в одном Симферополе нашел более 200 с незажившими еще ранами после этой же операции. Если подумаешь, как часто делалась ампутация бедра в августе месяце (в конце осады) на перевязочных пунктах Севастополя и как немного было выслано из Крыма, то легко себе представить и какова была смертность.. О других ампутациях я не говорю, потому что пулевые переломы других костей (и верхней и нижней конечностей) - будут ли они лечиться выжидательно, раннею ли ампутациею или позднею,- дают не слишком различные цифры смертности.

Процентные колебания, конечно, и тут весьма заметны, но все же не такие, чтобы не могли объясниться индивидуальностью и случайными обстоятельствами. В ампутациях же бедра, напротив, влияет, очевидно, местное свойство повреждения и самой операции на цифру смертности, поэтому они и служат для меня настоящим мериллом и преимуществ, и невыгод ранней операции.

9. Результаты ранних ампутаций, как кажется, опять поправились в сентябре 1855 ст., при последнем бомбардировании Севастополя. Ампутированные были переведены на Северную сторону в палатки. Тут они оставались недели 2, и я застал многих после ампутаций бедра в весьма удовлетворительном положении. Несмотря на дождливое время и холод, острогнойные отеки не показывались; не было также ни окоченелости, ни омертвений, так скоропостижно кончавшихся в летнее время.

В течение сентября все оперированные были перевезены в Бахчисарай (где заняли под больных бывший ханский дворец) и в Симферополь, а одна часть раненых размещена была в госпитальных палатках по окрестностям Севастополя и Бахчисарая.

10. Наконец, поздние ампутации и резекции, делавшиеся у нас от сентября до ноября 1855 в лазаретах Бахчисарая и Симферополя, вообще шли не так плохо, хотя госпитали были переполнены тифозными и дизентериками. Большая часть оперированных помещалась в новых бараках и госпитальных палатках в Симферополе, за городом. В списках, оставшихся у меня от этого времени, я нахожу до 20 счастливых случаев поздней ампутации бедра.

Но с ноября военное народонаселение Симферополя начало сильно увеличиваться; насчитывали тогда до 60000 жителей в городе, вмещающем в мирное время едва 25000. С

наступлением сырой и холодной поздней осени тиф, поносы и злокачественные перемежающиеся лихорадки начали сильно свирепствовать между вновь прибывшими изнутри России войсками (Гренадерского корпуса и милиции). Тогда и между ранеными свирепствовали различные формы пиэмии; смертность значительно увеличилась; такой страшной, однакоже, какая была между оперированными в летних месяцах, я уже не видал более до самого отъезда из Крыма в декабре 1855.

Этот краткий обзор,- хотя я и не могу его подтвердить верными статистическими данными,- передает все-таки исторически верно общее впечатление, оставшееся во мне после беспристрастного наблюдения целой массы случаев.

Я могу сказать к чести русской хирургии, что мы в Крымскую войну несравненно более употребляли сберегательное лечение в повреждениях локтевого сустава, чем наши неприятели, и гораздо более, чем во все другие европейские войны, взятые вместе.

Можно поставить правилом: вменять резекцию локтевого сустава в обязанность каждому военному хирургу, если только при повреждении суставных концов мягкие части достаточно сохранены и артерия не прострелена.- Более 200 резекций локтевого сустава значатся в моих списках; они были сделаны в течение года во время осады Севастополя и после сдачи неприятелю Южной стороны.- О времени операции нельзя и здесь сказать ничего положительного. Ранняя резекция локтевого сустава ни разу не сопровождалась в виденных мною случаях теми убийственными острогнойными отеками, которые так часто встречались после ранней резекции плеча. Я резецировал с успехом и при значительном повреждении (осколками бомб) мягких частей задней стороны локтевого сустава; резецировал и при разрушении локтевого нерва. Поздняя же резекция заменяла у меня в одно время войны (в первые 6 -7 месяцев) почти совсем ампутацию в середине плеча. Почти никогда не употреблялось и чисто сберегательное лечение, хотя я при моем осмотре военных госпиталей и заметил несколько пулевых ран локтевого сустава, излеченных или почти излеченных без операции.

Я был бы очень доволен, если бы результаты лечения ран колена были также различны, как самые раны, виденные мною в Крымскую войну. К несчастью, несмотря на все их разнообразие, исход был почти всегда один и тот же - смерть - с ампутацией и без ампутации. В диагнозе, по крайней мере, мы не ошибались; я не помню ни одного случая неузнанной раны сустава или неузнанного повреждения кости. От простого прободения пулею сумочной связки до полного раздробления эпифизов все повреждения колена у нас имели плохой исход. С отчаяния я в последнее время уже не входил пальцем в рану и не уговаривал раненых подвергаться ампутации; я слушал только, как другие врачи уговаривали их на перевязочных пунктах, а сам предоставлял внутреннему голосу каждого решить свою участь. Одного только я себе никогда не прощу, что не испробовал больших разрезов сумки и резекции сустава.

С другой стороны, эти случаи подтверждают еще более мое убеждение о преимуществах поздней резекции пред раннею, расширяя круг действия сберегательного лечения и на огнестрельные переломы ножного сустава. Теперь будет непростительно со стороны военного хирурга, если он, действуя при обстоятельствах, более благоприятных, чем были наши при осаде Севастополя, не испытает сберегательного способа в повреждениях ноги.

Вскоре (Из гл. 6-й - о последовательных или вторичных явлениях, свойственных всем нарушениям целостности органических тканей.) после прибытия моего в Севастополь один из врачей, крепкий и здоровый мужчина, живший вместе со мною, простудился и заболел. Начала его болезни я не видал; она показалась во время моей поездки в Симферополь, но возвратившись я нашел больного в жару и лихорадке; целые 2 недели он лежал с открытыми глазами то в полном сознании, то в бреду; иногда он устремлял взгляд по целым часам на один предмет, молчал, не отвечал ни на какой вопрос, и держал рот закрытым, стиснув крепко зубы, как в тризме, иногда же вдруг вскакивал, садился на постель, говорил внятно, отвечал на вопросы, расспрашивал даже о своих больных и потом вдруг опять впадал в

прежнее состояние. В начале болезни он принял несколько приемов хинина, а потом не хотел уже ничего принимать и, стиснув зубы, противостоял всем попыткам, не давал класть и холодные примочки на голову, и только когда ему хотелось пить, он вскакивал вдруг и выпивал жадно стакан или два чая. Так продолжалось дней 8-10. На 3-й неделе бреды и настоящее беспамятство начали обнаруживаться сильнее, пока наступила чрезвычайно продолжительная (более 2 суток длившаяся) агония. (Это-доктор Сохраничев (см. письмо П. к жене, 25 декабря 1854 г.).

Другой врач, (Это - доктор Каде) также живший вместе со мною, простудившись, целых 3 дня лежал в сильной, с бредами соединенной, горячке, и когда я ему в виде пробного средства дал 3 небольших приема (в 2 грана) хинина, то у него вдруг явился сотрясательный зноб. Тогда я убедился, что имею дело не с тифом, а скрытую лихорадку, и дал больному большие приемы хинина. Он вскоре выздоровел.

У третьего врача показался жар с головою болью после явной перемежающейся лихорадки (*quotidiana*), от которой он уже более недели был излечен хинином. Испуганный ночью во время бомбардирования, когда он в жару лежал на перевязочном пункте (в доме Дворянского собрания), он впал в глубокую спячку, соединенную с судорогами; лицо было бледно, как полотно, зрачки расширены, одна половина тела стянута, другая в беспрестанных судорожных движениях; зубы стиснуты. Я велел ему тотчас же обрить волосы, положил на всю голову везикаторий (Везикатории - нарывные средства.) и поставил два клистира, один за другим, каждый с 15 гранами хинина, а когда тризм уменьшился, то влил ему и через рот большой прием хинина в растворе. После этого мой больной поправился так скоро, что через 3-4 дня мог уже встать с постели (Кого П. имеет здесь в виду, не установлено (см. письмо к жене, 29 апреля 1855 г.).

Подобные случаи встречались потом, во время эпидемии, еще чаще. Спячка, параличные и судорожные припадки присоединялись иногда к тифозному состоянию, так что в первые 2 недели невозможно бывало решить, с чем имеешь дело.

Иногда спячка и паралич являлись вскоре после незначительной, невидимому простудной лихорадки; иногда им предшествовали настоящие пароксизмы перемежающейся лихорадки; иногда тифозные явления в начале болезни были ясно выражены, а иногда обнаруживались впоследствии в виде сыпного тифа (экзантематического); иногда большие приемы хинина скоро прекращали болезнь, иногда же вовсе оставались без действия.

Я во всех сколько-нибудь сомнительных случаях назначал как пробное средство малые приемы хинина (по 2 грана), и когда действие его обнаруживалось или небольшим послаблением припадков, или же настоящим сотрясательным знобом, то я смело приступал и к употреблению больших приемов (от 15 до 20 гран для дозы в клистире и в растворе). О влиянии этого вида эпидемии, господствовавшей в Крыму, на наружный вид и ход ран я не могу ничего сказать положительного. В то же время господствовали и различные виды пиэмии, и госпитальная нечистота, поражавшие, разумеется, еще легче изнуренных тифом и лихорадкой.

Верно, ни у кого столько раненые не подвергались самым быстрым переменам воздуха, дневному жару, холоду ночей, сырости, сквозному ветру и т. п., как у нас в Крыму и на Кавказе. На Кавказе они лежали иногда в холодные ночи полуодетые, почти на голых камнях, в шалашах, сплетенных из древесных ветвей. В Крыму наши раненые лежали иногда в простых солдатских палатках, без коек, на матрацах, промоченных дождем, и, несмотря на все это, столбняк не обнаруживался у нас так часто, как в Италии .

Я опишу пиэмию как гнойное заражение, представлявшееся мне в госпиталях в различнейших видах, степенях и переходах в другие патологические процессы. Начну же историю моей собственной болезни.

Когда я в марте 1841 переехал из Дерпта в С.-Петербург и принял хирургическое отделение 2-го военно-сухопутного госпиталя, то, за исключением склонности к поносам, я чувствовал себя вообще хорошо, хотя никогда не имел цветущего здоровья. Поносы у меня являлись по временам, начавшись за два года до моего переселения в С.-Петербург после

отошедшего с мочою небольшого оксалата.

Известное действие невской воды поддерживало склонность к поносу. Но от 2-3 ежедневных и желчных испражнений я не чувствовал никакой слабости и имел хороший аппетит. Хирургическое отделение Военно-сухопутного госпиталя, состоявшее тогда почти из 1000 кроватей (вместе с глазным и сифилитическим отделением), я нашел переполненным нечистыми язвами и ранами, омертвевшими бубонами и острогнойными отеками. Почти за каждую операцию следовала пиэмия. Скорбутики умирали при вскрытии Невы в 24 - 48 часов при странных явлениях. Сначала являлись припадки, похожие на острую пиэмию (сотрясательные знобы), а потом цианотические, и при вскрытиях я в первый раз увидел огромные (в 8 - 10 фунтов) кровавые выпоты в околосердечной сумке и плевре.

Я сам перевязывал и пиэмиков, и гангренозных, сам делал их вскрытия и был занят в госпитале по 8 и по 9 часов в сутки. При таких напряженных занятиях застало меня лето, в том году необыкновенно жаркое. Число пиэмиков не уменьшалось, а вскрытия трупов я должен был тогда делать, за недостатком анатомико-патологического театра, в ветхой, душной и лежавшей на полуденном солнце бане. Вонь от пиэмических и гангренозных нарывов, встречавшихся почти при каждом вскрытии, была нестерпимая.

Хотя обоняние у меня от природы слабо, но и я должен был иногда выходить на воздух от вони. Табаку я тогда еще не курил. Вскоре я начал замечать, что при вскрытиях и долгих перевязках худых ран меня вдруг схватывали сильные боли живота, тотчас же исчезающие после обильного, вонявшего гнилыми яйцами и прогорклым жиром испражнения. Каждое испражнение сопровождалось отрыжкой, легкою тошнотою и слюнотечением. Сначала я счел это за мой обычный понос. Но тогда же я заметил, что и резь в животе, и понос не показывались, когда я менее был занят в госпитале или когда выезжал для прогулок за город; с занятиями же в секционной комнате или в гангренозном отделении и то, и другое возвращалось.

Хотя к осени число пиэмиков и гангренозных в госпитале уменьшилось, но здоровье мое уже не поправлялось, и в продолжение всей зимы я наблюдал у себя целый ряд новых припадков. Очень часто во время утреннего госпитального визита я чувствовал дрожь по спине, давление подложечкою, проходящую головную (гастрическую) боль, лицо бледнело, черты изменялись. Но все это тотчас же проходило, когда я принимал один прием касторового масла.

В конце зимы мои госпитальные занятия снова усилились. Я как консультант посещал еще и другой госпиталь (Обуховский), тоже обиловавший пиэмиками, и делал там вскрытия трупов. В феврале 1842 я уже сильно заболел; болезнь началась запором с небольшою болью живота; потом без всякого местного страдания следовала невыразимая слабость, бессонница, звон в ушах, язык обложился, аппетит исчез и запор продолжался, хотя живот не болел и не был натянут; лихорадки вовсе не было. Исхудавший и анемический, лежал я целые 6 недель в постели. Лекарств я никаких не мог переносить.

Я думал много о причинах моей болезни, но никак не мог попасть на настоящую. Один опытный практик, мой хороший приятель, уверял меня, впрочем, и тогда уже, что я заразился в госпитале, но это слишком противоречило моим тогдашним взглядам на пиэмию. Наконец, отчаявшись в выздоровлении, я без ведома моих врачей велел себе сделать ароматическую ванну и принудил себя выпить стакан горячего пунша. Целую ночь после этого я провел в беспокойстве и волнении; мне казалось, что я брежу, хотя этого вовсе не было, а через 24 часа получил я вдруг сотрясательный зноб, так сильный, что, дрожа, я привскакивал с постели, мой пульс упал, я почувствовал, что сердце перестает биться и я падаю в обморок, и в то же самое время сделалось произвольно с сильным бурчанием в животе обильное, вонючее и желчное испражнение, за которым следовал, в течение целых 12 часов такой проливной пот, что каждые 1/4 часа должно было переменять рубашку. Я начал с жадностью глотать хинин и херес; аппетит показался на другой же день. С выздоровлением показалась также охота к табаку, которого я прежде никогда не курил.

После этой болезни не проходило ни одного года, в котором бы я не был болен два или

три раза анемиею, поносом с резами и желчными (иногда почти черными) испражнениями, головною болью и катарром бронхий. Понос с резыю являлся по-прежнему вдруг во время моих занятий в госпитале и секционной зале и обыкновенно к концу зимы или в начале весны, когда число пиэмиков, скорбутиков, туберкулезных и гангренозных увеличивалось в хирургическом отделении госпиталя. Но когда я оставлял мои госпитальные занятия или выезжал летом из С.-Петербурга на море купаться, то я чувствовал себя как нельзя лучше, и понос, и катарр прекращались.

То же было и в моей кавказской экспедиции 1847 года. Несмотря на холеру, свирепствовавшую тогда на Кавказе, несмотря на бивачную жизнь в горах Дагестана, я был здоров, пока оперировал и наблюдал моих раненых в палатках, а трупы вскрывал на чистом воздухе. Но как скоро я возвратился в мою госпитальную клинику, так снова показалось и преждее нездоровье с слабостью, анемиею и брюшными припадками.

В Крымскую кампанию я, зная уже причину моей болезни, принимал все возможные меры осторожности, поэтому я сам остерегался и вскрывать трупы; но в феврале 1855, когда пиэмии между ранеными усилились, я опять заболел; попрежнему при каждом госпитальном визите начали являться слабость, головная боль и небольшое расстройство желудка; ночью слегка потел и потерял аппетит.

В то время и другие врачи в Севастополе жаловались на слабость, отвращение к мясной пище и на давление подложечною, иные из них побледнели и почти все, так же как и сестры Крестовоздвиженской общины, переохворали: одни заболевали перемежающею лихорадкою (скрытою и явною), другие - тифоидом, некоторые же и настоящим тифом с пятнами.

Я также занемог, но моя болезнь была отчасти только похожа на тифоид, отчасти же припадки были сходны с теми, которыми я страдал за 15 лет в Петербурге, только голова была несколько более отуманена, звон в ушах сильнее и более склонность к забывтью; пульс едва был ускорен. Болезнь и этот раз кончилась также жидкими испражнениями, вызванными клистирами из холодной, морской воды; выздоровление наступило через 4-5 недель при употреблении теплых морских ванн и холодных обливаний.

С тех пор как я оставил госпитальные занятия, болезнь не возвращалась в прежнем виде. В кишечном канале осталось расположение к поносам и запорам, но понос не является с такими припадками (слабостью, дрожью, анемиею), как во время моей госпитальной службы в С.-Петербурге.

У себя в деревне я много имел дела с хирургическими больными, почти всякий день оперировал, перевязывал и по 5-6 часов в день принимал у себя больных. Но как пиэмиков не было между ними и они не лежали в госпитале, то и я был все время (1 1/2 года) здоров. Вообще в течение последних 9 лет я болел только один раз опасно (в Киеве) потаенною перемежающею лихорадкою и освободился от нее также желчным поносом с рвотою, произведенными, впрочем, искусственно приемом рвотного; после него и при употреблении хинина я и совсем выздоровел.

В течение моей 15-летней военно-госпитальной службы в С.-Петербурге я потерял: одного ассистента, двух фельдшеров, одного подлекаря и трех служителей, занимавшихся со мною вместе в хирургической клинике и в секционной зале. Трое служителей, здоровые и крепкие солдаты, по вступлении их на госпитальную службу делались с каждым годом все более и более болезненными и кахектическими (Кахетический-истощенный.); потом у них показывались опухоли подкрыльцевых и паховых желез, переходившие в нагноение, а наконец развивался и туберкулез. Один из них страдал также часто рожею лица, а другой - брайтовою болезнью. Все они долго перемогались и, несмотря на опухоль желез, не шли в госпиталь; это объясняется отчасти и склонностью их к пьянству; один из них, помогавший постоянно при вскрытиях трупов, пил тайком даже грязный спирт, остававшийся от вымачивания патологических препаратов.

Двое фельдшеров, также порядочные пьяницы, умерли тоже от туберкулеза, но смертность между фельдшерами моего хирургического отделения была относительно еще не

велика, потому что они часто менялись и ни один из них не оставался более 2 лет в пиэмиических или гангренозных палатах; только те двое, которые померли, оставались более других при пиэмиическом отделении.

Умерший подлекарь, помогавший мне при вскрытиях и занимавшийся потом целые 6 месяцев в гангренозных отделениях севастопольских лазаретов, был крепкого телосложения, но также любивший выпить. Он, работая в Севастополе по 5-6 часов в сутки, долго выдерживал влияние госпитальных миазм, но через несколько месяцев и он заметно ослабел, побледнел и пожелтел, проявилась слабость прежде в ногах; он начал ходить с палкою и несколько волочить ноги; потом страдал желчным и даже кровавым поносом, а наконец развился и у него острый туберкулез, от которого он умер чрез год после своего возвращения из Крыма в С.-Петербург. (Это-подлекарь Калашников).

Наконец, ассистент мой (при клинике и при анатомико-патологических вскрытиях), молодой человек, только что кончивший курс, был слабого здоровья и прежде страдал плеврезиею (Плеврезия -плеврит.) и расположением к цынге; по наружному виду и он не походил, однакоже, на чахоточного. В 1853 он целое лето неутомимо занимался патологическими вскрытиями, анатомико-хирургическими исследованиями и перевязкою ран в хирургическом и пиэмиическом отделениях госпиталя. К осени оказались у него сотрясательные, перемежающиеся знобы (предвестники острого туберкулеза); сильные приемы хинина приостановили их на некоторое время, но вскоре острый туберкулез легкого показался с новою силою и в короткое время убил человека, подававшего большие надежды. (Здесь имеется в виду Ив. Ив. Кон; он был ассистентом П. и в 1852 г., в качестве адъюнкта, читал лекции по патологической и хирургической анатомии; умер в 1853 г. (П. А. Белогорский, стр. 114).).

Теперь спрашивается, имею ли я основание искать в гнойном заражении причину и моей болезни, и смерти всех этих лиц? Если пиэмиею назовем только одно рельефное изображение этой болезни по классическим руководствам и учебникам, то, конечно, нет. Также нет, если пиэмию будем искать только там, где найдем травматическое нарушение целости с поражением вен, тромбозом и эмболиею (Эмболия - закупорка кровеносного сосуда.).

Но в этом-то и состоит предрассудок, против которого я восстаю, что будто бы гнойное заражение всегда является под видом перемежающейся лихорадки, лихорадки родильниц, воспаления вен, переносных нарывов, словом, под видом классической пиэмии.

Смотря без всякого предубеждения на ход моей болезни, я вижу ясную и целые 15 лет продолжавшуюся связь между ее припадками и моими занятиями в секционной зале, в палатах пиэмииков и гангренозных, в воздухе, пропитанном мефитическими (Мефитический-зловонный.) испарениями.

Быв сторонником механического происхождения пиэмии, я сначала не хотел верить в эту связь, я убедился в ней постепенно и после долгого наблюдения. Причину же, почему я избежал полного развития пиэмии, я приписываю моим обычным поносам, с которыми я вступил в госпитальную службу. Я чувствовал себя и в госпитале, и в секционной комнате всегда хуже, как скоро у меня являлся запор, хотя в деревне и на чистом воздухе он мне нисколько не вредил. В госпитале же, напротив, с появлением вонючих (содержавших множество сероводорода) и обильных испражнений я чувствовал тотчас облегчение. Это наблюдение над влиянием поносных испражнений на ход гнойного заражения подтверждается, как известно, и опытами над собаками (с впрыскиванием гноя в вены): и у них при появлении поносов пиэмия иногда вовсе не развивается. Какие органические изменения были у меня следствием постоянного вдыхания гнойных испарений, я не знаю; но расстройство кишечного канала и скрытую перемежающуюся лихорадку, чуть не доведшую меня до гроба, я рассматриваю как следствия хронической пиэмии.

Что касается до других приведенных мною случаев, то в них материальные изменения, и именно: нарывы лимфатических желез, туберкулез и брайтова болезнь, подтверждены были вскрытием. Если взять эти случаи внезапно и в отдельности от других, то, конечно,

покажется странным, почему я эти различные болезни отношу также к гнойному заражению. Если же после наблюдения целого ряда случаев познакомишься с различными оттенками и осложнениями пиэмии, то убедишься, что и острый туберкулез, и острый скорбут, и острый медуллярный сарком могут при известных условиях развить настоящий гнойный диатез в теле.

Если в Крымскую войну (Из описания лечения различных видов госпитального заражения вообще.) я имел гораздо менее дела с рельефными формами госпитального омертвления, чем французские хирурги, то я приписываю это именно тому, что еще во время (в конце января 1855) занял под гангренозное отделение частные дома в Севастополе. Вообще, кто убежден в прилипчивости госпитального омертвления, тот будет непоследователен, если не станет тотчас же отделять зараженных, а вздумает их размещать по другим палатам, как это советует, например, Нейдерфер. Мне кажется бесчеловечным и бессмысленным пробовать восприимчивости незараженных, имея в виду одни воображаемые выгоды для зараженных. И если правда, что наши неприятели в Крыму заметили ожесточение госпитальной нечистоты от изолирования зараженных, то, вероятно, они отделяли их так же, как это делалось в итальянскую войну, т. е. в особые палаты того же госпиталя и под тою же крышею.

Если бы даже от скопления зараженных в одном месте состояние некоторых из них и потерпело, то это не уменьшает пользы, приносимой особыми отделениями целому госпиталю. Итак, насколько я защитник размещения раненых между здоровыми, настолько же я противник размещения зараженных между другими, не подвергшимися еще заражению больными.- Мои убеждения о губительном влиянии госпиталей на развитие пиэмии, нечистоты ран и других миазм, так же как и необходимость предлагаемых мною мер, подтверждается многими наблюдателями. В Германии поняли уже выгоды госпитальных палаток, хотя немцы и не сознают, что этим они обязаны России [...].

Как можно до сих пор при настоящем прогрессе естествознания располагать целый лагерь и военные лазареты безразлично, не изучив тщательно ни топографии, ни геогнозии каждой местности, а основываясь, как это делается теперь в наших европейских войнах, на одних стратегических соображениях? Что знают наши военные администраторы и генерал-штаб-докторы о различных слоях почвы, о выходящих из них испарениях, о различном стоянии и свойствах грунтовой воды? Кто занимается этим?

Я первый (Из главы VII - "Военно-полевые хирургические операции, отдел "Анестезирование".) испытал анестезирование на поле сражения при осаде Салтов в Дагестане в 1847 году. Предложенный мною в то время способ эфирования чрез прямую кишку оказался неудобным для военного времени, и я употребляю его теперь только как превосходное *antispa-modicum* в ущемлениях и особливо в почешной колике. При первых моих опытах над анестезированием раненых мне казалось, что оно способствует мепитическому заражению. Так я объяснял себе быстро развивавшуюся септикемию (Септикемия-общее инфекционное заболевание.) у ампутированных при осаде Салтов. Потом я убедился, что причина ее была совсем не та. Но и теперь, однакоже, я не отвергаю, что при известных условиях анестезирование располагает к мепитизму. Поэтому, если я имею дело с омертвлением у анемика, то я не анестезирую его для операции. Также не анестезирую я и того раненого, который был недавно поражен сильным травматическим окоченением.

Если я оперирую только что оправившегося от общего торпора, то я делаю это для того, чтобы возбудить угнетенную чувствительность и иннервацию.- Такой раненый почти не чувствует боли и без анестезирования; сделать же его совсем бесчувственным значило бы повредить ему.

За исключением случаев этого рода и некоторых легких операций, как, например, извлечения неглубоко засевших пуль, ни одна операция в Крыму под моим руководством не была сделана без хлороформа. Другие русские хирурги почти все поступали так же.

По моему приблизительному расчету число значительных операций, сделанных в

Крым в течение 12 месяцев с помощью анестезирования, простиралось до 10000. Если я прибавлю к этому числу еще другие, менее значительные операции, но сделанные также с хлороформом, да еще все, которые я делал с анестезированием и прежде, и после Крымской войны, то, кажется, я имею достаточно данных, чтобы судить и о достоинствах, и о невыгодах анестезирования. До сих пор в моей практике не встретилось ни одного достоверного случая скоропостижной смерти от анестезии.

По расчету, сделанному у нас на перевязочных пунктах в Севастополе, можно было при заведенном мною порядке и с хлороформом ампутировать слишком 300 раненых в течение суток, а при более благоприятной обстановке это же число хирургов могло бы окончить 300 ампутаций с хлороформом и в 9-10 часов.

С тех пор как моя *Анатомия фасций и артериальных стволов (Anatomia chirurgica fasciarum et truncorum arterialium. Dorput)* проложила верные пути к отысканию артерий, я постоянно руководствовался предложенными в ней правилами и подтвердил их на опыте, сделав более 70 перевязок. (Упомянется классический, основополагающий труд П. "Хирургическая анатомия...". Титульный лист 1-го изд. (1837)-воспроизведен автотипически у А. М. Заблудовского ("Н. И. Пирогов", кн. 1, стр. 129), 2-го изд. (1838)-в "Началах" (т. II, стр. 416). К тексту всех изданий прилагался художественно выполненный Атлас, в 50 и в 51 табл., одноцветных и в красках, с объяснениями. В обширном предисловии к первой публикации труда, помеченном 10 июня 1836 г. и повторявшемся в последующих изданиях, П. заявлял:

"В этом труде я представляю на суд общества плод моих восьмилетних занятий. Предмет и цель его так ясны, что я мог бы не терять времени на предисловие и приступить к делу, если бы я не знал, что и в настоящее время встречаются еще ученые, которые не хотят убедиться в пользе хирургической анатомии. Кто, например, из моих соотечественников поверит мне, если я расскажу, что в такой просвещенной стране, как Германия, можно встретить знаменитых профессоров, которые с кафедры говорят о бесполезности анатомических знаний для хирурга. Кто мне поверит, что их способ отыскания того или другого артериального ствола сводится исключительно на осязание... Вот их учение. Я сам был свидетелем того, как один из таких знаменитых хирургов утверждал, что знание анатомии не в состоянии облегчить отыскание плечевой артерии, а другой, окруженный массой своих слушателей, насмеялся над определением положения нижней надчревной артерии по отношению ее к грыжам, называя это "пустыми бреднями", и уверял, что "при грыжесечении он много раз нарочно старался поранить эту артерию, но-безуспешно". В каком непривлекательном свете должны показаться такие взгляды на хирургию [...].

Я не буду более распространяться об этом, не буду увеличивать таким образом списка человеческих заблуждений; пока не отживет свой век принцип "пренебрегать всем, что мы сами не знаем, или не желаем знать и не хотим, чтобы об этом знали и другие", до тех пор будут провозглашаться в аудиториях, с высоты академических кафедр, подобные приведенным сенсации ученых. Не личная неприязнь, не зависть к заслугам этих врачей, справедливо пользующихся уважением всей Европы, заставляют меня приводить в пример их заблуждения. Впечатление, которое произвели на меня их слова, до сих пор еще так живо, так противоположно моим взглядам на науку и направлению моих занятий, авторитет этих ученых, их влияние на молодых медиков так велико, что я не могу не высказать моего негодования по этому поводу. До поездки моей в Германию мне ни разу не приходила мысль о том, что образованный врач, основательно занимающийся своей наукой, может сомневаться в пользе анатомии для хирурга".

Кроме этого предисловия, имеется еще - на отдельном листке - такое заявление: "Я посвящаю свой многолетний труд врачам нашей столицы за внимание, которым они удостоили меня, и за дружелюбный прием, который останется во мне навсегда незабвенным!! Н. Пирогов" (впервые появилось в изд. 1840 г.). Разрешая проф. С. П. Коломнину выпустить этот труд в новом издании (1881), П. писал ему 8 октября 1880 г., что весь авторский гонорар должен быть передан нуждающимся студентам.

За это исследование Академия Наук присудила П. в 1840 г. Демидовскую премию. В Отчете об этих премиях за 1840 г. (и в ближайших к нему) нет сообщения о награждении П. за названный труд, но об этом упоминается в "Общем обзоре Демидовских премий за все время их существования, 1831-1864" (см. кн. "34-е и последнее присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград, 25 июня 1865 г.", стр. 25, СПб., 1866). Сам П. писал 27 декабря 1880 г. своему первому биографу, доктору И. В. Бертенсону: "Академическая Демидовская премия за хирургическую анатомию фасций и артерий" (Соч., т. I, стр. 925).

В личном архиве П. я нашел его заявление в Академию Наук от 16 октября 1840 г., что он хочет представить на Демидовскую премию свой труд о перерезке Ахиллесова сухожилия (одна из его классических работ). Там же имеется указание, что отзывы об этом труде дали академики К. М. Бэр, А. П. Загорский и П. Н. Фусс. Однако этих отзывов обнаружить не удалось. В Отчетах о Демидовских наградах также не упоминается о премировании работы об Ахиллесовом сухожилии.

Из многочисленных отзывов о "Хирургической анатомии" П. выделяется подробный разбор последнего издания книги, написанный в 1881 г. известным анатомом П. Ф. Лесгафтом (см. "Литерат. справки"). В наши дни академик Н. Н. Бурденко писал по поводу "Хирургической анатомии":

"Пирогов по первым своим работам являлся исполнителем программы, которой указал медицине путь развития органической связи с естествознанием и наметил почти детали очередных задач. Так, в отношении изучения фасций он наметил путь своим изучением оболочек и указал важное для практической медицины значение фасций и междуфасциальных пространств для распространения воспалительных процессов... Цель была обосновать медицину как науку. Анатомия как залог развития хирургии, эксперимент как введение в патологию, изучение объективных признаков болезни, как ключ к диагнозу..." ("Хирургия", 1937, No 2, стр. 8).

Тогда же проф. В. Н. Шевкуненко писал: "В Атласе Пирогова мы находим классическое воспроизведение всего того, что имеет существенное значение для отыскания и перевязки любого артериального ствола... В преподавании оперативной хирургии и топографической анатомии мы до сих пор пользуемся как исходными теми педагогическими приемами, которые в свое время широко применял Николай Иванович" (стр. 21). Подчеркивая, что до П. перевязка крупных сосудов покоилась на голом эмпиризме, проф. А. М. Заблудовский пишет: "Пирогов поставил себе задачей изучить ход фасций вследствие тесной связи их с артериями для лучшего нахождения последних. [Фасции - соединительнотканые оболочки, покрывающие отдельные мышцы или группы их]... Изучая анатомию фасциальных листков, Пирогов имел задачей изучить их не только как самостоятельный предмет, но создать мост между анатомией и хирургией, давая ключ, пользуясь которым можно было лучше ориентироваться, производя операцию на сосудах. Его хирургическая анатомия написана, в первую очередь, хирургом и, в первую очередь, отстаивает интересы хирурга. Пирогов писал о фасциях, но взор его проникал далеко за сравнительно узкие рамки взаимоотношений между артериями и фасциями. Он писал о последних, не упуская из виду всю хирургию и всю анатомию" (No 7, стр. 128). Спустя 10 лет тот же автор писал: "Хирургическая анатомия артериальных стволов и фасций сохранила свое значение до настоящего времени, и если современный хирург в нее редко заглядывает, то это объясняется лишь тем, что содержание ее давно вошло в наш хирургический инвентарь и излагается в руководствах топографической анатомии и оперативной хирургии как непреложная истина, без упоминания имени отца этого учения" (1947, No 6, стр. 8).

Академик Н. Н. Бурденко рассказал о судьбе пироговских материалов к "Хирургической анатомии": "В 1920 г. правление Воронежского университета должно было передать всю фундаментальную библиотеку б. Юрьевского университета Эстонскому университету в Тарту (б. Юрьев-Дерпт). Вместе с ней были переданы и ценнейшие реликвии - два ящика клише первого издания анатомии артериальных стволов и фасций, первые оттиски таблиц, вставленные в рамки с собственноручной нумерацией Н. И. Пирогова и его

автографами" (1937, No 7, стр. 7).

Идя найденными мною путями, я легко и без приключений находил артерию, и только однажды, перевязывая бедренную артерию в гноящейся ране, я проколол крючком слитую с нею вену.- Итак, я считаю долгом обратить снова внимание хирургов на мои правила, подтвержденные уже теперь 25-летним опытом. Пока их не примут в руководство, артерии будут отыскиваться не анатомически, а ощупью.

Я убедился также - и еще до Крымской войны,- что преимущества моей гипсовой повязки, наложенной тотчас же после резекции, незаменимы никаким другим способом, и меня удивляет, что в Германии только теперь начинают, как кажется, этому верить.

В Пруссии и Америке (в голштинской [1866 г.] и американской [1861-1865 гг.] последних войнах) женщины принимали также самое теплое участие в судьбе раненых. В Голштинин и Шлезвиге помогали в лазаретах до 85 сестер (католичек и протестанток). Круг их действий был, однакоже, более ограничен, чем наших сестер во время Крымской кампании. Мы рады были, когда наши сестры вмешивались, если не прямо, то косвенно, в госпитально-экономическую администрацию. И не только врачи, многие военноподполковники желали этого. А в Пруссии госпитальные врачи настаивают, чтобы деятельность сестер в госпиталях была тщательно разграничена и им строго бы было запрещено вступаться в дела госпитальной администрации. Тут много значит чисто духовный (орденский) характер сестер. Он имеет и хорошую, и худую сторону. Хорошая сторона наших сестер, отличающая их от орденских (духовных),- та, что они менее склонны интриговать, вкрадываться в доверие больных, вооружать их против врачей, делать прозелитов и т. п. Поэтому немудрено, что на Западе многие врачи не очень расположены к женской помощи в госпиталях.

II. ИЗ ОТЧЕТА О ВОЙНЕ 1870 г.

(Дальнейшие воспоминания П. о Крымской войне - из Отчета 1870 г. Общество попечения о раненых и больных основано 3 мая 1867 г. и переименовано в 1879 г. в Общество Красного креста. Но основы деятельности этого Общества были намечены П. задолго до его зарождения. Уже в "Началах" 1865 г., как подчеркивал П. с гордостью за русскую общественную мысль,- "излагался идеал Общества Красного креста прежде, чем оно осуществилось" на Западе (письмо к И. В. Бертенсону от 27 декабря 1880 г.). Основатель международного общества Красного креста А. Дюнан также писал, что идея этого учреждения возникла у него под влиянием известий о деятельности Крестовоздвиженской общины сестер в Крыму.

В начале августа 1870 г. Общество предложило П. поехать на театр франко-прусской войны. В ответ на это П. сообщил председателю Общества:

"Мне чрезвычайно лестно то доверие, которым Обществу и вам угодно было почтить меня в письме вашем от 11 августа; и я готов бы был принять ваше предложение, если бы мог преодолеть мое глубокое убеждение о первейшей и главной обязанности каждого филантропа - служить своему обществу безвозмездно. В доказательство же моей готовности принять участие в столь важном деле общественной пользы я решаюсь предложить вам одно средство, кажущееся мне удобоисполнительным.

Я предлагаю Обществу, оказывающему мне столько доверия, исходатайствовать для меня командировку от правительства с тем, чтобы я в шестинедельный срок, который я считаю вполне достаточным и по моим домашним обстоятельствам для меня не обременительным, осмотрел все санитарные учреждения на театре войны и изложил бы мой взгляд о способе применения их у нас. При исполнении этой обязанности я обязался бы исполнить и все поручения Общества. Мне кажется, я мог бы этим способом принести пользу и нашей военной медицине и делу высокого человеколюбия, озабочивающего Общество.

Само собою разумеется, что для открытия мне доступа к осмотру санитарных учреждений, действующих на театре войны, я должен быть снабжен доверительными документами от правительства и Общества. Если предлагаемое мною средство Общество

найдет удобоисполнимым, то о последующем прошу покорно меня уведомить" (письмо от 19 августа 1870 г. "Вестник", 1870, No 9).

Правление Общества добилось у царя разрешения на поездку П. и пригласило его в Петербург. Вопросы, связанные с поездкой П. на театр войны, обсуждались в заседании 11 сентября 1870 г. Здесь П., между прочим, высказал свой взгляд на деятельность Общества и предложил ему заняться на первое время устройством подвижных госпиталей. Через 2 дня П. выехал за границу ("Медиц. вестник", 1870. No 38).

О том, в каких условиях приходилось великому русскому ученому совершать объезд театра франко-прусской войны, рассказал сопровождавший его И. В. Бертенсон: "Приходилось спать втроем и вчетвером в одной небольшой комнате, отчасти на полу, отчасти на импровизированной кровати". Николай Иванович, "однако, легко мирился с этими неудобствами, в особенности, когда сравнивал их с знакомыми ему кавказскими и севастопольскими. В течение 5 недель он успел осмотреть до 70 военных лазаретов" ("Р. ст.", 1918, No 10-12, стр. 18).

И. В. Бертенсон рассказал также, с каким почетом принимали за рубежом гениального представителя русской науки. "Нам, соотечественникам его, отрадно было видеть тот почет и то изысканное внимание, которым повсюду его окружали... Путешествие Н. И. Пирогова было скорее похоже на торжественное шествие по знакомому лагерю, составленному из всех возможных представителей медицинской науки, как бы ожидавших его прибытия... Куда ни являлся он, везде спешили к нему навстречу... Весть между врачами о прибытии Пирогова быстро разносилась повсюду. Большинство врачей, впервые в жизни видя автора классического в хирургии сочинения "Начала общей полевой хирургии...", встречали его как близко знакомые с его научными трудами; не говорим уже о специалистах по хирургии, об известнейших профессорах по этой отрасли, с которыми имя творца остеопластической операции и гипсовых повязок почти что сроднилось" ("Вестник", 1871, No 3).

Вернувшись из поездки на театр войны, П. сделал в Обществе (в заседании 19 октября 1870 г.) предварительный доклад о своих наблюдениях, разросшийся впоследствии в Отчет 1871 г. В протоколе заседания имеется резкое высказывание П. об отношении немецкой военной администрации к русским врачам, работавшим в качестве добровольцев в госпиталях на фронте. (Это заявление было исключено председателем Общества при печатании книги П. о поездке 1870 г.).

На вопрос, имел ли П. случай собрать во время своей поездки некоторые сведения о деятельности наших медиков, Николай Иванович "объяснил, что, не посетив всех тех мест, где находились эти медики, он не может дать утвердительного на это ответа. Вообще же можно сказать, что о помощи со стороны нашего Общества знают очень мало. Особенной деятельности у наших врачей не было; как слышно было, они играют второстепенную роль и потому жалуются на свое положение. За исключением одного, двух врачей, они действуют в качестве помощников. Встретив в Саарбрюкене одного из русских медиков..., Н. И. Пирогов узнал, что тот получил от прусского министерства инструкцию, согласно коей обязан был прослужить прусскому правительству безвозмездно две недели, в виде опыта, с тем, чтобы получать содержание по истечении этого срока; но так как деятельность этого врача была слишком очевидна, то эти две недели были ему зачтены.- Вообще, по отзыву Н. И. Пирогова, незаметная и безгласная деятельность русских медиков во время нынешней войны должна быть приписана тому обстоятельству, что они действовали разрозненно и одиночно, будучи рассеяны по разным местностям, и потому, естественно, результаты их действия остаются почти бесследными" ("Вестник", 1870, No 11).

На сообщение И. В. Бертенсона о том, что в правлении Общества считают необходимым изъять из Отчета заявление о работе русских врачей-добровольцев в немецких военно-полевых госпиталях, П. ответил просьбой, чтобы оставлено было главное: "Общество не должно посылать врачей одних, без собственных лазаретов". Работая в немецких госпиталях, наши врачи были "скитальцами" (письмо П. к доктору И. В. Бертенсону от 29 декабря 1870 г.).

Вскоре после выхода в свет книги П. о франко-прусской войне она была переведена на немецкий язык (Лейпциг, 1871). Рецензии на это издание появились в зарубежной медицинской печати. В одной из них сообщалось: "Настоящий отчет знаменитого русского ученого появился на русском языке в начале тек. года. Богатый материал, собранный почтенным автором в 70-ти посещенных им лазаретах в Германии и Франции, положения, которые он выводит из своих наблюдений, и советы и указания, которые он, основываясь на этих наблюдениях, преподает Обществам попечения о раненых и больных воинах, делают этот отчет одним из капитальнейших и драгоценнейших трудов, появившихся доселе, в видах истинного человеколюбия, в области военно-полевой хирургии, и оправдывают желание, чтобы он приобрел возможно большую известность между образованной, даже не медицинской публикой". "Прочитав отчет с большим интересом,- говорит затем рецензент,- мы можем лишь дословно подтвердить вышесказанное. Отчет весьма существенно отличается от многих других появившихся уже отчетов, трактующих о том же предмете, правдивой, дельной передачей пережитого, беспристрастной критикой осмотренных учреждений и рациональным применением их к военно-санитарному делу" ("Вестник", 1871, No 12).

Это была рецензия на Отчет П., изданный Обществом под цензурой правления. Заявление П. о плохом отношении немецкой администрации к русским врачам встречено было иначе. За немецкую военную администрацию, якобы оклеветанную великим русским ученым и патриотом, заступились с двух сторон. Застрельщиком был киевский профессор Х. Я. Гюббенет. В своей книге о Крымской войне, вышедшей в свет незадолго до 19 октября 1870 г., он постарался умалить заслуги П. по созданию научной военно-медицинской доктрины. После октябрьского заседания Г. прислал Обществу свои "Замечания" по поводу заявления П. о постановке военно-медицинского дела в немецкой армии. Эти "Замечания" были сообщены П., и Николай Иванович прислал Обществу возражения на них. О цифровых данных, собранных Г. у руководителей немецкой военной медицины и приведенных им в своих "Замечаниях", П. писал: "Разве администрация будет сообщать иностранцу сведения, бросающие хоть какую-либо тень на ее распоряжения, и будет представлять ему свои действия в неблагоприятном виде? Это было бы слишком наивно, и я на месте д-ра Лефлера сказал бы любопытствующему иностранцу еще не то... Если г. фон Гюббенет хотел перед Обществом попечения кинуть тень подозрения на мое правдолюбие, то ему следовало бы это сделать другим образом" (письмо 30 января 1871 г. редактору "Вестника").

Возможно, что Гюббенет и не воспользовался советом П., но содержание его "Замечаний" вскоре после этого появилось в немецкой военной газете (в Берлине) в виде рецензии на устный доклад П. в заседании 19 октября 1870 г. Рецензия была опубликована тотчас вслед за выходом в свет Отчета П. о франко-прусской войне, и номер газеты был "услужливо" прислан П. в деревню. П. написал "антирецензию", которую послал И. В. Бертенсону с просьбой "распубликовать и здесь, и за границей". "Нужно было бы, - писал Н. И., - перевести и на французский, так как рецензия написана на статью", появившуюся во французской газете в Петербурге. "Словом, прошу вас, сделайте все возможное, чтобы придать моему ответу как можно более гласности. Очевидно, есть люди, которые пользуются каждым словом для возбуждения национальностей. Против этого должны действовать все здравомыслящие люди... Досадно, что к вопросам, интересующим все человеческое общество, примешивают национальные страсти и мутят воду, чтобы рыбу ловить" (письмо от 26 февраля 1871 г.).

В своей "антирецензии" П. заявляет: "Анонимная рецензия, появившаяся в No 39 берлинской "Военной еженедельной газеты" (22 февраля), рассматривает речь, произнесенную мною в Главном управлении Общества попечения о раненых и больных воинах, в том предположении, будто бы я имел намерение своим отчетом выразить порицание громадным успехам немецкой военно-медицинской администрации в нынешнюю войну. Считаю долгом объявить, что такое воззрение основано на недоразумении". Но то, что П. "сам видел и то, о чем слышал от заслуживающих доверия свидетелей",

"неутешительно и очевидно [наглядно] доказывает необходимость основательной и глубоко проникающей реформы..."

Открытая пропасть между разрушительными действиями новейших военных орудий и справедливыми требованиями гуманности должна быть хотя несколько восполнена". Цифры, приводимые самим рецензентом немецкой военной газеты, не опровергают сообщенного в докладе 19 октября "факта, что большинство раненых... не получило на поле сражения целесообразно и равномерно распределенной помощи. Факт, что много тысяч раненых (сказывали, до 10000), после сражения, пробыв 2 дня в дороге на крестьянских повозках, были первоначально свалены в деревне, остается неопровержимым".

Затем П., пользуясь цифровыми данными немецкой рецензии, показывает, как работали в Крыму русские врачи в сравнении с немецкими врачами в 1870 г.: наши врачи трудились на пользу родной армии самоотверженно, забывая свой личные удобства или выгоды, те оставляли своих раненых без надзора, раболепствуя перед своим начальством. Заявление о недостаточном обслуживании раненых воинов в немецкой армии П. подкрепляет указанием на то, что "новейшее военное искусство, с его невероятными успехами, далеко оставило позади все европейские военно-медицинские администрации, действующие еще по старым правилам... На этот именно результат" и желает П. "обратить внимание нашего правительства и наших русских обществ" ("Вестник", 1871, No 4).

В дальнейшем полемика между П. и Гюббенетом развивалась в связи с желанием последнего затушевать деятельность великого русского хирурга в Севастополе (см. след. примечание).

В 5-ти недельный срок моей поездки я успел осмотреть до 70 военных лазаретов, расположенных в Саарбрюкене, Ремильи, Понт-а-Муссоне, Корни, Горзе, Нанси, Страсбурге, Карлсруэ, Швецингине, Мангейме, Гейдельберге, Штуттгарте, Дармштадте и Лейпциге, содержавших в себе несколько тысяч раненых.

Про Крымскую войну мы, положа руку на сердце, можем сказать, что даже в таком случае, когда всего труднее оставаться нейтральным, именно при сбирании раненых, после сражения, и при оказании им первой помощи, мы никогда не отличали своих от чужих [стр. 14].

Россия, несмотря на незначительность пожертвований, собранных русскими обществами, может про себя сказать, что она прежде всех опытом доказала пользу и необходимость организации частной помощи во время войны.

Нам известно, что впервые Крестовоздвиженская община сестер милосердия была организована и послана в 1854 году на театр Крымской войны [...]. Я имел честь руководить действиями этой замечательной общины. Вслед за нею были высланы в Симферополь [...] сердобольные вдовы, порученные также моему руководству. Обе общины были снабжены значительными запасами перевязочных вещей, белья и других припасов. Деятельность этой, первой в Европе, частной помощи была описана в свое время; здесь довольно припомнить из ее подвигов только то, что почти половина сестер потеряла здоровье и жизнь в Крыму, при уходе за больными и ранеными. Через год (в 1855 г.) и Англия выступила так же.

На Западе умалчивают о том, что госпитальные палатки и летние деревянные помещения при госпиталях известны в России уже более 30 лет и от нас были заимствованы, да и мы сами не отстаиваем наше первенство,- что доказывается, между прочим, и статьей Лабулэ, переведенною на русский язык, без всякого замечания о наших правах на первенство. Как бы то ни было, мы в Крымскую войну имели уже свои бараки, называя этим именем мазанки,- правда плохие, употреблявшиеся для помещения раненых. А госпитальные палатки, так же как и деревянные летние палаты, так давно нам знакомые, составляли в Крымскую войну и в некоторых наших столичных госпиталях самую лучшую и самую здоровую часть наших больничных помещений.

Я первый ввел сортировку раненых на севастопольских перевязочных пунктах и уничтожил этим господствовавший там хаос. Я горжусь этой заслугой, хотя ее и забыл сочинитель "Очерков медицинской части в 1854-1856 годах.

(Комментируемый отрывок из Отчета П. о посещении театра франко-прусской войны вызван его желанием восстановить первенство русской военно-медицинской науки в деле чрезвычайно важном для обороны родины. Первая фраза этого отрывка-о предложенной П. и впервые введенной им во время Крымской войны системе сортировки раненых - освещена в предшествующем изложении. Вторая фраза вызвана книгой Х. Я. Гюббенета о Крымской войне ("Очерк..."). Еще в то время, когда в правлении Общества рассматривался с цензурной точки зрения Отчет П. о поездке на поля сражения 1870 г., эта фраза обеспокоила друзей Гюббенета. Получив от И. В. Бертенсона сообщение об этом, П. заявил, что указанную фразу он включил в свой Отчет для восстановления истины. "Вы пишете, что я упомянул в моем отчете об этом господине, но, кажется, я нигде его не называл; вы верно разумеете то место, где я говорю об авторе "Военно-медицинской части в 1854-1856 годах".

Да, я не мог пропустить эту наглость с его стороны,- скрыть под общими местами мою главную заслугу в Севастопольской войне и говорить о сортировании, как будто оно им было введено или не знаю кем... Так мог поступить Гюббенет, или человек, у которого нет ни чести, ни совести. Пожалуйста, ускорьте печатание; мне было бы очень желательно, чтобы предложения мои в отчете касательно деятельности общества были подвергнуты всестороннему обсуждению. Может быть, что-нибудь и примется и упадет на практическую почву" (письмо от 29 декабря 1870 г.).

Разъяснение этой характеристики Г. находим в позднейшем рассказе доктора А. А. Генрици: "Насколько деятельность и воззрения Пирогова были поучительны для медиков и полезны для армии, настолько же не соответствовала его назначению создававшаяся кругом его обстановка... Предложивший армии свои услуги проф. Гюббенет, вместо того, чтобы следить за общим ходом деятельности и отношений всей корпорации Пирогова и вместо того, чтобы, для общей пользы, стать сразу под знамя Пирогова, пользоваться его опытом и исключительными знаниями,- вздумал с ним соперничать, создавая отдельную корпорацию, враждебно относившуюся к пироговской. Между тем при частой замене пироговских медиков, на различных местах, полевыми и обратно, и при несуществовавшем разграничении деятельности его корпорации от таковой прочих медиков, все заслуги последней [т. е. пироговской] в общей массе стусывались и часто приписывались неповинным в них лицам, что особенно легко свершалось при всегдашнем нерасположении представителей полевой медицины к Пирогову. Вот почему он из Севастополя не вышел тем колоссом гениальности ума и самоотвержения пред правительством и народом, каковым он действительно был" (1877, No 11, стр. 448 и сл.).

Для характеристики отношения Гюббенета к П. интересно сопоставить приведенный отзыв с заявлением С. П. Боткина: "Пребывание Ник. Ив. в Севастополе, Симферополе хотя и дало ему право встать рядом с нашими народными героями, но значительно увеличило число его непримиримых врагов... Вся беда лежала, невидимому, в том, что Пирогов был значительно выше того времени, в которое ему приходилось действовать. Опередив свой век в науке, он опередил его и в общественной деятельности".

Как указано выше, защита немецкой военной администрации усиленно велась в двух направлениях: проф. Гюббенетом посредством "Замечаний", посланных им от своего имени в правление Общества, и анонимными рецензентами в немецкой печати. П. решил выступить печатно (см. след. примечание).

III. О СОРТИРОВКЕ РАНЕННЫХ

1

(Опубликовано в "Вестнике" (1872, No 1); повторено И. В. Бертенсоном в 1889 г. в докладе о П. Написано в декабре 1871 г. Во вступительной части доклада И. В. Бертенсон, который был близок к П., часто переписывался с ним, был его первым биографом,- говорил о врагах гениального русского хирурга, клеветавших на него. В связи с этим автор доклада и опубликовал комментируемый документ вторично. Докладчик упомянул также о напечатанной в No 4 "Вестника" за 1871 г. "антирецензии" П. как о возражении Гюббенету.

Я считаю себя нравственно обязанным перед Обществом попечения о раненых и

больных войнах заявить следующее, и потому прошу вас (Документ адресован И. В. Бертенсону как редактору "Вестника" для передачи правлению Общества. И. В. Бертенсон (1833-1895) по защите докторской диссертации в Юрьеве (1857), был деревенским врачом; писал по крестьянскому вопросу, участвовал в медицинской прессе статьями по больничному и санитарному делу, по общественной гигиене; заведовал больницами; преподавал в медиц. школах. Б. сопровождал П. в поездке на театр франко-прусской войны; напечатал несколько статей о П. (1881 г. и сл.; в Прот., "Р. ст.", "Р. шк.". С. А. Венгеров, стр. 121 и сл.; Прот. за 1886-1887 гг., стр. 207 и сл., 1887 г.) покорно принять на себя и огласить мое заявление.

В моем Отчете, изданном Обществом, я сказал на стр. 60, что "я первый ввел сортировку раненых, уничтожив этим господствовавший на севастопольских перевязочных пунктах хаос,- и горжусь этой заслугой, хотя ее и забыл сочинитель "Очерков медицинской части в 1854-56 годах". (Имеется в виду проф. Х. Я. Гюббенет, против которого направлен весь очерк).

До сих пор, несмотря на мои 60 лет, я никогда еще не был обвиняем во лжи и в хвастовстве; поэтому я и не считал необходимым приводить в Отчете доказательства моих прав на эту, немаловажную, по моему мнению, заслугу; тем более, что считал ее за неоспоримый и известный многим очевидцам факт.

Мне не трудно было бы привести между многими свидетелями таких известных лиц, как доктора Обермюллер, Каде, Хлебников (профессор Мед.-хир. академии), живущие в Петербурге, и др.

Но, к крайнему моему удивлению, я прочел в брошюре, недавно изданной, как я полагаю, отделением Общества, под именем "Франко-германская война 1870-1871 г. и международная русская помощь", на стр. 78 следующие строки:

"Если автор Отчета о посещении военно-санитарных учреждений Германии, Лотарингии и Эльзаса в 1870 г. упоминает, что он первый ввел сортировку раненых и этим уничтожил хаос, то я себе позволяю, не уменьшая славы его изобретения, привести, что после значительной вылазки 8 января 1855 года, хаос, происшедший вследствие наплыва раненых, привел меня к этой мере, и я, тогда же, распорядился об отделении раненых, подлежащих операции, от подлежащих транспорту и безнадежных. Ученый автор вышеупомянутого Отчета вступил только 19 января на перевязочный пункт и до этого времени ни на одном из перевязочных пунктов не был. Что он поддержал эту сортировку, и даже может быть еще настойчивее, это мне совершенно известно; но я не думал, что он желал приписать себе инициативу этого дела. Здесь, вероятно, случилось то же, как и при других больших открытиях, что двое, в одно и то же время, нападают на одну и ту же мысль, или, как и при весьма простых мерах, что две личности, в одинаковом положении, делают одно и то же".

И далее: "Эта сортировка не нова, но заимствована из старых, невидимому, инструкций в Пруссии".

Хотя для сущности полезного дела все равно, кто первый ввел его в употребление, но если я, по свойственной занимающимся наукой слабости, уверил Общество, печатно, о моем первенстве в этом деле, то, чтобы не остаться в его глазах хвастуном, я обязан ему представить доказательства. (В связи с изданием своего Отчета 1871 г. П. писал И. В. Бертенсону: "Я слишком ссылаюсь в нем на себя, т. е. на мою книгу ["Начала"],- это, я знаю, с моей стороны навязчиво, но что же делать? Если другие не отдают справедливости, то каждый обязан сам к себе быть справедливым. Пусть узнают,- кто хочет знать,- что я не толлок воду 30 лет" (письмо от 22 декабря 1870 г.).).

1) Вступить мне, тотчас же, по прибытии в Севастополь, на перевязочные пункты (в начале ноября) было бы, по моему мнению, более эффектно, чем полезно, и я до 19 января 1855 г., действительно, не присутствовал на севастопольских перевязочных пунктах. Я с первого же дня моего прибытия под Севастополь в 1854 г. вплоть до января 1855 г. был занят в госпиталях (бараках) на Северной стороне, в Бахчисарае и Симферополе (где пробыл около

3 недели), переполненных тогда донельзя тяжело ранеными после Инкерманской битвы, после первого бомбардирования, и даже еще оставшимися после сражения под Альмою; в течение месяца не проходило почти ни одного дня, в который бы не было сделано в этих лазаретах от 10 до 20 различных операций и накладывания неподвижных повязок; в одних бараках и батареях, на Северной стороне, лежало более 100 ампутированных и резецированных; несколько сотен таких же были скучены в Бахчисарайском и Симферопольском лазаретах; сверх того, в Симферополь прибыла Община сестер милосердия (Крестовосдвиженская), которую я должен был, по поручению ее императорского высочества великой княгини Елены Павловны, разместить по лазаретам.

Между тем севастопольские перевязочные пункты, после Инкерманской битвы, не представляли поприща для научно-врачебных занятий; правда, с батарей и после ночных вылазок приносились в Морской госпиталь и в Дворянское собрание почти ежедневно несколько раненых, требовавших иногда операций, но почти до половины декабря трудно раненые и оперированные на этих пунктах пересылались на Северную сторону.

Это распоряжение г-на администратора в Дворянском собрании, д-ра Рождественского, имело ту хорошую сторону, что прекрасное помещение в Дворянском собрании не было завалено ранеными с гноящимися ранами, а оставалось пригодным для свежераненых и для первых перевязок, хотя, с другой стороны, бараки на Северной стороне переполнились от этих транспортов трудно больными и пиэмиками. Но потом, когда оперированные, по новому распоряжению другого директора, (Имеется в виду Х. Я. Гюббенет) начали задерживаться в Дворянском собрании, то Севастополь лишился на целые месяцы одного из лучших помещений для свежераненых.

Этим и объясняется, почему операции, произведенные в Дворянском собрании, когда оно было только перевязочным пунктом, после первого бомбардирования дали довольно порядочный результат, а потом, пиэмия, развивавшаяся там от скучения оперированных, начала заражать и свежераненых и свежее оперированных так, что когда я, 19 января, по настоянию князя Васильчикова, принял на себя заведывание главным перевязочным пунктом в Дворянском собрании, я нашел там около 150 оперированных и раненых и почти буквально ни одного не нашел с чистой раной; у всех были гнойные затеки, острогнойный отек и пиэмия. Итак, спешная деятельность на перевязочных пунктах не дала блестящих результатов, и если я, не рассчитывая на эффект, отказался на первое время от интересных занятий на перевязочных пунктах, а сосредоточил мою деятельность на осмотр нескольких тысяч раненых в симферопольском и других лазаретах и на наблюдение за ходом лечения в бараках, то я был все-таки не менее полезен и, во всяком случае, не более вреден, чем другие.

2) Что касается до ночной вылазки 8 января, в которой будто бы в первый раз был предпринят способ сортирования раненых, то со стороны лица, введшего его в употребление, было весьма предосудительно, что оно ни мне, ни другим врачам ни тогда, ни после ничего не сообщило об этом полезном нововведении. Этим оно, как скрывавшее свой талант в землю, причинил много вреда ближнему.

После 8 января было еще несколько стычек, была и знаменитая ночная вылазка 10/22 марта 1855 года у Камчатского редута, о которой также упоминается и в новоизданной брошюре (на стр. 79-80); были и первые дни сильной бомбардировки на другой день Светлого праздника; автор брошюры ни разу, однакоже, не показал нам своего способа на деле; он бывал нередко в Дворянском собрании и даже ночевал там однажды, а между тем, он ни единым словом не намекнул ни мне (Опубликована след. записка П. к Гюббенету, 11 марта 1855 г.: "Прошу Вас придти ко мне раньше, чем пойдете на перевязочный пункт. Мне нужно переговорить с Вами" ("Особое прибавление" к No 4 "Вестника" за 1872 г.).

Разговор был о присылке к П. ста раненых, преимущественно со сложными переломами верхней конечности.) и никому из нас о своем способе сортирования раненых, - хотя он и не мог не видеть, что наши меры в то время не были еще достаточны против хаоса от ночных наплывов раненых на наш перевязочный пункт. Как же это объяснить?

Мало того, при знаменитой вылазке с Камчатского редута, когда я,- едва оправившись от тифоида,- сделал первую попытку сортировки раненых, назначенных для ампутации, автор брошюры,- я это очень хорошо помню,- прибыл на другой или третий день в Дворянское собрание и сам, жалуясь на свое беспомощное положение в Морском госпитале,- куда были перенесены в ночь все раненые с Камчатского редута,- рассказывал нам про свое отчаяние. И действительно, было от чего отчаиваться: он и врачи в Морском госпитале это говорили тогда, и он, и они, распорядились тотчас же, ночью, делать ампутации, а между тем раненых приносили все более и более и стеснили операторов до того, что им едва можно было двигаться; вследствие этого целую неделю после вылазки приносили к нам, с заведываемого г. автором брошюры пункта, вовсе не перевязанных раненых с раздробленными костями.

Теперь, в брошюре он извиняется тем, что "самые лучшие инструкции не могут быть всегда соблюдаемы (стр. 79)" и что "при внезапном наплыве раненых, недостатке места (?) и при совершенном мраке (?) сортировка не могла быть вполне соблюдена".

Дело в том, что она вовсе еще не была тогда известна автору. На внезапность наплыва, на мрак и недостаток места ссылаться нельзя. Князь Васильчиков дал знать врачам о предстоящей вылазке; места в огромном Морском госпитале довольно нашлось бы при лучшем распоряжении ранеными, против мрака могли быть в запасе свечи. Как бы то ни было, но мне кажется, что кто, зная, не применяет знания к делу, тот поступает неизвинительно, а кто, зная о полезном, не сообщает своего знания вовремя другим,- тот поступает недобросовестно. (В цитированном выше письме к И. В. Бертенсону от 29 декабря 1870 г. П. заявляет: "Мне бы было очень желательно, чтобы предложения мои в Отчете [о поездке 1870 г.] касательно деятельности Общества были подвергнуты всестороннему обсуждению").

Напрасно, однакоже, мы бы стали укорять автора в его неумении или, боже сохрани, в его недобросовестности и скрытности. Он, так же как и я, до больших дел под Севастополем, просто не знал да и не мог знать этой "простой", по его словам, меры (стр. 78). Побыв не более 6 недель на одном из перевязочных пунктов в самое глухое и тихое время (между ноябрем и половиною января), даже и при большей опытности в военной хирургии, нельзя было сразу примениться и отстать от прежних убеждений школы, т. е. тотчас же сортировать раненых, не теряя ни минуты времени.

3) Главное же, в Севастополе, до больших вылазок и до второго бомбардирования (март, апрель), т. е. после Инкерманского сражения, не было ни надобности, ни средств производить сортировку раненых; она была бы в то время ошибкою, а не заслугой.

Г. автор в насмешку называет ее то важным открытием, то простым делом (стр. 78); но простым делом может сортировку раненых назвать только тот, кто ее не знает по опыту. Это, напротив, одна из самых трудных мер военно-врачебной администрации, а потому не было и никакой надобности применять ее ни 8 января 1855, ни в других еще менее значительных стычках вплоть до вылазки 10/22 марта у Камчатского редута.

Какая надобность, в самом деле, сортировать сотню или две раненых, имея до 10 врачей под рукой? Тут должно оказывать тотчас же помощь всем нуждающимся в хирургических пособиях, а 8 января 1855,- можно утверждать положительно,- в Дворянское собрание не могло быть принесено таких раненых более 50-60; в Дворянском собрании нельзя было поместить более 150 коек, а на Северную сторону, я положительно уверяю, в течение всего января 1855 г. не было разом доставляемо более 10-20 свежих раненых. Если бы было тогда более 100-200, куда же бы они могли деваться, после сортировки? В Морской госпиталь из Дворянского собрания не отсылались раненые, да по недостатку в транспортных средствах их и нельзя было тотчас отсылать.

Итак, я утверждаю, что ни в одной вылазке, в январе месяце 1855, не представлялось никакой надобности терять время на сортировку, тем более, что в эту эпоху осады в Дворянском собрании было скорее избыток, чем недостаток во врачах, искавших операций, а в случае недостатка их можно было пригласить от нас, с Северной стороны. Если же,

наконец, кому-нибудь из 2-х тогдашних директоров перевязочного пункта в Дворянском собрании (г. Рождественскому и Гюббенету) и пришла мысль сортировать больных, то ее все-таки нельзя бы было исполнить в то время, и эта мера, как бы она проста ни казалась, осталась бы одним благочестивым желанием.

Для сортирования раненых на 4 или 5 категорий, кроме значительного числа раненых, необходимы еще 3 условия: значительное число вспомогательного материала, средства для транспортировки и достаточное помещение вблизи перевязочного пункта. Но куда бы положили гг. директора перевязочного пункта в Дворянском собрании разделенных на категории раненых, если бы их было более 200? Транспортировать, тотчас же, через бухту тогда было нельзя, а в самом Севастополе не было еще никаких размещений ни для безнадежных, ни для гангренозных!

Может быть, гг. директора, действительно, отделили назначенных к ампутациям и ампутированных в одну залу от других раненых; но неужели же можно это назвать сортировкой и сравнивать с тем, что происходило при мне, в Дворянском собрании, начиная со второй бомбардировки на Святой неделе и в последовавшие за тем сильные вылазки?

Не может быть, чтобы автор брошюры не знал или забыл, как трудно было мне ввести сортировку с первого разу, - ведь первая, и не совсем удачная, попытка была сделана мною на его же раненых после вылазки у Камчатского редута, когда он не знал, куда с ними деваться.

Но не эту попытку и не сразу я достиг водворения порядка в Дворянском собрании. В первые 2 дня второй бомбардировки беспорядка все еще было много на моем перевязочном пункте, пока, наконец, я достиг полного распределения всех раненых, и это случилось только тогда, когда я получил, по приказанию кн. Васильчикова, в мое распоряжение до 5 значительных помещений: очищенную Николаевскую казарму, офицерский дом, дом Гущина и т. п., когда я сам очистил, на время, зараженное Дворянское собрание, получил носильщиков и служителей и, сверх того, к тому же времени были учреждены правильные транспорты на пароходах через бухту; прибыли сестры Крестовоздвиженской общины, и прикомандированы были к перевязочному пункту врачи из полков.

Неужели же все это забыто очевидцами? - Неужели кто поверит, чтобы лицу, не совсем опытному в военной хирургии, не имевшему дела с ранеными, недавно прибывшему на перевязочный пункт (которым оно и не заведывало самостоятельно), вдруг, в один день, именно 8 января 1855г., без всякой необходимости и без всяких средств удалось найти и ввести в употребление одну из трудных врачебно-административных мер, а потом, не сообщив о ней никому, забыть ее и не применить при необходимом случае, на деле? Мало того, кто поверит, что это же самое лицо и потом уже, после того как сортировка в Дворянском собрании ежедневно мною применялась, именно 26 мая 1855 г., опять-таки не могло применить ее на деле, как скоро раненые скопились в одном месте и в значительном количестве? В доказательство этого привожу слова самой брошюры. "Еще более, - пишет сам автор, - сортировка не могла быть соблюдена 26 мая (7 июня), когда давка и теснота были так значительны, что пришлось, лишь бы только уменьшить хаос, отправить узнанные (и я наверно знаю, что и неузнанные) переломы без повязок на Северную сторону" (стр. 80).

Можно ли после таких признаний считать сортировку детищем собственного опыта или собственной фантазии и рекомендовать ее, как автор это сделал, в своих "Медицинских очерках" ?

Правда, я и сам далек от того, чтобы сортирование раненых выдавать за талисман и утверждать, что оно всегда должно удасться. - Если главный военно-врачебный администратор армии не признает эту меру обязательной для всех подведомственных ему врачей; если он сам не знаком с ней из опыта; если она применяется исключительно после полевых сражений, на самом поле битвы, без достаточных средств, и, особливо, во время отступления армии, - то она, конечно, не удасться. Не могла быть применима сортировка, в полном смысле, и у нас, при отступлении армии с Южной стороны Севастополя; но во время

самой осады ответственность за неудачное ее применение всецело падает на военно-врачебную администрацию и, конечно, не на одного автора брошюры.

4) Замечательно для меня в этом плагиате и то, что ни автор брошюры и никто другой не присваивает себе до сих пор, до 1870 г., введение сортировки между военно-врачебными мерами администрации, тогда как я заявил мое право на первенство, подробно описав ее в моей Военно-полевой хирургии, на немецком и русском языках. Прошло уже 9 лет после издания моей "Kriegschirurgie", и я в первый раз нахожу такой плагиат в "Очерках медицинской части в 1854-56 годах", который, впрочем, подтверждает известную истину, что "хорошо забытое, старое, может быть легко превращено в новое".

В брошюре же "О Франко-германской войне" тот же автор, и эту же самую меру, называет уже заимствованной "из старых инструкций",- каких спрашивается? (стр. 78),- и "выработанной по прусским предложениям в особом комитете" (стр. 77),- в каком, и главное, когда? А что, если после издания моей Kriegschirurgie? Она не безызвестна прусским врачам и администраторам, и когда она вышла в свет, то Пруссия начала только вести Датскую войну; (Имеется в виду война 1866 г.), но ни в Датской, ни в прежних войнах До 1866 г., и даже до 1870, сортирование раненых не было еще введено нигде как главная военно-полевая врачебная мера.

Итак, один и тот же автор, в двух своих сочинениях, изданных почти в одно время, объявляет нам о сортировке раненых и как о принадлежащем ему нововведении и, вместе, как о мере уже старой, общепринятой и столь простой, что на нее, при некоторой опытности (стр. 78), каждый сам наталкивается.

Жаль что автор, видевший несколько раз на нашем перевязочном пункте способ моей сортировки раненых и рассуждая теперь о нем и так и сяк, забыл присвоить себе еще и мысль о фабричном, так сказать, производстве ампутаций, посредством сортировки врачей, которую я проводил иногда на деле, вместе с сортировкой раненых.

Он говорит, впрочем, в своих "Отчетах" об известном числе ампутаций, которое я успевал делать в час времени, но он или забыл сказать или не заметил, что я, или лучше сказать, что мы, их делали тогда фабрично, т. е. я оканчивал операцию отпиливанием кости и передавал ампутированного для перевязки сосудов в другие руки, а сам производил следующую операцию; врач, перевязывавший сосуды, по наложении лигатур, передавал больного для наложения повязки в третьи руки; таким образом, один раненый переходил через три группы различных техников. Этот способ сортировки врачей имел ту хорошую сторону, что операция шла гораздо скорее, и для каждой ее части можно было выбрать знатоков дела, так как у нас случалось нередко, что один врач делал хорошо ампутационные разрезы, но не умел хорошо перевязать сосудов, или наоборот.

Как бы, наконец, ни был очевиден цинизм плагиата, с ним можно еще мириться, если он объясняется излишнею любовью к предмету; "любя, и чужое дитя можно признать за свое". Если я присвоил себе, действительно, чужое, то я могу, по крайней мере, доказать фактами, что я о нем ревностно заботился; а если в нынешнюю войну я мало узнал на опыте о судьбе усвоенной мною меры, то это случилось не по моей вине. Я не мог попасть на театр войны. Автор же брошюры был так счастлив, что успел получить королевский указ на проезд в действующую армию и в главную квартиру (и еще с двумя своими ассистентами) и, к сожалению, несмотря на это, не сообщил нам ничего из своих собственных наблюдений над сортировкой в амбулансах, представив только на стр. 77 одни прусские предложения о деятельности на главном перевязочном пункте, выработанные в особом комитете.

А каковы они оказались на деле в нынешнюю войну в глазах беспристрастного иноземного наблюдателя? На это мы не находим ответа в брошюре.

Я прошу покорно Общество не принять мое заявление за полемику, в которую я никак не намерен входить с автором брошюры. Я счел только долгом, через оглашение фактов, обратить его внимание на историю развития способа распределения первой помощи на театре войны, который я назвал в отчете моим, и полагаю, что русское Общество попечения о раненых и больных не отнесется равнодушно к заслугам отечественной военно-полевой

хирургии и к доброму имени одного из его членов.

(Спустя два месяца после напечатания этого документа Гюббенет прислал в Общество обширный "Ответ на письмо Н. И. Пирогова" (напечатан в "Особом прибавлении" к No 4 "Вестника" за 1872 г.). В "Ответе", между прочим, отмечается, что к приезду П. в Севастополь там не было Морского госпиталя: здание его сгорело еще в октябре 1854г. при первой бомбардировке. Вместо него действовал временный сухопутный госпиталь в отдельных казармах на Корабельной стороне. При этом Г. "забыл", что в Севастополе был еще госпиталь в одном из зданий морского ведомства - его и называет П. морским. Вообще же о характере возражений Г. на заявление П. дает представление след. отрывок из ответа киевского профессора: "Для меня теперь еще более ясно, что он [Пирогов], оставляя историческую почву фактов, опирается преимущественно в своих суждениях на субъективные впечатления и шаткие воспоминания, и нет ничего удивительного поэтому, что я не счел нужным сейчас по появлении его книги "Полевая хирургия" протестовать против заявления о сортировке".

Это написано по поводу резкостей в заявлении П., опубликованном в No 1 "Вестника" за 1872 г. Выходит, таким образом, что после опубликования "Начал" П. в 1865-1866 гг. Г. "не хотел" протестовать против присвоения П. идеи сортировки раненых потому, что Николай Иванович допустил обидные для Гюббенета выражения в письме 1872 г.

По напечатании гюббенетовского "Ответа" П. прислал И. В. Бертенсону, редактору "Вестника", след. письмо: (Адресовано И. В. Бертенсону лично как дополнение к предыдущему документу; направлено против Х. Я. Гюббенета.)

"С. Вишня, 1872 г. мая 18. Милостивый государь Иосиф Васильевич. Прошу вас покорнейше сообщить от имени моего Главному управлению Общества попечения о больных и раненых воинах, что высокое уважение к цели Общества и чувство собственного достоинства обязывают меня нравственно отвечать на Особое прибавление к No 4 "Вестника Общества" молчанием, значение которого, надеюсь, будет понято всеми, знающими дело и меня.

Примите уверение в истинном почтении и совершенной преданности. Ваш покорный слуга Н. Пирогов" ("Вестник", 1872, No 6)

II

С. Вишня. 1871. Декабря 14.

Милостивый государь Иосиф Васильевич.

В дополнение к моему официальному заявлению о плагиате автора известной брошюры я присовокупляю для вашего сведения, а если найдете это нужным, то и оглашения, еще следующее. Мысль о каком бы то ни было предприятии или о какой-либо мере может каждому занимающемуся делом придти внезапно; но осуществить мысль, если она касается предприятия или меры, требующих опыта и средств, как бы мыслитель ни был гениален, никому еще на свете не удавалось разом и, так сказать, в один прием. Мысль может быть очень проста, а осуществление ее сложно и трудно. И, может быть, автор брошюры смешал именно мысль с ее осуществлением.

Что ему, как и всякому другому, могла придти мысль о сортировке раненых 8 января 1855, этого ни доказать, ни опровергнуть никому другому невозможно; но физически невозможно, чтобы он ее осуществил в один день. Этому никто, знакомый с делом, не поверит. Это я доказываю фактами в моем официальном заявлении.

Когда г. автор прибыл в Севастополь, то он до того времени (до 1854) никогда не имел дела с ранеными на войне; он, вообще, начал заниматься практической хирургией только с 1848 года (при проезде моем с Кавказа через Киев в 1847 он не был еще хирургом, (Х. Я. Гюббенет (1822-1873)-профессор теоретической хирургии а Киевском университете с 1851 г.; работал в госпиталях Севастополя.) а был преподавателем судебной медицины); и поступил на перевязочный пункт в Севастополе в самое глухое и тихое время после Инкерманской битвы; он был, без сомнения, убежден в необходимости оперировать раненых, как можно скорее после ранения,- в этом убеждении он остается еще и теперь

(ссылаюсь на стр. 81 его брошюры: ампутация бедра); весьма естественно, следовательно, при таком взгляде и при таких условиях, спешить с производством хирургических пособий, и я сам на кавказских амбулансах только о том и заботился, как бы скорее оказать оперативное пособие раненым, а потому и смотрел поневоле на беспорядок и толкотню в амбулансах как на неизбежное зло, с которым нужно мириться, чтобы только скорее сделать первичные (ранние) операции.

Мысль же о выжидании и сортировании раненых мне пришла, именно, когда пришлось иметь дело с тысячами раненых, привозившихся при мне из Севастополя в Симферополь, во время моего посещения (в ноябре и декабре 1854) симферопольских и бахчисарайских лазаретов, когда я предпочел это посещение лазаретов эффектно, но вовсе не крайне необходимому в это время, пребыванию на севастопольских перевязочных пунктах. Быв очевидцем, в каком состоянии прибывали туда раненые, я убедился, что на перевязочных пунктах оказанные пособия служили им не в прок, а часто и во вред.

Я дал себе тогда слово, при первой возможности, переменить план действий, и я убежден, что, останься я на перевязочном пункте с конца ноября 54 по 19 января 55, я никогда не был бы в состоянии представить себе так живо все бедствия, причиняемые раненым от беспорядка и хаоса на перевязочных пунктах и от гоньбы за операциями хирургов на амбулансах.

Конечно, весьма возможно, что другой гениальный врач, и не видав, мог себе то же самое живо представить; но живо, и в один и тот же день, вообразить и сразу привести в исполнение задуманное, - это, и при всех возможных пособиях, сделать было бы сверхъестественным чудом, а не делом ума и рук человеческих. Между тем, есть указание, что автор брошюры не имел глубокого убеждения, приобретаемого опытом, о пагубном вреде окучивания раненых с большими гноящимися ранами и свежееперированных в одном помещении. Это доказывается именно тем, что он скучил их в Дворянском собрании и не отделял пиэмиков от незараженных, и, потому-то, я, приняв на себя заведывание перевязочным пунктом в Дворянском собрании, не нашел при осмотре раненых ни одной раны чистою.

Могло ли же это случиться, если бы мысль о необходимости сортировки была осуществлена. Сортировка именно тем и важна, что она служит к правильному распределению первой помощи и к предупреждению вредного скучения раненых различных категорий в одном и том же месте. При первом приеме и разборе раненых несравненно легче предупредить скучение, чем впоследствии.- Пусть же теперь каждый сам убедится в достоинстве следующих результатов, которые непринужденно вытекают чрез сопоставление заявлений автора, изложенных в его "Отчетах о медицинской части" и в брошюре "О Франко-германской войне 1870-1871 года".

1. 1855 год. Января 8. Автор, еще и теперь защитник ранних ампутаций (см. стр. 81 о Франко-германской войне 1870- 1871), разом успел ввести сортирование раненых на перевязочном пункте в Дворянском собрании Севастополя (стр. 78).

2. Автор до сих пор "не думал, что я желал приписать себе инициативу этого дела" (там же), а между тем из его "Очерков медицинской части 1854-1855", по сделанному им там разделению раненых на категории, видно, что ему небезызвестна была моя *Kriegschirurgie* (изд. 1863, стр. 37), в которой я заявил о введении мною сортировки раненых на перевязочных пунктах.

3. Спустя почти 9 лет после издания моей *Kriegschirurgie* автор брошюры описывает эту меру в своих Очерках так же, как я это делаю в моей *Kriegschirurgie*, и через год после того, он уже прямо приписывает себе ее введение и означает даже день (8 января), когда это случилось, а потом в той же брошюре (Франко-германская война, стр. 78), несколько строк ниже, называет ее "заимствованною" из старых (прусских?) инструкций (стр. 78).

Но, чтобы вернее судить о достоинствах достигнутого им результата No 1, нужно еще взять в соображение, что он до конца 1854 не имел никогда дела с ранеными на сражении, что 8 января он не имел в своем распоряжении ни транспортных средств, ни других

помещений вблизи, что он вовсе не хлопотал, считая, вероятно, это не нужным, об уничтожении скопления раненых и свежееперированных,- главное же, что он, как и большая часть нас, врачей, в то время верил в вопиющую необходимость ранних операций,- этому верит, впрочем, он еще и теперь, а между тем должно знать, что введение сортировки раненых на перевязочных пунктах есть конечный результат сомнения в этой необходимости. Чтобы предложить и ввести в употребление сортировку, нужно было сначала убедиться, что польза, приносимая в известных случаях ранними операциями, не окупает вреда, происходящего от неравномерного распределения помощи для большей части случаев.

Принципом сортировки служит выбор из двух зол меньшего, и все защитники ранних операций, как Ларрей и др., никогда не могли и помышлять о сортировке на амбулантах; это был бы нонсенс в их глазах, и потому они спешили только сделать как можно более ранних операций на перевязочных пунктах" сосредотачивая на это всю деятельность врачей и помощников.

Но автор брошюры сумел соединить противоречия и из невозможного сделать возможное, хотя он до издания "Очерков" никому и не говорил о своем нововведении, тогда как с 8 января по март и апрель 1855 ему не раз представлялся случай показать нам его на деле.

Я давно принял за правило предоставлять безответно мои научные труды суждению каждого и потому никогда не полемирую. Но это правило я не могу соблюсти там, где идет дело об искажении исторических фактов, нарушающем человеческое достоинство. Прошу рассматривать все сказанное как добавление к моему заявлению.

Ваш покорный слуга Пирогов

IV. О КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОЙ ОБЩИНЕ"

(Печатается по тексту "Сочинений" П. Многоточия в прямых скобках поставлены редакцией наст. издания (исключены места, не относящиеся к теме этого раздела); многоточия без скобок - из первой публикации письма. Адресат фрейлина вел. кн. Елены Павловны, о которой говорится в комментируемом документе.).

(Из письма к Э. Ф. Раден)

Вишня. 27 февраля 1876 г.

[...]. В ту незабвенную эпоху [1854 г.] каждое сердце в Петербурге билось сильнее и тревожнее, ожидая результата битвы при Инкермане. Уже несколько недель перед тем я себя объявил готовым употребить все свои силы и познания для пользы армии на боевом поле. Просьба моя давно была подана, но все ходила по инстанциям начальства. Соглашались и нет произнести решение, а я начинал уже отчаиваться в успехе, как вдруг получил приглашение к великой княгине. К большой моей радости, она мне тотчас объявила, что взяла на свою ответственность разрешить мою просьбу.

Тут она мне объяснила ее гигантский план - основать организованную женскую помощь больным и раненым на поле битвы и предложила мне самому избрать медицинский персонал и взять управление всего дела [...].

Я, однако, был принужден признаться, что я только раз в жизни, и то лишь поверхностно, в мое пребывание в Париже [в 1837 г.], посещая госпитали, увидел там женскую службу, и более по инстинкту, нежели по опытности, я был убежден в великом значении женского участия.

Конечно, женская служба в госпиталях - далеко не новое учреждение. Сперва в католических, а потом и в протестантских странах (пастором Флиндер в Кайзерверте, в 1836 году, где сестры были под именем диаконисе) была введена женская помощь; наконец, и у нас это было принято (сердобольные вдовы в Мариинской больнице, община на Песках и проч.). Но еще нигде не было испробовано посылать женщин на поле битвы. Поэтому идея учредить на поле сражения организованное женское общество должна была казаться очень рискованной. Исключительные обстоятельства тогдашней войны и отдаление от образованных местностей усиливали трудности этого предприятия [...]. Общество сестер было составлено, и несколько недель спустя они были отправлены.

Может, конечно, носиться слух в Западной Европе и даже у наших соседей пруссаков (как я это прочел в речи профессора Работ на собрании немецких медиков в Берлине), будто бы мисс Нейтингель с 37 сестрами, "дамами высокой души", как называет их профессор Работ, была первая, которая, по собственному желанию, приехала в Крымскую войну, чтобы с сестрами взять на свое попечение всех больных и раненых, находящихся в амбулатории.

Мы, русские, не должны позволять никому переделывать до такой степени историческую истину. Мы имеем долг истребовать [...] пальму первенства в деле столь благословенном, благотворном и ныне всеми принятом. И это тем легче, что сестры общины не только принесли техническую помощь, но они оказали и нравственное влияние на дирекцию всего госпитального корпуса во время войны.

В октябре 1854 года Крестовоздвиженская община получила высочайшее соизволение, а в ноябре того же года она находилась уже на театре войны в полной деятельности. О мисс Нейтингель и о ее "высокой души дамах" мы в первый раз услышали только в начале 1855 года, когда злоупотребления английской военной администрации, во время зимних месяцев 1854 года, так же ясно обнаружились, как и у нас. Мое предположение передать сестрам и нравственную дирекцию, и контроль перевязочных пунктов и лазаретов, конечно, только после этого времени получило разрешение великой княгини, но на факте женщины исполняли уже эти должности с самого дня своего прибытия в симферопольские госпитали. Уже ранее этого, еще не быв ознакомлен с женской службой, я убедился а priori, что женский такт, их чувствительность и независимое от служебных условий положение гораздо действительнее могут влиять на отвратительные злоупотребления администрации, чем официальная служебная контрольная комиссия. (Вы найдете эту идею развитую в одном из моих проектов, между вашими бумагами). (Эти бумаги П. переслал адресатке при наст. письме.).

Результат совершенно подтвердил мои предположения, и, за исключением неудачного выбора одной из сестер, во время организации общины, все их действия в отношении госпитальной администрации и попечения о больных были таковы, что самые лживые языки и худшие враги новизны не могли решительно ни к чему придаться.

Даже сам главнокомандующий армией, князь Меншиков, убедился, что все его опасения, как бы не ввести безнравственности в госпиталях через постоянное присутствие в них женщин, были напрасны. Однажды, когда я был представлен Меншикову, он (по пословице: что у кого болит, тот о том и говорит) сказал мне, что, на его взгляд, сестры послужат только для любовных интриг с военными. К счастью, за исключением одного вышеупомянутого случая, не оказалось ни единого безнравственного поступка во все время их службы на театре войны.

Я нисколько не смотрю на современные учреждения женских обществ (у нас, в Англии, Германии и Соединенных Штатах) как на продолжение старой, традиционной идеи католиков; они, напротив того, для меня служат знаком новых времен. Конечно, в некоторой степени они по наружности сохраняют свой древний вид, заведенный католиками; но современный женский вопрос духовно парит в этих учреждениях. Организаторы и основатели их невольно, и сами того не сознавая, способствуют требованию прав уже возбужденному женскому вопросу. Этот столь современный женский вопрос есть сам по себе следствие и плод радикального стремления нашего времени и особого рода мировоззрения. Дело теперь не в эмансипации женщин, о которой я мечтал еще 30 лет тому назад; но настоящим образом значение женщин я постиг только позднее, при управлении общиной сестер и по опытам во время Крымской кампании. Там я мог ежедневно убеждаться, присматриваясь к их обдуманному суждению и аккуратным действиям, что мы не умеем ни достойно ценить, ни разумно употреблять их природный такт и чувствительность.

- Женщины должны только быть направляемы мужчинами,- сказала мне однажды покойная великая княгиня, говоря о своей женской общине.

- Это совершенно справедливо, ваше высочество,- отвечал я,- но справедливо только до

тех пор, пока женщины будут воспитаны по-нынешнему и с ними будут обращаться все по той же устарелой и бессмысленной методе. Но это следует изменить, и женщины должны занять место в обществе, более отвечающее их человеческому достоинству и их умственным способностям.

Я постарался изложить письменно все собранные мною впечатления во время моего управления общиной (вы это найдете в числе моих бумаг) и доказать, что сестры не только для ухода за страждущими, но даже в управлении многих общественных учреждений более одарены способностями, чем мужчины [...].

Крымская война доставила достаточно случаев для испытания пользы от женской общины. Но чувствовался недостаток в условиях, которые необходимы для солидного и продолжительного существования общины. Самая деятельность женщин на поле битвы была слишком бурлива и массивна, а средства для помощи сравнительно слишком ничтожны для того, чтобы их можно было разделить ровно и с пользой [...]. Когда, по приезде своем в Севастополь (1854 года, в октябре), я увидел, что медицинское пособие и хождение за страдальцами нужнее в лазаретах и бараках, чем на перевязочных пунктах, то я решил - всю приехавшую общину занять делом в Симферополе (1854 года, в ноябре). Здесь я и оставил их с их начальницей (Стахович) и распределил по разным лазаретам.

В самом деле, там во всех публичных зданиях и во многих частных домах в Симферополе застал я в это время (октябрь - декабрь 1854 года) несколько тысяч раненых, после битвы при Альме, Инкермане и после первой бомбардировки.

Несчастные, наполнявшие дома, были лишены почти всякого ухода. Многие валялись без матрацов, в грязнейшем белье, на грязном полу, без всякого разбора и без присмотра. Воздух был страшно испорчен, раны смрадны и воспалены. Недоставало ни умов, ни рук, чтобы хоть немного привести весь этот невообразимый хаос в известность и в порядок. Между тем сюда же ежедневно привозили новых раненых из Севастополя, тогда как на перевязочных пунктах принимали очень малое число раненых (после 2 ноября долго длилось спокойствие со стороны осаждающих и осажденных), и то их отсылали тотчас для первого пособия в разные лазареты. Молодые медики натурально предпочитали покойную, без присмотра, службу в госпиталях занятиям на перевязочных пунктах, под глазами начальства. Но медики, мне подчиненные, находили более полезным и для них более поучительным действовать в бараках Северного пункта. Эти бараки мы нашли тоже переполненными и чуть ли не зачумленными. Я знал вперед, что, приняв свое решение насчет первой прибывшей партии сестер, я поступаю несогласно с воззрениями великой княгини, но, несмотря на то, я взял на себя всю ответственность и спокойно выжидал приезда второй партии сестер, которая прибыла в Севастополь после Рождества 1854-1855 года, имея во главе Бакунину и Тарасова.

Приезд этой второй партии совпал как раз с тем временем, когда осада снова стала ожесточеннее. Я тогда взял на себя попечение о главном перевязочном пункте в Севастополе (Дворянское собрание) и о всех лазаретах в Николаевских казармах и разных партикулярных домах города. Я тотчас же распределил на все места известное число сестер и медиков. До этой минуты мне не случалось почти совсем быть в столкновении с обер-медиками; но когда я на себя взял попечение о главном перевязочном пункте и о всех госпиталях, сейчас же начались разные контры между мной и администрацией.

Теперь никто себе представить не может всю отвратительность и тупоумие тогдашнего официального, администрировавшего медицинского персонала. Эти господа сразу смекнули, куда поведет учрежденный мною нравственный присмотр и контроль административного попечения над руководителями госпитальных порядков.

Дела эти были поручены мною сестрам, женщинам (Женщины - сердобольные вдовы из Мариинской больницы.) и моим собственным помощникам. Это смутило г. г. администраторов, и они стали громко роптать на превышение власти (с моей стороны), и только благодаря благосклонному вниманию генералов Сакена и Васильчикова я обязан тем, что, несмотря на все интриги, за сестрами был удержан весь надзор над госпиталями.

Е. М. Бакунина вела все дела присмотра за уходом больных с таким тактом, энергией и совестливостью, что полученный успех оказался блестящим и для всех здравомыслящих людей неоспоримым. Она заботилась наравне с сестрами о доставлении больным надлежащей порции пищи и непременно хорошего качества; она смотрела за чистотой и сменой белья, за прачечными, за частой переменой соломы в матрацах и неотступно требовала от госпитальной администрации всего, что надлежало быть выдано. Все, что прежде удерживали и не выдавали, и теперь еще старались удерживать; но Бакунина, пунктуально исполняя мои и других медиков предписания, настоятельно вытребовывала недоданное. Не удивительно, что подобное вмешательство и такая деятельность женщин не могли быть приятны господам командирам и официальным инспекторам...

В начале марта 1855 года первая партия сестер, потерпевшая начальную тифозную эпидемию, перенеслась также из Симферополя в Севастополь. Я встретил начальницу Стахович, еще не совсем оправившуюся от трехнедельного тифа, - в слабости сил телесных и духовных. Я опасался более всего столкновений между такими двумя различными характерами, как Стахович и Бакунина, и потому я уговорил первую поместиться с своей партией на Северной стороне, в Морском госпитале. Март месяц 1855 года был изобилён боевыми подвигами.

Ночная атака неприятеля на наши вновь выстроенные редуты, Селенгинский и Волынский, обременила нас тысячами тяжело раненых, а наша администрация, как всегда, была мало подготовлена к встрече событий. В эту ночь в Морском госпитале (раненые были отправлены туда) царствовала ужасная кутерьма.

В полумраке от недостаточного освещения медики работали в темноте и в тесноте среди страдальцев, валявшихся где попало, а теснота еще увеличивалась от постоянного приноса новых раненых. Все тут так долго и так много трудились, что, наконец, все (а число их было невелико) утомились донельзя и совершенно стали и были неспособны оказывать помощь другим. В эту же ночь и в два следующие дня перенесли отсюда почти половину раненых на перевязочный пункт.

К счастью, я с самого начала взял себе за правило, когда вдруг разом нахлынет большое число раненых, распределять медицинскую помощь в строго учрежденном порядке, - чего и достигал сортированием и разделением раненых на категории. И еще не меньшим счастьем было то, что наш перевязочный пункт (Дворянское собрание) к этому времени был отлично приготовлен для принятия раненых.

В объяснение этому я должен сказать, что когда я, в январе 1855 года, решил занять эту квартиру, то я нашел это хорошее здание переполненным людьми, сбитыми в самой испорченной атмосфере. Порча воздуха была ужасна, и она явилась вследствие несчастной лени моего предшественника, который оставлял тут всех людей, перешедших через операции (вместо того, чтобы отсылать в другие госпитали). От чрезвычайного переполнения в комнатах между больными открылись антонов огонь и рожа, а также и другие госпитальные заразы. Поэтому я принужден был выслать всех из дому и несколько недель производил в нем усиленную вентиляцию. Ночная катастрофа случилась именно тогда, когда здание перевязочного пункта было достаточно очищено и приготовлено.

Тогда, по установленным мною правилам, я тотчас разделил своих медиков и сестер на четыре группы. Из них первая была обязана сортировать раненых по роду и по градусу болезни; принимать от них деньги и вещи, им принадлежащие, и тех, которым следовало сделать немедленную операцию, тотчас передавать второй группе помощников; легко раненых же (для избежания тесноты на перевязочном пункте) тотчас после подания помощи отсылать в другие лазареты или возвращать в их полки. Вторая группа должна была принимать от первой раненых для немедленной операции, и тотчас же переносить их в смежную залу перевязочного пункта. Третья группа занималась уходом за ранеными, которым должно было делать операции только на следующий день или даже позднее. Четвертая группа, состоящая из одних сестер и одного священника, была назначена для безнадежно больных и умирающих, которым сестры старались доставлять последний уход и

предсмертные утешения.

Наконец, две сестры (хозяйки) были озабочены только тем, чтобы раздавать усталым и проголодавшимся или жаждущим раненым кому вина или пуншу, кому чаю или бульону. Сестры-хозяйки хранили всю провизию и должны были иметь всегда все нужное наготове.

Когда весь этот порядок понемногу и не без труда был введен в перевязочном пункте, тотчас же прекратились случаи изнеможения и обмороков у самих служащих, а с тем вместе почти не стало и смрадного запаха в залах. Не всякий может себе представить, как это важно, а между тем без этого легко потерять голову и силы от желания и от невозможности подать помощь всем без разбора раненым, которые нетерпеливо вопиют о помощи. В этой суетне того и гляди, что от утомления и торможения во все стороны как раз упустишь из виду именно того страдальца, которому необходима немедленная операция, а потратишь напрасно время и свои силы на того, который мог бы еще обождать, или который даже и вовсе в тебе не нуждается. Медики и сестры перестали с этого времени, при всяком сильном наплыве раненых, безумно метаться туда и сюда и не кидались уже, прежде всего, к тем, которые громче других кричат и стонут, так как крики и стоны не всегда указывают на особенную тяжесть ран и увечья.

С марта месяца до моего отъезда в Петербург (в июне 1855 года) сестры продолжали соблюдать все мои правила в наистрожайшем порядке, да и после, насколько я мог узнать, сестры не перестали действовать так же. В этом периоде времени община сестер была в непрестанных трудах по лазаретам, а, кроме того, они оказали благотворную помощь еще в следующих необыкновенных случаях:

1) во время ночных атак против новых редутов они работали на перевязочном пункте в Морском госпитале и в бараках Северной стороны (март);

2) во время других, менее сильных, ночных атак (март);

3) во время ужасного бомбардирования на второй день пасхи (апрель), которое продолжалось без отдыха всю неделю, гремя день и ночь, и посылало нам на перевязочный пункт тысячами одних тяжелораненых. В это же время самое здание, где мы помещались (Дворянское собрание), само не раз получало бомбы с неприятельских кораблей. Раны почти все представляли страшные разрывы членов от бомб большого калибра. От 150 до 200 ампутаций и других тяжелых операций случалось исполнять каждый день, имея ассистентами одних сестер. Все квартиры в севастопольских казармах, все лазареты и партикулярные дома были наполнены тысячами тяжелораненых, только что перенесших операции, или умирающих;

4) во время одной сильной атаки неприятеля на наши отдаленные траншеи (апрель);

5) в непрестанных атаках и взрывах мин наших четырех бастионов, откуда также мы получали одних тяжелораненых при взрывах (март и апрель);

6) при невероятном транспорте, где везли 500 раненых, только что получивших операцию, и это было учинено вследствие неожиданного и, смею сказать, нелепого приказа, которое было прислано нам через пароход из Николаевской батарейной казармы. Когда все эти пятьсот страдальцев (от бомбардирования на пасхе) - с величайшим трудом и попечением со стороны медиков и сестер - были поспешно высланы в назначенное им начальством место, то оказалось, что там, куда их повезли, не существует даже никакого приготовленного здания для их принятия [...].

И вот всех этих труднооперированных свалили зря, как попало, в солдатские палатки [...]. До сих пор с леденящим ужасом вспоминаю эту непростительную небрежность нашей военной администрации. Но этого было мало! Над этим лагерем мучеников вдруг разразился ливень и промочил насквозь не только людей, но даже и все матрацы под ними. Несчастные так и валялись в грязных лужах...

А когда кто-нибудь входил в эти палатки-лазареты, то все вопили о помощи и со всех сторон громко раздавались раздирающие, пронзительные стоны и крики, и зубовой скрежет, и то особенное стучание зубами, от которого бьет дрожь. От 10 до 20 мертвых тел можно было находить меж ними каждый день. Здесь помощь и труд сестер оказались

неоцененными. Стоя в лужах на коленях перед больными, наши женщины подавали посильную помощь, в которой они сами нуждались [...]. И так они трудились денно и нощно. В сырые ночи эти женщины еще дежурили, и, несмотря на свое утомление, они не засыпали ни на минуту, и все это под мокрыми насквозь палатками.

И все такие сверхчеловеческие усилия женщины переносили без малейшего ропота, со спокойным самоотвержением и покорностью. В доказательство полного самозабвения сестер при подавании помощи следует здесь сказать, что десять из этих женщин не выдержали госпитальной заразительности и сами поплатились жизнью;

7) во время одного неприятельского нападения на Камчатский редут попечения о раненых со стороны наших медиков и сестер обнаруживались хотя и с ревностью и неутомимостью, но были слабы в результате. Это произошло от недостатка в средствах помощи (опять по вине администрации), так как большая часть раненых (тысячи две) не тотчас была перенесена на перевязочный наш пункт. Почти все раненые валялись на улице всю ночь, а потом только часть из них перенесли в бараки на Северную сторону. Здесь действовала Стахович с своей партией сестер, но в этих бараках не доставало места для произведения операций;

8) наконец, с последних чисел апреля до июня, так как около этого времени осада с каждым днем становилась сильнее и деятельнее, и раненые почти со всех бастионов присылаемы были на наш перевязочный пункт (Дворянское собрание), то и здесь дежурные сестры были завалены работою, особенно прикладыванием биндажей при совершении операций, от 20 до 30 в день. В это же время я назначил также некоторых сестер для попечения о раненых на новом месте, в устроенном мною госпитале-палатке из двойного солдатского сукна и из клеенки. Это учреждение на 30 кроватей, без тесноты, было сделано на деньги, пожертвованные графом Виельгорским.

В июне я поехал в Петербург, в сентябре же 1855 года снова вернулся в Севастополь. Там застал я множество раненых после штурмования Малахова кургана (дней пять после битвы). Несчастные раненые кучами лежали в палатках на Северной стороне, а других приготавливали к отсылке в Симферополь или в Бахчисарай, и ими наполнили много крестьянских телег.

Вторжением своим в крепость на Северной стороне неприятель понудил общину сестер разбрестись с мест, которые они там занимали, и я тотчас распределил их по разным госпитальным палаткам, заботясь прежде всего о том, чтобы не допустить, насколько возможно, никаких столкновений между г-жею Стахович и Бакуниной.

Несогласие этих двух особ дошло, как я это скоро заметил, до высшего градуса. К счастью, почти в одно время со мной прибыла из Одессы покойная Хитрово. Обсудив натянутые отношения и совсем различные характеры обеих начальниц, она взяла сторону Бакуниной и вскоре, по желанию великой княгини, приняла главное управление общиной на себя. Сделала это она не совсем охотно. После того Хитрово принялась распределять всех сестер к занятиям, отвечавшим их личным способностям.

Первый выбор большей части сестер не мог, конечно, по тогдашним обстоятельствам, быть вполне удачным. Они преимущественно были набраны в Петербурге, притом с большою поспешностью. Некоторые из них были без всякого образования; например, одна все твердила, что "следует нам тотчас отправляться в Англию, чтобы наказать проклятых англичан за их дерзость", и когда я ей растолковал, что Англия - остров, то она отвечала: "Что ж за важность, что остров,-как-нибудь да все-таки подойдем" [...]. Одна монашенка, довольно образованная, из дворянок, отличалась невыносимым талантом к смутьянству и сплетням. Темный невежда и злой интриган-монах был дан в священники и в духовные отцы всей женской общине

[...].(Монах-Вениамин. В письме из Севастополя, от 13 января 1855 г., П. просил этого монаха "позаботиться, чтобы вражда, зависть и ненависть были чужды общине сестер, которые должны преодолевать человеческие слабости и страсти, имея в виду только одно общее благо и одну высокую и святую цель служить страждущему человечеству... между

ними не должно быть ни ненависти, ни зависти, ни злобы. Если же вы замечаете какие-либо слабости, могущие повредить целому составу общины, то я не вижу другого средства, как искоренять их вашим пастырским поучением и примером". Но зная, что монах не способен к таким поучениям, а примеры его совсем не могут быть полезными, П. потребовал, чтобы всю общину перевели к нему, в Севастополь.

А так как от монаха отделаться было нельзя, то П. был вынужден прибавить в письме к нему: "Тогда бы и вы могли быть полезным: без взаимной любви и дружбы не могут совершаться дела святой любви к человечеству и ближним" ("Р. ст.", 1891, No 7, стр. 199 и сл.).

Ко всему этому надо прибавить, что одна из начальниц, хотя на вид казалась очень *presentable* (Представительная.), но в сущности имела настоящую чиновническую натуру. (Имеется в виду А. П. Стахович).

А, все-таки, несмотря на все эти неблагоприятные условия, поведение сестер с медиками и их помощниками было примерное и достойное уважения; обращение их с страждущими было самое задушевное, и вообще все действия сестер, при уходе за больными, сравнительно с поведением госпитальной администрации, должны были [быть] названы не иначе, как благородными. И замечательно, что самые простые и необразованные из них выделяли себя более всех своим самоотвержением и долготерпением в исполнении своих обязанностей.

Многие из них пали жертвами прилипчивых госпитальных болезней. Одна из них [...] заведывала категорией тяжелораненых и безнадежных к излечению (солдаты звали ее: "сестричка" *par excellence*) [...]. Другая сестра, также простая и необразованная, посещала по собственному желанию наши форты и была известна как героиня. Она помогала раненым на бастионе, под самым огнем неприятельских пушек.

Так, надо признаться, что наша община сестер вполне достигла своей цели. Она почти, можно сказать, была сымпровизирована бедствиями военного времени и поэтому имела свои слабые стороны; но, несмотря на то, она отличалась в уходе за ранеными и больными, презирая все злоупотребления администрации, все опасности войны и даже самую смерть.

Залог этого замечательного явления неоспоримо лежит в кипучей деятельности и нервном возбуждении в военное время; изобилие дела заменяло недостающую в общине духовную силу и не совсем отличную организацию. Да послужит это уроком будущим основателям.

Не абстрактный принцип, не возвышенное побуждение сердца, а непрерывная и хорошо распределенная деятельность - вот главное условие, которое надо иметь при устройстве современных общин [...]. Независимо от сего, для полезной организации общины, разумеется, необходим рассудительный выбор начальственного персонала. Наша община, с самого начала, получила трех начальниц, и в подробной истории этого учреждения видно, какую важную роль они играли.

Е. М. Бакунина, как уже было сказано, приняла управление общиной тотчас же по своем приезде в Севастополь. Но лишь только туда прибыла Стахович с своими сестрами, Бакунина отказалась от управления. Стахович, как официальная начальница общины, занималась гораздо более администрацией общины, чем распределением и учением, как обходиться с ранеными. Бакунина, напротив, тотчас с увлечением предалась всецело служению больным и с полным самоотвержением несла эту тяжелую службу. Она сделалась примером терпения и неустанного труда для всех сестер общины.

Неоценимо было особенно то, что вся ее личность дышала истиной, что полная гармония царствовала между ее чувствами и ее действиями. Она точно составляла слиток всего возвышенного. Чем более встречала она препятствий на своем пути самозабвения, тем более выказывала она ревности и энергии. Она покорялась только тому, в чем могла убеждаться сама, обсудив полезную сторону всякого дела; поэтому все ее действия были самостоятельны и отчасти даже деспотичны. Она знала сама, что неспособна, по своим идеям, влиять на общину с религиозной точки зрения [...].

Как только Стахович с некоторыми, ни на что негодными и утомленными трудами, сестрами отправлена была от нас (в конце сентября-октября 1855 года) и Е. А. Хитрово вместе с Е. М. Бакуниной взялись за дирекцию общины, тотчас же в сестрах обнаружилось влияние совсем иного духа. Вскоре водворились тишина, порядок и строго установленная деятельность во всех их действиях.

Когда же, наконец, прибыла и третья значительная личность общины, Е. П. Карцева, с некоторыми новыми сестрами, и прямо въехала в Симферополь, где приняла дирекцию одной партии сестер, то уж была введена настоящая гармония в воззрениях и в действиях общины.

Е. П. Карцева, хотя гораздо моложе и неопытнее Хитрово и Бакуниной, притом она молчаливого и тихого нрава, показала, однако, что у нее много такта, последовательности и особенной самостоятельности в исполнении взятых на себя обязанностей. Попечение о больных, надзор и контроль госпитальной прислуги ведены были этими тремя личностями с такою бдительностью и энергией, что их действия невольно повлияли на всех членов госпитальной администрации, и все отношения к общине существенно изменились. С этой поры никто уже не осмеливался позволять себе неуместных выражений насчет контрольных действий сестер, и даже лица из высшего военного круга не осмеливались, как бывало ранее, шутить над "небесно-голубыми глазами" [...].

Симферопольские лазареты и бараки были наполнены ранеными после штурма Малахова, и меж ними царствовали тиф и кровавый понос. В. И. Тарасов и новые прибывшие со мною в сентябре 1855 года медики способствовали улучшению отношений общины с госпитальной администрацией. Они старались придать более веса участию женщин, чтобы возвысить их в глазах администрации.

Я желаю назвать из этих медиков покойного Беккерса и горячо рекомендованного им мне Боткина, из Москвы.

(С. П. Боткин (1832-1889)-знаменитый русский клиницист; его речь 7 мая 1881 г., по поводу 50-летнего юбилея научной деятельности П.- одна из лучших характеристик Николая Ивановича, как человека высокой моральной чистоты. Здесь Б., между прочим, говорит:

"Чувство зависти к этому большому человеку перешло в озлобление. Обожаемый своими учениками и всеми, близко знавшими Ник. Ив., он был ненавидим известной частью нашей медицинской корпорации, не прощавшей ему его нравственного превосходства и той правдивости, которой отличался Ник. Ив. в течение всей своей 50-летней служебной деятельности... Нельзя не задуматься перед этим могучим явлением счастливого сочетания ума, таланта, знания, страстной и стремительной любви к истине и безупречной честности, и эти-то священные свойства составляют тайну того общего сочувствия, которое мы теперь видим..." В этой речи Б. сообщил несколько фактов из деятельности П. в Крыму, где он в 1855 г. работал под руководством великого хирурга. Б. встречался также с П. на театре войны 1877-1878 гг.; впечатления от этой встречи он изложил в письмах к жене из Болгарии).

Я заботился, насколько мог, с пользой распределить сестер с этими, под моей командой находящимися, молодыми врачами по разным лазаретам. Присланных же мне покойной императрицей "сердобольных" я должен был, по желанию великой княгини, занять совершенно отдельно от сестер. Таким образом, в городских лазаретах действовали Е. А. Хитрово и Е. М. Бакунина с Тарасовым, Хлебниковым и другими врачами. На другой половине симферопольских госпиталей действовали сердобольные с военными медиками. Е. П. Карцеву с Боткиным и еще несколько молодых врачей я занял в бараках, лежащих вне города. Это был лучший период существования общины во всей ее истории, и я не знаю, пережила ли она позднее такой чудный период времени!

Только два вопроса озабочивали еще меня и покойную Е. А. Хитрово: распределение сестер по разным местностям и сопровождение транспортов больных в Перекоп. По желанию великой княгини мы устроили отделения общины в госпиталях Перекопа (в овчарнях) Херсона и Николаева и отдали их под надзор Хитрово и избранных ею старших

сестер. Но, чтобы совершить большой транспорт (в ноябре 1855 года) и при невыгодных условиях климатических, я предложил Бакуниной принять на себя сопровождение и дирекцию оною, вместе с попечением о транспортируемых. Я знал, что она, насколько возможно, сумеет облегчить страдальцам их горькую участь. Бакунина безотговорочно приняла мое предложение и исполнила его с полным самопожертвованием. В больших сапогах и в бараньем тулупе она тащилась пешком по глубокой грязи (перекопская грязь - *nota bene*) и сопровождала мужицкие телеги, битком набитые больными и ранеными; она заботилась, насколько было возможно, о страдальцах и ночевала с ними в грязных, холодных этапных избах.

Старые злоупотребления администрации, однакож, не прекратились с занятием Севастополя. Недоставало множества необходимых предметов, в особенности в то время, когда зима подошла к дверям и повальные болезни (тиф, возвратная горячка, кровавые поносы). Бараки и госпитали не оказались довольно просторными для принятия всех заболевших эпидемией. Множество больных опять было помещено под холодными госпитальными палатками. Тут оказалось также, что новоустроенные бараки и квартиры сестер были холодны, сыры и совершенно не имели вентиляции. Администрация же, как всегда, желала, чтобы мы находили все удовлетворительным, и очень неохотно отпускала нам дрова, теплые платья и горячие кушанья. Я должен был неустанно жаловаться, требовать и писать.

При этом частом писании мне невозможно было всегда обдумывать слова и выражения, какие считаются уместными в официальных бумагах, и через это несколько раз выходили неприятности. Некоторые мои выражения в письменных моих просьбах оказались "несоответственными" или недостаточно вежливыми. Особенно обидчивым на этот счет показал себя начальник госпитальной администрации г. Остроградский.

Однажды, после неоднократных и напрасных моих просьб к нему о том, чтобы он снабдил нас дровами для отопления наших ледяных барачков и помещений сестер, Остроградский напал на одно мое "неприличное выражение" в письме ("имею честь представить на вид") и пожаловался на меня князю Горчакову, и вследствие этой жалобы мы дров не получили, но я зато получил резкий выговор сперва от Горчакова, а позднее - от самого государя [...].

Все эти хорошие и неприятные, давно пережитые мною испытания в жизни представляются теперь передо мной, как фигуры калейдоскопа, на которые я смотрю сквозь тусклое, почерневшее стекло.

Когда я теперь вспоминаю, как тогдашние обстоятельства мало способствовали развитию только что устроенного Общества сестер и как плохо эти обстоятельства соответствовали выгодам этой организации, то я чувствую, что в самом деле я принужден восторгаться от тех добрых результатов, которые дало это женское учреждение. Результаты эти, во всяком случае, доказывают, что до сей поры мы совершенно игнорировали чудные дарования наших женщин.

Эти дарования ясно доказывают, что современный женский вопрос и тогда уже был в полном праве требовать своего *raison d'etre*.

То, что противники благоразумной эмансипации женщин еще до сего дня утверждают, будто бы велика разница в организации полов,- например, меньший вес в мозгу и проч.,- этого нечего брать во внимание, и это никогда не выдержит серьезной критики.

Женщина, если она получит надлежащее образование и воспитание, может так же хорошо усвоить себе научную, художественную и общественную культурность, как и мужчина. При этом главное условие только то, чтобы женщина всегда сохраняла в себе физиологическую и нравственную женственность и выучилась бы не расставаться с нею.

Это, конечно, нелегко, но, однако, возможно, и это именно то, что защитники, как и противники женского вопроса, упускают из вида. Женщина, с мужским образованием и даже в мужском платье, всегда должна оставаться женщиной и никогда не пренебрегать развитием лучших дарований своей женской природы. И я решительно не вижу, почему

одинаковое общественное положение женщины с мужчиной может помешать такому развитию.

Если же меня спросили бы: какое мировоззрение должно служить основанием для учреждения общины сестер в нашем отечестве, то я могу дать пока только отрицательные ответы. Я могу сказать одно, что старокатолическое и протестантское мировоззрения для нас, как основание, негодны. Православные монахини, или учреждение диаконисе, тоже в наше время не годятся. Наша церковь не имеет никаких преданий для подобных учреждений, и она настолько консервативна и формальна, что не в силах примениться к насущным требованиям нового времени. Поэтому я думаю, что наши учреждения сестер не должны ничего заимствовать у западных, а должны установиться на новых началах [...].

Наша сестра милосердия не должна быть православной монахиней. Она должна быть женщина с практическим рассудком и с хорошим техническим образованием, а притом она непременно должна сохранить чувствительное сердце. Но главное условие для достижения успеха в наших подобных учреждениях должно быть то, чтобы деятельность в женщинах была поддерживаема непрестанно. А притом положение их в госпиталях должно быть, насколько возможно, независимо от госпитальной администрации. Самые же образованные сестры, которым будет поручено надзор за общиной, должны быть так поставлены, чтобы они могли нравственно влиять на весь персонал госпитальный.

Если же мы вздумали бы вводить в наших общинах формально-религиозное направление, то непременно случилось бы то же самое, что произошло при введении в общину некоей г-жи Вуич: мы получим женских Тартюфов [...].[LDN4]

V. ИЗ "ВОЕННО-ВРАЧЕБНОГО ДЕЛА"

(Приведенные под этим заголовком отрывки взяты из классического произведения Н. И. Пирогова "Военно-врачебное дело", ч. I.).

В Крыму, в прошедшую кампанию 1854 г., я неоднократно имел случай посещать больных, размещенных в больших землянках, довольно светлых (в них были окна), теплых и достаточно вентилированных. Профессор Склифосовский говорит в своей статье (В. М. Журн., июль 78 года, стр. 184), что "только благодаря предложенной им системе, при средствах одного госпиталя (15 врачах) можно было сортировать громадное число раненых", хотя и присовокупляет далее, что "для того, чтобы накормить, рассортировать и оказать по возможности пособие, необходимо было иметь рабочие силы; наличный же состав госпитальной прислуги, за болезнями, поубавился, а наличная прислуга была крайне истомлена.

Это обстоятельство было предвидено, на него было указано еще до устройства сортировочного пункта в Болгарени, но видно помочь было нечем".

(Н. В. Склифосовский (1836-1904)-знаменитый русский ученый, хирург, профессор Московского ун-та. Здесь имеется в виду его очерк "В госпиталях..." (стр. 141 и сл.). Склифосовский был одним из главных организаторов 50-летнего юбилея научной деятельности П. (май 1881 г.) и организатором постановки в Москве памятника гениальному русскому хирургу (1897). Произнес и напечатал несколько ярких речей о П. Преклонение перед П. вытекало из глубокого патриотизма и горячей любви С. к родине, к ее славе. Теми же свойствами вдохновлялась многообразная кипучая общественная деятельность этого талантливого ученого. Открывая в августе 1897г. XII Международный конгресс врачей в Москве, он в блестящей речи изобразил развитие русской культуры на фоне исторических судеб нашей страны и подчеркнул ее роль в развитии западной культуры. "Народ, имевший своего Пирогова,- говорил тогда же Склифосовский при открытии памятника Николаю Ивановичу, - имеет право гордиться... Начала, внесенные в науку Пироговым, останутся вечным вкладом и не могут быть стерты со скрижалей ее" (стр. 71). О нем - у В. Э. Салищева (стр. 13 и сл.), у И. Г. Руфанова (стр. 697 и сл.).

Предложенная проф. Склифосовским система подания помощи на перевязочном пункте, была 25 лет тому назад испытана мною в Севастополе с постоянным успехом, как это, конечно, засвидетельствуют все, оставшиеся с того времени в живых врачи,

принимавшие участие в деятельности главного перевязочного пункта в Дворянском собрании в Севастополе; только благодаря этому нововведению уничтожился господствовавший до него на этом пункте сумбур и беспорядок, при котором одни из раненых получали тотчас же окончательное хирургическое пособие, а другие оставались по целым дням почти без помощи.

Если и в Крымскую войну возможно было учредить, на известном пространстве, постоянное и довольно правильное движение транспортов, а именно - между Симферополем и Перекопом, то в нынешнюю войну еще более можно было надеяться, что найдутся средства для организации такого же рода транспортной системы по грунтовым дорогам.

В Крыму, в 1854 году, был вызван подрядчик из юго-западного края, обязавшийся постоянно иметь известное число подвод, с приспособленными несколько фурами, для перевозки больных из Симферополя в Перекоп; составленный им обоз, приблизительно из 100 и более фур, постоянно циркулировал на этом пути и, конечно, не был достаточен; а потому администрация и прибегала к известному средству,- форсированному набору погонщиков с подводами, возвращающихся порожняком домой. Неудобства этой насильственной меры также известны; погонщики, при худых кормах и худых дорогах, разбегались, оставляя свои паспорта и бросая подводы, нагруженные больными и ранеными, в грязи по ступицу.

Когда блаженные памяти великая княгиня Елена Павловна в 1854 году, первая в цивилизованном мире, возымела мысль об организации частной помощи на театре войны, ей благоугодно было поручить мне руководство на театре войны ею основанной Крестовоздвиженской общины сестер. Прозорливая учредительница имела уже в виду будущее значение и отношение этой общины к военному и военно-врачебному ведомствам и повелела мне обратить внимание, преимущественно, на эти два обстоятельства. Организация и выбор лиц, сделанные спешно, с ограниченными средствами, но, вообще, удачно, в частностях оставляли желать еще многого. Целый год, за исключением нескольких недель, я руководил делами общины и частною помощью в Крыму, принимал участие в ее делах, и после, прибыв из Крыма в С.-Петербург, был свидетелем некоторых переворотов и преобразований в ее учреждении.

Кто из очевидцев не убедился, какое значение имеет деятельность [...] Е. П. Карцевой,- обратившей обязанность сестры в духовное призвание жизни? Кто не видел ее самоотвержения на театре войны и кому понятна будет ее неусыпная 25-летняя деятельность в деле частной помощи, если основанием ее не будет принято высшее духовное начало?

И Е. П. Карцева на театре войны в Болгарии, и Е. М. Бакунина, действовавшая в эту войну в Азиатской Турции, могут служить для нас идеалом старших сестер. Таким-то высокоуважаемым и испытанным особам и должен бы быть поручен выбор сестер и общий надзор за их служебными и нравственными обязанностями. Вообще, можно заявить, что и старшие сестры, прежде еще не бывавшие на театре войны, оказались в нынешнюю войну вполне достойными своего призвания.

Не хвалясь, в этом не нахожу для себя никакой похвалы, могу сказать, что я первый, на данные мне частной помощью средства, ввел в употребление чай в военных госпиталях. Я знаю, по крайней мере, что до Крымской кампании он не употреблялся в полевой практике и что я в 1854 г. купил чая и сахара на 3000 р. и тотчас же по прибытии моем в Крым роздал его по госпиталям Севастополя, Бахчисарая и Симферополя. Прибывшая вскоре после меня в Крым Крестовоздвиженская община и общество сердобольных вдов привезли также с собой значительные запасы чая и сахара... Сестры и вдовы начали поить им усердно больных.

Прошло слишком 30 лет с тех пор, когда я в первый раз ознакомился с полевой хирургией на небольшом театре войны, и почти 25 лет с того времени, когда я действовал на обширном поприще полевой хирургии. Оба раза я руководствовался не столько великими трудами светил науки, сколько собственным наблюдением и опытом, приобретенным мною в госпитальной, военной и гражданской практике. Основы моей полевой хирургической деятельности я сообщил только спустя 10 лет после достопамятной Крымской кампании. С

тех пор шесть войн нарушали мир различных государств в Европе и Америке. Следя за ходом событий, я всякий раз мысленно убеждался в истине тех начал, которые исповедую, а в предпоследней из этих шести войн - Франко-германской 70-71 годов - я при посещении моем госпиталей в Германии и на театре войны, в Эльзасе и Лотарингии, наглядно убедился в том же самом. (Объезжавший тогда же театр франко-прусской войны Н. В. Склифосовский видел широкое применение в германской армии госпитальных палаток русского образца, предложенных и горячо рекомендованных еще в Крымскую войну Н. И. Пироговым. Об этих палатках Склифосовский много писал впоследствии, выражая сожаление, что на родине великого хирурга палатки не получили такого же распространения.).

Наконец, в минувшую нашу Восточную войну 77-78 годов, более чем все другие сходную с Крымскою 1854 года, я имел случай еще более глубоко увериться в прочности основных начал моей полевой хирургии.

VI. ИЗ ПИСЬМА К И. В. БЕРТЕНСОНУ

(Печатается по тексту Сочинений (т. I.).

Вишня 27 декабря 1880 г.

...Между тем настал 1853 год, потом война перенеслась с Дуная под Севастополь; я предложил себя к услугам при осаде и получил не без труда разрешение отправиться в Крым [...].

Имея 6 месяцев, с октября по июнь, в заведывании моем перевязочный пункт в Дворянском собрании, госпитальные бараки на Северной стороне и госпитали в Николаевской батарее и в 5 частных домах Севастополя, я устал до крайности, а главное, до глубины души расстроенный госпитальною тогда неурядицею и самыми вопиющими злоупотреблениями администрации, я возвратился в Петербург, полагая чем-нибудь способствовать перемене военно-врачебного дела в Севастополе к лучшему. Я успел только выхлопотать для себя новую командировку в Севастополь с вновь набранными мною врачами, в числе которых был и С. П. Боткин, рекомендованный мне его товарищем по университету Беккерсом и только что окончивший курс.

Мы приехали уже после падения Южной стороны Севастополя, расположились на Северной стороне, застав там еще несколько тысяч раненых и больных, которых перевязали и отправили в Симферополь; здесь я получил в заведывание вновь выстроенные бараки; врачи, состоявшие при мне, и сестры были распределены по палатам, и между ними С. П. Боткину я предоставил тифозное отделение. Пробыв в Симферополе от октября до декабря 1855 г., я отправился в путь и осмотрел до 70 госпиталей Перекопа, Херсона, Екатеринослава, Харькова и пр., переполненных дизентеричными, тифозными, ранеными и множеством больных, отморозивших себе ноги во время транспортов в открытых санях при 20° мороза. Тяжелое, страшное то было время, его нельзя забыть до конца жизни...

СОКРАЩЕНИЯ

АМУ - Архив Московского университета.

АН СССР - Академия Наук СССР.

Биогр. слов. - Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета за истекающее столетие со дня учреждения января 12-го 1755 г. по день столетнего юбилея января 12-го 1855 г. Т. I и II. М" 1855.

ВВД- Н. И. Пирогов. Военно-врачебное дело . . . СПб. 1879.

В. Е.- журнал "Вестник Европы".

Вестник - Вестник Общества попечения о раненых и больных воинах.

ВМА - Военно-медицинская академия (ныне ВМА имени С. М. Кирова).

ВМЖ - Военно-медицинский журнал.

ВММ - Военно-медицинский музей в Ленинграде.

ВСХГ - 2-й Военно-сухопутный госпиталь в Петербурге, где была клиника

Пирогова как профессора ВМА.

ГВМУ - Главное Военно-медицинское управление Советской Армии.

Дем. нагр.- " Присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград" I-XXXIV, СПб.

1831-1865.

Зап. вр. н. - Записки по части врачебных наук.

МОМУ - Медиц. отделение Моск. университета.

М. сб.- журнал "Морской сборник".

МУ - Московский университет.

МХА - Медико-хирургическая академия в Петербурге (позднее ВМА)

Начала - Н. И. Пирогов. Начала общей военно-полевой хирургии.

Общество - Общество попечения о раненых и больных воинах (Красный Крест).

Община-Крестовоздвиженская община сестер милосердия - русская, первая в мире, организация женской помощи воинам на фронте.

От. зап. - литературно-художественный журнал "Отечественные записки".

Прот.- Протоколы и труды РХО Пирогова.

Р. арх.- журнал "Русский архив".

Р. вр.- журнал "Русский врач".

Р. ст.- журнал - "Русская старина".

РХОП-Русское хирургическое общество Пирогова, основанное в его память, существующее поныне.

Р. шк.- журнал "Русская школа".